

1214
207

Б
891-79
А.-87.
Центральная библиотека
Историко-литературный отдел

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ИСКУССТВА

XVI (XVII)

НИЛЪ СОРСКІЙ и ВАССИАНЪ ПАТРИКЪЕВЪ

ИХЪ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРУДЫ И ИДЕИ

ВЪ

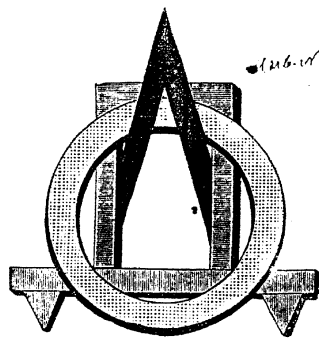
ДРЕВНЕЙ РУСИ

VI, 1, 22
15

781-24
3578

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОЦЕРКЪ

А. С. АРХАНГЕЛЬСКАГО

изд. 3578
II

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ:

ПРЕПОДОВНЫЙ НИЛЪ СОРСКІЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типография И. Воиноваго, Инженерный пр., № 35

1882

2005347637

| Литературные труды пр. Нила Сорскаго и кн.-ин. Вассіана Патрикѣева, при всемъ ихъ небольшомъ объемѣ, по своему направленію и лежащимъ въ основѣ ихъ идеямъ являются весьма замѣчательными. Они представляютъ весьма интересный эпизодъ въ общемъ ходѣ умственно-религіозной идеи древней Руси. Литературнымъ путемъ здѣсь впервые высказывались идеалы, которые сильно противорѣчили господствовавшему направленію религіозныхъ понятій и которые потомъ, позднѣе, имѣли извѣстный кругъ послѣдователей. Среди общаго хаотическаго броженія, которое происходило за это время въ умственно-религіозной сферѣ русскаго общества, — по крайней мѣрѣ его лучшихъ, «книжныхъ» представителей, — направленіе идей Нила Сорскаго и его ревностнаго «ученика» является наиболѣе симпатичнымъ. | Въ своей основѣ, ихъ идеи стремились къ тому, чтобы дать религіозной жизни современнаго русскаго человѣка болѣе духовное, внутреннее содержаніе, идеальныя требованія религіи провести хоть отчасти и въ жизненную практику и нѣкоторые особенно выдающіеся церковно-общественные вопросы рѣшить иначе, чѣмъ какъ они рѣшались до

этого времени. Сочиненія Вассіана Патрикѣва имѣютъ прямо такое общественное направленіе; сочиненія его учителя Нила Сорскаго являются больше съ характеромъ абстрактнымъ, аскетическо-созерцательнымъ. Но тѣ и другія неразрывно связаны между собою и представляли въ сущности одинаково важное общественное значеніе. Идеи Нила Сорскаго подготовили почву для литературной дѣятельности Вассіана Патрикѣва и для идей послѣдующихъ представителей этого направленія. Не надо забывать, что Ниль Сорскій умеръ за десять лѣтъ до прихода въ Россію Максима Грека: по направленію своихъ идей, онъ былъ непосредственнымъ его предшественникомъ. Онъ былъ родоначальникомъ той партіи, которая тянется въ нашей литературной исторіи до самаго конца XVI стол. и которая была такъ враждебна къ «презлымъ осифлянамъ». Но и независимо отъ этого, сочиненія «великаго старца Нила» и сами по себѣ представляли весьма важный умственный фактъ древней Руси. При всемъ своемъ исключительно монашескомъ содержаніи, они должны были интересоваться и интересовали далеко не однихъ монаховъ: они были предметомъ чтенія всего круга тогдашнихъ грамотныхъ людей, и не могли не производить на нихъ извѣстнаго образовательнаго вліянія, тѣмъ болѣе, что эти идеи бросали передъ ними свѣтъ и на нѣкоторыя общественныя явленія. Для своего времени они были сочиненіями литературными и ими интересовалось все книжное, читающее общество. Мы не должны забывать, что это общество кругомъ своихъ высшихъ стремленій жило

исключительно въ религіозно-монашеской сферѣ. Въ обществѣ не существовало никакихъ другихъ идеаловъ, кромѣ идеаловъ монашескихъ: это обуславливалось самой степенью его интеллектуальнаго роста. Въ силу этого, каждый духовный писатель—будь это византійскій аскетъ—являлся человѣкомъ весьма близкимъ всему кругу мыслившихъ людей: онъ трактовалъ именно о тѣхъ предметахъ, о тѣхъ самыхъ вопросахъ, которыми больше всего интересовалось и общество. Духовное, религіозно-нравственное развитіе было единственнымъ способомъ общаго умственнаго развитія; въ силу этого, самыя крайнія аскетическія сочиненія, какъ представлявшія болѣе высшій идеаль, могли имѣть для грубаго общества важное образовательное значеніе. Съ этой точки зрѣнія они пріобрѣтаютъ въ глазахъ историка извѣстную реальную цѣну. Чѣмъ выше, чѣмъ шире былъ взглядъ того или другаго писателя, даже аскетическаго, — сочиненія его, его идеи — вслѣдствіе господствующихъ въ обществѣ монастырскихъ идеаловъ — имѣли на развитіе его читателей тѣмъ болѣе благотворное, болѣе широкое вліяніе, и тѣмъ съ большимъ уваженіемъ долженъ помянуть о такомъ писателѣ историкъ литературы.

Такое же образовательное значеніе, и притомъ довольно глубокое, должны были имѣть и идеи Нила Сорскаго на своихъ читателей. Самой абстрактностью своею, элементомъ созерцательности, контрастомъ ея съ господствовавшими формализмомъ и обрядностью — онѣ будили мысль читателя, давали ей болѣе свободное развитіе, болѣе духовное, болѣе широкое содержаніе.

Не говоря о Вассіанѣ Патрикѣевѣ, — Матвѣи Башкинѣ, игуменѣ Артемѣи, Ѳеодосіи Косой, кн. Андрей Курбскій — показываю ъ, что идеи Нила Сорскаго, какъ общая основа воззрѣній, далеко не пропали даромъ въ извѣстной части русскаго общества. Правда, здѣсь онѣ являются съ несравненно болѣе широкимъ общественнымъ содержаніемъ; но Нилъ Сорскій уже и самъ поставилъ ихъ на эту общественную почву, выдвинувши на очередь одинъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ тогдашней церковно-общественной жизни.

Вотъ почему на нравственно-аскетическія сочиненія Нила Сорскаго мы имѣемъ право и даже должны смотрѣть какъ на произведенія въ извѣстномъ смыслѣ литературныя, которыя въ общемъ ходѣ идей древней Руси имѣли весьма опредѣленное образовательное и общественное значеніе.

Предметъ предлагаемаго очерка — литературныя труды Нила Сорскаго и его ближайшаго ученика Вассіана Патрикѣева. Первая часть посвящается трудамъ Нила Сорскаго.

Первыя извѣстія о пр. Нилѣ Сорскомъ, какъ писателѣ, были сообщены преосв. Амвросіемъ въ Ист. Рос. Іерархіи (т. V, Москва, 1813). Отмѣчая время жизни пр. Нила, авторъ упоминаетъ о его путешествіи на востокъ, объ основаніи имъ, по возвращеніи, скита; называетъ Нила «начальникомъ скитскаго монашескаго житія въ Россіи» и указываетъ на

его монастырскій уставъ, написанный имъ для этого житія ¹⁾).

При всей своей краткости, свѣдѣнія эти долго оставались единственными. Нѣсколько позднѣе они дословно повторяются въ «Словарѣ историческомъ о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина» ²⁾ и въ «Словарѣ Историческомъ о святыхъ прославленныхъ въ Россійской Церкви» ³⁾).

Строевъ въ своемъ «Хронологическомъ указаніи матеріаловъ» сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе о нашемъ писателѣ: «Нилъ Майковъ († 1508) написалъ «преданіе ученикамъ своимъ» (первый въ Россіи скитскій уставъ) и три посланія сего же содержания» ⁴⁾).

Нѣсколько обстоятельныхъ замѣчаній о Нилѣ Сорскомъ сдѣлано было въ «Исторіи Русской Церкви» преосв. Филарета (ч. III, Москва, 1845 ⁵⁾). Авторъ между прочимъ впервые указываетъ здѣсь на то различіе, которое лежало въ направленіяхъ Нила Сорскаго и его современника, Іосифа Волоцкаго.

¹⁾ Т. V, стр. 210—213. Здѣсь же въ первый разъ были напечатаны главныя сочиненія Нила Сорскаго (Преданіе ученикомъ, Монастырскій уставъ въ 11 главахъ и Завѣщаніе), стр. 315—336, хотя чрезвычайно неисправно.

²⁾ Т. II, Спб., 1827, стр. 140 (изд. 2-е).

³⁾ Стр. 213—214. Спб., 1836.

⁴⁾ «Хронологическое указаніе матеріаловъ отечественной исторіи, литературы, правовѣдѣнія до начала XVIII столѣтія». Журналъ Мин. Нар. Просв., 1834, т. I, отд. II, стр. 165.

⁵⁾ Стр. 134, 227—229. То же самое безъ всякаго измѣненія было повторено и въ послѣднемъ изданіи. М., 1857, ч. III, стр. 96—97, 161—162.

Сочиненія Нила Сорскаго, изданныя въ «Ист. Рос. Иерархii», въ 1849 году были переизданы Козельской Оптиной Пустынью ⁶⁾. Изданіе это до сихъ поръ остается лучшимъ, хотя и было сдѣлано позднѣ нѣсколько другихъ ⁷⁾. Нѣкоторое значеніе имѣеть и находящееся здѣсь: «Краткое историческое свѣдѣніе о пр. Нилѣ Сорскомъ» (стр. I—V).

Шевыревъ въ своей «Поѣздкѣ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь» (ч. II, М. 1850) сдѣлалъ подробный сводъ всего того, что было извѣстно до того времени о нашемъ писателѣ, присоединивши и нѣсколько новыхъ указаній; впрочемъ, главный предметъ рѣчи— Нилосорская обитель и ея теперешнее состояніе ⁸⁾.

Въ слѣдующемъ году въ «Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцевъ» А. В. Горскій напечаталъ весьма интересный, неизвѣстный дотолѣ памятникъ XVI вѣка, такъ наз. «Письмо о нелюбкахъ»: какъ въ самомъ памятникѣ, такъ и въ присоединенныхъ къ нему издателемъ примѣчаніяхъ представлены очень важныя историческія свѣдѣнія и соображенія о нашемъ писателѣ. Статья до сихъ поръ сохраняетъ все свое научное значеніе ⁹⁾.

Въ V томѣ своей «Исторіи Россіи» (М., 1855) Со-

⁶⁾ «Преп. Нила Сорскаго преданіе ученикомъ своимъ о жительствѣ святскомъ». Москва, 1849. 8°.

⁷⁾ Намъ извѣстны слѣдующія изданія: Спб., 1852; Спб., 1859; болѣе раннія: М., 1813 (отдѣльные оттиски изъ Ист. Рос. Иер.); М., 1820. 16° (перепечатка предыдущаго).

⁸⁾ Ч. II, стр. 92—102.

⁹⁾ «Отношенія иноковъ Кириллова-Бѣлозерскаго и Юсифова-Волоколамскаго монастыря въ XVI вѣкѣ» (т. X, 1851).

ловьевъ говоритъ мимоходомъ и о Нилѣ Сорскомъ. Сообщивши краткія біографическія свѣдѣнія, историкъ дѣлаетъ небольшія выдержки изъ его сочиненій, «чтобы показать направленіе этого писателя». Затѣмъ упоминаетъ о спорѣ Нила съ Іосифомъ Волоцкимъ по вопросу о монастырскихъ имѣніяхъ и отмѣчаетъ вліяніе перваго въ этомъ вопросѣ на Вассіана Патрикѣева ¹⁰⁾).

Въ 1857 году въ Ученыхъ Запискахъ II отд. Акад. Наукъ напечатанъ былъ первый томъ «Обзора Русской Духовной Литературы» преосв. Филарета; одинъ изъ параграфовъ «Обзора» посвященъ былъ и нашему писателю. Здѣсь впервые сдѣлано было обстоятельное, вполне научное обзорѣніе сочиненій Нила Сорскаго, съ указаніями на рукописи и съ небольшими выдержками изъ его «Посланій», остававшихся еще ненапечатанными. Къ извѣстнымъ дотолѣ тремъ посланіямъ присоединено было четвертое, писанное (по заявленному въ «Обзорѣ» мнѣнію преосв. Филарета) къ Кассіану князю Мавнукскому († 1504). Статья эта до сихъ поръ остается самой важной во всей литературѣ о нашемъ писателѣ, хотя нѣкоторыя мнѣнія, высказанныя въ ней, оказываются теперь не совсѣмъ вѣрными.

Въ «Житіяхъ Святыхъ» Муравьева (Спб., 1858) представленъ былъ небольшой, но довольно хорошо составленный сводъ біографическихъ свѣдѣній о пр. Нилѣ; въ концѣ сказано было нѣсколько словъ о его сочиненіяхъ ¹¹⁾).

¹⁰⁾ Т. V, стр. 268, 458, 483—485. Прим. 446.

¹¹⁾ Житія Святыхъ Россійск. Церкви, Май. Спб., 1858, стр. 149—159.

Въ 1859 году въ «Православномъ Собесѣдникѣ» напечатана была небольшая статья: «Свѣдѣнія о древнихъ переводахъ твореній св. отцевъ на славяно-русскій языкъ», въ концѣ которой,—говоря о славянскихъ переводахъ византійскихъ писателей, перешедшихъ въ русскую письменность въ XIV—XV вв., и объ особенномъ усиленіи за это время у насъ вліянія этихъ переводовъ, — авторъ впервые ставитъ вскользь вопросъ объ отношеніяхъ Нила Сорскаго къ сочиненіямъ византійскихъ писателей ¹²⁾.

Въ IV ч. «Исторіи Русской Словесности» (М., 1860) Шевыревъ посвящаетъ литературной дѣятельности Нила Сорскаго цѣлую лекцію (стр. 177—196). Онъ сообщаетъ о немъ нѣкоторыя новыя біографическія свѣдѣнія, хотя и не указываетъ ихъ источниковъ, подробно излагаетъ содержаніе его устава, говоритъ о направленіи и идеяхъ этого сочиненія. Особая, церковная точка зрѣнія, какъ и во всемъ трудѣ, и здѣсь является господствующею. Подъ конецъ авторъ мимоходомъ касается и вопроса о литературныхъ связяхъ Нила Сорскаго съ византійскими писателями, и дѣлаетъ предположеніе о вліяніи на него сочиненій Нила Синайскаго и Іоанна Кассіана Римлянина.

Въ біографіи пр. Нила, помѣщенной въ «Русскихъ Святыхъ» ¹³⁾, преосв. Филаретъ сдѣлалъ интересныя и важныя добавленія къ указанной своей статьѣ въ «Обзорѣ» (§ 116).

¹²⁾ Прав. Собес., 1859, I.

¹³⁾ Апрель. Черниговъ, 1862, стр. 15—23.

Въ 1864 году четыре извѣстныхъ посланія Нила Сорскаго были напечатаны (впрочемъ, довольно неисправно) въ приложеніяхъ къ книжкѣ: «Пр. Нилъ Сорскій и его уставъ о жительствѣ скитскомъ»¹⁴⁾. Это—единственное пока изданіе мелкихъ сочиненій Нила Сорскаго. За исключеніемъ этихъ «приложеній», все остальное въ книжкѣ не имѣетъ ни малѣйшаго научнаго значенія.

Въ 1869 году вышелъ обширный трудъ проф. Иконникова: «Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи» (Кіевъ, 1869), въ которомъ авторъ не разъ касается и нашего писателя. Говоря о вліяніи Аѳона на Русь въ XIV—XV вв., онъ указываетъ на Нила Сорскаго, какъ на лучшаго представителя этого вліянія. Сообщивши краткія біографическія свѣдѣнія о пр. Нилѣ, онъ излагаетъ его психологическую теорію (собственно первую главу его «устава»), говоритъ о внутреннемъ устройствѣ его скита. Касаясь споровъ о монастырскихъ имуществахъ въ XVI вѣкѣ, авторъ указываетъ на мнѣніе объ этомъ вопросѣ Нила Сорскаго, вызвавшее эти споры, и на столкновеніе его по этому вопросу съ Іосифомъ Волоцкимъ. Главная заслуга разсматриваемаго изслѣдованія, по отношенію къ нашему писателю, состоитъ въ томъ, что въ немъ впервые идеи Нила Сорскаго разсматриваются въ связи съ общимъ состояніемъ религіозной

¹⁴⁾ Пр. Нилъ Сорскій, первооснователь скитскаго житія въ Россіи, и его уставъ о жительствѣ скитскомъ въ переводѣ на русскій языкъ, съ приложеніемъ всѣхъ другихъ писаній его, извлеченныхъ изъ рукописей. Спб., 1864; id. Москва, 1869.

мысли на Руси за это время. Впрочемъ, авторъ имѣеть въ виду больше послѣдователей направленія Нила — Вассіана Патрикѣева, Максима Грека, Башкина, Артемія и др.—чѣмъ его самого ¹⁵⁾.

Преосв. Макарій въ своей «Исторіи Русской Церкви» (т. VI, Спб. 1870; т. VII, Спб. 1874) очень немного удѣляетъ мѣста литературной дѣятельности пр. Нила. Упоминая о немъ мимоходомъ, при изложеніи современныхъ событій (т. VI, стр. 118, 125, 126 и слѣд.), авторъ кратко говоритъ потомъ о содержаніи его устава и посланій (т. VII, стр. 76—79, 262—263), съ большимъ вниманіемъ останавливаясь на его преніяхъ съ Іосифомъ Волоцкимъ о монастырскихъ имуществвахъ (т. VI, стр. 125 и слѣд.). Общая оцѣнка значенія Нила Сорскаго не совсѣмъ вѣрная и довольно узкая.

Нѣсколько весьма важныхъ замѣчаній о Нилѣ Сорскомъ высказано было проф. Павловымъ въ его изслѣдованіи о секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи въ XVI вѣкѣ ¹⁶⁾; по тѣсному отношенію къ этому вопросу нашего писателя, изслѣдованіе это будетъ имѣть для насъ особенно важное значеніе.

Въ 1872 году въ «Чтеніяхъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія» была помѣщена небольшая

¹⁵⁾ «Опытъ изслѣдованія», и пр., стр. 77, 78—80, 435—436, 455.

¹⁶⁾ Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи, ч. I. Попытки къ обращенію въ государственную собственность поземельныхъ владѣній русской церкви въ XVI вѣкѣ (1503 — 1580). Одесса, 1871.

статья П—нова: «Изъ исторіи русскаго монашества», посвященная характеристикѣ Нила Сорскаго. Характеристика, впрочемъ, довольно общая ¹⁷⁾.

Несравненно лучше общее направленіе идей Нила Сорскаго охарактеризовано Костомаровымъ въ его «Русской Исторіи въ жизнеописаніяхъ» (Вып. II, Спб. 1874, стр. 371—376).

Статья г. Правдина: «Пр. Ниль Сорскій и его уставъ скитской жизни» ¹⁸⁾ представляетъ довольно обстоятельный очеркъ жизни Нила; въ связи съ биографическими свѣдѣніями, авторъ дѣлаетъ выдержки изъ его сочиненій, излагая съ особенной подробностью его «уставъ». Но литературная дѣятельность Нила Сорскаго оцѣнивается исключительно съ точки зрѣнія монашеской.

Въ статьѣ г. Панова: «Ересь жидовствующихъ» ¹⁹⁾ сдѣлано нѣсколько интересныхъ замѣтокъ о направленіи идей Нила Сорскаго, хотя находящіяся здѣсь ссылки на нѣкоторыя рукописи довольно голословны.

Весьма обстоятельную характеристику идей Нила Сорскаго представилъ недавно г. Жмакинъ въ своемъ изслѣдованіи: «Митрополитъ Даниилъ и его сочиненія (М., 1881 ²⁰⁾). Авторъ вѣрно указываетъ многія частныя стороны идей Нила Сорскаго, но въ общемъ характеристика не совсѣмъ вѣрна. Авторъ совершенно упускаетъ изъ виду одинъ изъ самыхъ существенныхъ

¹⁷⁾ Чтенія, 1872, IX, стр. 138—149; XI и XII, стр. 349—357.

¹⁸⁾ Христ. Чтеніе, 1877, январь, стр. 114—157.

¹⁹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв., 1877, февр., стр. 277—280.

²⁰⁾ Стр. 25—35.

элементовъ въ воззрѣніяхъ Нила, элементъ созерцательный.

Изложенная литература о нашемъ писателѣ не исключаетъ возможности болѣе спеціальнаго обслѣдованія его литературныхъ трудовъ. Предлагаемый очеркъ (его первая часть) имѣетъ въ виду слѣдующія задачи:

I. Собрать въ рукописяхъ и по другимъ источникамъ весь наличный матеріалъ ²¹⁾ для біографіи Нила Сорскаго.

II. Сдѣлать бібліографическое обслѣдованіе его литературныхъ трудовъ по существующимъ теперь въ бібліотекахъ рукописямъ, представить анализъ самыхъ сочиненій и на основаніи его отмѣтить основныя идеи автора.

III. Коснуться, хоть отчасти, литературныхъ связей Нила Сорскаго съ писателями патристическими;—и

IV. Указать — насколько дозволятъ дошедшіе до насъ памятники и извѣстія — въ какомъ отношеніи стояли идеи Нила Сорскаго къ общему состоянію умственно-религіозной мысли на Руси въ концѣ XV—началѣ XVI вѣка.

²¹⁾ Онъ оказался, къ сожалѣнію, чрезвычайно ничтожнымъ, бѣднымъ.

ДАННЫЯ ДЛѢ БІОГРАФІИ
ПРЕПОДОБНАГО НИЛА СОРСКАГО
(1433 — 1508)

И нача старецъ Нилъ глаголати,
чтобы у монастырей сель не было, а
жили бы черницы по пустынямъ, а
кормили бы ся рукодѣлемъ...

(Изъ «Писъма о нелюбвахъ»).

Біографическій матеріалъ о пр. Нилѣ Сорскомъ чрезвычайно скуденъ. Въ сохранившихся рукописяхъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ ни «житія» его, ни краткой «памяти» о нашемъ преподобномъ. Есть извѣстіе, что въ первое время послѣ его смерти († 1508) существовало какое-то «писаніе о святомъ житіи его»; но въ 7046 (1538) году было разореніе отъ казанскихъ людей: «тогда же и писаніе о святомъ житіи его тамо же згорѣ... и тако писанія не остана о немъ...»¹⁾. Какого рода было это «писаніе» — неизвѣстно. Въ извѣстіи, кромѣ того, замѣчается: «много писанія о святомъ быеть», но до насъ, повторяемъ, изъ всего этого ровно ни-

¹⁾ Рукоп. бывш. библ. Царскаго, XVIII в., № 138, стр. 68.
Некрасовъ: Зарожденіе нац. литер. въ сѣверн. Руси. 1870, стр. 50.

чего не дошло. Дѣйствительно ли житіе пр. Нила сгорѣло, или причина его уничтоженія не была такъ случайна—отвѣчать довольно трудно. Какъ бы то ни было, позднѣе мы не разъ встрѣчаемъ въ рукописяхъ жалобу на отсутствіе всякихъ свѣдѣній о жизни пр. Нила. Авторъ вышеприведенной замѣтки, сказавши объ отсутствіи житія, прибавляетъ: «мы же вкратцѣ написахомъ, яже слышахомъ...» Другой позднѣйшій почитатель пр. Нила, упоминая о его путешествіи на Аѳонъ, объ основаніи скита,—замѣчаетъ: «А иного о житіи преподобнаго отца Нила не обрѣтохъ писаніемъ изложено, но слышахъ отъ здѣ живущихъ отецъ...» ²⁾. Тоже замѣчаетъ и третій писатель ³⁾. Такимъ образомъ о жизни преподобнаго уже очень рано не было никакихъ письменныхъ извѣстій; существовало только преданіе, да и то въ ограниченномъ кругѣ его почитателей. Но подъ конецъ и оно сдѣлалось довольно неяснымъ. Въ одной позднѣйшей рукописи замѣчается, что «приде преподобный отецъ чудотворецъ Нилъ со ученикомъ своимъ Иннокентіемъ отъ Палестинскихъ странъ изъ Афонскія горы при животѣ пр. Кирилла Бѣлозерскаго чудотворца и примъ отъ него благословеніе и пошедъ въ непроходимыя дебри и лѣса и приде на Сору рѣку» ⁴⁾.

Весь дошедшій до насъ налпчный матеріалъ о жизни пр. Нила исчерпывается однимъ или двумя извѣстіями о немъ въ лѣтописяхъ, краткими свѣдѣніями, находящимися въ нѣкоторыхъ современныхъ памятникахъ, и нѣсколькими чрезвычайно краткими замѣтками о немъ (въ родѣ приведенныхъ), сдѣланными въ рукописяхъ его позднѣйшими почитателями. Мы постараемся собрать все эти извѣстія.

²⁾ Рукоп. Имп. Публ. Библ., Ф. I, № 260, л. 56.

³⁾ Кирилло-Бѣлоз. рукоп. С.-Петербур. Дух. Акад., № ⁶¹ 1360, л. 14 об.

⁴⁾ Рукоп. Имп. Публ. Библ., изъ собранія Погодина, Ф. I, № 260, л. 56.

Ничего неизвѣстно о самомъ раннемъ времени жизни пр. Нила, или по крайней мѣрѣ очень мало. Въ одной рукописи мы находимъ такую приписку позднѣйшей рукой: «Глаголють же нѣщии о преподобномъ Нилѣ Сорскомъ: бѣ родомъ отъ великаго града Москвы» ⁵⁾. Это извѣстiе, какъ положительное, сообщаетъ и Шевыревъ, но не указываетъ на источникъ. Родился пр. Нилъ около 1433 года ⁶⁾ и принадлежалъ, судя по его собственнымъ словамъ, къ крестьянскому роду: въ одномъ изъ посланій своихъ онъ самъ называетъ себя крестьяниномъ («поселяниномъ»): «о себѣ же не смѣю творити что, замѣчаетъ онъ, понеже невѣжда и поселянинъ есмь...» ⁷⁾. Какъ назывался онъ въ мiру—неизвѣстно; прозванье его было Майковъ ⁸⁾. Есть позднѣйшее извѣстiе, что въ молодости, до поступления въ монашество, Нилъ занимался списыванiемъ книгъ, былъ «скоронисцемъ»: «глаголють о преподобномъ Нилѣ Сорскомъ—читаемъ въ одной изъ указанныхъ приписокъ—бѣ... скоронисецъ, рекше

⁵⁾ Рукоп. Кирилло-Бѣлоз. мон. библ. С.-Петерб. Дух. Акад., № $\frac{752}{1009}$, л. 1 об.

⁶⁾ Въ рук. Имп. Публ. Библ., Р. I, № 260, л. 56, о Нилѣ Сорскомъ замѣчено: «поживѣ пр. Нилъ всѣхъ лѣтъ живота своего семьдесятъ пять лѣтъ и преставися въ вѣчный покой въ лѣто 7016, мая въ 3 день».

⁷⁾ «Послание» къ брату вопросившу написати ему еже на пользу души», изд. Елагина, 176. Названiе «поселянинъ» въ современныхъ рукописяхъ, XV—XVI в., употребляется обыкновенно въ смыслѣ крестьянинъ,—см. напр. Прав. Соб., III, стр. 215. И во всякомъ случаѣ гласное мнѣнiе, заявляемое часто о принадлежности Нила Сорскаго къ роду боярскому—не находятъ въ дошедшихъ источникахъ подтвержденiя. Слѣдуя Шевыреву (Ист. Р. Сл., IV, 177), мнѣнiе это, какъ вполне положительное, повторяетъ и г. Жмакинъ (Митроп. Даниилъ, стр. 25); но Шевыревъ раньше и самъ былъ другаго мнѣнiя (Поѣздка, II, 95).

⁸⁾ Письмо о нелюбкахъ: «Да тутъ же (на соборѣ 1503 года) былъ старецъ Нилъ по реклу Майковъ».

подъячей, постриженъ во иночество...»⁹⁾. Такъ какъ въ XV—XVI вѣкахъ (не говоря о временахъ болѣе раннихъ) списываніе книгъ входило обыкновенно въ общій кругъ занятій книжныхъ людей, и «списатели» книгъ были часто вмѣстѣ и авторами ихъ¹⁰⁾, то приведенное извѣстіе о занятіяхъ Нила въ молодости списываніемъ книгъ («подъячество», по понятіямъ XVII—XVIII в.) можетъ указывать на его весьма раннее знакомство съ современной письменностью и вмѣстѣ съ этимъ на его столь же раннюю склонность къ книжнымъ занятіямъ.

Болѣе точныя свѣдѣнія о пр. Нилѣ застаютъ его уже инокомъ.

Время жизни Нила Сорскаго было временемъ наиболѣе сильнаго развитія въ русскомъ обществѣ (въ его читающей средѣ) аскетическихъ идеаловъ. Въ продолженіе XIV—XV вв. въ монастыри поступаютъ массами, и ихъ число быстро увеличивается¹¹⁾. Много было причинъ для такого явленія.

Не говоря о личныхъ, индивидуальныхъ стремленіяхъ къ иночеству тѣхъ или другихъ лицъ, въ которыхъ подобныя стремленія могутъ пробуждаться всегда и вездѣ, обуславливаясь индивидуальными свойствами самаго характера, — въ русской жизни XIV—XV вв. были другія, болѣе общія причины сильнаго стремленія къ иночеству. Наиболѣе могущественными изъ нихъ были причины соціальныя. Общие условия жизни были таковы, что для очень многихъ единственнымъ выходомъ изъ нихъ представлялись «мир-

⁹⁾ Рук. Кирилло-Бѣлоз. мон. С.-Петербургск. Духовн. Акад., № $\frac{752}{1009}$, л. 1 об.

¹⁰⁾ Срезневскій: Древнія русскія книги. Спб., 1864. Порфирьевъ: Списываніе книгъ въ древнія времена Россіи. Прав. Соб., 1862, I.

¹¹⁾ «Древнія пустыни и пустынножителі на сѣверо-востокѣ Россіи». Прав. Соб., 1860, III, 202. Преосв. Макарій: Ист. Рус. Церк., IV. стр. 163.

ныя обители» монастырей¹²⁾. Это было время татарских погромовъ и «кровопролитія великаго» княжескихъ междоусобій. Въ періодъ меньшій чѣмъ въ 250 лѣтъ (1228 — 1462), на одну сѣверо-восточную Русь пришлось 90 внутреннихъ и 160 вѣшнихъ войнъ¹³⁾. Вездѣ «сѣялись и росли усобицы и погибала жизнь даже - божья внука въ княжьихъ крамолахъ». При тѣхъ жестокостяхъ, которыми сопровождались эти князьи крамолы¹⁴⁾, единственное, болѣе безопасное убѣжище представляли монастыри. Тягости административныя также нерѣдко многихъ приводили къ вратамъ монастыря¹⁵⁾. Къ тому располагалъ и весь строй, или, вѣрнѣе, все настроеніе соціальной жизни. «Насиліе со стороны сильныхъ, хитрость, коварство со стороны слабыхъ, недовѣрчивость, ослабленіе всѣхъ общественныхъ узъ среди всѣхъ» — вотъ черты, господствовавшія въ общественныхъ отношеніяхъ. Единственнымъ принципомъ жизни былъ инстинктъ самосохраненія; слѣд. нечего говорить о правахъ и обязанностяхъ. «Въ это время имущества гражданъ прятались въ церквахъ и монастыряхъ, какъ мѣстахъ наиболѣе, хотя не всегда безопасныхъ; сокровища нравственныя имѣли нужду также въ безопасныхъ убѣжищахъ — въ пустыняхъ, лѣсахъ, теремахъ»¹⁶⁾.

Соціальныя нестроенія — политическія и административныя — были тѣмъ ощутительнѣе, что съ ними соединялись

¹²⁾ Ист. Госуд. Рос., V, 223—224 (изд. 5).

¹³⁾ Соловьевъ: Ист. Рос., IV, 209—210; 242—244 (изд. 3).

¹⁴⁾ О характерѣ княжескихъ усобицъ см.: Соловьевъ, — IV, 340. Пресов. Макарій, — V, 267—268, 269. Костомаровъ: Историч. Моногр., XII, 351—352.

¹⁵⁾ Костомаровъ: Сѣверн. Народноправства, I, стр. 325. «Древнія. Пустыни», и проч., Прав. Соб., 1860, III. 200—202.

¹⁶⁾ Соловьевъ: Ист. Рос., IV, 339—341. Ср. также отзывы современниковъ-лѣтописцевъ о характерѣ тогдашней общественной жизни ib, IV, 374—375.

бѣдствія физическія. Никогда, кажется, русское население не страдало отъ послѣднихъ въ такой степени, какъ въ XV вѣкѣ: теперь они буквально дѣлаются непрерывными. Вотъ факты лѣтописей. Въ 1402 году—моръ въ Смоленскѣ; въ 1403—моръ во Псковѣ; въ 1406—онъ повторяется. Въ слѣдующемъ году «крылатый червь летѣлъ отъ востока къ западу, поѣлъ деревья и засушилъ ихъ». Въ 1409 году въ однихъ мѣстахъ «множество людей мретъ отъ голоду», въ другихъ свирѣпствуетъ моровое повѣтріе съ кровяной харьотиной. Въ 1414 году—«болѣзнь тяжкая по всей Русской землѣ». Въ 1417 году—моръ въ Новгородѣ, Ладогѣ, Русѣ, Порховѣ, Псковѣ, Торжкѣ, Дмитровѣ, Твери. Въ 1418: «голодь по всей Русской землѣ». Въ 1419—моръ въ Кіевѣ и смежныхъ юго-западныхъ областяхъ. Въ 1420 году—моръ въ Костромѣ, Ярославлѣ, Юрьевѣ, Владимірѣ, Суздальѣ, Переяславлѣ, Галичѣ, Плесѣ, Ростовѣ: «хлѣбъ стоялъ на нивахъ и некому было жать»; къ концу года открылся моръ и голодь въ Новгородѣ и Псковѣ. Въ 1423 году—моръ по всей Русской землѣ. 1425: моръ онустошаетъ Галичъ, Москву и другія области. Въ 1429 году «земля и лѣса горѣли, дымъ стлался по воздуху, съ трудомъ можно было видѣть другъ друга, отъ дыму умирали рыба и птица, рыба послѣ того пахла дымомъ два года»; затѣмъ—«голодь по всей Русской землѣ». 1436: «морозъ побилъ хлѣбъ въ жатвенную пору и была большая дороговизна». 1441: начинается сильный моръ во Псковѣ; 1442: моръ продолжается. 1444: лютая зима и дороговизна. Подъ 1446 годомъ Новгородскій лѣтописецъ замѣчаетъ, что ужъ десять лѣтъ продолжается сильная дороговизна хлѣба; «была сильная скорбь: только и слышно было, что плачь да рыданіе по улицамъ и на торгу, многіе отъ голоду падали мертвые, дѣти передъ родителями, родители передъ дѣтьми; многіе разошлись въ Литву, къ нѣмцамъ, бусурманамъ и жидамъ, изъ хлѣба отдавались въ рабство купцамъ». 1448: моръ на всякій скотъ и на людей;

1465: сильный моръ во Псковѣ; 1466: моръ продолжает-ся ¹⁷⁾). Эти бѣдствія приводили народъ въ уныніе и развивали въ немъ аскетическое настроеніе. Массы бѣжали въ монастыри ¹⁸⁾).

Ко всему этому присоединялось вліяніе литературы. Съ самаго возникновенія ея аскетическія тенденціи были въ ней господствующими. Патерики, житія святыхъ, сказанія о страданіяхъ мучениковъ — съ X—XI вѣка были любимымъ чтеніемъ нашихъ книжныхъ людей, а черезъ нихъ проходили и въ массу народа. Весь литературный матеріалъ, который могъ быть доступенъ русскому читателю XI—XVI вв., развивалъ исключительно монастырскіе идеалы. Вся умственная атмосфера древней Руси, можно сказать, была до того насыщена идеями иночества, что книжный человекъ не могъ не подчиняться ихъ вліянію, онъ невольно свыкался, сроднялся съ ними, и незамѣтно для себя внутренно дѣлался инокомъ; фактъ постриженія послѣ того былъ дѣломъ только внѣшнимъ, формальнымъ. Разказъ о постриженіи князя Андрея Голенина, передаваемый въ одномъ изъ житій Іосифа Волоцкаго ¹⁹⁾, могъ быть отнесенъ къ весьма многимъ его современникамъ, принимавшихъ иночество. Чѣмъ восприимчивѣе, энергичнѣе была индивидуальная натура извѣстнаго лица, тѣмъ быстрѣе и глубже дѣйствовала на нее подобная атмосфера.

Къ концу XV вѣка, подъ вліяніемъ литературы и въ связи съ общими социальными-экономическими условіями жизни, въ обществѣ возникаетъ даже мнѣніе, что въ міру во-

¹⁷⁾ Соловьевъ: Ист. Рос., IV, 245—250; V, 250 (изд. 3).

¹⁸⁾ Аристовъ: Невольное и неохотное постриженіе въ монашество у нашихъ предковъ. «Древн. и Нов. Россія», 1878, VI, стр. 142 (приведено нѣсколько лѣтописныхъ указаній).

¹⁹⁾ Жит. Іос. Вол., напис. неизвѣстнымъ. Изд. Невоструевъ, стр. 51—53.

обще «спастись не мощно»; мнѣніе это проникаетъ въ массу и заставляетъ ее смотрѣть на міръ, какъ на «мятежъ» и «злобу». Мнѣніе это было лишь дальнѣйшимъ развитіемъ сейчасъ указаннаго общаго аскетическаго настроенія, господствовавшаго и въ письменности и въ средѣ книжныхъ людей; но обособившись и укрѣпившись въ сознаніи массы, оно могло производить вліяніе и самостоятельное. Мнѣніе о «мятежѣ и злобѣ міра сего» еще болѣе усиливается распространившимися къ концу XV вѣка толками о близкой кончинѣ міра. Можетъ быть уже здѣсь былъ зародышъ тѣхъ мистико-апокалипсическихъ взглядовъ, которые окончательно формулировались нѣсколько поздиѣе, къ концу XVI—половинѣ XVII вѣка²⁰). Во всякомъ случаѣ, практическіе результаты усилившихся мнѣній могли быть одинаковыми: какъ тамъ люди смотрѣли на міръ какъ на «царство антихриста», такъ здѣсь въ немъ видѣли лишь «мятежъ и злобу»; какъ тамъ «отъ злого антихриста» народныя массы бѣжали въ дебри и лѣса, такъ здѣсь — «дабы мощно было своя душа спасти», — онѣ шли въ монастыри.

На ряду съ указанными причинами, многихъ лучшихъ людей общества могло приводить въ монастыри и еще одно обстоятельство: въ XIV—XV вѣкахъ монастыри были единственными нравственными и умственными центрами страны. Это было время, когда одна церковь удовлетворяла духовнымъ стремленіямъ человѣка, только одна отвѣчала на вопросы ума, на потребности сердца. Монастырь, какъ представитель церкви, былъ единственнымъ центромъ умственныхъ работъ, былъ единственнымъ нравственнымъ противодѣйствіемъ нравственнымъ недугамъ господствовавшаго общества. «Туда обращалась душа человѣка, когда животная жизнь оказывалась для нея неудовлетворительною,

²⁰) Шаповъ: Русскій расколъ старообрядства. Казань, 1859, стр. 156—162.

когда она ощущала жажду къ высшимъ потребностямъ, когда она чувствовала въ себѣ голосъ иной природы». Монастыри были единственнымъ мѣстомъ библіотекъ; отсюда исходили, а часто здѣсь и замыкались всѣ знанія, какія существовали тогда на Руси, вся русская образованность того времени. Если въ XIII, XIV и XV вѣкахъ на сѣверо-востокъ Россіи и поддерживается какая-нибудь письменность, она существуетъ лишь въ монастыряхъ. Позднѣе лишь въ монастыряхъ возникли первые зачатки школы ²¹⁾. Только въ монастыряхъ или вблизи нихъ возможно было чтеніе—«испытаніе божественныхъ писаній». Сюда стремились поэтому всѣ, кому дороги были умственные интересы ²²⁾.

Таковы были главнѣйшія причины быстрого развитія монашества за это время ²³⁾. Большая часть массы, стремившейся въ монастыри, мало удовлетворяла потомъ на дѣлѣ строгимъ требованіямъ иночества—она быстро приводитъ его къ паденію; но изъ среды этой же массы выходили и тѣ великіе подвижники, богатыри мысли и духа, длинный рядъ которыхъ тянется черезъ всю нашу древнюю исторію.

Къ числу ихъ принадлежалъ и преподобный Нилъ Сорскій.

²¹⁾ Кобенцель, бывшій въ Москвѣ въ 1570 годахъ, говоритъ: «во всей Московіи нѣтъ школъ и другихъ способовъ къ изученію наукъ, кромѣ того, что учатся въ монастыряхъ». Пыпинъ: Средніе вѣка русской литературы и образованности. «Вѣстн. Евр.», 1876, XI, стр. 326.

²²⁾ «Содѣйствіе русскихъ монастырей просвѣщенію древней Россіи». Прав. Собес., 1858, I.—Костомаровъ,—рецензія на книгу г. Хруцова: Исслѣдованіе о соч. Іос. Санина—«Вѣстн. Евр.», 1868, II, кн. IV, 960—967.

²³⁾ О болѣе частныхъ поводахъ см. у Аристова: «Невольное и неохотное постриженіе въ монашество у нашихъ предковъ (до нач. XVII в.)». «Древн. и Нов. Рос.», 1878, V—VIII.—Мы не упоминаемъ также и о тѣхъ массахъ, которыя шли въ монастыри «покоя ради тѣлеснаго, чтобы всегда бражничать». Стоглавъ, гл. V, вопр. 8.

Кромѣ самаго факта, мы ничего не знаемъ о поступленіи Нила въ монашество. Причины его поступленія были, вѣроятно, тѣ же, которыя приводили сюда и многихъ изъ его современниковъ: общее вліяніе аскетической атмосферы, индивидуальныя свойства самой природы, склонной къ уединенію и созерцательности, и любовь къ чтенію. Мы замѣчали уже, что преданіе о занятіяхъ его въ молодости списываніемъ книгъ указываетъ на очень раннее знакомство его съ современной литературой; чтеніе не могло не производить своей доли вліянія. Съ другой стороны, по самой личной природѣ своей, онъ, повидимому, болѣе всего склоненъ былъ къ уединенію, къ сосредоточенію въ самомъ себѣ, къ жизни созерцательной; онъ самъ указываетъ на это свойство своего характера: «самъ вѣси—пишетъ онъ къ старцу Герману—яко соплетеній мірскихъ удаляюся...»; по возвращеніи съ востока (о чемъ — ниже) онъ поселяется въ уединенномъ, пустынномъ мѣстѣ, которое прельщаетъ его—«занеже мірской чади маловходно...» Наконецъ любовь къ чтенію, чему такъ много было средствъ въ монастырскомъ уединеніи, желаніе посвятить всего себя въ монастырѣ изученію писаній—также въ извѣстной степени могло вліять на его рѣшеніе: книжныя занятія были послѣ, въ монашествѣ, его главными занятіями.

Въ монашество онъ поступилъ, кажется, очень рано; въ одномъ изъ своихъ посланій онъ пишетъ (князю Мавнукскому, Кассіану): «Ты же, о христіолюбче, начальную твою вѣру поминай... первыя ревности начало пути и теплыхъ и горячихъ помыслъ твоихъ, съ ними же пришелъ еси къ моей худости, въ ненаселенную пустыню, единому стражующу, работая Богу моему отъ юности моя...»²⁴⁾.

Постригся пр. Нилъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ: «Слышахъ отъ здѣ живущихъ отецъ—читаемъ въ одной

²⁴⁾ «Посланіе во отоцѣхъ къ скорбящему брату»,—стр. 194.

биографической замѣткѣ о немъ—яко постриженіе бѣше пр. Нилъ Кирилова монастыря...»²⁵). Поступленіе его въ этотъ монастырь отчасти уже напередъ предопредѣляло его будущее направленіе.

Кирилло-Бѣлозерскій монастырь былъ основанъ пр. Кирилломъ (+ 1427) и славился строгостью жизни своихъ иноковъ. «Бѣ же той монастырь не словомъ общій, но дѣлы»,— замѣчается о немъ въ одномъ изъ «житій» Іосифа Волоцкаго. При посѣщеніи этого монастыря (сообщается далѣе въ «житіи»), пр. Іосифъ особенно дивился его святой богоугодной жизни: «зря сіе чудное житіе игумень Іосифъ св. чудотворца Кирилла строенію дивляся ублажала...»²⁶). Весь уставъ монастыря Кирилло-Бѣлозерскаго—разсказывается въ другомъ «житіи» Іосифа—ему «зѣло возлюбися», и онъ съ особеннымъ вниманіемъ «испытоваше (изучалъ) вся обычая отца Кирилла, собесѣдуя тамошнимъ древнимъ мужемъ...»²⁷). Іосифъ Волоцкій въ одномъ мѣстѣ и самъ отзывается о строгости иноческой жизни Кириллова монастыря: говоря о прежде-бывшихъ великихъ русскихъ подвижникахъ, онъ замѣчаетъ: «Святаго же Кирилла что имамъ писати и глаголати? Колико о семъ (объ иноческихъ добродѣтеляхъ) попеченіе имяше, свидѣтельствуютъ и нынѣ во обители его хранима преданія ученія его, яко на свѣщницѣ свѣтъ сіяющъ въ нынѣшнія времена»²⁸).

Намъ мало извѣстны подробности этой внутренней жизни монастыря. Уставъ самого основателя, если только уставъ

²⁵) Рукон. Имп. Публ. Библ., Ф. I, № 260, л. 56.

²⁶) Житіе Іос. Вол., напис. Саввою, изд. Невоструева, стр. 17—18.

²⁷) Житіе Іос. Вол., напис. неизвѣстнымъ, изд. Невоструева, стр. 13—14, 17.

²⁸) «Пр. Іосифа Волок. отвѣщаніе любозагорнымъ и сказаніе вкратцѣ о святыхъ отцѣхъ»,—Чтенія Общ. Ист. и Др. Рос., 1847, VII, стр. 4.

этотъ былъ когда-либо написанъ ²⁹⁾, до насъ не дошелъ: вѣроятно, что онъ и существовалъ лишь въ преданіи монастыря, какъ заведенный порядокъ, обычай жизни ³⁰⁾. Во всякомъ случаѣ, дошедшія свѣдѣнія о внутренней жизни въ монастырѣ пр. Кирилла и кратки и довольно общи. Въ «житіи» основателя замѣчается: былъ уставъ блаженнаго Кирилла, чтобы въ церкви никто не бесѣдовалъ съ другимъ и не выходилъ изъ церкви раньше конца. Для братіи за трапезой всегда было три сѣбди; самъ же блаженный вкушалъ только отъ двухъ, и то не до сытости, и не пилъ ничего кромѣ воды. Послѣ трапезы всѣ шли по своимъ кельямъ, съ молитвой и благодареніемъ, не вдавались ни въ какіе разговоры, и никто не заходилъ къ другому въ келью, кромѣ великой нужды. Былъ также обычай: если кто приносилъ какому-либо брату письмо или поминокъ, то и письмо не распечатанное и поминокъ относились къ святому. Равно, если кто хотѣлъ послать куда посланіе — не смѣлъ послать безъ повелѣнія отчаго. Въ монастырѣ и въ кельи не позволялось никому ничего имѣть своего и звать своимъ, а имѣть все общее; серебро же и золото даже не именовалось между братією, а находилось только въ монастырской казнѣ. Оттуда братія имѣла все потребное. Если кто приходилъ къ кому, то ничего не могъ видѣть въ кельи, кромѣ иконъ и книгъ: такъ всѣ были свободны отъ всего. Одно только имѣли попеченіе, чтобы превосходить другъ друга смиреніемъ, любовію и прежде другихъ являться въ церковь. Такъ же и на работы монастырскія, когда случались, выходили съ благословеніемъ. Не было между ними ни празднословія, ни бесѣды мірскихъ, каждый хранилъ молчаніе и любомудріе. Если кто хотѣлъ говорить, говорилъ только отъ писанія, — на пользу братіи, и особенно тѣхъ, которые не знали писа-

²⁹⁾ Ист. Рос. Іер., IV, 386—387.

³⁰⁾ Преосв. Макарій: Ист. Рус. Ц., IV, 217; прим. 299.

пія³¹⁾. Изъ этого можно видѣть, что главными чертами внутренней жизни Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря были общая строгость дисциплины и полная нестяжательность.

Пр. Кириллъ не разъ отказывался отъ сель, которыя предлагались его монастырю христолюбцами³²⁾; тѣ же взгляды на землевладѣльческіе права монастырей были усвоены и многими его учениками и долго хранились ими и послѣ его смерти. Отраженіемъ этихъ мнѣній, господствовавшихъ въ монастырѣ, служитъ біографія пр. Кирилла, написанная Пахоміемъ Логофетомъ; она «даетъ любопытное указаніе, что не одни бѣлозерскіе пустынники, но и часть братіи богатаго общежительнаго монастыря, какимъ былъ Кирилловъ во второй половинѣ XV в., была противъ монастырскаго землевладѣнія, и въ этомъ смыслѣ направляла перо біографа»^{32а)}. Такимъ образомъ, живя въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, Нилъ Сорскій уже при самомъ началѣ своей монастырской жизни могъ приобрести зародыши тѣхъ взглядовъ, которые онъ потомъ такъ смѣло заявилъ на соборѣ 1503 года.

Насколько внутренней строй жизни Кириллова монастыря былъ отличенъ отъ жизни другихъ современныхъ русскихъ монастырей, — лучше всего видно изъ той упорной борьбы, которую очень скоро пришлось вести строгимъ хранителямъ преданій пр. Кирилла съ нѣкоторыми изъ ближайшихъ его преемниковъ по игуменству, которые или приходили «изъ иного монастыря», или «долгое время жили въ иныхъ монастыряхъ». О борьбѣ этой говорить Іосифъ Волоцкій, и мы приведемъ его разсказъ. Это дастъ намъ интересную черту для воспроизведенія внутренняго быта Кирилловскаго монастыря за то время, когда жилъ здѣсь молодой инокъ Нилъ, или по крайней мѣрѣ—за время, весьма близкое къ тому.

³¹⁾ Преосв. Макарій: И. Р. Ц., IV, 216—217; ср. ib. 356—360.

³²⁾ Проф. Павловъ: Историч. очеркъ секуляр., I, стр. 10.)

^{32а)} Проф. Ключевскій: Древнерус. житія святыхъ, и проч., М. 1871, стр. 160.

«По скончаніи блаженнаго Кирилла и ученикъ его, Иннокентія и Христофора³³⁾ — рассказываетъ Юсифъ — бысть во обители его настоятель въ наша лѣта отъ инаго монастыря, иже нѣкая преданія и законы св. Кирилла не хранише и въ небреженіе положаше. Бяше же въ то время въ Кирилловѣ монастырѣ старецъ святъ, именовъ Досифей, нарицаемъ Невѣдомицынъ, со иными тогда сущими старцы, любящими св. Кирилла преданія... (Они) никакожь молчаху, но возбраняху и супротивная глаголаху. Блаженный же Досифей только пострада отъ настоятеля, яко же ему и раны пріяти отъ него не единою, но многаци. Нѣбогда бо ему глаголющу къ настоятелю, яко да не развращаетъ преданія св. Кирилла, онъ же низложивъ того съ транезнаго мосту, иже наде на землю и бысть яко мертвъ; егда же убо оздравѣ, тогда глаголаше къ настоятелю, яко аще восхощеша мя и смерти предати, азъ не престану глаголати о сихъ къ тебѣ. По отшествіи же онаго настоятеля избраша себѣ на игуменство такожде отъ инаго монастыря; онъ же подобная прежнему творяше, нѣкоторая преданія св. Кирилла въ небреженіе положаше... Старцы, иже въ то время бѣяху... тако же возбраняху и супротивная глаголаху ему. Онъ же множицею съ яростію устремляшеся на нихъ и хотяше железомъ бити ихъ, овогда же и бѣяше; они же не повинующеся, но возбраняху ему отъ безчиннаго обычая... Потомъ же въ лѣта Геронтія митрополита³⁴⁾ избраша себѣ игумена, иже бысть постриженникъ Кириллова монастыря, многа же лѣта поживѣ во нихъ

³³⁾ Пр. Кириллъ ум. въ 1427 году; Иннокентій былъ первымъ игуменомъ послѣ него, въ 1428 году, въ продолженіи 5 мѣс. Христофоръ игуменствовалъ съ 1428 по 1433. См. Строевъ: «Списки Іерарховъ и Настоятелей», стр. 55.

³⁴⁾ Геронтій былъ митрополитомъ съ 1473 по 1489 годъ.

монастырѣхъ, иже и той такожде начатъ многая развращати св. Кирилла преданія; сущи же въ то время старцы о семъ оскорбишася, и на соборѣ и на единѣ глаголаху ему о семъ; онъ же небрежаше сихъ глаголы. Тогда старѣйшии и большіи старцы вси отбѣгоша отъ монастыря, не терпяще зрѣти св. Кирилла преданія попираема и отметаема, дондеже слышавъ князь отгнати того повелѣ отъ Кириллова монастыря, и паки старцы они вси собращася въ монастырь св. Кирилла»³⁵).

Можетъ быть, однимъ изъ этихъ старцевъ, «преданія пр. Кирилла теплѣ хранившихъ», былъ и знаменитый старецъ Паисій Ярославовъ, ученикомъ котораго современники называютъ Нила Сорскаго и который около этого времени (половины XV вѣка) вѣроятно жилъ также въ Кирилловомъ монастырѣ³⁶). О Паисіи Ярославовѣ до насъ дошли свѣдѣнія чрезвычайно отрывочныя. Предполагаютъ, что около половины XV вѣка онъ былъ, какъ мы сейчасъ замѣтили, инокомъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря; позднѣе, онъ живетъ нѣкоторое время въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, по желанію князя дѣлается даже игуменомъ этого монастыря, но скоро уходитъ оттуда, «потому что не могъ превратить черныцовъ на путь Божій, на молитву, постъ, воздержаніе, — они хотѣли даже убить его»³⁷). Затѣмъ его видимъ въ Москвѣ: въ 1484 году великій князь совѣтуется съ нимъ о митр. Геронтіи и уговариваетъ его занять мѣсто послѣдняго, но онъ «митрополи не восхотѣ»³⁸). Онъ присутствуетъ на со-

³⁵) «Отвѣщаніе любозагорнымъ», и проч. — Чтенія Общ. Ист. и Др. Рос., 1847, VII, стр. 4—5.

³⁶) Ключевскій. Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, стр. 190.

³⁷) Соловьевъ: V, 264. Соф. Врем., II, 229.

³⁸) Приводимъ нѣсколько строкъ изъ Соф. Временника: «Князь Великій (во время размолвки съ митрополитомъ Геронтіемъ) поча думати съ Паисею, пригоже ли его (митрополита) опять взяти на митрополию,

борахъ въ Москвѣ въ 1490 и 1503 гг. Постояннымъ мѣсто-
жительствомъ его были, кажется, предѣлы ростовской епар-
хіи и больше всего онъ жилъ или въ Кирилло-Бѣлозерскомъ
или въ Спасо-Каменномъ монастырѣ³⁹⁾. О послѣднемъ онъ
написалъ даже историческое «сказаніе»⁴⁰⁾. Паисій Яросла-
вовъ пользовался большимъ уваженіемъ отъ своихъ совре-
менниковъ: на это указываетъ самое предложеніе митропо-
личьей каѳедры. Великій князь «держитъ его въ чести въ
велицѣй», прибѣгаетъ къ его совѣтамъ по церковнымъ дѣ-
ламъ и поручаетъ ему посредничество между собой и митро-
политомъ. Онъ находится въ близкихъ отношеніяхъ съ ве-
ликокняжескимъ семействомъ и дѣлается воспріемникомъ дѣ-
тей великаго князя⁴¹⁾. Полнымъ уваженіемъ онъ пользуется
и въ средѣ представителей современной іерархіи. Въ 1480
году, вмѣстѣ съ митрополитомъ Геронтіемъ и архіепископомъ
Вассіаномъ, Паисій ходатайствуетъ передъ великимъ кня-
земъ за его брата⁴²⁾. Въ 1489 году новгородскій архіепископъ
Геннадій пишетъ ростовскому архіепископу Іоасафу
(въ епархіи котораго находились монастыри Кирилло-Бѣло-
зерскій и Спасо-Каменный): «Да чтобы еси послалъ по Паисея
да по Нила (Сорскаго) да съ ними бы еси о томъ рѣчь
идеть о распространившихся въ народѣ толкахъ о близкой
кончинѣ міра) посоветовалъ... Ты бы съ Паисеемъ да
съ Ниломъ накрѣпко о томъ поговорилъ... Да и о

онъ же сдума. Хотяше бо его самого на митрополию, онъ же не
хотяше: принуди бо его дотолѣ Князь Великій у Троици въ Сергіе-
вомъ монастырѣ игуменомъ быти и не може черньцовъ превратити на
Божій путь, на молитву, и на постъ, и на воздержаніе, и хотѣша его
убити... и остави игуменство, и потому же и митрополии не вос-
хотѣ». — II, 229.

³⁹⁾ Ключевскій: Древнер. житія, 190.

⁴⁰⁾ Оно напечатано въ Прав. Соб., 1861, I, 199—214.

⁴¹⁾ Соф. Времен., II, 202, 205.

⁴²⁾ Ив. II, 206.

томъ ми отпиши мощно ли у мене побывати Паисею да Нилу, о ересѣхъ тѣхъ (о ереси жидовствующихъ) было съ ними поговорити»⁴³).

Ниль Сорскій былъ извѣстенъ современникамъ, какъ ученикъ Паисія Ярославова⁴⁴). Объ этихъ отношеніяхъ, къ сожалѣнію, мы знаемъ очень мало. Но вообще, по взгляду современниковъ, ихъ отношенія были весьма близкія и тѣсныя: на это указываетъ не только приведенное извѣстіе изъ «Письма о нелюбкахъ», но и тотъ фактъ, что въ упоминаемыхъ современниковъ ихъ имена обыкновенно стоятъ вмѣстѣ, рядомъ⁴⁵). Своими высокими нравственными качествами, своими свѣдѣніями, приобрѣтшими ему общее уваженіе, Паисій вѣроятно имѣлъ большое вліяніе на своего «ученика». Самый взглядъ на иночество, предпочтеніе скитскому образу жизни, можетъ быть образовался у Нила Сорскаго подъ вліяніемъ Паисія⁴⁶), еще раньше пребыванія на Аѳонѣ.

Въ рукописи XVI вѣка Имп. Публ. Библ., XVII, № 50, есть «два посланія старца Нила нѣкоего о духовной ползѣ отъ писаній божественныхъ»;

⁴³) Посланіе къ Іоасафу.—Чтенія Общ. Ист. и Др. Рос., 1847, VIII.

⁴⁴) Письмо о нелюбкахъ: «да тутъ же (на соборѣ 1503 года) былъ старецъ Паисій Ярославовъ... и ученикъ его старецъ Ниль, по реклу Майковъ». Приб. къ тв. св. от., X, 504.

⁴⁵) Ср.: вышеупомянутое посланіе Геннадія къ Іоасафу, Письмо о нелюбкахъ, лѣтописное извѣстіе Соф. Врем. (II, 237).

⁴⁶) Первымъ игуменомъ Спасо-Каменнаго монастыря (гдѣ большею частью жилъ Паисій Ярославовъ) былъ «нѣкій старецъ изъ Царьграда, именовъ Діонисій». Онъ пришелъ «отъ св. Горы», на Аѳонѣ же принялъ постриженіе, и когда поставленъ былъ въ игумены Спасо-Каменнаго монастыря, «предаде уставъ св. Горы монастырю». Аѳонскія преданія монастыря и послѣ могли поддерживаться непосредственными сношеніями съ Греціей; такъ, игумень Кассіанъ два раза ѣздилъ въ Константинополь «о церковномъ исправленіи».—Сказаніе извѣстно о Каменномъ монастыри, приснопамятнаго старца Паисея святаго Ярославова». Правосл. Соб., 1861, т. I, 201—202, 210.

если посланія эти принадлежатъ Нилу Сорскому, они не могли быть писаны имъ ни къ кому другому, какъ только къ Паисію Ярославову. Посланія указываютъ на самыя глубокія нравственныя связи писавшаго съ тѣмъ лицомъ, къ которому были писаны. Выдержки изъ посланій мы приведемъ послѣ.

Кромѣ личныхъ бесѣдъ съ Паисіемъ, здѣсь же, въ монастырѣ, Нилъ Сорскій имѣлъ полную возможность продолжать свои прежнія книжныя занятія,—заниматься изученіемъ «писаній», списываніемъ книгъ, чтеніемъ. Библіотека Кириллова монастыря въ древней Руси была одною изъ самыхъ богатыхъ. Основаніе ея было положено еще пр. Кирилломъ. Онъ и самъ много трудился надъ списываніемъ книгъ и ученикамъ своимъ завѣщалъ любовь къ книгамъ. Имѣть въ кельѣ книги — единственная роскошь, которая дозволялась имъ иноку. Въ его монастырѣ до сихъ поръ хранится 17 рукописей его письма⁴⁷⁾. Такъ же дѣятельно занимались списываніемъ книгъ и его ученики: игум. Христофоръ и инокъ Мартиніанъ; первый (по словамъ житія пр. Кирилла) «мнози книги написа обители Пречистыя Богородицы, въ храмъ ея, своею рукою»...⁴⁸⁾. Игуменъ Кассіанъ (съ 1448 по 1469 годъ, потомъ переведенъ былъ въ Спасо-Каменный монастырь^{48a)}) особенно много заботился объ обогащеніи бібліотеки монастыря. При немъ здѣсь происходила, кажется, довольно оживленная литературная дѣятельность; по крайней мѣрѣ по припискамъ, сохранившимся на рукописяхъ Кирилло-Бѣлозерской бібліотеки, можно заключать, что у него работало здѣсь много писцовъ⁴⁹⁾. При Кассіанѣ же здѣсь началъ писать

⁴⁷⁾ Шевыревъ: Поѣздка въ Кирилло-Бѣлоз. монастырь, стр. 149.

⁴⁸⁾ «Содѣйствіе русскихъ монастырей просвѣщенію древней Россіи». Прав. Собѣс., 1858, I, стр. 500.

^{48a)} Строевъ: Списки іерарховъ и настоятелей, стр. 55.

⁴⁹⁾ Некрасовъ: Пахомій Сербъ, писатель XV вѣка (Одесса. 1871), стр. 53.

житіе пр. Кирилла и Пахомій Логофеть ⁵⁰⁾, къ которому съ просьбой «нѣчто о святомъ написать» обращался вмѣстѣ съ другими и Кассіанъ ⁵¹⁾. Пахомій занимался здѣсь и списываніемъ рукописей ⁵²⁾. На сравнительное богатство Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, въ книжномъ отношеніи, можетъ указывать и обращеніе Геннадія къ Іоасафу, ростовскому архіепископу, съ просьбою поискать въ монастырѣ нѣкоторыхъ книгъ, которыхъ онъ не могъ найти въ Новгородѣ ⁵³⁾.

Все изложенное показываетъ, какое важное значеніе имѣло въ жизни Нила Сорскаго его первоначальное пребываніе въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ.

Какъ долго жилъ онъ здѣсь—неизвѣстно; дальнѣйшее извѣстіе о немъ говоритъ уже о его путешествіи на Востокъ.

Сношенія древней Руси съ Востокомъ, въ особенности съ Константинополемъ и Аеономъ, были нерѣдкія. Главнымъ образомъ они обуславливались общими административными отношеніями русской церкви къ константинопольской. Но были связи и болѣе частныя. Въ продолженіе всего древняго періода русской исторіи (X—XV вв.), аеонскіе и константинопольскіе монастыри были предметомъ стремленій русскихъ иноковъ, какъ центры самаго строгаго иночества, а скрывавшіяся за ихъ стѣнами книжныя богатства — обильными источниками русской письменности. Рядъ русскихъ иноковъ, путешествовавшихъ на Востокъ, начинается съ X вѣка; въ XIV — XV вв. хожденія эти становятся довольно частыми. Они входятъ въ обычай, дѣлаются потребностью ⁵⁴⁾.

⁵⁰⁾ Ключевскій: Древнерусскія Житія, и проч. стр. 158—161.

⁵¹⁾ Некрасовъ: Пахомій Сербъ, стр. 54.

⁵²⁾ Иб., стр. 54—55.

⁵³⁾ Посланіе Геннадія къ Іоасафу, — Чтенія Общ. Ист. и Др. Рос., 1847, VIII.

⁵⁴⁾ Епифаній въ своей похвалѣ пр. Сергію Радонежскому замѣчаетъ: ради нужды нѣкія не взыска (преподобн. Сергій) Царствующаго Града, ни св. Горы, ни Іерусалима, яко же азъ окоянный и лишенный разума—

«Правило св. Горы»⁵⁵), принесенное съ Аѳона печерскимъ архимандритомъ Досиѳеемъ (XIII—XIV), можетъ служить литературнымъ памятникомъ этихъ монашескихъ связей: оно показываетъ, какъ сильно интересовались строемъ аѳонскаго монашества русскіе иноки⁵⁶).

Болѣе важными для насъ являются связи книжныя. Аѳонъ и Константинополь, вмѣстѣ съ Болгаріей и Сербіей, были для древне-русской письменности главными книжными источниками. Въ теченіе всего древняго періода нашей литературы отсюда шли къ намъ въ славянскихъ переводахъ библейскія и богослужебныя книги, творенія отцевъ церкви, патерики, житія святыхъ, сборники. Въ XIV—XV вв. вліяніе Аѳона на русскую письменность дѣлается особенно сильнымъ. На Аѳонѣ образовывается въ это время цѣлое общество иноковъ, главное занятіе которыхъ — переводъ отеческихъ твореній на славянскій языкъ: вся эта масса переводовъ быстро дѣлается достояніемъ русской книжности этого времени⁵⁷). Въ аѳонскихъ и константинопольскихъ монастыряхъ русскіе иноки списываютъ книги, дѣлаютъ переводы, сличаютъ славянскій текстъ св. Писанія съ греческимъ по-

о лютѣ мнѣ—ползая сѣмо и овамо и преплавая сюду и овуду и съ мѣста на мѣсто преходя». Приб. къ творен. свв. от., VI, 137.

⁵⁵) «Правило св. Горы, вынесъ архимандритъ печерскій Досиѳей. Какъ есмы изъ св. Горы пришли, и какъ есмы тамо были, и что есмы тамо видѣли и слышали, и чему насъ святїи отцы учили, нашего ради спасенія, — то пакы вепросилъ братъ нашего смѣренія о святогорскомъ житїи, и мы смѣреннїи пишемъ вамъ отчасти святогорское житїе». Опис. рук. гр. Толстова, стр. 590 (Рукоп. XV вѣка).

⁵⁶) Подробнѣе см. Горскій: О сношенїяхъ рус. церкви съ святогорскими бителями. Приб. къ творен. свв. от., VI, 123—168. «Русскіе иноки на горѣ Аѳонской». Христ. Чт., 1853, II, 290—317. Иконониковъ: Опытъ изслѣдованія, и проч., стр. 76—77.

⁵⁷) «Свѣдѣнїя о древнихъ переводахъ твореній отцевъ церкви на славяно-русскій языкъ». Прав. Соб., 1859, III, въ концѣ статьи.

длинникомъ, переводятъ книги богослужебныя, составляютъ сборники⁵⁸⁾. Аѳонскія и константинопольскія библиотеки являлись для русскихъ иноковъ центрами книжной дѣятельности, центрами высшаго духовнаго образованія.

Вполнѣ понятно поэтому путешествіе сюда Нила Сорскаго. О его путешествіи на Востокъ, на Аѳонъ и въ Константинополь упоминаетъ и авторъ «Письма о нелюбкахъ»⁵⁹⁾ и

⁵⁸⁾ Стефанъ Новгородецъ (1350): «Изъ того монастыря (Студійскаго) въ Русь посылали много книгъ: уставъ, тріоди и иныя книги»; въ другомъ мѣстѣ онъ рассказываетъ о своихъ землякахъ-новгородцахъ, пропавшихъ-было безъ вѣсти, но которые «и нынѣ живутъ туто, списаючи въ монастырѣ Студійскомъ отъ книгъ св. писанія, зане бо искусни зѣло книжному списанію». Сахаровъ: Сказ. Рус. Нар., II, 53, 54. Ср. ib., 100. Списываніемъ книгъ и переводами русскіе занимались и въ другихъ константинопольскихъ монастыряхъ,—см. Арх. Леонидъ: Обзорѣніе цареградскихъ памятниковъ, и проч. (М., 1870), стр. 35—36. Въ нашихъ библиотекахъ и теперь хранится нѣсколько рукописей, писанныхъ русскими иноками въ Константинополь или на Аѳонѣ,— см. Востоковъ: Опис. рук. Рум. муз., стр. 516—517; Опис. рук. библ. Троицко-Серг. Лавры, № 746; Некрасовъ: Пахомій Логофеть, стр. 18. Въ 1355 году въ Константинополь митр. Алексѣемъ былъ исправленъ по греческимъ рукописямъ славянскій текстъ Новаго Завета,—Филаретъ: Обзоръ Рус. Дух. Лит., § 70. Къ 1383 году относится списокъ четвероевангелія, отличающийся особенно тщательными исправленіями по греческому тексту,—Горскій и Невоструевъ: Опис. рук. Син. библ., I, стр. XI, 226, 254. Игуменъ Аѳанасій, удалившись на Аѳонъ въ 1392 году, занимается здѣсь переводомъ богослужебныхъ книгъ, списываетъ церковный уставъ, «безъ котораго (замѣчаетъ онъ) церковное исполненіе, въ невѣдѣніи, яко во тмѣ шатается,—Востоковъ: ib., стр. 710—711; Правосл. Соб., 1858, I, стр. 96—97. Ученикъ Аѳанасія составляетъ здѣсь же духовно-нрав. сборникъ,—Востоковъ: Ib., № CCCLX. Съ Аѳона принесъ Савва Вишерскій списокъ славянской Кормчей,—Строевъ и Калайдовичъ: Опис. рук. гр. Толстова, отд. II, № 169. О переводахъ, сдѣланныхъ на Аѳонѣ, см. Иконниковъ: Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи, стр. 60. Объ общемъ влияніи Аѳона, см. Некрасовъ: Пахомій Сербъ, стр. 1—26.

⁵⁹⁾ Письмо о нелюбкахъ: «Сей Нилъ былъ въ святѣй горѣ»,—X, 504.

самъ преподобный ⁶⁰). На Востокъ пр. Нилъ путешествовалъ вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ Иннокентіемъ Охлѣбиннымъ, и пробылъ тамъ довольно долгое время ⁶¹).

Путешествіе на Востокъ имѣло рѣшающее вліяніе на строй мыслей Нила Сорскаго. Отсюда принесъ онъ на Русь образъ скитской жизни, хотя сочувствіе къ нему, можетъ быть, получилъ еще раньше. Здѣсь онъ имѣлъ полную возможность изучить, и въ славянскихъ переводахъ и въ подлинникахъ, тѣхъ патристическихъ писателей, постоянныя ссылки на которыхъ мы находимъ въ его сочиненіяхъ. Творенія Ефрема Сирина, Нила Синайскаго, Іоанна Лѣствичника, Варсаногія, Исаака Сирина, Максима Исповѣдника, Дороея, Симеона Новаго Богослова, Григорія Синаита, Филодея и др. — были самыми распространенными сочиненіями въ греческихъ монастыряхъ, не говоря уже о сочиненіяхъ Василія Великаго и Іоанна Златоустаго... Но особенно сильный слѣдъ въ его идеяхъ оставило его долгое пребываніе на Аѳонѣ: Аѳону Нилъ Сорскій былъ обязанъ больше всего созерцательнымъ направленіемъ своихъ идей.

Созерцательность была издавна главною чертою аѳонскаго иночества. Сочиненія Исаака Сирина, Симеона Новаго Богослова и Григорія Синаита — пользовались здѣсь особенною любовью. Развитіемъ созерцательнаго элемента аѳонскіе монастыри отличались передъ всѣми другими греческими монастырями. Во время пребыванія здѣсь Нила Сорскаго направленіе это было особенно сильно: споръ о «аворскомъ свѣтѣ»

⁶⁰) Въ IX главѣ своего устава, говоря о скитской жизни, онъ представляетъ: «яко же и самовидцы быхомъ во святѣй горѣ Афонской и странахъ Царяграда». Ср. Посланіе къ старцу Герману.

⁶¹) Рукоп. Имп. Публ. Библ., F. I, № 260, л. 56: «Слышахъ отъ здѣлживущихъ отецъ, яко постриженникъ бже пр. Нилъ Кирилова монастыря, отшедъ отсюда сотвори время не мало во святѣй горѣ Афонскѣй и во странахъ Царяграда, яко же и самъ св. Нилъ написалъ въ завѣщаніи и уставѣ своемъ».

окончился полнымъ торжествомъ аѳонскихъ подвижниковъ... Мы остановимся нѣсколько на этомъ эпизодѣ: онъ имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ нашему писателю.

Споръ возникъ такимъ образомъ. Въ 1328 году прибылъ въ Грецію изъ Италіи одинъ монахъ, нѣкто Варлаамъ, бывшій передъ этимъ въ западныхъ монастыряхъ. Сначала онъ былъ истиннымъ приверженцемъ православія и написалъ даже нѣсколько сочиненій противъ папы; но по прибытіи въ Грецію скоро разочаровался, и вѣроятно уже тогда сдѣлался «хитрымъ орудіемъ папскаго властолюбія». Онъ началъ съ того, что сталъ упрекать византійцевъ въ невѣжество, въ отсутствіи у нихъ всякаго образованія; потомъ сталъ говорить, что «латинскіе догматы правильнѣе догматовъ исповѣдуемыхъ восточною церквюю, и что греки должны непременно покориться папѣ». Мысли эти встрѣтили вѣроятно уже подготовленную почву, и онъ «увлекъ за собою не мало людей легковѣрныхъ и слабыхъ». Черезъ десять лѣтъ онъ является на Аѳонъ и находитъ здѣсь, по его мнѣнію, сущую ересь. У аѳонскихъ иноковъ было обыкновеніе, для развитія въ себѣ духа созерцательности — садиться въ уединеніи, въ своей кельѣ, уничтоживъ въ ней, по возможности, свѣтъ, и предаваться самоуглубленію, созерцанію своего собственнаго ума и сердца; они старались какъ можно долѣе оставаться въ такомъ положеніи, «прижавъ бороду къ груди, удерживая по возможности дыханіе и произнося молитву Иисусову». Говорили, что ведущіе такую жизнь во время молитвы «видятъ небесный свѣтъ тѣлесными глазами и чувствуютъ неизреченную радость». По мнѣнію иноковъ, этотъ свѣтъ, являющійся имъ въ кельѣ, есть именно тотъ свѣтъ, который озарилъ Спасителя на Фаворѣ... «Варлааму это показалось достаточнымъ для осуществленія своихъ тайныхъ и хитрыхъ плановъ. Онъ началъ вездѣ разглашать словомъ и письменно, что греческіе монахи прельстились, и обманываютъ себя и другихъ, упрекалъ монаховъ въ низверженія коренныхъ дог-

матовъ церкви, называлъ ихъ открытыми еретиками». Нападкы Варлаама вызвали цѣлую бурю; споръ о саворскомъ свѣтѣ былъ лишь предлогомъ для столкновенія враждебныхъ церквей, греческой и римской. На помощь къ Варлааму присоединился его ученикъ Акиндинъ, противъ нихъ — мнѣніе аѳонскихъ иноковъ стали защищать Григорій Палама и Григорій Синаитъ. Составляется нѣсколько соборовъ: на однихъ проклинаютъ Варлаама и Акиндина, на другихъ подвергаются отлученію ихъ противники. Въ концѣ аѳонскіе иноки восторжествовали, и на соборѣ 1351 года ученіе о саворскомъ свѣтѣ «было защищено и ограждено церковною анаѳемою, поразившею Варлаама и Акиндина и всѣхъ, кто имъ послѣдуетъ и будетъ послѣдовать» ⁶²).

Послѣ торжественнаго подтвержденія соборомъ, созерцательный элементъ аѳонскаго подвижничества развивается еще сильнѣе. Нилъ Сорскій, какъ мы замѣчали, живетъ на Аѳонѣ во время полного господства здѣсь идей Симеона Новаго Богослова и Григорія Синаита, и ихъ вліянію онъ не могъ не поддаться, особенно въ противодѣйствіе тому направленію религіозной мысли, которое онъ видѣлъ у себя дома. Идеи означенныхъ писателей сильно повліяли, какъ увидимъ, на направленіе его собственныхъ мыслей.

«По отшествіи странничества моего — рассказываетъ пр. Нилъ въ одномъ изъ своихъ посланій — пришедъ въ монастырь (Кирилло-Бѣлозерскій), въѣвъ близъ монастыря сотворихъ себѣ келію, и такожде живяхъ, елико по силѣ моеи». Скоро онъ однако совершенно оставляетъ монастырь и поселяется въ уединеніи: «нынѣ же — прибавляетъ онъ тамъ же — вдальѣе отъ монастыря преселихся». Какъ долго жилъ онъ въблизи монастыря по возвращеніи, и что было причиной его окончательнаго удаленія — неизвѣстно. Можетъ быть, оно

⁶²) Архим. Модестъ: Св. Григорій Палама. Кіевъ, 1860.

относится къ тому времени, когда—по словамъ Иосифа Волоцкаго въ вышеприведенномъ разсказѣ—«старѣйшіи и большіи старцы вси отбѣгоша отъ монастыря, нетерпяще зрѣти св. Кирилла преданія попираема и отметаема», и слѣдовательно, могло вызваться различными безпорядками въ самомъ монастырѣ. Если это такъ, то удаленіе Нила въ пустыню относилось къ періоду времени между 1473 и 1489 годами, когда митрополитомъ былъ Геронтій, такъ какъ указанное событіе случилось «въ лѣта митрополита Геронтія». Впрочемъ, удаленіе Нила обусловливалось, кажется, больше всего свойствами его личнаго характера, его личными стремленіями къ жизни уединенной, замкнутой. На это онъ и самъ намекаетъ въ упомянутомъ посланіи: «нынѣ же — пишеть онъ — вдалѣе отъ монастыря преселихся, поспеже благодатію божіею обрѣтохъ мѣсто угодное моему разуму, за неже мірскою чадю мало входно». Уединеніе, замкнутость была главною чертою въ характерѣ Нила Сорскаго. Онъ мало принимаетъ участія въ окружающей его русской жизни, и хотя сознаетъ всѣ ея нестроенія, особенно въ сферѣ иночества, но удерживаетъ себя отъ всякой рѣзкой полемики противъ нихъ. Совѣтуя одному другу какъ можно старательнѣе удалиться «иже мірская мудрствующихъ и упражняющихся въ безсловесная попеченія»,—онъ пишетъ ему: «ты, словѣче Божій, таковымъ не приобщайся, не подобаетъ же на таковыхъ и рѣчи наскакати, ни поношати, ни укорити, но Богови оставляти сія: силенъ бо есть Богъ исправити ихъ!..» Это было основнымъ принципомъ всей его жизни и вполне согласовалось съ его личнымъ характеромъ.

«Дико, пустынно и мрачно—говоритъ современный намъ путешественникъ—то мѣсто, гдѣ Ниломъ былъ основанъ скитъ. Почва ровная, но болотистая; кругомъ лѣсъ, болѣе хвойный, чѣмъ лиственный. Рѣчка Сора, или Сорка, давшая прозвище и угоднику Божію, не вьется, а тянется по этому мѣсту, и похожа болѣе на стоячее болото, нежели на теку-

чую воду. Среди различныхъ угодій, которыми изобильна счастливая природа странъ бѣлозерскихъ, трудно отыскать мѣсто болѣе грустное и уединенное, чѣмъ эта пустыня... Видъ этого мѣста съ перваго разу даетъ понять о томъ, чего искалъ здѣсь святой, и совершенно соотвѣтствуетъ характеру его духовныхъ созерцаній»⁶³).

Первое время пр. Нилъ жилъ въ своемъ уединеніи, повидимому, совершенно одинъ⁶⁴); но очень скоро стали приходять къ нему «многіе благочестивые люди», желая поселиться вблизи него, чтобы пользоваться его духовными совѣтами. «И азъ на мнозѣ отрицахся» — замѣчаетъ онъ; очевидно, преподобный не желалъ полагать основаніе новому монастырю, да къ тому же мало вѣрилъ и въ искренность приходившихъ. Нѣсколько намековъ на это первое время возникновенія скита мы находимъ въ его «Преданіи ученикомъ». Такъ какъ приходившіе — замѣчаетъ онъ здѣсь дальше — продолжали настаивать на своемъ желаніи жить около него⁶⁵), онъ согласился на это, но съ тѣмъ, чтобы они «хранили заповѣди Божія и творили преданія свв. отецъ. Аще ли кто, продолжаетъ онъ, не произволяетъ въ сихъ (не хочетъ исполнять предписаній для иноковъ свв. отецъ), да престанетъ стужати моему окаянству. Азъ отсылаю таковыхъ бездѣльны (такихъ я отсылаю ни съ чѣмъ)... Не прихожю къ нимъ, желая начальствовати, но они, придяще ко мнѣ, нудятъ мя на сіе»... Съ цѣлью познакомиться своихъ первѣхъ сожителей съ этими «заповѣдями Божиими и преданіями свв. отецъ», необходимыми для истин-

⁶³) Шевыревъ: Поѣздка въ Кир. м., II, стр. 103.

⁶⁴) См. вышеприведенныя слова Нила изъ «Посланія во отецѣхъ скорбящему брату».

⁶⁵) «Отвращаеміи же отъ мене не оставляютъ мене почитати, ниже престають служати ми, и сего ради смущенія бывають намъ, — и смотрихъ се, аще есть воля Божія, да иже приндуть къ намъ, — подобаетъ имъ преданія святыхъ имѣти».

ныхъ иноковъ, онъ и написалъ свое «Преданіе ученикомъ», откуда приведены сдѣланныя выдержки.

Такъ возникла Нило-Сорская пустынь.

Здѣсь, среди немногочисленныхъ ⁶⁶⁾ своихъ учениковъ-послѣдователей, «которые были его права», Нилъ Сорскій вполне предался своимъ книжнымъ занятіямъ. «Наипаче испытую божественныя писанія — пишетъ онъ одному изъ друзей, говоря о своей жизни въ уединеніи — прежде заповѣди Господни и толкованія ихъ, и апостольская преданія, также житія и ученія святыхъ отецъ; и тѣмъ внимаю, и яже согласна моему разуму къ благоугожденію Божію и къ ползѣ души преписую себѣ ⁶⁷⁾, и тѣми поучаюся, и въ томъ животь и дыханіе мое имѣю» ⁶⁸⁾. Всѣ дѣйствія и поступки

⁶⁶⁾ Существуетъ отъ 1515 года жалованная грамота в. к. Василя Ивановича въ Нилу пустынь; по этой грамотѣ, въ 1515 году, слѣд. семь лѣтъ спустя по смѣрти Нила, въ пустыни находились: іеромонахъ, диаконъ, и двѣнадцать старцевъ.—Акты Арх. Эксп., I, № 161. Врядъ ли скитъ былъ многочисленъ и при жизни самого Нила.

⁶⁷⁾ До насъ дошло нѣсколько рукописей письма Нила Сорскаго. Въ Сборникѣ Волокол. монастыря, № 637, въ срединѣ рукописи находится такая замѣтка: «въ сей книзѣ доздѣ—переписи старца Нила отшельника сорскія пустыни, яже на Вѣлѣ озерѣ». Подобная же замѣтка находится на другомъ-Волоколамскомъ Сборникѣ, № 310: «въ сей книзѣ доздѣ — перепись старца Нила, сѣрбскія пустыни, яже на Вѣлѣ озерѣ, отшельника». См. Шевыревъ: Ист. Р. Сл., IV; «Опись книгъ Писифо-Волок. мон.», 13. Чтенія Общ. Ист. и Др. Рос., 1847, VI. Въ Кирилло-Бѣлозерскихъ рукописяхъ С.-Петербур. Дух. Акад. находится нѣсколько рукописей, съ обозначеніемъ, что онѣ принадлежатъ «Нилу скиту Сорскія пустыня», напр. рукоп. XV—XVI в., № $\frac{17}{142}$, рукоп. XV—XVI в., № $\frac{13}{138}$, рукоп. XVI в., № $\frac{43}{168}$. На рукоп. Имп. Публ. Библ., изъ собранія Погодина, № 1563, находимъ такую помѣтку: «сію книгу сборникъ въ Нилу пустыни въ храмъ Срѣтенія Господа нашего Исуса Христа и пр. отца Ефрема Сирина написалъ многогрѣшный Герасимъ скудной. Послѣ живота его написати его въ сенаникъ» (л. 16).

⁶⁸⁾ «Посланіе къ брату, просившу написати ему нѣчто на пользу души» (Посланіе къ старцу Герману).

свои онъ старается обосновать на непосредственныхъ указаніяхъ «божественнаго писанія»: «аще лучится что творити ми—пишетъ онъ въ томъ же посланіи—аще не обрящу то во святыхъ писаніяхъ, отлагаю се на время, дондеже обрящу; понеже бо по своей волѣ и по своему разуму не смѣю что творити»...⁶⁹). То же пишетъ онъ къ другому лицу: «О себѣ повѣдаю ти, понеже яже по Бозѣ любовь твоя безумна мя сотворяетъ, еже о себѣ глаголати ми, но якоже речено есть: тайнства моя любящимъ мя открываю, того ради глаголю ти. Азъ убо не творю что безъ свидѣтельства божественныхъ писаній, но по святыхъ писаніяхъ послѣдую, творю елико по силѣ. Егда бо сотворити ми что, испытую прежде божественная писанія, и аще не обрящу согласующа моему разуму въ начинаніе дѣла, отлагаю то дондеже обрящу. Егда же обрящу благодатію Божіею, творю благодарзостно, яко извѣстно. О себѣ же не смѣю творити»...⁷⁰). Такое стремленіе жить по писанію требовало постоянныхъ справокъ съ нимъ, о чемъ говоритъ и самъ преподобный, требовало внимательнаго изученія «писаній», постоянныхъ занятій имъ, постояннаго чтенія.

Нельзя не остановиться нѣсколько на этихъ книжныхъ занятіяхъ Нила Сорскаго. Прежде всего замѣтимъ, что онъ «испытуетъ» писанія не всѣ безъ разбору. Онъ изучаетъ прежде заповѣди Господни (т.-е. евангеліе) и толкованія ихъ, потомъ апостольская преданія, наконецъ житія и ученія свв. отецъ. Самымъ расположеніемъ изучаемаго матеріала онъ указываетъ на принципъ, которымъ руководствуется въ своемъ отношеніи къ нему.

Изученіе «писаній» принимаетъ у него иногда критическое направленіе. Занимаясь, какъ и всѣ современные ему книжные люди, «преписываніемъ» книгъ, онъ подвергаетъ

⁶⁹) Посланіе къ старцу Герману.

⁷⁰) Посланіе къ Гурію Тушину («Посл. иному о пользѣ»).

списываемый материалъ нѣкоторой предварительной критикѣ. Онъ списываетъ «съ разныхъ списковъ тщая обрѣсти правый». Онъ собираетъ списки, сличаетъ ихъ, и находя въ нихъ «многа неисправленна» — исправляетъ «елико возможно его худому разуму»: Въ случаѣ, если иное мѣсто кажется ему «не правымъ», а исправить его ему не по чему, онъ оставляетъ въ рукописи пробѣлы, съ замѣтками на поляхъ: «отъ здѣ въ спискахъ не право», или: «аще гдѣ въ иномъ переводѣ (подлинникѣ) обрящется извѣстнѣйше сего, тамо да чтется», и оставляетъ такъ пустыми иногда цѣлыя страницы. Вообще онъ списываетъ только то, что «по возможному согласно разуму и истиннѣ»⁷¹⁾.

Здѣсь, въ пустыни, написаны были Ниломъ и всѣ его сочиненія, впрочемъ весьма немногочисленныя. Изложенію ихъ мы посвящаемъ слѣдующую главу. Тамъ же скажемъ и о тѣхъ лицахъ, съ которыми переписывался пр. Нилъ, съ которыми находился онъ въ дружескихъ связяхъ и которые составляли небольшой тѣсный кружокъ первыхъ сторонниковъ его идей.

Въ тиши своего пустыннаго уединенія, среди иноческихъ подвиговъ, изученія «писаній», чтенія книгъ и собственныхъ литературныхъ трудовъ — провелъ Нилъ всю свою жизнь. Рѣдко принималъ онъ участіе въ современной ему русской общественной жизни.

Важнѣйшимъ церковнымъ и общественнымъ вопросомъ русскаго конца XV и начала XVI вѣка былъ вопросъ о новгородскихъ «еретикахъ». Конецъ жизни Нила Сорскаго былъ временемъ первой и самой ожесточенной борьбы съ ними новгородскаго архіепископа и волоколамскаго игумена. Какъ относился къ этой борьбѣ Нилъ Сорскій?

⁷¹⁾ Имѣемъ въ виду рукопись 1509 года, Кирилло-Бѣлоз. мон. библ. спб. дух. ак., № $\frac{23}{1262}$, и рукоп. XVI в. библ. Троицко-Сергіевой Лавры, № 684. Подробнѣе — въ слѣдующей главѣ.

Прямыхъ указаній на это мы не находимъ въ дошедшихъ памятникахъ. Не останавливаясь на вопросѣ окончательно, мы сдѣлаемъ здѣсь лишь нѣсколько замѣчаній, предоставляя себѣ вернуться къ нимъ послѣ.

Въ 1489 году Геннадій, запятый борьбой съ ересью и сообщая о ней ростовскому архіепископу Іоасафу, просить его посовѣтоваться съ жившими въ его епархіи Паисіемъ Ярославовымъ и Ниломъ Сорскимъ, по поводу распространившихся въ народѣ толковъ о близкой кончинѣ міра: «да что-бы послалъ еси (приводимъ опять его слова) по Паисея да по Нила, да съ ними бы еси о томъ посовѣтовалъ». «И ты бы о томъ съ Паисіемъ да съ Ниломъ накрѣпко поговорилъ, чтобы и миѣ отписалъ о томъ» — повторяетъ онъ опять нѣсколько ниже. О новгородскихъ еретикахъ Геннадій хочетъ и лично поговорить съ учеными старцами, и съ этой цѣлью приглашаетъ ихъ къ себѣ: «да и о томъ ми отпиши — наказываетъ онъ Іоасафу — мощно ли у мене побывати Паисею да Нилу, о ересѣхъ тѣхъ было съ ними поговорити». Такимъ образомъ, въ совѣтахъ и знаніяхъ знаменитыхъ представителей бѣлозерскихъ старцевъ прежде всего оказалась надобность. Каковы были результаты стараній Геннадія — неизвѣстно; но кажется результаты были не совсѣмъ такіе, какихъ желалось. Во всякомъ случаѣ намъ не можетъ не показаться страннымъ, что послѣ мы не видимъ уже никакихъ сношеній Геннадія ни съ Паисіемъ, ни съ Ниломъ. Онъ не только не приглашаетъ ихъ къ себѣ, но нигдѣ не дѣлаетъ на нихъ и намека. Позднѣе, продолжая борьбу съ еретиками и чувствуя нужду въ помощи, онъ обращается за нею уже къ другому лицу ⁷²⁾. Скоро изъ помощника Іосифъ Волоцкій дѣлается

⁷²⁾ «И възвѣсти архіепископъ (Геннадій) сіе зло (о новгор. еретикахъ) игумену Іосифу и проситъ помощи... И нача отецъ Іосифъ ово наказа-

главнымъ дѣятелемъ борьбы. Но такъ же, какъ и Геннадій (послѣ попытки), онъ не имѣетъ никакихъ сношеній ни съ Паисіемъ, ни съ Ниломъ. Во все продолженіе борьбы они какъ будто остаются совершенно въ сторонѣ и ихъ совершенно игнорируютъ главные борцы. Повторяемъ, это не можетъ не казаться страннымъ. Приведенныя нами первоначальныя порученія къ нимъ Геннадія какъ нельзя лучше показываютъ, что ихъ участіе въ борьбѣ съ еретиками никакъ не могло быть излишнимъ и весьма желалось. Итакъ, на первыхъ порахъ борьбы къ нимъ прежде всего обращаются; затѣмъ—на нихъ нѣтъ и намека. Одно изъ двухъ: или оба старца не хотѣли принимать никакого участія въ борьбѣ и держали себя совершенно въ сторонѣ отъ всего дѣла, или, если принимали—взгляды ихъ и на самую ересь и на способъ борьбы съ нею были нѣсколько иные, чѣмъ какихъ держались главные борцы, почему участіе тѣхъ и другихъ въ ходѣ борьбы и не могло быть совмѣстнымъ, соединеннымъ. Вѣрнѣе, думаемъ, послѣднее.

Нельзя не остановиться на рѣшеніи собора 1490 года. Соборный приговоръ надъ еретиками далъ совсѣмъ не то, чего ждали... На соборѣ присутствовали Паисій и Нилъ (это показываетъ, что они не относились къ дѣлу безусловно), но Іосифа не было: онъ еще не принималъ участія въ борьбѣ. Наканунѣ соборныхъ засѣданій Геннадій писалъ собравшимся въ Москву іерархамъ: «Вамъ, своей братіи пишу... Митрополитъ бы съ вами, съ моею братією, тѣхъ всѣхъ еретиковъ проклялъ, да и тѣхъ, къ кому они приходили въ соглашеніе, или кто по нихъ руку держалъ, или кто о

ніемъ, ово писаніемъ спомогати архіепископу». Житіе Іос. Вол., напше. Саввою,—34. Это было около 1493 года.

нихъ печальникъ, и кто ни буди послѣдовалъ ихъ прелести, — тѣхъ бы всѣхъ отецъ митрополитъ, да и вы, наша братія, проклятыю предали... Да бы о вѣрѣ никакихъ рѣчей съ ними не плодили; токмо того для учинити соборъ, что ихъ казнити — жечи да вѣшати... Да пытали бы на нихъ накрѣпко о томъ, кого они прельстили... Да не плоштитеся: станьте крѣпко»⁷³). И посланіе вполне оказало свое дѣйствіе. Всѣ іерархи «стали крѣпко», и единогласно заявили на соборѣ, что «вся (всѣхъ еретиковъ) сожещи достоинтъ» — читаемъ мы въ случайно сохранившемся извѣстіи о соборѣ»⁷⁴). Но что же въ конечномъ результатѣ? Соборъ проклинаетъ двухъ-трехъ поповъ-еретиковъ, лишаетъ ихъ сана и отсылаетъ обратно къ тому же Геннадію; о тѣхъ, «къ кому они приходили въ соглашеніе или кто по нихъ руку держалъ», или о томъ, что кого либо «сожещи достоинтъ» — ни слова. Какъ произошелъ такой неожиданный поворотъ? Извѣстіе, о которомъ мы упомянули, сообщаетъ такъ: «егда вси (т.-е. присутствовавшіе на соборѣ архіепископы и епископы) рѣша, яко вся (всѣхъ еретиковъ) сожещи достоинтъ, егда же дойде до Зосимы митрополита, той рече: достоинтъ я проклятыю предати и сослати въ Новгородъ на покаяніе подъ стражу, занеже мы отъ Бога не поставлены на смерть осуждати, но грѣшныя обращати къ покаянію». Итакъ, соборный приговоръ былъ мнѣніемъ лишь митрополита. Но неужели онъ одинъ, безъ сторонниковъ, могъ такъ рѣзко воспротивиться требованію всего собора? Не было ли поддержано мнѣніе митрополита и нашими старцами? Вѣдь за чѣмъ-нибудь они являлись же

⁷³) Проф. Павловъ: Памятники древне-русск. канон. права. I. 782—784 (Рус. Ист. Библ., VI).

⁷⁴) Чтенія Общ. Ист. и Др. Рос., 1847. IV, стр. 110 (Татищевская лѣтопись). Ср. у Павлова, I. с. стр. 184. прим.

на соборъ? Приводя указанное извѣстіе татищевской лѣтописи, проф. Павловъ замѣчаетъ: «Отсюда вѣроятно и составилось у современниковъ убѣжденіе въ еретичествѣ самого Зосимы». Къ этому позволимъ себѣ прибавить: не за поддержку ли на соборѣ мнѣнія митрополита Ниломъ Сорскимъ — Іосифъ Волоцкій впоследствии и самого Нила готовъ былъ почти обвинять въ ереси?..

Важнѣйшимъ фактомъ жизни Нила Сорскаго былъ его протестъ противъ землевладѣльческихъ правъ монастырей.

Въ 1503 году въ Москвѣ собрался соборъ для разсмотрѣнія различныхъ церковныхъ вопросовъ. Между другими на соборѣ присутствовали Паисій Ярославовъ, Нилъ Сорскій, Вассіанъ Патрикѣевъ и нѣкоторые бѣлозерскіе старцы. Когда соборъ уже близился къ концу и нѣкоторые члены (въ томъ числѣ Іосифъ Волоцкій) уже разъѣхались, Нилъ Сорскій неожиданно поднялъ вопросъ о монастырскихъ имѣніяхъ. «И нача старецъ Нилъ глаголати — сообщаетъ современникъ — чтобы у монастырей сель не было, а жили бы черницы по пустынямъ, а кормили бы ся рукодѣліемъ. А съ нимъ — пустынники бѣлозерскіе» ⁷⁵⁾).

Поднятый вопросъ былъ чрезвычайно сложенъ.

Къ русскому монашеству, на самыхъ первыхъ порахъ его существованія, былъ присоединенъ элементъ вотчинный. Еще при жизни Θεодосія Печерскаго его монастырь надѣляется территоріальной собственностью, получаетъ села, которыми завѣдуетъ съ помощью различныхъ тиуновъ, приставниковъ и слугъ ⁷⁶⁾. Съ XII вѣка входитъ уже въ общее обыкновеніе, что монастыри владѣютъ землею съ живущими на ней людьми ⁷⁷⁾. Насколько это соответствовало основ-

⁷⁵⁾ «Письмо о нелюбахъ» — Приб. къ тв. св. от., т. X, 504.

⁷⁶⁾ Проф. Голубинскій: Ист. Рус. Церкви, т. I, 2 пол., стр. 597.

⁷⁷⁾ Горбуновъ: Лготныя грамоты, жалованныя монастырямъ и
ПАМЯТИ. ДРЕВН. ПИСЬМЕН. XVI.

нымъ принципамъ первобытнаго восточнаго монашества, и въ какой степени въ этомъ случаѣ за русское монашество должно отвѣчать монашество греческое, послужившее для нашего и источникомъ и образцомъ — объ этомъ говорить намъ нѣтъ нужды ⁷⁸⁾; для насъ достаточно замѣтить, что вотчинный элементъ по мѣрѣ своего развитія на несвойственной для него почвѣ, сильно способствовалъ деморализаціи монастырской жизни. На самыхъ первыхъ страницахъ нашей исторіи лѣтописецъ замѣчаетъ: «мнози бо монастыри отъ царь и отъ боярь и отъ богатства поставлени, но не суть тацѣ, кацѣ поставлени слезами, пощеніемъ, молитвою, бдѣніемъ» ⁷⁹⁾. Такъ, при самомъ уже началѣ, монахи многихъ монастырей не были способны внушить къ себѣ уваженіе, не были способны благодѣтельно дѣйствовать на общество ⁸⁰⁾. Въ послѣдующія столѣтія монастырскія богатства быстро растутъ ⁸¹⁾; въ XVI вѣкѣ ихъ владѣнія достигаютъ трети всей государственной территоріи ⁸²⁾. Во владѣнія инаго

церквамъ въ XIII—XV вѣкахъ, стр. 4—5 (Архивъ истор. и практ. свѣд. Качалова, кн. V, 1860—1861).

⁷⁸⁾ См. объ этомъ VI главу «Ист. Рус. Церкви» проф. Голубинскаго, т. I, 2 пол., стр. 451—684: Монашество.

⁷⁹⁾ Лавр. Лѣт., 69. Соловьевъ: «Взглядъ на состояніе духовенства въ древней Руси». Чтенія Общ. Ист. и Др. Рос., 1847, VI, стр. 5.

⁸⁰⁾ Даниилъ Заточникъ (XII—XIII в.) такъ отзывается о современныхъ ему русскихъ инокахъ: «мнози отшедше міра сего паки возвращаются, аки пси на своя блевотины, на мірское гоненіе: обиходятъ села и дома славныхъ міра сего аки пси ласкосердїи: идѣже браци и пирове, ту черницы и черницы беззаконни, отеческій имѣя на собѣ санъ, а блядинъ норовъ, святительскій имѣя на собѣ санъ, а обычай похабъ... «Слово Даниила Заточника» по редакціи Ундольскаго: Рус. Вѣсѣда, 1856. кн. II, стр. 119.

⁸¹⁾ О щедрости князей и боярь къ церквамъ и монастырямъ въ домонгольскій періодъ см. Соловьевъ: «О нравахъ и обычаяхъ въ древней Руси» — Чтенія Общ. Ист. и Др. Рос., 1846, I.

⁸²⁾ Павловъ: Историч. очеркъ секуляризаціи, I, 23, примѣч.

монастыря стали входить не только деревни и селенія, но города и цѣлыя области. Наряду съ этимъ развивается и деморализація монастырской жизни, достигая къ началу и половинѣ XVI вѣка страшныхъ размѣровъ.

Люди, строго смотрѣвшіе на призваніе инока, не могли не сознавать всего противорѣчія между иноческими обѣтами нестяжательности и дѣйствительностью. Уже пр. Θεодосій Печерскій († 1074) въ принципѣ «не хотяше никакоже прилога творити къ монастырю, но бѣ вѣрою и надеждою къ Богу воскланаяся, яко же паче не имѣти упованія имѣніемъ»⁸³⁾,—хотя на практикѣ, «имѣя подь собою стадо людей болѣе слабыхъ вѣрою, чѣмъ онъ самъ», онъ и долженъ былъ поступать иначе⁸⁴⁾. Идеальныя стремленія Θεодосія митр. Киприанъ († 1406) прямо выражаетъ въ своемъ посланіи къ одному игумену, спрашивавшему его, можно ли принять въ монастырь село, которое дарилъ какой-то князь: игумень и самъ, слѣдовательно, сомнѣвался въ нравственной правотѣ этого дѣла; митрополитъ отвѣчаетъ ему: «какъ можно однажды отречьшюся отъ міра и всего мірскаго снова связывать себя мірскими дѣлами, снова созидать то, что самъ же разрушилъ, и такимъ образомъ быть преступникомъ своихъ обѣтовъ?.. Древніе отцы не приобрѣтали себѣ ни селъ, ни ~~ни~~стяжаній. Только послѣ, когда мало по малу ослабѣла прежняя строгость, монастыри и скиты стали владѣть селами и другими имуществами»⁸⁵⁾. Преподобн. Сергія Радонежскаго († 1396) Іосифъ Волоцкій приводитъ въ примѣръ нестяжательности, замѣчая, что «во обители блаженнаго Сергія и самыя книги не на хартіяхъ писаху, но на берестѣхъ, самъ же блаженный Сергіе таковы

⁸³⁾ Житіе Θεодосія, напис. Несторомъ. Голубинскій: Ист. Русск. Церкви, т. I, 2 пол., стр. 596.

⁸⁴⁾ Ib., стр. 597.

⁸⁵⁾ Акт. Ист., № 553. Павловъ: Ист. очеркъ секуляризаціи, I, 9.

ризы худы скропаны ношаше, яко множицею не познаваемъ бываше отъ приходящихъ, но мняху его единого отъ проситель быти»⁸⁶). Въ похвальномъ словѣ Сергію его ученика Епифанія замѣчается: «ничтоже не стяжа себѣ притяжанія на земли, ни имѣнія отъ тлѣннаго богатства... ни сель красныхъ»⁸⁷). «Толику же нищету и нестяжаніе имѣяху» и многіе другіе современные ему русскіе подвижники⁸⁸). О нестяжательности преподоби Кирилла и о взглядахъ на землевладѣльческія права монастырей иноковъ его обители мы уже говорили.

Идеалы нестяжательнаго иночества начинаютъ заявляться въ XV—XVI вѣкѣ и книжными людьми—въ житіяхъ нѣкоторыхъ святыхъ. Мы говорили уже о житіи пр. Кирилла Бѣлозерскаго, написанномъ Пахоміемъ. Въ житіи Варлаама Хутынскаго († 1192) рассказывается, какъ онъ передъ своимъ постриженіемъ роздалъ бѣднымъ все свое имущество, и поселившись на берегу Волхова «начать землю собою дѣлати, яко да отъ своихъ потѣ, а не отъ чюжихъ ни тается»... Ту же мысль встрѣчаемъ въ житіяхъ Димитрія Прилуцкаго († 1392), Діонисія Глушицкаго. Житіе Павла Обнорскаго († 1429), гдѣ рассказывается, какъ этотъ подвижникъ прожилъ пятнадцать лѣтъ въ совершенномъ уединеніи, вблизи Сергіева монастыря, и еще три года въ Комельскомъ лѣсу, въ душлѣ дерева, изображаетъ уже крайнюю степень иноческаго «безимѣнства»⁸⁹).

Несовмѣстимость обѣтовъ иночества, отрекающагося отъ «всего міра и яже въ немъ», съ громадными финансовыми, территоріальными и промысловыми богатствами монастырей

⁸⁶) «Отвѣщаніе любозазорнымъ и сказаніе вкратцѣ о свв. отцѣхъ—Чтенія Общ. Ист. и Др. Рос., 1847, VII, стр. 4.

⁸⁷) Павловъ: Историч. очеркъ, I, 69, примѣч. Ср. отрывки изъ Житія пр. Сергія у преосвящ. Макарія: Ист. Рус. Церкви, IV, стр. 355.

⁸⁸) «Отвѣщаніе любозазорнымъ»—Чтенія, 1847, VII.

⁸⁹) Павловъ: Историч. очеркъ, I, 14.

въ XIV—XV вв., стала смутно сознаваться и народной массой, по крайней мѣрѣ ея грамотными представителями. По исконно русскому воззрѣнію, богатство монастырей — «бѣдныхъ богатство»⁹⁰⁾; между тѣмъ въ XV — XVI вв. монастыри переставали уже служить этому религіозно-общественному своему назначенію. «Ежедневный опытъ давалъ понимать всѣмъ и каждому, что монастырскія богатства идутъ не на одно добро»... И вотъ въ житіяхъ святыхъ, составленныхъ около этого времени, являются рассказы о томъ, какъ святые угодники Божіи встаютъ изъ своихъ могилъ и наказываютъ монастырскихъ властей за пренебреженіе къ «нищей братіи»...⁹¹⁾. Рядомъ съ этими рассказами въ народѣ заявляются и болѣе смѣлыя мнѣнія. Когда возникла ересь стригольниковъ, на нихъ стали указывать, какъ на примѣръ для иноковъ: «вотъ они не грабятъ, имѣнія не собираютъ»⁹²⁾. А книжные еретики, вышедшіе изъ той же народной массы, прямо го ворятъ: «не достоинтъ... приноса за мертвыхъ приносить въ церкви, ни пировъ (монастырскихъ «кормовъ») творити, ни милостыню давати за душу умершаго»⁹³⁾, — направляя такимъ образомъ возраженіе противъ главнаго источника монастырскихъ богатствъ. Враждебное настроеніе общества противъ монастырскихъ имуществъ вообще было довольно значительное: не смотря на постоянную и весьма усердную проповѣдь представителей іерархіи о полной неприкосновенности церковной и монастырской собственности⁹⁴⁾,

⁹⁰⁾ О нѣкоторыхъ относящихся сюда соображеніяхъ см. интересную статью проф. Знаменскаго: «Замѣтка касательно устройства древней Новгород. Іерархіи». Прав. Соб., 1863, I (по поводу книги Костомарова: Сѣвернорусскія Народопрѣвства, 2 т., 1863).

⁹¹⁾ Павловъ, I, 14.

⁹²⁾ Соловьевъ, IV, 311.

⁹³⁾ Памятн. древнер. кан. права, — Рус. Ист. Библ., VI, стр. 224.

⁹⁴⁾ Памятники этого рода указаны у проф. Павлова: Истор. Очеркъ секуляр., I, стр. 4. Къ устнымъ убѣжденіямъ нѣсколько позже были

случаи нарушенія были нерѣдкіе. Примѣры захвата церковныхъ земель князьями встрѣчаются у насъ уже съ XII вѣка⁹⁵); въ XIV и XV вв. новгородцы и исковичи «вставляя нѣкая тщетная словеса и мудрствуя себѣ плотская, а не духовная», нѣсколько разъ отбираютъ у церквей и монастырей земли и угоды⁹⁶); на монастыри иногда открыто нападаютъ народныя толпы, говоря: «здѣсь житницы боярскія»⁹⁷). Нѣсколько позднѣе «злохульные новгородскіе еретики» не поднимаютъ даже вопроса о монастырскихъ имуществвахъ: они въ принципѣ отвергаютъ самое монашество, называя иноковъ «отступниками пророческаго, евангельскаго и апостольскаго ученія, которые сами измыслили себѣ образъ жизни и держатся не божественныхъ, а человѣческихъ преданій»⁹⁸).

Такова была религіозно-нравственная сторона вопроса, которая прежде всего бросалась въ глаза. Съ этой стороны больше всего смотрѣлъ на дѣло и пр. Нилъ Сорскій. Но были и другія стороны. Народъ и общество относились враждебно къ монастырскимъ имуществамъ часто по самой экономической постановкѣ дѣла. Вновь возникавшимъ монастырямъ князья нерѣдко жертвовали земли, которыя до этого времени находились въ рукахъ крестьянъ или другихъ частныхъ владѣльцевъ. «Нерѣдко происходило, что кре-

присоединены и болѣе внушительныя мѣры: «Еще до 1503 года включено было въ чинъ православія или синодикъ, ежегодно возглашаемый на первой недѣлѣ великаго поста, слѣдующее анаематствованіе: «Вси начальствующіи и обидящіи святыя божія церкви и монастыреве, отнимающе у нихъ данныя тѣмъ села и винограды, аще не престануть отъ таковаго начинанія, да будутъ прокляты»...— ib., стр. 51.—Подробнѣе о семъ см. у Никольскаго: Анаематствованіе и проч., Сиб. 1879, IV (8), стр. 154—173 (Анаематствованіе обидящимъ церкви).

⁹⁵) Павловъ, — I, 6. Преосв. Макарія, — III, 321—322; 279.

⁹⁶) Павловъ, — I, 16. Костомаровъ: Сѣвернор. Народ., II, 384—385. Ср. Пам. древнерус. кан. права, №№ 26 и 27.

⁹⁷) Преосв. Макарій: Ист. Рус. Ц., IV, 265.

⁹⁸) Павловъ, — I, 16.

стьяне прогоняли отъ себя монаховъ, которые поселялись на сосѣднихъ пустопорожныхъ земляхъ и полагали здѣсь основаніе монастырю, прогоняли именно изъ страха, чтобы пришельцы впослѣдствіи не завладѣли ихъ землями и селами»⁹⁹⁾.

Съ XV—XVI в. князья уже вынуждены давать крестьянамъ, жившимъ на вновь жалуемыхъ монастырямъ земляхъ, особыя грамоты—«послушныя»¹⁰⁰⁾. Для частныхъ владѣльцевъ была и еще причина относиться враждебно къ имущественнымъ притязаніямъ иноковъ. Это—духовныя завѣщанія. Завѣщатели, заботясь о спасеніи своей души, жертвовали монастырямъ часто всю свою собственность, прося иногда, какъ милости, чтобы новые владѣтели «пожаловали, жены его не выкинули вонъ изъ того двора до ея смерти»...¹⁰¹⁾. Болѣе законные наслѣдники, понятно, не могли быть довольны такою щедростью, и жаловались на «обиду» отъ своего умершаго родственника. Крайняя несправедливость завѣщателей дѣйствительно была настолько велика, что къ концу XV вѣка въ иныхъ мѣстахъ съ вѣдома властей начинаютъ «рудить духовныя грамоты»—оставлять ихъ безъ всякаго послѣдствія¹⁰²⁾. Но такъ какъ подобныя завѣщанія составлялись не безъ вліянія иноковъ¹⁰³⁾, управлявшихъ въ предсмертныя минуты волей завѣщателя, то вмѣстѣ съ пренебреженіемъ къ завѣщаніямъ въ обществѣ раз-

⁹⁹⁾ Павловъ,—I, 20. См. также: преосв. Макарія, Ист. Р. Ц., VII, 21, 56. Иконникова: Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи, стр. 129—130.

¹⁰⁰⁾ Павловъ,—I, 21.

¹⁰¹⁾ Павловъ,—17, 18.

¹⁰²⁾ Костомаровъ: Сѣвернор. Народопр., II, 385.

¹⁰³⁾ Монахи совѣтовали «не давати имѣнія, аще и убогимъ сродникомъ, а давати къ монастырю, за что святые умолять у Бога царствіе небесное». Востоковъ: Опис. рук. Рум. муз., стр. 244 (рукоп. XVI в.).

вивалось страшное раздраженіе противъ такихъ корыстныхъ стремленій «отрекшихся отъ міра».

Не говоря о противорѣчій религіозно-нравственномъ, объ «обидахъ» чисто экономическихъ, разросшіяся къ концу XV—началу XVI вѣка монастырскія имущества начинали вредить интересамъ и чисто-государственнымъ. Монастыри въ своихъ владѣніяхъ пользовались массой особыхъ привилегій и льготъ ¹⁰⁴), такъ что «на поминокъ по душамъ» слышномъ много уходило изъ общаго государственнаго дохода. Теперь, въ XV—XVI в. это чувствовалось тѣмъ болѣе, что въ возникавшемъ Московскомъ государствѣ была большая потребность въ земляхъ, чтобы платить ими служилымъ людямъ: земля была главнымъ видомъ государственнаго вознагражденія, а масса служилыхъ людей теперь стала особенно велика. Съ этой точки зрѣнія, «чтобы службѣ убытку не было», у московскихъ государей должна была рано возникнуть мысль воспрепятствовать такъ или иначе частому отходу въ руки монастырей вотчинныхъ владѣній. Потребность въ такой мѣрѣ могла казаться тѣмъ болѣе необходимой и для представителей общественнаго интереса обязательной, что къ этому времени монастыри, какъ мы уже замѣтили, совершенно забываютъ о соединенныхъ съ ихъ землевладѣльческими правами религіозно-общественныхъ цѣляхъ, совершенно забываютъ, что «церковныхъ богатство— нищихъ богатство, возраста дѣля сиротъ, и старости и немощи, и въ недугъ впадшихъ прокормленіе...» ¹⁰⁵).

Таковы были различныя стороны этого сложнаго вопроса ¹⁰⁶), съ которыми онъ является въ жизни и въ литера-

¹⁰⁴) См. напр. въ Прав. Соб., 1863, III (статья Мысовскаго).

¹⁰⁵) Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересными являются 72 и 73 главы Стоглава, см. стр. 224—225, 226—227; ср. также замѣтку Іоасафа, стр. 310—311 (изданіе Кожанникова, Спб., 1862).

¹⁰⁶) Подробнѣе см. въ цитируемомъ изслѣдованіи проф. Павлова:

турной полемикѣ конца XV—начала XVI вѣка, въ сочиненіяхъ Вассіана Патрикѣева, Максима Грека, и позднѣе. Что касается до Нила Сорскаго, который первый фактически поставилъ вопросъ на очередь, онъ смотрѣлъ на него, какъ мы замѣтили, главнымъ образомъ съ нравственно-аскетической точки зрѣнія, по крайней мѣрѣ съ этой стороны онъ касается его въ своихъ сочиненіяхъ, хотя нравственно-аскетическая сторона не исключала, кажется, въ его взглядѣ и другихъ сторонъ.

Возвращаемся къ прерванному разсказу.

Мнѣніе Нила Сорскаго, поддержанное бывшими тутъ за-волжскими старцами, въ высшихъ членахъ собора встрѣтило самый рѣшительный отпоръ. Тотчасъ было послано за Іосифомъ Волоцкимъ: отцы собора, говоритъ современникъ, боялись, что безъ него они не услышатъ многихъ мудрыхъ доказательствъ «въ защиту землевладѣльческихъ правъ монастырей». Отцы собора, вѣроятно, не ошиблись бы. Іосифъ вернулся и вступилъ въ пренія съ нестяжателями. Идеально-аскетической точкѣ зрѣнія, съ которой смотрѣли на вопросъ Нилъ Сорскій и его бѣлозерскіе сторонники, онъ противопоставилъ практическія и историческія соображенія. Современники довольно подробно передаютъ мысли противниковъ. Нилъ говорилъ, что монахамъ неприлично владѣть имѣніями: монахи даютъ обѣтъ нестяжательности и отрекаются отъ міра, чтобы помышлять только о спасеніи души, а имѣнія опять влекутъ ихъ въ міръ, заставляютъ сноситься съ мірскими людьми, вести съ ними тяжбы и вообще обременяютъ иноковъ мірскими попеченіями; монахамъ слѣдуетъ жить по пустынямъ и питаться не отъ имѣнія, а отъ своихъ трудовъ, своимъ рукодѣліемъ... Ему отвѣчали: «Имѣнія необходимы для матеріальнаго существованія монасты-

«Историч. очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи», ч. I, стр. 9—25, которымъ мы пользуемся въ своемъ изложеніи.

рей. Въ монастыряхъ нужно не только создавать храмы, но и поддерживать ихъ постоянно; въ храмахъ совершается служба—это также требуетъ нѣкоторыхъ расходовъ; для совершенія службы при храмахъ должны быть священно-служители—они также должны быть обеспечены въ своихъ жизненныхъ потребностяхъ. Монастырскія имѣнія нисколько не препятствуютъ монахамъ достигать вѣчнаго спасенія: и прежде спасались и теперь можно спастись и въ вотчинныхъ монастыряхъ... Монастыри готовятъ для церкви ея будущихъ іерарховъ. Если у монастырей отнять имѣнія и всѣ монахи будутъ содержаться собственными трудами и рукодѣліемъ, то что произойдетъ? Какъ тогда честному и благородному человѣку постричься? А если не будетъ честныхъ старцевъ, откуда взять митрополита, архіепископа или епископа, и на другія высшія должности? А когда не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, тогда будетъ колебаніе вѣры...¹⁰⁷⁾. Создатели монастырей и жертвователи, создавая монастыри и дѣлая пожертвованія, имѣли также въ виду, чтобы они могли принимать у себя странниковъ, питать нищихъ, помогать больнымъ и всякаго рода несчастнымъ. Лишившись имущества, монастыри будутъ не въ состояніи достигать этихъ цѣлей»¹⁰⁸⁾.

Спеціально для великаго князя, который вполнѣ сочувствовалъ идеямъ нестяжателей, отцы собора составили особый подробный докладъ, гдѣ выписками «отъ бытія» и «лев-

¹⁰⁷⁾ Письмо о нелюбкахъ: «Тажъ и се глагола (Іосифъ): Аще у монастырей селъ не будетъ, како честному и благородному человѣку постричься? И аще не будетъ честныхъ старцевъ, откоуъ взяти на митрополию, или архіепископа, или епископа, и на всякія честныя власти? А воли не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, ино вѣрѣ будетъ колебаніе».

¹⁰⁸⁾ См.: «Письмо о нелюбкахъ» и «Житіе Іос. Волоцк.», составленное неизвѣстнымъ; извѣстія этихъ памятниковъ мы передаемъ пользуясь изложеніемъ преосв. Макарія, —VI, 125—129.

гитскія книги», «отъ житія.. царя Константина и христоролюбивыя матере его Елены», правилами Кормчей и примѣрами нѣкоторыхъ прежнихъ подвижниковъ греческихъ и русскихъ, со всею убѣдительностью доказывалось, что «вся таковая стяжанія церковная — Божія суть стяжанія, возложена, нареченна и данна Богу, и не продаема, ни отдаема, ни емлема никимъ никогдажъ въ вѣки вѣка»¹⁰⁹).

Мнѣніе противниковъ Нила восторжествовало, и возбужденный имъ вопросъ кончился ничѣмъ. Но мысль заявленная имъ — не пропала даромъ: она сдѣлалась предметомъ ожесточенной литературной полемики, возникшей тотчасъ послѣ собора и длившейся въ продолженіе всей первой половины столѣтія. Ревностнымъ борцомъ за идею Нила Сорскаго явился его ближайшій «ученикъ», князь-инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ.

Пр. Ниль Сорскій могъ видѣть только начало возбужденной имъ борьбы: онъ умеръ въ 1508' году, семидесятипятилѣтнимъ старцемъ. Послѣдніе годы его жизни прошли въ томъ же уединеніи, какъ и вся его жизнь¹¹⁰).

Передъ кончиною Ниль написалъ своимъ ученикамъ Заѣщаніе, вполне соответствующее общему его характеру. «Повергните тѣло мое въ пустыни — пишетъ онъ — да изѣдятъ е звѣріе и птица; понеже согрѣшило есть къ Богу много и недостойно погребенія. Мнѣ потщаніе, елико по силѣ моей (моимъ стараніемъ, по возможности, было), — чтобы быхъ не сподобленъ чести и славы

¹⁰⁹) Докладъ этотъ напечатанъ у проф. Павлова, — I, 42—47.

¹¹⁰) Запись о времени кончины пр. Нила встрѣчаемъ въ рукописяхъ нерѣдко. Въ рукоп. библ. Моск. Дух. Академіи, XVI в., № 185, на л. 375 об., послѣ его сочиненій, читаемъ: «Въ лѣто 7016, въ недѣлю женъ мгноносиць, маія въ 7 день преставися Ниль старецъ сорскія пустыня». Ср. л. 338. См. также: Сборн. Новгор.-Соф. библ., № 1156, л. 84; ib., № 1519, л. 206; ib., № 1159, л. 94; Погодинскій Сборникъ Имп. Публ. Библ., № 260, л. 57; ib., № 1563, л. 15; рук. Моск. публ. музея, изъ собранія Ундольскаго, № 141, л. 136, и др.

вѣка сего нѣкоторыя, яко же въ житіи семъ, тако и по смерти. Молю же всѣхъ, да помолятся о душѣ моей грѣшной, и прощенія прошу отъ всѣхъ, и отъ мене — прощеніе. Богъ да проститъ всѣхъ».

Въ спискѣ «завѣщанія», находящемся въ рукописи библ. Троицкой лавры, противъ печатной редакціи есть небольшая прибавка, которую выписываемъ: «Крестъ большой, что въ немъ камень страстей Господнихъ, тако и что писалъ есми самъ книжки, то — господѣ моей и братіи, кто учнетъ трѣпѣти на мѣстѣ семъ. Аще бы потщалися по мнѣ службу священную сотворити до 40 дней, о томъ вельми челомъ бью. Малыя книжицы, Іоаннъ Дамаскинъ, Потребникъ, — Іермолой тако жъ здѣ, Псалтирь въ четверть Игнатіева письма ¹¹¹⁾ — въ Кириловъ монастырь. И прочіе книги и вещи Кирилова монастыря, что мнѣ давали за любовь божію, чье что есть, тому и отдати, или нищимъ, или монастыря коего, или отъинуду христіянина коего, что въ лицѣхъ — тому и отдати» ¹¹²⁾.

Ученики преподобнаго не вполне исполнили завѣщаніе своего учителя: они съ честию погребли его тѣло. Когда оно было предано землѣ, они «на могилу его камень положиша и на немъ подписаша лѣто, мѣсяць и день преставленія его, такожде и образъ подобія его написаша, каковъ бѣ преподобный» ¹¹³⁾.

Желаніе пр. Нила Сорскаго не получить «славы вѣка сего нѣкоторыя» — сбылось: имя его, какъ подвижника, осталось мало извѣстнымъ. Мы не знаемъ даже, былъ ли

¹¹¹⁾ Въ числѣ списателей Іосифо-Волокол. монастыря упоминается «Игнатій Доброписецъ», — «Описъ книгъ Іосифо-Вол. мон.», Чтенія Общ. Ист. и Др. Рос., 1847, VII, стр. 9.

¹¹²⁾ Рук. библ. Троицко-Серг. Лавры, XVI в., № 188, л. 18.

¹¹³⁾ Рукоп. бывш. библ. Царскаго, № 138, л. 68.

онъ формально канонизованъ подобно своему знаменитому противнику. О канонизации пр. Иосифа Волоцкаго мы имѣемъ торжественное соборное опредѣленіе 1589 года ¹¹⁴⁾; еще раньше, въ 1578 году, онъ былъ канонизованъ мѣстно ¹¹⁵⁾. Никакихъ подобныхъ извѣстій о Нилѣ Сорскомъ нѣтъ. Правда, въ двухъ-трехъ рукописяхъ встрѣчаются слѣды службы ему — тропарь, кондакъ, икосъ ¹¹⁶⁾, можно даже приблизительно указать время ея составленія (см. приведенный въ

¹¹⁴⁾ Списки этого акта встрѣчаются во многихъ рукописяхъ, см. напр. въ Погодинскомъ Сборникѣ Имп. Публ. Библ., № 1563, л. 39—62.

¹¹⁵⁾ «Опись книгъ Иосифо-Вол. мон.»—Чтенія Общ. Ист. и Др. Рос., 1847, VII, стр. 9.

¹¹⁶⁾ Выписываемъ ихъ по Погодинскому Сборнику Имп. Публ. Библ., № 1363. Здѣсь послѣ сочиненій Нила Сорскаго и «Завѣта» ученика его, Инноcentія Охлѣбнина, на лл. 20—21 читаемъ: «Мѣсяца мая 7. Память преподобнаго отца нашего Нила. Тропарь. гласъ 1-й. Удалився бѣгая давидьски, миръ и яже в немъ яко уметы вмѣнивъ, в мѣстѣ безмолвнѣ духовныя радости исполнился, — вселился, отче нашъ Ниле, единъ единому Богу единственно изволи служити; процвѣте яко еиникъ. и яко лоза плодопдна, умноживъ чяда въ пустыни! тѣмъ благодарственнѣ вопіемъ: слава Избравшему тя в русіи отшелникомъ устава изрядна, слава Укрѣпильшему тя въ пустыни, слава иже молитвами твоими насъ Спасящему!»—Далѣе, на этомъ же листѣ, на поляхъ, киноварью, тою же рукою: «Праведникъ бо, рече, яко еиникъ процвѣтетъ. Финикъ древо остроговато есть, но идѣже к высотѣ происходитъ, сладчайшихъ плодовъ сладости исполнится; сице и житіе праведныхъ жестоко есть въ семь мирѣ, трудовъ исполнено, но в вышнихъ есть прекраснѣйше. Лоза мати есть гроздія, иже сладкая якоже вино ученія намъ источи, сердца наша укрѣпляя; страны два завѣта суть законъ и евангеліе; домъ — благое помышленіе, в нихъ же умъ нашъ аки в дву требника странахъ утвержень укрѣпляется».

Кондакъ гласъ 8-й. «Любве ради Христовы удалився мирьскихъ смущеній, радостною душею вселился въ пустыни, в ней же подвигся добре, яко ангель на земли, отче Ниле бдѣніемъ и постомъ тѣло свое изнузив, вѣчныя ради жизни, ей же нынѣ сподобився, во свѣтѣ неизреченныя радости Пресвятѣй Троицы съ святыми предсто! Моли, молимтися, при-

примѣчаніи икосѣ), но кажется она была только частной, мѣстной попыткой, да и то неутвердившеюся. Какъ бы то ни было, судя по случайно сохранившимся въ рукописяхъ замѣткамъ, «по старцѣ Нилѣ, Сорскія пустыни» и въ XVII—XVIII вв., даже въ его скиту, продолжаютъ еще «пѣть панахиды»¹¹⁷).

падающе чяда твоя, сохранитися намъ, стаду твоему, отъ всякого навѣта и злыхъ обстояній видимыхъ и невидимыхъ врагъ»...

Икосъ. Приидѣте, отцы и братія, приидѣте богособранное стадо отчее, соберѣтеся, боговозлюбленный духовный полче, степѣмся, иже в разстояніихъ единственно витающей, духовнѣ совокупльшееся припадемъ ко гробу блаженнаго отца нашего, и возопіемъ умильно изъ глубины середнянѣ глаголюще: о преблаженный нашъ о Господѣ учителю и наставниче пустынный, отче Ниле, моли Пресвятую Троицу, Отца и Сына и Св. Духа, да подастъ боговѣнчанному самодержцу благовѣрному великому царю нашему нищелюбцу Феодору миръ и здравіе и спасеніе и побѣду и одолѣніе на вся съпротивныя его видимыя и невидимыя его врагы! да и мы убозіи чяда твоя державою его благочестія, в разстояніихъ и отъ врагъ ненавѣтно витающе, день же и ноцъ предстояще Пресвятѣй Троици поемъ аллилуіа!»—Листы 20 и 21 писаны хорошимъ полууставнымъ почеркомъ и являются вставными въ рукопись. Внизу на 21 л. позднѣйшею рукою означено: «Сія книга Нилова скита, Сорскіе пустыни». Въ рук. Моск. Публ. музея, изъ собранія Ундольскаго, XVII в., № 141, находится только тропарь; вм. «в русіи» въ немъ читается «въ пустыни»: «слава избравшему тя в пустыни отшельникомъ» (л. 114). Вся служба—тропарь, кондакъ, икосъ — встрѣчается еще въ Новгородско-Софійск. Сборникѣ Петерб. Дух. Акад., № 1519, XVII в.; въ икосѣ вм.: «Феодора» стоитъ: «имрк»: «благовѣрному царю нашему нищелюбцу имрк миръ и здравіе» (л. 185).

¹¹⁷) Въ Новгородско-Софійскомъ Сборникѣ XVII вѣка Петерб. Дух. Акад., № 1519, въ статьѣ: «Преданіе уставомъ, иже во внѣшней странѣ пребывающимъ инокомъ, реще—скитскаго житія, сорскія пустыня старьца Нила» находимъ слѣдующія замѣтки (статья, по своему содержанию, представляетъ указаніе порядка церковныхъ службъ и чтеній и нѣкоторыхъ монастырскихъ правилъ на извѣстные дни всего года): л. 33: «Въ субботу дмитреевскую. сходи ко обѣднѣ. понахыду поемъ... поминають умершихъ братія. послѣ старца Нила»... (л. 51): «Мая 7.

Переходимъ къ сочиненіямъ Нила Сорскаго. Они очень не велики и весьма немногочисленны, содержаніе ихъ — исключительно монашеское; но для своихъ современниковъ они имѣли иной смыслъ и иное значеніе. Недаромъ на всемъ протяженіи нашей древней литературы только за ихъ авторомъ усвоено было имя «великаго старца».

Знаменіе являшагося на небеси честнаго креста. Сходъ к вечерни. поютъ кресту. со праздничною службою. Послѣ вечерни пѣти понаѣида по начальникъ старцѣ Нилѣ сороярьскыя (sic) пустыни. Заутреня и обѣдня во свое время. Послѣ малая понахыда на гробѣ.. .Аще случится память старца Нила во страстной недѣли. его поминати. панахида пѣти в субботу. въ пятокъ вечерня. по вечерни панахыда. в субботу заутреня. и обѣдня. а кто дрзнетъ разрушити и не поминаетъ старца Нила лѣнностію и нерадѣніемъ»... (не дописано). Въ Новгор.-Соф. Сборн. XVIII в., № 1158, на л. 84 читаемъ: «В лѣто 7016 году в недѣлю мироносиць. Мая в 7 день. преставися Нилъ старецъ Сорскія пустыни. а понаѣиды поемъ по немъ». Та же самая замѣтка находится въ Новг.-Софійск. Сборникѣ, № 1159 (XVIII в.), л. 94. Въ Погодинскомъ Сборникѣ Импер. Публ. Библ. XVIII в., № 260, на л. 57 неизвѣстный авторъ сообщаетъ: ...«и поживѣ пр. Нилъ всѣхъ лѣтъ живота своего семдесятъ пять лѣтъ и преставися въ вѣчный покой в лѣто 7016 году мая въ третій день. в недѣлю женъ мироносиць. и по завѣщанію пр. Нила чудотворца панахиду поютъ по немъ и обѣдню служатъ»... Впрочемъ, въ «Подлинникѣ XVIII вѣка» есть уже замѣтка касательно «образа писанія» пр. Нила, но въ «Подлинникѣ XVI вѣка» онъ еще не упоминается». См. «Вѣстникъ Общества древне-русскаго искусства», за 1874—76 годы, стр. 17—126 («Сводный иконописный подлинникъ XVIII вѣка»); ср. Сборникъ древне-русск. искусства за 1873 года, стр. 1—39, отд. II («Новгородскій иконописный подлинникъ XVI вѣка»).

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕПОДОБНАГО НИЛА СОРСКАГО

«Написахъ... воздвизаяй совѣсть
къ лучшему»...

(Изъ «Преданія ученикомъ» Нила Сорскаго).

Литературная дѣятельность Нила Сорскаго весьма необширна. Ему принадлежатъ и могутъ быть приписаны слѣдующія сочиненія:

1. Посланіе къ бѣлозерскому старцу Герману¹⁾. Посланіе это обыкновенно встрѣчается въ рукописяхъ съ такимъ заглавіемъ: «Посланіе великаго старца Нила къ брату, просившу у него написать ему еже на пользу души». Въ одной изъ своихъ статей²⁾ покойный Горскій замѣтилъ, что посланіе это, «можетъ быть», писано Ниломъ Сорскимъ къ его ученику Иннокентію Охлѣбнинну. Въ «Краткомъ историческомъ свѣдѣніи о пр. Нилѣ Сорскомъ» мнѣніе это было повторено³⁾. Преосв. Филаретъ, не опровергая выска-

¹⁾ «Пр. Нилъ Сорскій», и проч. изд. Елагина. Стр. 178—183.

²⁾ Прибавл. къ твор. св. отцевъ, т. VI (1848), стр. 142.

³⁾ «Пр. Нила Сорскаго преданіе»... изд. Оптиной пустыни. М., 1849, стр. III—V.

заннаго предположенія, въ одномъ мѣстѣ разсматриваемое посланіе считаетъ написаннымъ къ кн. Кассіану Мавнуцкому⁴⁾, въ другомъ—къ кн. Вассіану Патрикѣеву⁵⁾. Преосв. Макарій возвращается къ ранѣе высказанному предположенію, и замѣчаетъ, что посланіе написано Ниломъ «къ его ученику и сподвижнику Иннокентію (Охлѣбнину), основывавшему тогда особую обитель»⁶⁾. Но послѣднее предположеніе не совсѣмъ согласно съ самымъ посланіемъ. Извѣстно, что Иннокентій былъ сотоварищъ Нила въ путешествіи его по Востоку; Нилъ вспоминаетъ въ посланіи объ этомъ путешествіи («странничествѣ») и выражается такъ: «по отшествіи странничества моего, пришедъ въ монастырь...»; очевидно, авторъ обращается въ посланіи съ рѣчью не къ тому лицу, съ которымъ онъ вмѣстѣ совершалъ это странничество. Но и предположенія преосв. Филарета оказываются невѣрными. Случайно сохранилось два списка посланія (оба списка XVI вѣка), гдѣ точно указывается лицо, къ которому оно было написано. Въ списокѣ, находящемся въ Новгородско-Софійскомъ сборникѣ бібліотеки Петерб. дух. академіи, № 1460, къ посланію присоединена внутри тою же рукою слѣдующая приписка: «Посланіе старца Нила Заволжскаго, сорскія пустыни и скита, къ старцу Герману подолному» (лл. 326—327); въ другомъ списокѣ (рукопись бібліотеки Троицко-Сергіевой лавры, № 188, лл. 103—107) на верху заглавія тою же рукою прибавлено: «Германъ пустын...». Германъ «подольный» или «пустынникъ» былъ одинъ изъ бѣлозерскихъ старцевъ. Одно время онъ жилъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ (вмѣстѣ съ Ни-

⁴⁾ Обзоръ Рус. Дух. Лит., § 116.

⁵⁾ Русскіе святые, апрѣль (Черниговъ, 1862), стр. 16.

⁶⁾ Ист. Русск. Церкви, т. VII (Спб., 1874), стр. 262. Въ книжкѣ: «Пр. Нилъ Сорскій», и проч., говорится даже, что «посланіе это несомнѣнно написано къ Иннокентію»... стр. 178. XXVIII.

ломъ Сорскимъ), но потомъ удалился отсюда въ пустыню. Извѣстны два полемическія посланія къ нему Нила Полева, изъ которыхъ видно, что въ распри Іосифа Волоцкаго съ архіепископомъ новгородскимъ Серапіономъ Германъ вмѣстѣ съ другими бѣлозерскими старцами держалъ сторону послѣдняго и рѣзко нападалъ какъ на Іосифа и иноковъ его монастыря, такъ и на самый соборъ, осудившій Серапіона и оправдавшій его противника; Германъ говорилъ, что «патріархъ и весь соборъ побояся царя и сойде на слабость и неправо суди...»⁷⁾. Въ Сборникѣ XVI вѣка Моск. Синод. бібліотеки, № 791, находится еще третье посланіе къ Герману неизвѣстнаго старца, довольно интересное въ біографическомъ отношеніи⁸⁾. Старецъ Германъ умеръ въ 1533

⁷⁾ Сборн. Моск. Дух. Академіи XVI в., № $\frac{235}{661}$, лл. 128—149, Изданы г. Жмакинымъ въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1881, сентябрь, стр. 185—199; тамъ же указаны и нѣкоторые другіе списки посланій. Кромѣ указанныхъ, интересный списокъ перваго изъ этихъ посланій находится въ Сборникѣ Моск. Синод. Библіотеки, XVI в., № 791 (по старому катал.), лл. 42—50: въ списокѣ ни разу не упомянуто имени ни Серапіона, ни Іосифа, хотя другія собственныя имена и сохранены.

⁸⁾ Лл. 76—93 об.: «Отъ благороднаго корене родившемуся и отъ благочестивыхъ родителей воспитанному, всесечному и изрядному и духовному господину моему старцу Герману, многогрѣшный и худый, недостойный, маломожный, исполненный всякаго пристрастія и неразумія, и первый въ грѣшницѣхъ—челомъ бью святости твоей и преподобію». Таково начало посланія; содержаніе его — увѣщанія къ Герману вернуться въ только что покинутый имъ неизвѣстный монастырь. Авторъ въ началѣ посланія замѣчаетъ Герману, что рѣшился писать ему лишь «видя болѣзнь и скорбь великую и печаль душевную родившаго тя отца старца имя рекъ»... Онъ укоряетъ его въ самоволіи: «Что еси, господине—пишетъ онъ—не стерпѣлъ обѣта своего, еже общался еси Господу Богу еже терпѣти скорби иноческаго ради житія... Чесо ради уклоняешися отъ заповѣди отца своего духовнаго игумена?.. Ты отбѣгль креста, сирѣчь подвига, своимъ нетерпѣніемъ чернческаго завѣта, отдалъ животъ и царство небесное на худѣи вещи, утѣшая тѣло свое лакомствомъ и слабостію и маловременнымъ мечтаніемъ, и глаголеши себѣ:

году ⁹⁾. Посланіе къ нему Нила Сорскаго, повидимому, одно изъ самыхъ раннихъ сочиненій послѣдняго. Оно писано Ниломъ въ самое раннее время по окончательномъ удаленіи его изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ пустыню: «по отшествіи странничества моего, говоритъ онъ о себѣ въ посланіи, пришедъ въ монастырь (Кирилловъ), внѣ близъ монастыря сотворихъ себѣ келію и такожде живяхъ, елико по силѣ. Нынѣ же вдалѣе отъ монастыря преселихся, понеже благодатию Божіею обрѣтохъ мѣсто угодно моему разуму, зане же мірской чади маловходно...» ¹⁰⁾. Посланіе

что ми сего лучши: по своей воли лягу, по своей воли встану, и все — воля моя»... Убѣждая его не измѣнять обѣту послушанія и вернуться въ монастырь, авторъ посланія продолжаетъ: «Нынѣ, господине, оставилъ еси печальна ангела своего хранителя и отцу своему родившему скорбь сотворилъ еси неутѣшну, такожь и матери своей велику печаль навелъ еси, и сродники своя, еже по плоти, иже здѣ во обители — оставилъ еси смущены; а самъ веселишися и тѣшися о своей слабости. Ино, господине, реклъ еси слово дати себя Богу въ животъ вѣчный... а нынѣ, господине, измѣнилъ еси Ему... нынѣ бѣгунъ предъ Нимъ явился еси»... Продолжая убѣждать его вернуться въ покинутый монастырь, авторъ говоритъ въ концѣ своего посланія: «А мы тебѣ, своему господину, много челомъ биемъ и молимъ твою святыню. Да не сказывай, господине, никому сее грамотки, ни игумену своему. Да отецъ твой старецъ имя рекъ приказалъ тебѣ, чтобъ-де еси, Ерманушка, Бога ради совѣта не держалъ съ Пѣнкою ни о чемъ, а меня еси плачущася не оставилъ, но возвратися въ монастырь Бога ради... А сію бы грамотку прислалъ имя рекъ или у себя держи, а не повѣдай никому ея»... л. 93об.

⁹⁾ Въ Новгород.-Соф. Сборникѣ XVI в., бібліотеки Петерб. Дух. Акад., № 1451, на л. 125, находится такая замѣтка: «Лѣта 7041. Преставися старецъ Германъ пустынный, апрѣля 30».

¹⁰⁾ Сравнивая послѣднія слова Нила: «зане же мірской чади маловходно» съ его замѣчаніемъ въ «Преданіи ученикомъ»: «мнози благоговѣйніи братіи приходятъ ко мнѣ... и сего ради смущеніе бываетъ намъ» (выше мы приводили это мѣсто), — можно думать, что посланіе къ Герману написано въ болѣе раннее время, чѣмъ «Преданіе ученикомъ».

писано въ отвѣтъ на посланіе къ Нилу Германа, но послѣднее не дошло до насъ и мы знаемъ о немъ лишь по упоминанію Нила: «писаніице твое, еже писалъ еси ко мнѣ, — просиши мене отписать къ тебѣ...». Посланіе къ Герману встрѣчается въ многочисленныхъ спискахъ XVI—XVIII вв. (которые указаны ниже, въ примѣчаніи 38).

II. Преданіе ученикомъ ¹¹⁾. Полное его заглавіе: «О жительствѣ скитскомъ отъ свв. отецъ постника и отшельника старца Нила преданіе отъ божественныхъ писаній ко приснымъ ему единоправнымъ ученикомъ» ¹²⁾. Во всѣхъ изданіяхъ сочиненіе это присоединяется къ монастырскому уставу Нила Сорскаго въ 11 главахъ (о которыхъ ниже), какъ его предисловіе (за которымъ однако слѣдуетъ собственное «предисловіе» главъ); но сочиненіе это совершенно самостоятельное и совершенно отдѣльное отъ 11 главъ устава. Въ рукописяхъ оно обыкновенно помѣщается всегда отдѣльно отъ послѣдняго. Монастырскій уставъ, начинаясь «предисловіемъ» («Отъ писаній св. отецъ о мысленномъ дѣланіи Предисловіе») и заканчиваясь послѣсловіемъ составителя («Сія убо мы неразумни, по мѣрѣ ху-

¹¹⁾ По изд. Оптиной пустыни (М., 1849), стр. 1—20.

¹²⁾ Въ Сборникѣ XVI вѣка бібліотеки Моск. Дух. Академіи, № 185, къ заглавію этому присоединена слѣдующая замѣтка: «Не вѣдаше бо богомудрый старецъ, яко бѣдѣ величѣй подлежитъ носяи имя пастырско и оставляяи овця самочиніемъ паствитися и ограды излзати; вскорѣ бо такое стадо въ расхищеніе звѣремъ бываетъ, пастырь же судящу и узамъ и темницѣ и многимъ томленіямъ повиненъ бываетъ. Сего ради и отецъ нашъ убоявся таковаго суда, не остави насъ со мученіемъ соотводимымъ быти, но вкратцѣ собравъ отъ божественныхъ писаній о истиннѣй православной вѣрѣ и о дѣльныхъ завѣщаній (слова эти довольно вѣрно опредѣляютъ общее содержаніе «Преданія») преда намъ написано. Вникающе же со страхомъ Божиимъ преданію его, благодатию Христовою не погрѣшимъ отъ истинныхъ вѣры, и елико посилѣ нашей подражателіе будемъ преданію св. отецъ (л. 327, самое преданіе лл. 328—338).

дости нашего разума написахомъ») является вполне законченнымъ сочиненіемъ, и всякое добавленіе къ нему было бы лишнимъ; точно также и рассматриваемое сочиненіе со стороны своего изложенія—совершенно цѣльное и законченное. По своему содержанию, сочиненія эти также не вяжутся, чтобы составить одно цѣлое. «Преданіе» написано очевидно при самомъ первомъ основаніи скита, какъ бы на первый случай (на что есть намеки въ самомъ сочиненіи,—ихъ мы приводили раньше), когда «благочестивіи братіи» только что стали селиться около пр. Нила, и представляетъ собою, по всей вѣроятности, первоначальную краткую редакцію монастырскаго устава Нила Сорскаго. Списки «Преданія» встрѣчаются въ рукописяхъ сравнительно довольно рѣдко, и это понятно: позднѣйшая, болѣе подробная и обстоятельная редакція устава сдѣлала первую, краткую—совершенно излишней. Списки «Преданія» относятся къ XVI—XVII вѣкамъ ¹³⁾.

III. О инокахъ кружающихся стяжаній ради ¹⁴⁾. Небольшая, но интересная замѣтка, и представляетъ, кажется, отрывокъ изъ посланія къ кому-то. Относится, можетъ быть, еще къ ранней молодости пр. Нила: молодымъ пыломъ негодованія, можетъ быть, и объясняется сравни-

¹³⁾ Указываемъ болѣе ранніе (XVI вѣка) списки «Преданія ученикомъ»:

Рукоп. бібліотеки Троицко-Сергіевой Лавры, № 188.

Сборникъ бібліотеки Моск. Дух. Академіи, № 185.

Волоколамскій Сборникъ той же бібліотеки, № 492.

Рукоп. Кирилло-Бѣлозерскаго мон., бібліотеки Петерб. Дух. Академіи, № $\frac{74}{1151}$.

Рукоп. изъ того же собранія, той же бібліотеки, № $\frac{25}{1102}$.

Въ этихъ же рукописяхъ, но отдѣльно, находится и Монастырскій уставъ Нила Сорскаго въ 11 главахъ.

¹⁴⁾ Напеч. (не вполне) у проф. Павлова: «Историческій очеркъ секуляризаціи», I, стр. 64, примѣч. 3.

тельная рѣзкость ея рѣчи. Извѣстны три довольно позднихъ списка ¹⁵⁾).

IV. Посланіе къ бѣлозерскому старцу Гурію Тушину ¹⁶⁾. Посланіе это обыкновенно помѣщается въ рукописяхъ вслѣдъ за посланіемъ Нила къ Вассіану Патрикѣеву (см. ниже) и передъ вышеупомянутымъ нами посланіемъ его къ старцу Герману, съ такимъ заглавіемъ: «Тогожъ старца Нила посланіе иному о пользѣ», или: «Тогожъ иному о пользѣ». Кто былъ этотъ «иной», оставалось неизвѣстнымъ; но имя этого лица случайно отмѣчено въ одномъ спискѣ. Въ рукописи XVI в. бібліотеки Троицко-Сергіевой Лавры, № 188, въ спискѣ посланія (л. 98—103), къ обычному заглавію наверху прибавлено тою же рукою: «Гурю Туш. . .» Гурій Тушинъ былъ инокъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря и одно время тамъ игуменомъ ¹⁷⁾. Повидимому, въ монастырѣ онъ пользовался большимъ уваженіемъ, и здѣсь у него было много учениковъ ¹⁸⁾. Онъ

¹⁵⁾ Въ рукописи бывшей бібліотеки Царскаго (нынѣ графа Уварова), № 274 (XVII вѣка), вслѣдъ за тремя посланіями Нила Сорскаго помѣщено: «Тогожъ старца Нила о инокахъ кружающихся стяжаній ради». То же самое сочиненіе встрѣчается еще въ Сборникѣ Моск. Публ. и Рум. Музея, № 409 (XVII—XVIII в.), л. 227, и въ рукоп. Кирилло - Бѣлозерскаго мон., бібліотеки Петерб. Дух. Академіи, № $\frac{129}{254}$, (XVII в.), л. 182.

¹⁶⁾ «Пр. Нилъ Сорскій», и проч., стр. 169—177.

¹⁷⁾ Ист. Рос. Церар., IV, стр. 497. Строевъ: Списки Іерарховъ и настоятелей монастырей Россійской церкви (Спб., 1877), стр. 55.

¹⁸⁾ Въ Новгородско-Софійскомъ Сборникѣ XVI вѣка, бібліотеки Петерб. Дух. Академіи, № 1451, находятся слѣдующія извѣстія: л. 190: «Въ лѣто 7042 (1534) Апрѣля 2, въ Кирилловѣ монастырѣ преставился старецъ Симеонъ Спашьской, ученикъ Гурья Тушина, на свѣтлой недѣлей, во вторникъ, передъ вечернею». — «Въ лѣто 7034 (1526) недѣлю 20-ю, преставился Герасимъ, Гурьевъ ученикъ». Л. 268: «Лѣта 7045 (1537) мѣсяца Октября 31, преставился старецъ Филофей, Гурьевъ ученикъ Тушина, во вторникъ, вечер.». На л. 135 кромѣ

умеръ въ 1526 году ¹⁹⁾. Посланіе Нила писано въ отвѣтъ на «писаніице» къ нему отъ Гурія («писаніице» это въ рукописяхъ не встрѣчается), и дошло въ многочисленныхъ спискахъ XVI—XVIII вѣковъ (о которыхъ см. въ примѣчаніи 38).

V. Посланіе къ Кассіану, князю Мавнукскому ²⁰⁾. Въ двухъ спискахъ XVI вѣка ²¹⁾ дошло до насъ: «Посланіе отъ божественныхъ писаній во отоцѣхъ ²²⁾ къ скорбящему брату». Это — самое обширное посланіе Нила Сорскаго, и написано имъ, какъ замѣтилъ еще преосвящен. Филаретъ, къ Кассіану князю Мавнукскому ²³⁾. Мнѣніе это, принимаемое и другими ²⁴⁾, остается вполне достовѣрнымъ, подтверждаясь самымъ содержаніемъ посланія. Кассіанъ, въ мірѣ Константинъ, «бѣше отъ Италійскія страны, отъ Аморія, рода княжеска, Мавнукскаго града» (прологъ 21 мая) и прибылъ въ Москву вмѣстѣ съ Софією Палеологъ (въ

того замѣчено: «Въ лѣто 7041 (1533) Іюня 19, преставися старица Марина Гурьева сестра, Тушина».

¹⁹⁾ Той же Новгородско-Софійской рукописи л. 190 об: «Въ лѣто 7034, недѣлю въ 8-ю, на память святаго великомученика Прокція преставися старецъ Гурій Тушинъ съ субботы на недѣлю, въ третій часъ ноши, и погребенъ бысть того же дни въ три часа дня».

²⁰⁾ «Пр. Нилъ Сорскій», и проч., стр. 184—196.

²¹⁾ Сборникъ XVI вѣка библіотеки Моск. Дух. Академіи, № 185, лл. 363—375 об.; Сборникъ Имп. Публичной библіотеки, изъ собранія графа Толстова, XVI вѣка, Q XVII, № 50, лл. 23—26.

²²⁾ «Во отоцѣхъ» — по рук. Моск. Дух. Академіи, или «во отоцѣ» — по рукоп. Публичной Библіотеки, а не «во отцѣхъ», какъ напечатано у Елагина (стр. 184) или «во отцѣ», какъ означено въ «Обз. Рус. Дух. Лит.», § 116. Въ Волоколамскомъ Сборникѣ 1519 года, библіотеки Моск. Дух. Академіи, № 534, въ статьѣ: «Толкованіе неудобъ познаваемымъ въ писаніи рѣчемъ» читаемъ: «отоци — острови, близ моря» (л. 639).

²³⁾ Обзоръ Р. Д. Лит., § 116.

²⁴⁾ Преосв. Макарій: Ист. Рус. Церкви, т. VII, стр. 263.

концѣ 1472 года). Долго ли пробылъ онъ при дворѣ—неизвѣстно; въ «житіи» его говорится, что придворная жизнь была не по душѣ ему: онъ любилъ жизнь тихую и строго наблюдалъ за своею совѣстію. Постриженіе его относится ко времени послѣ 1483 года²⁵⁾ и произошло противъ его воли²⁶⁾. Умеръ онъ въ 1504 году. Посланіе къ нему написано, повидимому, гораздо позже его постриженія²⁷⁾.

VI. Посланейце къ брату въ восточныя страны—коротенькая записка, извѣстная только въ одномъ спискѣ XVI вѣка²⁸⁾. Писана вѣроятно къ тому же князю Кассіану.

VII—VIII. Два посланія къ неизвѣстному старцу. Въ одной рукописи XVI вѣка Имп. Публичной Библио-

²⁵⁾ Преосв. Филарета, Рус. Святые, Октябрь, стр. 187.

²⁶⁾ Кн. Константинъ, удалившись въ монастырь и живя въ уединеніи, не хотѣлъ однако принимать постриженія, какъ ни уговаривали его. «Явившійся ему въ сонномъ видѣніи пр. Мартиніанъ (не задолго передъ тѣмъ умершій, игумень Кирилло-Вѣлозерскаго монастыря) грозилъ подвергнуть его строгому наказанію за сопротивленіе доброму совѣту. Видѣлъ я во снѣ—разсказывалъ кн. Константинъ—благотѣпную церковь съ иноками; посреди ея какъ бы каеэдра и на ней игумень Мартиніанъ, съ жезломъ въ рукѣ. «Постригись»—говоритъ мнѣ игумень.—Не постригусь, отвѣчалъ я.—«Если не послушаешься, продолжалъ онъ, буду бить тебя жезломъ», и хотѣлъ ударить меня. Отъ страха я проснулся и кричалъ». И тогда же Константинъ, по его просьбѣ, былъ постриженъ съ именемъ Кассіана.—Преосв. Филаретъ, Рус. Св., Октябрь, стр. 187.

²⁷⁾ О Кассіанѣ Мавнукскомъ см.: Преосв. Филарета: Рус. Святые, Октябрь (Черниговъ, 1865), стр. 184—189. Муравьева: Житія Святыхъ, Апрель (Спб., 1857), стр. 339—345. Въ Погодинскомъ Сборникѣ Имп. Публ. Библиотеки XVII—XVIII вв., № 1563, находится: «Житіе и подвизи преподобнаго отца нашего князя Константина Мавнукскаго Римлянина-Грека, нареченнаго во иноцѣхъ Кассіана» (лл. 62—114).

²⁸⁾ Въ Волоколамскомъ Сборникѣ XVI вѣка библиотеки Моск. Дух. Академіи, № 577, велѣдъ за тремя посланіями Нила Сорскаго находится: «Тогожь старца посланейце къ просившему у него брату съ восточныя страны на пользу души» (лл. 22—22 об). Ср.: Чтенія Общ. Люб. Дух. Просв., 1872, XI—XII, 356.

теки находимъ: «Два посланія старца Нила нѣкоего о душевной пользѣ отъ писаній божественныхъ»²⁹⁾. Посланія писаны, вѣроятно, къ Паисію Ярославову.

IX. Посланіе къ неизвѣстному иноку о покаяніи. Въ одномъ Волоколамскомъ Сборникѣ XVI вѣка бібліотеки Московской Духовной Академіи, № 491, находимъ: «Посланіе къ брату любовное и о покаяніи, зѣло полезно»³⁰⁾. Написано по поводу посланія къ автору неизвѣстнаго инока.

Замѣтимъ, однако, что посланія, помѣщенные нами подъ номерами V, VII—IX³¹⁾, не имѣютъ въ своихъ заглавіяхъ имени автора или указываютъ его не вполне опредѣленно, и приписываются Нилу Сорскому лишь съ большей или меньшей степенью вѣроятности. Въ виду крайней ограниченности

²⁹⁾ Рукоп. Имп. Публичной Библіотеки XVI в., Q. XVII, № 50, лл. 58—61. Нач. первого: «Просилъ еси, господине, у насъ грѣшныхъ вѣдѣнія отъ божественныхъ писаній: аще кто недостойнъ прійдетъ на священство или по священствѣ впадетъ въ плотскія страсти или прежь священства осквернитъ въ плотскихъ страстяхъ...»; начало второго: «Понеже древле, о пресвятый владыко, егда впадшу ми въ душегѣбныя разбойники и отъ нихъ не исполу, но всему умерщвлену,—елма ты, яко истиненъ пастырь, узрѣвъ мое окаянство, не мимошелъ еси, яко іерей и левить, но яко подражатель Владыки Христа милосердовалъ о моемъ недостоянствѣ...».—Заглавіе посланій: «Два посланія старца Нила нѣкоего о душевнѣй пользѣ отъ писаній божественныхъ», приведено въ общемъ оглавленіи рукописи (писанномъ тою же рукою), на листѣ 4.

³⁰⁾ Волоколамскій Сборникъ XVI вѣка бібліотеки Моск. Дух. Академіи, № 491, лл. 34—38; нач.: «О, любимый мой о Христѣ, брате, и возжелѣнный Богу паче всѣхъ. Како божественная словеса прочитаеши начастѣ, ими же и мене окаянная вѣставляеши на разумъ Божіихъ заповѣдей, иже въ богодохновеннѣмъ твоємъ отвѣтѣ, иже убогому начерталъ ми еси...»

³¹⁾ См. выше.

списковъ (одинъ - два), въ которыхъ они дошли до насъ, отсутствіе въ оглавленіи имени автора не должно казаться, впрочемъ, страннымъ: имя Нила Сорскаго обозначается на его сочиненіяхъ далеко не всегда ³²). Общій же характеръ посланій — приемы изложенія, направленіе мыслей, самый языкъ — довольно ясно обнаруживаютъ лицо ихъ автора.

Х. Посланіе къ кн. - иноку Вассіану Патриѣеву ³³). Въ рукописяхъ обыкновенно встрѣчаются съ такимъ заглавіемъ: «Посланіе великаго старца Нила къ брату, воспросившему его о помыслѣхъ». По мнѣнію покойнаго Горскаго, высказанному имъ въ одной статьѣ своей, посланіе это написано Ниломъ Сорскимъ къ Вассіану Патриѣеву ³⁴); мнѣніе это было повторено и позднѣе ³⁵). Но преосв. Филаретъ счелъ его написаннымъ къ кн. - иноку Кассіану Мавнугскому ³⁶), и мнѣніе его, хотя ничѣмъ не подтвержденное, повторяется до сихъ поръ ³⁷). Но оно оказывается не совсемъ вѣрнымъ. Два сохранившихся списка (XVI вѣка) посланія вполне подтверждаютъ мнѣніе Горскаго. Въ рукописи XVI вѣка бібліотеки Троице-Сергіевой Лавры, № 188, въ заглавіи этого посланія прибавлено наверху: «Князю Васьяну» (л. 93); та же помѣтка находится и на другомъ спискѣ посланія, въ Сборникѣ XVI вѣка бібліотеки Моск. Дух. Академіи, № 185 (л. 338: «Посланіе великаго старца пустынника къ брату, воспросившу его о помыслѣхъ».

³²) Намъ извѣстно, напр., около 30 списковъ (XVI—XVIII вв.) трехъ посланій Нила Сорскаго къ Вассіану Патриѣеву, Гурію Тушину и Герману пустыннику, но только на половинѣ этихъ списковъ стоитъ имя автора.

³³) «Пр. Нилъ Сорскій», и проч., стр. 161—169.

³⁴) Прибавл. къ Твор. св. отцевъ, т. VI, 1848, стр. 143—144.

³⁵) Преп. Нила Сорскаго преданіе, изд. Оптиной пустыни (1849), стр. V.

³⁶) Обзоръ Рус. Дух. Лит., § 116.

³⁷) Преосв. Макарія, Ист. Рус. Церкви, т. VII, стр. 263.

Князь Васьянъ»). Князь Вассіанъ—конечно извѣстный князь-инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ, ближайшій ученикъ и другъ Нила Сорскаго. Онъ былъ постриженъ въ 1499 году, и посланіе Нила къ нему, писанное, очевидно, вскорѣ послѣ постриженія, является такимъ образомъ однимъ изъ послѣднихъ сочиненій Нила Сорскаго, относясь къ періоду времени между 1499 и 1508 годомъ. Встрѣчается въ многочисленныхъ спискахъ XVI—XVIII вв. ³⁸⁾).

³⁸⁾ Посланія Нила Сорскаго—къ Вассіану Патрикѣеву (XI), къ Гурію Тушину (IV) и Герману пустыннику (I)—встрѣчаются въ рукописяхъ почти такъ же часто, какъ Монастырской уставъ въ 11 главахъ, и обыкновенно всѣ три вмѣстѣ. Указываемъ списки посланій, дошедшіе отъ XVI вѣка (наиболѣе ранніе):

Рукоп. бібліотеки Троице-Сергіевой Лавры, № 188.

Сборникъ бібліотеки Моск. Дух. Академіи, № 185.

Волоколамскій Сборникъ той же бібліотеки, № 577.

Рукоп. Моск. Синод. бібліотеки, № 185.

Сборникъ той же Библиотеки, № 535 (по старому каталогу); рукопись эта принадлежала нѣкогда Серапіону, архіепископу Новгородскому, врагу Іосифа Волоцкаго. См. «Указатель» преосвящ. Саввы.

Рукописи Кирилло-Бѣлозерскаго мон. бібліотеки Петерб. Дух. Академіи № $\frac{74}{1151}$, № $\frac{128}{253}$, № $\frac{109}{234}$.

Новгородско-Софійскіе Сборники той же бібліотеки, № 1444, № 1460.

Рукоп. Имп. Публ. Библиотеки, изъ собранія графа Толстова Q XVII, № 50.

Посланія эти въ рукописяхъ XVI вѣка встрѣчаются иногда и отдѣльно, напр.:

Новгородско-Софійскій Сборникъ XVI в. бібліотеки Петерб. Дух. Академіи, № 1460, л. 348 (Посланіе къ старцу Герману).

Волоколамскій Сборникъ 1519 года бібліотеки Моск. Дух. Академіи. № 534, лл. 326—337 (Посланіе къ Вассіану Патрикѣеву).

Волоколамскій Сборникъ той же бібліотеки, XVI в., № 497, лл. 628—632 (Посланіе къ Гурію Тушину).

Сборникъ Моск. Публичн. и Рум. Музея XVI в., изъ собранія Ундольскаго, № 573, л. 261 sqq. (Посланіе къ Герману), и др.

XII. Монастырскій уставъ въ 11 главахъ ³⁹⁾. Это—самое важное и наиболѣе обширное сочиненіе Нила Сорскаго. Въ рукописяхъ обыкновенно имѣеть такое заглавіе: «Отъ писаній св. отецъ о мысленномъ дѣланіи, чесо ради нужно сіе и како подобаеть тцатися о семь... старца Нила Сорскія пустыни...», или въ другихъ спискахъ: «Главы отца Нила отъ писаній св. отецъ», и проч. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ встрѣчается особое «Надсловіе» къ монастырскому уставу Нила Сорскаго ⁴⁰⁾; оно напечатано въ изданіи Оптиной пустыни (М., 1849), стр. VII—XLIV. Не извѣстно было, кому оно принадлежало ⁴¹⁾; но въ однонъ позднемъ спискѣ сохранилось имя автора: это былъ ученикъ Нила Сорскаго, инокъ Иннокентій Охлѣбининъ ⁴²⁾. Изъ сочиненій

³⁹⁾ По изд. Оптиной пустыни, стр. 21—154.

⁴⁰⁾ Намъ извѣстенъ лишь одинъ списокъ «Надсловія», въ Сборникѣ XVIII вѣка Моск. Публ. и Рум. Музея, изъ собранія Пискарева № $\frac{74}{511}$, лл. 73—93: «Надсловіе на книгу блаженнаго Нила Сорскаго, сочиненное ученикомъ его, инокомъ Иннокентіемъ, но повидимому есть и другіе, по которымъ оно издавалось.

⁴¹⁾ Пр. Нилъ Сорскій, и проч., стр. XLIII—XLIV.

⁴²⁾ Инокъ Иннокентій, изъ рода бояръ Охлѣбниныхъ, былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ Нила Сорскаго и вмѣстѣ съ нимъ путешествовалъ по Востоку. По возвращеніи, онъ жилъ сначала вмѣстѣ съ Ниломъ, въ его скиту, но потомъ основалъ свой собственный монастырь на рѣкѣ Едѣ, въ 50 верстахъ отъ Вологды. Время его кончины указывается различно, и колеблется между 1491 и 1522 годами. Кромѣ упомянутаго «надсловія», въ рукописяхъ встрѣчается еще «Завѣтъ инока Иннокентія», интересный между прочимъ по ссылкамъ на «писанія» учителя его, «старца Нила». Сдѣлавши въ началѣ «Завѣта» нѣсколько общихъ замѣчаній, онъ затѣмъ продолжаетъ: «А еже како пребывати въ пустынь нашей, и о молитвѣ, и о пѣніи, и како питатися, и когда подобаеть исходити потреби ради во благославно время, и о рукодѣліи и о прочемъ—сія вся вчинена суть въ писаніи господина и учителя моего старца Нила». И эти ссылки дѣлаеть нѣсколько разъ. Отрывокъ изъ «Завѣта» напеч. въ Ист. Рос. Церк. IV; болѣе длинные отрывки приведены въ «Описаніи Слав. и Рус. рукоп. сборниковъ Имп.

Нила Сорскаго Монастырскій уставъ въ 11 главахъ чаще всѣхъ встрѣчается въ рукописяхъ ⁴³).

ХII. Небольшіе отрывки, замѣтки различнаго содержанія, а также, вѣроятно, и времени. Таковы: «О смертномъ воспоминаніи» (Пр. Нилъ Сорскій, и проч.; стр. 196—

Публ. Библіотеки» А. О. Бычкова (Вып. I, Спб., 1877, стр. 96—97). Списки его встрѣчаются довольно рѣдко, и обыкновенно вмѣстѣ съ сочиненіями Нила Сорскаго. Намъ извѣстны слѣдующіе болѣе ранніе списки «Завѣта» (XVI—XVII вв.):

Сборникъ XVI в. библи. Моск. Дух. Академіи, № 185.

Рук. Кирилло-Бѣлоз. мон. Петерб. Дух. Акад., XVI в., № $\frac{74}{1151}$.

Новгородско-Софійскій Сборникъ той же библіотеки, № 1519 (XVII вѣка).

Рук. Моск. Публ. и Рум. Музея, изъ собранія Ундольскаго, № 143 (XVII в.).

Объ Иннокентіи Охлѣбининѣ, см. Исторію Россійской Іерархіи, IV, 299—302. Прибавленія къ Твореніямъ Св. Отець, т. VI, стр. 143. Обзоръ Русской Дух. Литературы, § 116. Русскіе Святые, Мартъ, 108—110. Исторію Русской Церкви Преосвященнаго Макарія, VII, 49.

⁴³) Кромѣ рукописей, указанныхъ въ примѣчаніи 13-мъ, Монастырскій уставъ Нила Сорскаго находится въ другихъ весьма многочисленныхъ спискахъ XVI вѣка; напримѣръ:

Рукоп. Моск. Синод. Библіотеки, № 185.

Волоколамскій Сборникъ библіотеки Моск. Дух. Академіи, № 497.

Новгородско-Софійскій Сборникъ Петерб. Дух. Академіи № 1488.

Рук. Моск. Публ. и Рум. Музея, изъ собранія Ундольскаго, № 140.

Соловецкіе Сборники библіотеки Каз. Дух. Академіи, № № 831, 853, 892, и многіе другіе.

Не указываемъ болѣе позднихъ списковъ XVII и XVIII вв. Въ виду обилія списковъ устава, совершенно непонятно слѣдующее заявленіе: «Онъ (Монастырскій уставъ Нила Сорскаго) сохранился для насъ въ двухъ довольно сходныхъ спискахъ, изъ коихъ одинъ находится въ Московской Троицко-Сергіевской Лаврѣ, а другой, написанный полууставомъ—въ Новгородской Софійской библіотекѣ». См.: Пр. Нилъ Сорскій, и проч., стр. XII.

197⁴⁴), Нѣсть убо добро еже всеѣмъ человекомъ хотѣти угодну быти (ib., стр. 197—198⁴⁵), Предисловіе на книгу св. Дорофея вкратцѣ⁴⁶), замѣтка о стоимости 30 сребренниковъ⁴⁷), Како начати правило иноку въ кельи⁴⁸).

XIII. Предсмертное завѣщаніе ученикамъ. Его мы привели въ концѣ біографическаго очерка. Дошло во многихъ спискахъ XVI—XVIII вв.⁴⁹).

Переходимъ къ изложенію содержанія перечисленныхъ сочиненій.

⁴⁴) Сборникъ Моск. Публ. и Рум. Музея, № 409 (XVII—XVIII в.), л. 217—218: «Нила Сорскаго, (Безъ заглавія). Возлюбленне поминай дни создаи смерти твоея...»

⁴⁵) Той же рукописи л. 227 об.: «Преподобнаго Нила. Нѣсть убо добро»... Та же замѣтка находится въ рук. Кирилло-Бѣлоз. мон. Петерб. Духовн. Акад., № $\frac{129}{254}$ (XVII в.), л. 182, гдѣ вслѣдъ за нею помѣщено: «О мнѣсѣхъ вращающихъ стяжаній (на полѣ выноса: «пѣныяз») ради, такоже Нилово» (л. 182).

⁴⁶) Рукоп. Кирилло-Бѣлоз. мон., $\frac{129}{254}$, л. 8: «Предѣсловіе на книгу св. Дорофея вкратцѣ Нилово».

⁴⁷) Рук. Кирилло-Бѣлоз. мон. Петерб. Дух. Акад., № $\frac{29}{286}$, л. 469: «Твореніе Нила старца». Нач.: «Внимай извѣстно глаголемымъ». Также: Новгородско-Софійск. Сборникъ той же бібліотеки, № 1157.

⁴⁸) Волоколамскій Сборникъ XVI вѣка бібліотеки Моск. Дух. Академіи, № 203, л. 1—5. Также: Рукоп. XVI в. той же бібліотеки, № 185, л. 108—109.

⁴⁹) Напр.: Рукоп. бібліотеки Троицко-Сергіевой Лавры, XVI в., № 188.

Рук. той же бібліотеки, № 799.

Сборникъ Моск. Синод. бібліотеки, XVI в., № 185.

Рук. Моск. Публ. и Рум. Музея, изъ собранія Ундольскаго, № 143. Новгородско-Софійскій Сборникъ библи. Петерб. Дух. Академіи, № 1158.

Новгородско-Софійск. Сборникъ. той же бібліотеки, № 1159.

Рук. Кирилло-Бѣлоз. мон. той же бібліотеки, № $\frac{61}{1300}$, и мн. другіе.

Послание къ старцу Герману показываетъ, какая тѣсная дружба существовала между пр. Ниломъ и этимъ старцемъ. Авторъ обращается къ нему съ особенной дружескою нѣжностью, какъ къ «присному своему любимому». Нѣкогда они жили вмѣстѣ въ одномъ монастырѣ (вѣроятно въ Кирилло-Бѣлозерскомъ); теперь же хотя и были «разнѣ тѣломъ, но духовною любовію» продолжали быть «сопряжени и совокупни». Нилъ Сорскій и старецъ Германъ, по видимому, ходили не рѣдко другъ къ другу побесѣдовать о духовныхъ предметахъ; пересылались они и посланіями. Настоящее посланіе писано Ниломъ по поводу одной такой бесѣды и въ отвѣтъ на предварительное посланіе къ нему Германа.

«Писаніице твое, господине отче—начинаетъ Нилъ свое посланіе—еже писалъ еси ко мнѣ, просиши у мене отписати къ тебѣ, еже на пользу. Мнишь скорбь мнѣ на тебѣ тѣхъ ради рѣчей, что бесѣдовали есмя съ тобою коли еси былъ здѣ». Предметъ бывшихъ рѣчей и настоящаго посланія—одинъ и тотъ же, это—необходимость тщательнаго изученія божественныхъ писаній и строгаго регулированія ими своихъ дѣйствій и всей жизни. «Совѣтоваль есмь—вспоминаетъ Нилъ о предшествовавшей бесѣдѣ, яко присному своему любимому... что не просто, или яко прилучися подобаетъ намъ творити дѣла кая, но по божественныхъ писаніяхъ и по преданію св. отецъ. Прежде изшествіе изъ монастыря (было) точію не пользы ли ради душевныя? А не за ино что! За неже не видятся нынѣ—замѣчаетъ онъ о современномъ иночествѣ—хранима жительства законъ Божіихъ, по св. писаніихъ и преданію св. отецъ, но по своихъ воляхъ и умышленіихъ человѣческихъ, и во мнозѣхъ обрѣтается се, что и самое то развращенное творимъ, и сіе мнимъ добродѣтель проходить. Се же случается отъ еже не вѣдѣти намъ святаго писа-

нія, понеже не тщимся со страхомъ Божиимъ и со смиреніемъ испытovati сія, но небрежемъ о сихъ и въ человѣческая упражняемся». Въ поясненіе своихъ мыслей пр. Нилъ указываетъ далѣе на свою собственную жизнь. «Ты вѣси мою худость изначала, пишетъ онъ, яко присный духовный, любимиче мой. Сего ради и нынѣ пишу тебѣ, явлено о себѣ твоя. Егда въ монастырѣ купно жили есмы, самъ вѣси, яко соплетеній мірскихъ удаляюся, и творю елико по силѣ по божественныхъ писаніихъ. Наипаче испытую божественныя писанія, прежде—заповѣди Господни и толкованія ихъ, и апостольскія преданія, таже—житія и ученія св. отецъ, и тѣмъ внимаю... и тѣмъ поучаюся, и въ томъ животъ и дыханіе мое имѣю!... И аще что лучится творити ми, аще не обрящу то въ святыхъ писаніихъ—отлагаю се на время, дондеже обрящу. И аще кто духовною любовію прильщяется мнѣ, такоже совѣтую дѣлати, наипаче же тебѣ, занеже изначала духовною любовію усвояемъ еси ко мнѣ. Сего ради и слово подвигохъ къ тебѣ, совѣтуя во благо, яко своей душѣ; како тщуся самъ дѣлати, тако и тебѣ бесѣдовахъ. И ты—продолжаетъ онъ—яже слыша отъ мене и сія писанія видѣвъ, аще ти угодно есть, подражай сія, желая сынъ и наслѣдникъ быти св. отецъ. Твори заповѣди господни и преданія св. отецъ, и сущимъ съ тобою братіямъ глаголи. И аще особнѣ вселеніе твое есть или въ монастырѣ съ братіями еси—внимай святымъ писаніемъ и по стопамъ св. отецъ шествуй, занеже божественныя писанія намъ тако повелѣваютъ».

Для изученія этихъ божественныхъ писаній можно слѣдовать и устнымъ наставленіемъ какого либо опытнаго старца, который «свидѣтельствованъ въ дѣланіи (въ монашескомъ подвигѣ) словомъ и разумомъ духовнѣ», и жить согласно съ его примѣромъ. Но если не найдется такого

старца, лучше всего—«повинутися Богу по божественныхъ писаніихъ».

Во всякомъ случаѣ, продолжаетъ пр. Ниль, не должно жить «такъ безсловесно, яко же нѣцыи— авторъ указываетъ опять на окружающее его иночество— и егда въ монастырѣ съ братіями мнящеся въ повиновеніи, самоволіемъ безсловесно пасутся, и отшельствіе такожде творять неразумно, волею плотскою ведущеся и разумомъ неразумнымъ, не вѣдуще ни яже творять, ни о нихъ же утверждаются. Ты же, прибавляетъ онъ, творя по святыхъ писаніихъ и по жительству св. отецъ благодатію Христовою не погрѣшиши». Не разъ упоминая въ посланіи о рѣзкости своей предшествовавшей бесѣды, пр. Ниль въ концѣ опять замѣчаетъ: «Еще молю твою святыню, да не положиши словеса она въ скорбь, яже глаголомъ тогда. Аще бо и по внѣшнему мнятся жестока, внутрь же исполнь пользы, понеже не своя глаголахъ, но отъ св. писаній. Жестока убо по истиннѣ онѣмъ, иже не хотятъ истинно смирится въ страсѣ Господни и плотскихъ мудрваній отступити, но по своихъ воляхъ страстныхъ жити, а не по св. писаніихъ. Таковии убо не испытуютъ св. писанія со смиреніемъ духовнѣ! Нѣцыи же отъ нихъ не хотятъ и слышати нынѣ, еже по св. писаній жити, яко же бо рещи—не намъ написана суть, и не подлежитъ еже въ нынѣшнемъ родѣ хранити та. Истиннымъ же дѣлателемъ (подвижникамъ) и древле и нынѣ и до вѣка словеса Господня чиста, яко сребро разженно... и заповѣди Его свѣтлы и вождѣлѣнны паче злата... Здравствуй о Господѣ, господине отче—заключаетъ авторъ свое посланіе—и моли о насъ, грѣшныхъ, а мы святынѣ твоей вельми челомъ бѣемъ»⁵⁰).

⁵⁰) Рук. библ. Троицко-Сергіевой Лавры, XVI в., № 188, лл. 103—107 об.

Преданіе ученикомъ заключаетъ въ себѣ краткія отрывочныя замѣчанія о жизни истиннаго инока. Авторъ въ самомъ началѣ такъ опредѣляетъ цѣль своего «Преданія»: «Написахъ писаніе сіе душеполезно себѣ и ѿ Господѣ братіямъ моимъ приснымъ, яже суть моего нрава, пишетъ онъ, спасенія ради моего и всѣхъ произволяющихъ, воздвизаяй совѣсть къ лучшему, и сохраняя отъ небреженія и злаго житія и вины, иже злѣ и плотская мудрствующихъ человекъ, и преданій лукавыхъ и суетныхъ, иже отъ общаго нашего врага и лестца и отъ нашея лѣности прившедшихъ». «Преданіе» начинается изложеніемъ символа вѣры: «Въ началѣ умыслихъ положить о вѣрѣ. Вѣрую во Единого Бога, въ Троици славимаго — Отца и Сына и Св. Духа, единосущна и нераздѣльна. Такожде и въ воплощеніе Сына Божія вѣрую, совершенна Бога и совершенна человекъа Того исповѣдую», и т. д. Изложеніе это напоминаетъ извѣстное «Исповѣданіе вѣры» митр. Иларіона. Авторъ указываетъ затѣмъ ближайшій поводъ къ составленію «Преданія»: Многіе благочестивые люди, пишетъ онъ (выше мы приводили его слова буквально), приходятъ ко мнѣ желая поселиться вмѣстѣ со мною, и сколько я ни отказывалъ имъ (я и самъ человекъ грѣшный и неразумный) — они не перестаютъ просить меня объ этомъ, и просьбы ихъ дѣлаютъ мнѣ большое безпокойство. Но я разсудилъ, что если есть воля Божія на то, чтобы они жили вмѣстѣ со мной — имъ нужно знать преданія святыхъ и поступать по заповѣдямъ Божиимъ, а не производить соблазна и не говорить въ оправданіе себя: нынѣ уже нельзя жить по писанію и слѣдовать примѣру св. отцевъ. Далѣе онъ и излагаетъ эти «преданія святыхъ».

Первая и самая главная обязанность инока — жить по писаніямъ и по преданію св. отецъ; этимъ опредѣляется уже отчасти все остальное. Пр. Нилъ замѣчаетъ, что только подъ этимъ условіемъ онъ и принимаетъ къ себѣ на

жительство. «Аще ли кто, говоритъ онъ, не произволяетъ въ сихъ (не хочетъ жить по св. писаніямъ и слѣдовать св. отцамъ), да престанетъ стужати моему окаянству. Азъ бо отсылаю таковыхъ бездѣльны (ни съ чѣмъ). Азъ о сихъ слово воздати не хочу за самочиніе ихъ, и неповиненъ есмь»: На такихъ «самочинниковъ» онъ особенно нападаетъ, и требуетъ отъ иноковъ строгаго подчиненія во внѣшней дисциплинѣ игумену; хотя—замѣчаетъ онъ—«мнозѣмъ ненавистно такое для Бога отреченіе отъ своей воли—каждый хочетъ спастись самоволіемъ».

Отъ иноковъ пр. Нилъ требуетъ, чтобы они жили исключительно трудами своихъ рукъ. Эта обязанность непосредственно вытекаетъ изъ главной и основной обязанности инока—жить по божественнымъ писаніямъ и преданіямъ св. отецъ. «Святыми отцами, говоритъ авторъ, намъ особенно строго заповѣдано, чтобы мы приобрѣтали себѣ пищу и все нужное отъ праведныхъ трудовъ своего руководѣля и другой работой. Не дѣлай бо, говоритъ апостоль, да не ясть: вотъ какъ должны быть удовлетворяемы наши житейскія потребности. Если, по нашей немощи или по чему другому, заработковъ нашихъ намъ будетъ недостаточно, можемъ принимать небольшія подаванія отъ христолюбцевъ, но необходимое только и никакъ не излишнее! Собираніе же имѣній—по насилію и отъ чужихъ трудовъ—совсѣмъ намъ не на пользу. Какъ можемъ мы, обладая всѣмъ этимъ, исполнить заповѣдь Господню: хотящему съ тобою судитися и одежду твою взяти—отдаждь ему и срачицу? И прочія подобныя. Хотя мы и страстны и немощны, но мы должны насколько можемъ все это отстранять отъ себя и какъ яда смертоноснаго—всего этого бѣгать! ^{50а)} И нѣ-

^{50а)} «Сія же отъ св. отецъ опаснѣ заповѣдано намъ есть, яко да отъ праведныхъ трудовъ своего руководѣлія и работы дневную пищу и прочая нужныя потребности себѣ приобрѣтаемъ. Не дѣлай бо, рече

сколько ниже опять повторяетъ:... «излишнихъ же не подобаетъ намъ имѣти!»

Въ отношеніяхъ къ мірянамъ предписывается снисхождение и любовь: покупая что либо потребное для себя или продавая отъ своего руководія, не должно обижать брата: лучше самимъ снести обиду; также и у работающихъ въ монастырѣ на братію мірянъ (если это случится)—не отнимать должной имъ за труды платы (слѣдовательно и это бывало!), но отдавать съ благословіемъ и отпускатъ съ миромъ⁵¹⁾.

Въ числѣ доводовъ, которыми хотѣли подтвердить мысль о необходимости для монастырей имущества, указывали, какъ мы видѣли, и на общественную благотворительность монастырей: монастыри принимаютъ у себя странниковъ, питаютъ нищихъ, творятъ «милостыню». Обязанность монастырей къ населенію и самую «милостыню» Нилъ Сорскій понимаетъ нѣсколько иначе. Замѣтивъ, что инокамъ, кромѣ самаго необходимаго для жизни, ничего излишняго не должно имѣть, онъ продолжаетъ: «А что просящимъ давать и занимающимъ не отказывать—такъ эта заповѣдь, какъ говоритъ св. Василій великій, дана только для лука-

апостоль, да не ясть: пребываніе бо и потреба наша отъ сихъ хочеть строитися. Аще ли не удовлимся въ потребахъ нашихъ отъ дѣланія своего, за немощь нашу или за иную нѣкую вину благословну, то взмнати мало милостыня отъ христовлюбцевъ—нужная, а не излишняя! Стяжанія же, иже по насилію отъ чужихъ трудовъ собираема, вносити—отнюдь нѣсть намъ на пользу. Како бо можемъ сохранить заповѣдь Господню сіа имѣюще: хотящему съ тобою судитися и одежду твою взяти, отдаждь ему и срачицу? И прочая сликъ таковая? Страстни суще и немощни, но должны есмы яко ядъ смертоносенъ отрѣвати и отгоняти».

⁵¹⁾ «Въ купнн же потребъ нашихъ и проданіи руководіи подобаетъ не отщетавати брата, паче же самѣмъ тщегу приимати; такожде и дѣлающихъ у насъ, аще случится, отъ мірскихъ —не подобаетъ важнаго урока отщетавати, но паче подаяти съ благословіемъ и отпущати съ миромъ».

выхъ. У кого ничего нѣтъ, тотъ не обязанъ и подаяній дѣлать, потому что если онъ скажетъ: у меня нѣтъ— онъ не солжетъ. Великій Варсанофій говоритъ: истинный инокъ тотъ, которому не приходится творить милостыню: онъ чистосердечно можетъ сказать: се мы оставихомъ вся и вслѣдъ Тебѣ идохомъ. И св. Исаакъ пишетъ: нестяжаніе выше такихъ подаяній! Иноческая милостыня, продолжаетъ авторъ—помочь брату словомъ во время бѣды, облегчить его скорбь духовнымъ утѣшеніемъ, но и это—кто можетъ. Для начинающихъ же—снести скорбь, укорь, обиду отъ братіи — вотъ уже духовная милостыня! И она настолько выше тѣлесной, насколько душа выше тѣла. Если изъ странниковъ кто придетъ въ монастырь — успокоить его, если спросить—дать хлѣба, и отпустить. Тѣмъ странникамъ, «о нихъ же извѣствуемъ, яко къ созиданію и исправленію душамъ творятъ бесѣдованіе» — иноки обязаны дать и духовное наставленіе, «приносити словеса» ⁵²).

Бродяжничество было страшно развито въ русскомъ мо-

⁵²) «А еже просящимъ даяти и заемлющихъ не отвращати, сіе на лукавыхъ повелѣно есть, глаголетъ Василій Великій. Не имѣяй бо излише нужныя потребности не долженъ есть таковыя даанія творити, и аще речеть: не имамъ, нѣсть солгалъ. Глаголетъ же Великій Варсануфіе: явленъ бо есть инокъ бнъ, иже не подлежитъ творити милостыня; той бо откровеннымъ лицемъ можетъ рещи: се мы оставихомъ вся и вслѣдъ Тебе идохомъ. Пишетъ же св. Исаакъ: нестяжаніе выше есть таковыхъ подаяній. Милостыня бо иноческая еже помощи брату словомъ во время нужи и утѣшити ему скорбь разсуженіемъ духовнымъ но и сіе могущихъ. Новоначальныхъ же, еже претерпѣти скорбь, обиду, укореніе отъ братіи, и се есть душевная милостыня, и толико есть вышши тѣлесныя, елико душа вышши тѣла.. Ащели страненъ кто придетъ, упокоити его, елико по силѣ нашей, и по сихъ, аще требуетъ, дати ему благословеніе хлѣба и отпустить его.. Въ келліяхъ же нашихъ таковымъ подобаетъ приносить словеса братіямъ и страннымъ, о нихъ же извѣствуемъ, яко къ созиданію и исправленію душамъ творятъ бесѣдованіе...»

нашествѣ конца XV вѣка; пр. Нилъ старается предупредить это зло: выходить изъ обители, замѣчаетъ онъ, иноки должны только за самымъ нужнымъ и необходимымъ, а не какъ вздумается — «не просто, яко же прилучися».

Своимъ послѣдователямъ пр. Нилъ не совѣтуетъ заботиться о церковныхъ украшеніяхъ; всякую внѣшность онъ считаетъ излишней. «О украшеніи же церковныхъ, говоритъ онъ, пишетъ св. Іоаннъ Златоустъ: аще кто совѣтуетъ (проситъ совѣта), хотя принести церкви сосуды священные или иное украшеніе, повѣли ему раздати нищимъ; никто бо, рече, осужденъ бысть когда, о еже церкви не украшати. И прочіи святѣи, продолжаетъ пр. Нилъ, тако глаголють. Преподобная же мученица Евгенія и принесенные ей сосуды серебряны не пріять, глаголющи: инокомъ не подобаетъ сребра стяжанія имѣти. Того ради и намъ, замѣчаетъ авторъ, сосуды златы и серебряны, и самыя священные (даже для самыхъ священныхъ предметовъ), не подобаетъ имѣти, такожде и прочая украшенія излишняя, но точію потребная церкви приносити». Онъ приводитъ въ примѣръ также Пахомія Великаго: «Великій же Пахоміе, рассказываетъ авторъ, и самое зданіе церковное украшено быти не хотяше. Созда бо церковь во обители, яже въ Мохосѣ, и сотвори въ ней столпы отъ плинфъ лѣпотиѣ; таже помысли, яко нелѣпо чудитися дѣлу рукъ человѣческихъ и о красотѣ зданій своихъ величатися, и вземъ уже (веревку), обвяза столпы и повелѣ братіямъ влещи всею крѣпостію, дондеже преклонишася и быша нелѣпни. И глаголаше: яко да не за хитростныя хвалы поползнувся умъ ловитва діаволу будетъ (чтобы умъ, поскользнувшись на льстивой хвалѣ, не сдѣлался добычей дьявола): многа бо того коварства. И аще сей великій святыи тако глагола и сотвори — прибавляетъ пр. Нилъ — колыи паче намъ подобаетъ въ таковыхъ вещехъ сохранятися, понеже немощни и страстни и умомъ поползновенны (легкомысленны)».

«О пици же и питіи—продолжаетъ авторъ — противу силѣ своего тѣла и души окормленіе кійждо да творить, бѣгая пресыщенія и сластолюбія! Въ піанство же пити отнюдь не подобаеъ намъ ни коего питья. Здравіи бо и юніи да утомляютъ тѣло постомъ, жажею и трудомъ, по возмoжнoму; старіи же и немощіи да упокоютъ себе мало». Такими краткими замѣчаніями пр. Нилъ ограничиваетъ свою рѣчь о предметѣ, который въ другихъ уставахъ того времени излагался съ особенною подробностію, занимая цѣлыя главы.

Послѣ приведенныхъ замѣчаній о пищѣ и питѣи иноковъ, пр. Нилъ опять возвращается къ только что прерванной рѣчи: «Себѣ же и въ келіяхъ нашихъ — опять напоминаетъ онъ — сосуды и прочая вещи многоцѣнны и украшены не подобаеъ намъ имѣти. Такжеде и созиданія келеиная и прочая вселенія жилищъ нашихъ (постройку келій и всю прочую обстановку жизни),—вся немногocѣнны и неукрашенны подобаеъ стяжати, якоже глаголетъ Великій Василіе—повсюду обрѣтаемы и удобь покупаемы».

Женщинамъ входъ въ обитель воспрещается; не должно также и «отрочать на служеніе держати». Иноки должны «сохранятися всячески гладкихъ и женовидныхъ лицъ».

«Вотъ все — говоритъ въ заключеніе пр. Нилъ — что нужно дѣлать иноку, хотящему истинно (который дѣйствительно хочетъ) спастися во времена сія». Свои наставленія онъ, впрочемъ, не считаетъ чѣмъ либо непреложнымъ: «Сія же вся, яже написахъ, замѣчаетъ онъ въ концѣ, аще суть ко благоугожденію Божию и пользѣ душамъ — тако творимъ; аще ли ни, лучшее да бываетъ, еже есть угодно Богу и полезно душамъ» ⁵³).

⁵³) Цитируемъ по рукописи бібліотеки Троицко-Сергіевой Лавры, XVI вѣка, № 188, лл. 9—18.

Изложенное сочиненіе уже достаточно опредѣляетъ общее направленіе мыслей нашего писателя, хотя онѣ набросаны имъ здѣсь кратко, отрывочно, какъ бы вчернѣ.

Въ посланіи къ старцу Герману, мы видѣли, пр. Нилъ не разъ упоминаетъ о недостаткахъ современнаго ему русскаго монашества, онъ указываетъ на общее самоволіе иноковъ, которые хотятъ «по своимъ волямъ страстнымъ жити, а не по божественнымъ писаніямъ», на ихъ незнаніе этихъ писаній: они оставляютъ ихъ въ пренебреженіи и не хотятъ изучать ихъ, говоря, что они уже неприложимы въ нынѣшнія времена. На тѣ же недостатки иноческой жизни онъ намѣкаетъ и въ «Преданіи». Кромѣ самоволія, незнанія «писаній», деморализація современнаго Нилу русскаго монашества особенно рѣзко проявлялась съ двухъ сторонъ—въ бродяжничествѣ и попрошайничествѣ. На эти двѣ стороны окружающаго монашества пр. Нилъ и нападаетъ въ своей небольшой замѣткѣ: «О мнисѣхъ кружающихся стяжаній ради». Замѣтка эта, при всей своей краткости, весьма интересна, и мы приводимъ ее сполна; къ тому же она не была еще вполне напечатана.

«Первѣе преводѣльное и зѣло опасное (строгое) монашествующихъ житіе—пишетъ Нилъ—нынѣ же мерзкое бысть, яко же зриши. Зане отягчаются убо вся грады и веси отъ лжемонаховъ, обходящихъ и обтекающихъ всуе, и якоже прилучися, многимъ безстыдіемъ и неразньствомъ. Смущаются же вси домовладыки и не сладцѣ имуть во истину и, къ самому воззрѣнію видяще тѣхъ прошаковъ безстыдно у дверей своихъ пребывающихъ, отнюду же и право по добродѣтели жительствующихъ—судъ, поруганіе и прелесть явѣ мнитсѣ. И что нынѣ Іеремія новый явилъ бы ся убо рыдати полезнѣ и по достоянію могій наша времена! Срамляюбо ся лишше что писати, обаче доброе творяще не

стужайте си, и Господь щедротъ и всякія утѣхи—съ вами. Аминь ⁵⁴⁾».

Устные бесѣды о духовныхъ предметахъ у Нила Сорскаго происходили не съ однимъ старцемъ Германомъ: по поводу одной изъ такихъ бесѣдъ написано имъ и посланіе къ Гурію Тушину. «Еже усты ко устомъ бесѣдова твоя святыня ко мнѣ, честнѣйшій господине отче—пишетъ къ нему Нилъ — таже и писаниця о томъ же прислалъ ми еси, требуши отъ моя худости написано послати тебѣ слово полезно».

Содержаніе посланія, равно какъ и предварительной бесѣды, представляетъ рѣшеніе четырехъ духовно-нравственныхъ вопросовъ, предложенныхъ Гуріемъ: Какъ бороться съ нечистыми мыслями? Какъ отгонять отъ себя мысли хулы? Въ чемъ заключается истинное отреченіе отъ міра? Что должно служить человѣку (иноку) путеводителемъ къ спасенію?

Отвѣчая на первый вопросъ—«о помыслахъ блудныхъ, како сопротивлятися имъ»—пр. Нилъ пишетъ: «О семъ не тебѣ точію тщаніе и подвигъ, но и всѣмъ подвижающимся; велія сія борьба, сугубу рать имѣя—въ души и тѣлѣ: не имать нужнѣйши сего естество. Того ради крѣпцѣ тщатися подобаеть и трѣзвенно и бодро соблюдать свое сердце отъ сихъ помыслъ, и страхъ Божій имѣя предъ очами, поминая обѣщаніе наше, еже исповѣдахомъ—пребывати въ цѣломудрії и чистотѣ. Цѣломудріе же и чистота не внѣшнее точію житіе, но и сокровенный сердца человѣкъ егда чистотствуетъ отъ скверныхъ помыслъ. Тѣмъ же всячески потщательнo отсѣпати сіи помыслы». Сохраняя и оберегая свое сердце отъ всего нечистаго, по-

⁵⁴⁾ Рук. Кирилло-Бѣлоз. мон. Петербур. Дух. Ак., № $\frac{129}{254}$ (XVII в.) л. 182. Ср. Сборникъ Моск. и Публ. Рум. Музея, № 409 (XVII—XVIII в.), л. 227—228.

давя въ немъ порочныя мысли и волненія, человѣкъ старательно долженъ отстранять отъ себя все, что можетъ вызвать въ его умѣ и сердцѣ подобныя мысли и желанія: «сохраний же ся—пишетъ Нилъ—отъ видѣнія лицъ и слышанія бесѣдъ таковыхъ, иже воздвигнутъ страсти и поставляють нечистые помыслы, и Богъ соблюдетъ тя». Но если порочныя страсти особенно обуреваютъ сердце человѣка, онъ долженъ непосредственно прибѣгнуть къ помощи Божіей и молиться объ охраненіи и очищеніи своего сердца и ума.

«Второе вопрошаніе твое, пишетъ Нилъ, о хульномъ помыслѣ: и сей помыслъ безстуденъ и лють есть». Для предохраненія себя отъ подобныхъ мыслей, нужно чаще всего прибѣгать къ Богу съ молитвой, и особенно беречься гордости... Если и послѣ молитвы хульныя мысли не оставляють, «предложи—продолжаетъ авторъ,—помыслъ на ину нѣкую вещь, божественну или человѣческую, аще что и не въ подобающихъ...» Но вообще подобныя мимолетныя мысли—совершенно не во власти человѣка: причина ихъ не наша собственная душа, но общій врагъ нашего спасенія, который навѣваетъ ихъ на насъ...

«А еже испытуеши, како отступити отъ міра—отвѣчаетъ преподобный Нилъ на третій вопросъ Гурія—и сіе доброе усердіе твое; но тщися дѣломъ сему совершитися, сице въ тебѣ...» Авторъ говоритъ, что отречься отъ міра человѣкъ долженъ въ томъ самомъ, чѣмъ особенно привязанъ къ нему; своему отреченію онъ долженъ принести въ жертву всѣ свои привычки и окончательно порвать со всѣмъ прошлымъ, иначе прежнія впечатлѣнія опять будутъ возобновляться въ его душѣ. Удалившись отъ міра, человѣкъ долженъ слѣдить лишь за самимъ собою, за своею жизнью и своимъ нравственнымъ самосовершенствованіемъ, до недостатковъ другихъ ему нѣтъ дѣла: «удаляйся, пишетъ Нилъ, видѣти и слышати вѣщи братія и таинства

ихъ и дѣянiя: «се бо сотворяеть душу пуну всякаго блага и устроаеть смотрати недостатки ближняго и оставлаетъ еже плакати своя грѣхи...» Къ нарушающимъ монастырскiе уставы и вообще къ согрѣшающимъ истинный инокъ, занятый всецѣло своимъ собственнымъ нравственнымъ самосовершенствованiемъ, долженъ относиться снисходительно, онъ долженъ удаляться отъ такихъ, но не долженъ ни осуждать, ни укорять ихъ, сознавая свои собственные недостатки: «не восходи же—совѣтуеть Нилъ своему другу—прiяти и обычныхъ друзей бесѣды, и же мiрская мудрствующихъ и упражняющихся въ безсловесная попеченiя, яже въ прибыткѣ монастырскаго богатства и стяжанiя имѣнiй, яже мнятсѣ сiя творити во образъ благости, и отъ неразумiя (неразумѣнiя) божественныхъ писанiй или отъ своихъ пристрастiй—добродѣтель мнятъ проходить. И ты, человекъ Божiй, таковымъ не прiобщайсѣ, не подобаетъ же на таковыхъ и рѣчи наскакати, ни поношати, ни укорити, но Богови оставлѣти сiя: силенъ бо есть Богъ исправити ихъ».

«А еже ищещи—отвѣчаетъ Нилъ на послѣднiй вопросъ—како не заблудити отъ истиннаго пути, и о семъ совѣтъ благъ даю ти. Свяжи себе законы божественныхъ писанiй и послѣдуй тѣмъ,—писанiемъ же истиннымъ, божественнымъ. Писанiя бо многа, но не вся суть божественна. Ты же истинная извѣстнѣ испытавъ отъ чтенiя, сихъ держисѣ, и бесѣдъ разумныхъ и духовныхъ мужей,—понеже не вси, но разумни разумѣвають сихъ (божественныя писанiя), и безъ свидѣтельства писанiй тавовыхъ не твори что». Авторъ указываетъ Гурiю на самого себя, замѣчая при этомъ, что любовь его къ нему дѣлаеть его безумнымъ «еже о себѣ глаголати». «Азъ о себѣ повѣдаю ти, пишетъ онъ. Азъ убо не творю что безъ свидѣтельства боже-

ственныхъ писаній, но по святыхъ писаніихъ послѣдую творю, елико по силѣ. Егда бо сотвориши ми что, повторяетъ онъ свои слова къ Герману, и спытую прежде божественная писанія, и аще не обрящу согласующа моему разуму въ начинаніе дѣла—отлагаю то, дондеже обрящу. Егда же обрящу, творю благодерзостно, яко извѣстно... Сице и ты—прибавляетъ онъ—аще хоцещи, сотвориай по св. писаніихъ, и по сихъ разуму тщися дѣлати заповѣди Божія и преданія св. отецъ. И о всемъ буди ревнитель тѣмъ, ихъ же зриши и слышиши отъ св. писаній и мущихъ свидѣтельствовано житіе и мудрованіе—сихъ бо право есть шествованіе пути». Итакъ, путеводителемъ къ спасенію человѣку должно служить само божественное писаніе; только непосредственное изученіе божественныхъ писаній можетъ указать, «како не заблудити отъ истиннаго пути». Можно слѣдовать и примѣру добрыхъ старцевъ, но опять только такихъ, о которыхъ извѣстно, что «житіе ихъ и мудрованіе свидѣтельствовано отъ св. писаній», согласно съ св. писаніями, т.-е. и въ этомъ случаѣ руководствомъ человѣка является какъ бы само писаніе, чрезъ посредство опытныхъ въ немъ старцевъ. Впрочемъ, какъ примѣру старцевъ нужно слѣдовать съ разборомъ, такъ и при непосредственномъ изученіи писаній, нужно руководиться писаніями только истинными, божественными. Въ «писаніямъ» должно относиться съ извѣстной степенью критики: «писанія бо многа, но не вся божественна суть». Это требованіе отъ человѣка самостоятельнаго разумнаго критерія, критическаго отношенія къ массѣ «писаній»—особенно важно.

«И потщися—оканчиваетъ преподобный Нилъ свое посланіе—пріемъ сѣмя слова Божія не обрѣтется сердцю твоему путь ни камень, ни терніе, но благая земля, сотвория многосугубленъ плодъ во снасеніе души своея! Да и азъ...

возрадуюся благодаря Бога, увидѣвъ тебе слышавша слово Божіе и храняща е» ⁵⁵).

Посланіе къ кн.-иноку Кассіану Мавнукскому развиваетъ аскетическую мысль о необходимости для человѣка скорбей и несчастій въ здѣшней жизни. Кроме того, посланіе заключаетъ интересныя свѣдѣнія о лицѣ, къ которому оно было написано, и отчасти рисуетъ личный характеръ самого Нила.

«Еже о Христѣ брату—пишетъ преподобный Нилъ, послѣдній во иноцѣхъ братъ вашъ моленіе творю, понеже понуди мя отъ должнаго написать и послати тебѣ, познаваему творя въ письменѣхъ моихъ, по обѣщанію нашему. Не терплю, любимиче мой, сохраните тайнство въ молчаніи, но бываю безумень и юродъ за братнюю пользу; понеже сіе есть любовь истинная яже не можетъ укрыти въ всаковѣ тайнствѣ отъ любовныхъ своихъ». Авторъ поражается необыкновенно чудесною судьбою лица, къ которому онъ пишетъ, явными слѣдами въ ней божественнаго промысла: «Многаци—замѣчаетъ онъ—егда сія начинахъ писати, остояху ми персты на хартіи и не стерпѣвахъ безъ сердечныя капля многогрѣшную мою десницу простерти, поминая къ тебѣ Божіе милосердіе и милость, яко изведе тя отъ земля Египетскія и приведе въ землю Израилеву и сотвори тя познати единого Себе, истиннаго Бога нашего Иисуса Христа, во плоти пришедша, и крещеніемъ Его крестився, и потомъ сподоби тя ангельскому образу еже у насъ начало положити во убогой нашей келейцѣ. По сихъ же, брате, сливаюся душою, смущаюся совѣстію, растерзаюся утробою, воспоминаю еже отъ юности—твоя скорби, и бѣды, и плѣненіе, и заведеніе отъ своєю земли и рода и отечества, и въ землю чужую и незнаему и

⁵⁵) Рук. бібліотеки Троицко-Сергіевой Лавры, XVI в., № 188, л. 98—103.

языкъ несвѣдомъ и родъ непознаваемъ всеяема, еще же предпочтенныхъ свѣтлостію сана родителю чадо. И яко избави тя Господь, отъ сихъ, отъ многихъ и различныхъ смертей, отъ огня, и отъ меча, и отъ воды, и самъ сихъ наипаче не невѣси. Потомъ же наведе на ны искушенія и скорби и заточенія». Но всѣмъ этимъ несчастіямъ и бѣдствіямъ—продолжаетъ онъ—должно радоваться: они готовятъ человѣка къ вѣчной блаженной жизни. Здѣшняя жизнь должна быть жизнью страданій и скорбей, должна быть такою для всѣхъ, ищущихъ вѣчнаго спасенія. Никто изъ святыхъ не наслаждался здѣсь, на землѣ, всѣ они подвергались гоненіямъ, терпѣли разнаго рода несчастія, и этими «бѣдами и тѣснотами» они спаслись и спасаются. Путь несчастій и скорбей—единственный путь къ вѣчному блаженству. Авторъ, указываетъ далѣе на примѣры Іова, Іереміа, Давида, на крестную смерть Спасителя, на труды апостоловъ, страданія мучениковъ; изложеніе этихъ примѣровъ занимаетъ большую часть посланія. «Видѣши ли, брате, говоритъ въ заключеніе авторъ, яко отъ древнихъ лѣтъ вси угодившии Богу скорбми и бѣдами и тѣснотами спасошася и въ радость внидоша вѣчную. Зри, яко не благоволилъ Богъ, да почіють любимцы Его въ здѣшнемъ житіи. Ты же, о Христолюбче, сія вся на сердцѣ своемъ напиши и терни неослабно скорбная вся, и начальную твою вѣру поминай на всяко время и часъ, первыя ревности начало пути и теплыхъ и горячихъ помыслъ твоихъ, съ ними же пришелъ еси къ моему худости въ ненаселенную пустыню, единому стражующу, работая Богу моему отъ юности моея, сія поминая, како еси тогда имѣлъ попеченіе о малыхъ согрѣшеніихъ, еже не согрѣшати. И милосердый Богъ—оканчиваетъ Нилъ свое посланіе—вездѣ съи и вся могій, и насъ изведетъ и свободитъ, аще на пользу душамъ нашимъ ⁵⁶).

⁵⁶) Рук. библ. Моск. Дух. Акад., XVI в., № 185, л. 363—373.

Князь Кассіанъ и Нилъ Сорскій иногда сходились и лично побесѣдовать «на пользу души»; на такія личныя бесѣды указываетъ небольшая записка къ нему Нила (посланіе... къ брату съ восточныя страны), въ которой пр. Нилъ замѣчая: «такъ ся, господине, намъ мнѣть: полезно тебѣ окормлятися правиломъ тѣлесныхъ дѣланій (подвиговъ) по силѣ, а не выше мѣры, и въ писаніихъ божественныхъ поучатися и въ руководѣліяхъ себе обучати» — прибавляетъ: «коли Богу хотяшу другъ друга узримъ, тогда пространнѣе будетъ бесѣда о всемъ про все»⁵⁷⁾.

Совершенно частный характеръ имѣютъ два посланія Нила къ неизвѣстному старцу.

Первое посланіе изъ нихъ, повидимому, лишь записка, приложенная къ особому посланію, содержаніе котораго въ ней указывается. «Просилъ еси, господине, пишетъ авторъ въ первомъ посланіи, у насъ, грѣшныхъ, вѣдѣнія отъ божественныхъ писаній: аще кто недостоинъ приидеть на священство, или по священствѣ впадетъ въ плотскія страсти, или прежь священства осквернитъ въ плотскихъ страстехъ, и что божественныя правила о сицевыхъ уставляетъ запрещенія или кое отлученіе? И мы, господине, сами грѣшны и недостойны суще, како можемъ учительскый даръ восхнщати; но убоихся суда Божія скрыти истину своихъ ради грѣховъ лѣности, дерзнухъ того ради, понеже множицею глагола ми о семъ и отъ многаго времени требуеши отъ мене, худаго, слышати слово, въ душевную, тебѣ поспѣвающею пользу. Но не яко же ты мниши, возлюбленне, —

Рук. Имп. Публ. библ., XVI в., Q. XVII, № 50, лл. 23—26.

⁵⁷⁾ Волокол. Сборн. XVI в. библ. Моск. Дух. Ак., № 577, л. 22—22 об.

мы сильни въ дѣлѣхъ и словесѣхъ: вѣси убо немощь мою и удобна тебѣ худость моя; но не просиши отъ мене упокоевающее плоть, но къ спасенію душевнаго устоенія,— сего ради забыхъ свою скудость и неразумѣніе, и поминая твою вѣру и усердіе и еже о блазѣмъ тщаніе,—и повелѣнная тобою дерзнухъ писати вратцѣ, отъ божественныхъ правилъ, и послахъ твоему боголюбію». Это посланное сочиненіе очевидно, совершенно отдѣльное, — намъ неизвѣстно, и настоящее посланіе ограничивается лишь упоминаніемъ о немъ. Остальная часть посланія указываетъ на близкое отношеніе того и другаго лица: «боюся, владыко мой, читаемъ въ посланіи, де не множество грѣхъ моихъ возбранитъ мнѣ насладитися твоего видѣнія здѣ и онамо; аще здѣ благоволитъ Госнодь, да утвердится ми сердце твоими словесы. О, честиѣйшій отче! свое чадо убогое не забывая, буди молитвенникъ къ Господу... о моемъ обаянствѣ, всегда быти благоволи — много молю твое преподобство — и на путь спасенія наставляти мое недостоинство, владыко, не отрицися!»...

Во второмъ посланіи, авторъ желая божественныя трапезы «пріобщитися», проситъ молитвъ того, — «его же и отъ пеленъ вожделѣхъ видѣти»... «Можеть бо, святыи владыко господи—читаемъ въ посланіи—еже токмо видѣти тя, злонравную ми душу увѣщати, во благонравіе приложитися и во умиленіе пріити... Тѣмже со слезами молю твою хриstopодражательную утробу, господи мой и владыко: прими душу мою многогрѣшную во исповѣданіе и покаяніемъ ко Христу Спасу приведи... Не могу, господи мой, комуждо, яко же прилучися, обнажити язвы души моея, но тебѣ токмо, святыи владыко, обнажити могу, яко и древняя моя цѣлившу...⁵⁹⁾

Снисхожденія къ подчиненнымъ, состраданія и про-

⁵⁹⁾ Рук. XVI в. Импер. Публичн. библ.. Q. XVII. № 50. лл. 58 — 61.

щенія — что авторъ предыдущаго посланія считаетъ первой заповѣдью «самодержцамъ земнымъ» — недоставало иногда и въ монашеской средѣ. Кротостью и снисхожденіемъ не отличались многіе настоятели русскихъ монастырей XV—XVI вѣка. Отъ XV вѣка до насъ дошло одно интересное митрополитичье посланіе къ архимандриту — игумену какого-то монастыря, съ выговоромъ ему за излишнюю строгость къ младшей братіи ⁶¹). Подобнымъ же случаемъ вызвано и посланіе къ брату любовное и о покаяніи. Содержаніе его — вредъ отчаянія и спасительность покаянія. Приводимъ посланіе почти вполнѣ.

«О, любимый мой о Христѣ брате и возжелѣнный Богу паче всѣхъ! Како божественныя словеса прочитаеши начастѣ, ими же и мене окаяннаго въставляеши на разумъ Божіихъ заповѣдей, яже въ богодохновеннѣмъ твоємъ отвѣтѣ, иже убогому начерталъ ми еси премудро убо и разумно и выше всякаго слова! Таже потомъ глаголеши и милъ ся дѣеши, чтобы азъ убогый написалъ ти нѣкая словеса на исцѣленіе язвъ твоихъ. И да всѣи убо, о старче, яко довольна суть и твоя словеса на созиданіе души твоей же и моей окаяннѣй. Едино же не сладостно приѣмлю отъ твоихъ глаголь, занеже нѣкая словеса изглаголалъ еси отчаятельнаи всякаго христіанска чловѣка чужда. Глаголеши убо, яко будетъ ми озлобленіе велико отъ начальника пасомыхъ, яже о моемъ прегрѣшеніи. Душу убо свою всякаго отщетѣваеши спасенія и Бога презрѣнна полагаеши, иже о грѣшныхъ себе на смерть предасть. Еще же и мою душу конечно сокрушаеши и болѣзнену твориши. Добро убо есть добро, еже не съгрѣ-

⁶¹) Посланіе это напечатано у проф. Павлова: Памятники древнерусскаго каноническаго права, I, № 127 (Рус. Историч. Библиотека, т. VI, Спб., 1880).

шати человѣку, и прѣвое добро душамъ се есть. Но понеже немощно естество наше и нерадѣніемъ и лѣнностью побѣждаемъ, врагомъ препинаемъ — абіе пакы да возвращаемъ на покаяніе, да не гладъ постигнетъ насъ и уморить душу нашихъ. Второе бо плаваніе есть, по съгрѣшеніи, исповѣданіе и покаяніе и обращеніе къ Богу, ими же и спасаемъ, понеже обрѣтающуюся человѣку близъ Бога покаяніемъ и исповѣданіемъ, ничтожь творить погубленію достойна... Нѣсть се конечное оскверненіе, еже преложитися на злое, но аще кто пребудеть въ немъ — погубленіе и осужденіе имать. Еже бо нимало съгрѣшати — Божіе есть или мужа божественна; а еже съгрѣшающимъ преложитися на неповинное житіе — мудра мужа дѣло есть и вѣдущаго конечную пользу. Подобаеть же намъ и евангельская она словеса не презрѣна полагати, яже богогласный Лука провѣща, еже блудный сынъ ко отцу своему возопи сице глаголя: колици наемни у отца моего избилуютъ хлѣбомъ, азъ же голодомъ погыбаю; вѣставъ убо иду къ отцу моему и реку ему: отче! съгрѣшихъ на небо и предъ тобою и нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой; сотвори мя, яко единого отъ наемникъ твоихъ. И вѣставъ прииде къ отцу своему, и еще же ему далече сущу, видѣ ѹ отецъ его умилосердися и текъ и паде на выю его и лобза его. Оле чудо! Въспомяну токмо блудный сынъ покаяніе — отецъ же абіе прострѣ человѣколюбіе свое. Не пожда пріяти глаголющему: прѣже призвати мя, реку: се азъ. Видиши ли, о общежительный брате, како чадолюбивый ѡнъ отецъ узрѣ издалече грядущаго блуднаго своего сына и срѣте и лобза его, а не убо ѹ въ заточеніе посла, яко же ты малодушне глаголеши: яко аще исповѣмъ беззаконія моя на ся, той въ заточеніе мя послеть, и смерть моя тамо будетъ ми. Не тако убо, брате, не тако помышляй. Помышленіе оно лукавое, яже всѣа въ сердце твое ненавидай рода человѣча врагъ. Но

послѣдуй совѣту моему благому, не бо на пагубу души твоей совѣщаю, но паче на пользу. Писанію убо глаголющу, яко неправедно есть жгтому недугомъ себе закалати и погубити; тако же недостойно есть и неподобно, немилостивно заклати себе ножомъ отчаянія, но покаяніе показати паче и славословіе и умиленіе. Се воистину благо есть и полезно и спасено. Велие бо и преславно есть Владыкы нашего человѣколюбіе и никтожь доволенъ будетъ на благодареніе Его; не токмо бо приѣмлетъ отходящихъ и удаляющихся отъ Него, но паче возвращающихся великими дары почитаетъ и веселится, и не токмо не ищетъ судити ему, но и благодатемъ сподобляетъ его, и не токмо не поношаетъ его, но и отвѣты насъ ради творить... Ты же не токмо еже къ струпомъ цѣлбы приложити потщася, но и конечнымъ мечемъ закалаешися и глаголеши: яко бояся онаго (игумена) озлобленія внѣ обители иду, а мо же аще Богъ направитъ стопы моя. А не вѣси ни дни ни часа, егда ти смерть будетъ. Сіе же убо да вѣси, паче же и самъ знаешь, яко Богъ не направляетъ стезь твоихъ окаянныхъ, яже ими помышляеши шествовати, въ слѣдъ врага нашего діавола. Отъ мене же конечно незнаемъ буди, ниже прощенъ, паче же и отъ Бога... Да убо что отъ мене и полезныхъ словесъ ищещи на исцѣленіе струповъ своихъ, а самъ себѣ убити пуцаваешися на всякъ часть. И аще вонмеши—довольна ти преже писанная словеса; аще ли же ни—насъ убо да избавитъ Господь отъ сѣти вражія! Ты же, яко же хочещи—или въ слѣдъ діавола, или—Христа Бога нашего, Ему же слава нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. аминь» ⁶²⁾.

Посланіе къ князю Вассіану Патрикѣеву за-
ключаетъ въ себѣ общія наставленія молодому неопытному

⁶²⁾ Волокол. Сборникъ XVI в., Моск. Дух. Ак., № 491, л., 34—38.

иноку, только что вступившему въ неизвѣстную для него среду. Посланіе написано по просьбѣ самого Вассіана. Природа и привычки брали свое, и молодой невольный монахъ не могъ скоро и вдругъ примириться съ новой средой. Воспоминанія о прежней, такъ неожиданно оставленной имъ жизни, не давали ему покоя, и вотъ онъ обращается за совѣтомъ къ пр. Нилу: какъ избавиться отъ «находящихся помысловъ предняго мірскаго житія?» какъ очистить свою душу отъ мыслей порочныхъ, нечистыхъ? какъ вести себя съ окружающими иноками? Выражалъ, вѣроятно, и общую скорбь о постигшемъ его такъ неожиданно несчастіи...

Отвѣчая на посланіе князя и стараясь утѣшить его скорбь объ оставленной имъ жизни, пр. Нилъ указываетъ ему на ничтожность этой жизни, на тлѣнность и непрочность всего мірскаго. «И се и самъ—пишетъ онъ ему—отъ искуса (изъ опыта) разумѣши, колики скорби и развращенія имать міръ сей мимоходящій и колика злоютства сотворяеть любящимъ его и како посмѣвается отходя отъ работавшихъ ему—сладокъ являяся имъ, егда ласкаетъ вещьми, горекъ бывая послѣди... Мнящаяся бо его благая—повидимому суть блага, внутрь же исполнена многа зла... По изшествіи же отъ житія сего, что бываетъ? Положи мысль твердѣ во глаголемое. Чимъ пользова міръ держащихся его? Аще кон славы и чести и богатство имѣша, не вся ли сія ни во что же быша, и яко сѣнь мимоидоша и яко дымъ изчезоша? И мнози отъ сихъ соображающесе въ вещьхъ міра сего и любяще пошествое его, во время юности благоденства своего смертію пожати быша, яко цвѣтцы сельнии процвѣтше отпадоша, и не хотяще отведени быша отсюда. А егда пребываху въ міръ семъ, не поразумѣша злосрадія его, но тщахуся во украшеніе и покой тѣлесный... Тебе же—прибавляетъ онъ—возлюбивъ Богъ и изыять отъ міра сего, и постави тя въ чину службы своея, милостію и строеніемъ своимъ. Того ради долженъ еси по премногу благода-

рители милость Его и творити вся, елика по силѣ, ко благоугождению Его и ко спасению души своея, задняя забывая, яко не потребна, къ преднимъ же добродѣтелямъ простираяся, яко животу вѣчному ходатайственна»...

«А еже рекль ми еси — продолжаетъ пр. Нилъ — о помыслѣхъ нечистыхъ, иже отъ врага душъ нашихъ приносимыхъ, о сихъ не зѣло поглащайся скорбію и не ужасайся. Понеже не точю намъ, немощнымъ и страстнымъ, о семъ стужение бываетъ, но и сущимъ въ предиспѣяніи и въ житіи достохвальномъ пребывающимъ и благодати духовной отчасти сподобившимся, и симъ — ратованіе бываетъ много отъ таковыхъ помыслъ и подвижи велицы о сихъ обрѣтаются, и благодатию Божіею едва отгоняють сихъ, тщася всегда на отѣченіе ихъ. И ты симъ утѣшайся, но тщательно отсѣщай лукавыя помыслы... Твори что либо руководѣіе: симъ бо лукавыя помыслы отгоняются... Изучай что отъ писанія изустъ, въ томъ умъ полагаая... Сохраняй же ся отъ бесѣдъ слышанія и зрѣнія негодныхъ, иже воздвижутъ страсти и укрѣпляютъ нечистые помыслы»... Эти мысли мы уже встрѣчали въ посланіи Нила къ Гурію Тушину.

Нилъ даетъ Вассіану и общія наставленія, какъ жить въ новой непривычной средѣ: «Вся, елика похвальна и честна и добродѣтельна, сія помышляй и твори, мудръ бывая во благое, всяку же злобу ненавида. Имѣй послушаніе къ наставнику и прочимъ отцемъ... Аще прилучится слово, вопросъ или отвѣтъ кому, благоглаголиво и сладко бесѣду твори, съ любовію духовною и со смиреніемъ истиннымъ, неразлѣнено и не приобидя брата. Благоговѣйнымъ отцемъ прилѣпляйся, и то — во время и въ мѣру. Отъ не таковыхъ же ошайся (удалайся). Сохрани же ся и тщися ни укорити, ни осудити ни кого ни въ чемъ, аще и не благо что зрится»...

«Буди же усерденъ — продолжаетъ онъ — къ послушанію божественныхъ писаній, и сихъ глаголы, яко

водою животною напоая свою дугу, — тщи ся, елико по силѣ, по сихъ творити. Тако же имущимъ разумъ божественныхъ писаній и мудрованіе духовное и житѣльство свидѣтельствовано въ добродѣтелехъ, — таковымъ тщи ся повиноватися и тѣхъ житію подражатѣль быти»...

Утѣшая его въ сѣтованіяхъ его и жалобахъ на постигшее несчастіе, преп. Нилъ указываетъ на необходимость страданій въ здѣшней жизни, повторяя пѣкоторые мысли изъ своего посланія къ Кассіану Мавнукескому: «Терпѣніе имѣй въ скорбѣхъ — пишетъ онъ молодому иноку — и за оскорбившихъ тя молися, имѣй тѣхъ, яко благодѣтелей... Отъ вѣка святіи, иже ходивше въ путѣхъ добродѣтелей, не токмо бѣды и скорби претерпѣвшіе, но и крестомъ и смертію шествуема бѣ стезя ихъ, и се есть знаменіе любви Божія, еже скорби прикоснутся кому о дѣланіи правды, и сіе глаголется даръ Божій... Сіе бо сотворяетъ челоувѣка общника (общника) страстемъ Христовымъ... И въ семь разнствуютъ любимицы Божіи отъ прочихъ, да сіи убо во скорбѣхъ живутъ; любящии же міръ — сіи въ пици и покои веселятся. И се есть путь правый, еже претерпѣти искушенія скорбей о благочестіи, и на сей путь наставляя, Богъ страдалцовъ своихъ приводитъ въ животъ вѣчный... И сего ради съ радостію подобаетъ шествовати намъ непорочнѣ въ путь сей, поминающе конецъ житія сего скорбнаго и безконечное блаженство будущаго вѣка. И Богъ всякія радости и утѣшенія утѣшитъ сердце твое, заключаетъ Нилъ свое посланіе. Незабвенна, Господа ради, сотвори мене грѣшника въ молитвахъ своихъ, глаголюща ти доброе, а не творяща — да Господь изведетъ мя отъ тменія грѣховъ»⁶³).

Самымъ важнымъ и наиболѣе обширнымъ сочиненіемъ Нила Сорскаго является его Монастырскій уставъ въ

⁶³) Рук. библ. Троицко-Сергіевой Лавры, № 188, лл. 93—98.

11 главахъ, или Главы отца Нила. Если «Преданіе ученикомъ» представляетъ первоначальные наброски монастырскихъ правилъ, то въ «Главахъ» мы находимъ глубоко продуманное и систематически изложенное сочиненіе... Оно состоитъ изъ предисловія, одиннадцати главъ и заключенія. Излагаемъ подробно ходъ мыслей автора.

Въ предисловіи авторъ говоритъ о важности и необходимости для инока «мысленнаго дѣланія, сердечнаго и умнаго храненія»,—внутренняго духовнаго самосовершенствованія, постояннаго наблюденія за своимъ умомъ и сердцемъ,—и указываетъ средство, которое можетъ научить человѣка такому нравственному перевоспитанію. Основной почвой и исходной точкой своихъ размышленій пр. Нилъ дѣлаетъ Евангеліе и Посланія Апостоловъ. Онъ указываетъ на слова Спасителя: «Отъ сердца исходятъ помышленія злая и та скверняютъ человѣка» (Мѡ. XV, 18)... «Фарисее слѣпый! Очисти прежде внутреннее склянницы и блюда, да будетъ и внѣшнее ихъ чисто» (ib., XIII, 26)... «Духомъ и истиною подобаетъ кланяться Отцу» (Іоан. IV, 24); на слова Апостола: «Аще молюся языкомъ духъ мой молится, а умъ мой безъ плода есть... Помолюся духомъ, помолюся и умомъ... Хочу пять словесъ умомъ моимъ глаголати, нежели тмы словесъ языкомъ» (I Кор. XIV, 14, 15, 19)... Тому же самому—продолжаетъ авторъ—учать и св. отцы, и въ подтвержденіе приводитъ изреченія нѣкоторыхъ изъ нихъ: «Тѣлесное упражненіе—только листъ, внутреннее же плодъ... Кто молится только устами, не заботясь объ умѣ, тотъ воздуху молится: Богъ внимаеть уму... Безъ внутренняго, напрасно трудиться во внѣшнемъ... Одно тѣлесное упражненіе безъ внутренняго не можетъ достигнуть Бога»... И такъ—заключаетъ авторъ—согласно словамъ самого Спасителя и Апостола, и всѣ св. отцы одинаково говорятъ о важности и необходимости для человѣка внутренняго очищенія ума и сердца—«мысленнаго дѣланія (подвига), сердечнаго и умнаго (умственнаго) хра-

ненія»; только при такомъ очищеніи сердца и ума возможенъ путь спасенія... Вотъ почему, продолжаетъ онъ, и прежніе подвижники больше всего «соблюдаху умъ и чистоту душевную», и не только такіе, которые жили по пустынямъ и въ уединеніи, но и спасавшіеся въ большихъ, многочисленныхъ монастыряхъ, какъ Симеонъ Новый Богословъ, Симеонъ Студійскій, и друг. «Какъ невозможно жить безъ пищи и питья, такъ безъ охраненія ума отъ всего порочнаго, безъ наблюденія за своимъ сердцемъ, не можетъ душа наша достигнуть никакого духовнаго совершенства, если бы кто страхомъ будущихъ мукъ и сталъ удерживать себя отъ грѣховъ. Отъ истиннаго исполнителя заповѣдей Божіихъ требуется не только то, чтобы онъ внѣшними дѣйствіями исполнялъ ихъ, но чтобы и умъ и сердце свое оберегалъ отъ того, что заповѣдано...» ^{63a)}.

Что касается до средствъ, какъ научиться подвигу этого внутренняго самосовершенствованія, то самымъ лучшимъ средствомъ такимъ должно быть непосредственное изученіе божественныхъ писаній. Правда, прежде научались такому подвигу нравственнаго самосовершенствованія изъ бесѣдъ съ опытными старцами-отшельниками, которые собственнымъ опытомъ проходили его; но нынѣ намъ, «до зѣла оскудѣвшимъ», трудно найти такого руководителя, и потому лучше самимъ обратиться къ источнику спасенія—къ божественному писанію, и «отъ божественныхъ писаній научатся, слышавше самого Господа глаголюща: испытайте писанія, и въ нихъ обрящете животь

^{63a)} «Яко же не мощно есть жити житіе сіе ни ядуще, ни піюще; сице не возможно безъ храненія умнаго, еже глаголется трѣзвеніе, въ духовное что достигнути душѣ, аще кто и нудитъ себе страха ради мукъ, еже не согрѣшати. Истиннаго бо заповѣдей Божіихъ дѣлателя, рѣкоша отцы, не еже точію дѣланіемъ хранити сія, но и умнѣ соблюдатися отъ преступленія заповѣданнаго».

вѣчный (Іоан. V, 10); елика бо прежде написана быша во св. писаніихъ, въ наше наказаніе преднаписашася, глаголетъ Апостоль» (Римл. XV, 4). Св. отцы—продолжаетъ авторъ— «работавшіе въ виноградѣ сердца своего и очистившіе умъ отъ страстей» также повелѣваютъ «почерпати воду живу отъ источника божественныхъ писаній».

«Того ради—заключаетъ авторъ свое предисловіе—и азъ многогрѣшный и неразумный, собравъ отъ св. писаній яже рѣкоша о сихъ (о мысленномъ дѣланіи, сердечномъ и умномъ храненіи) духоносніи св. отцы, написахъ на воспоминаніе себѣ... Рѣкохъ не отъ себе, но отъ св. писаній, малая отъ многихъ собрахъ, яко же песь отъ крупиць падающихъ отъ трапезы словесъ господій своихъ блаженныхъ отецъ, да поне вмалѣ подражателіе будемъ сихъ».

За предисловіемъ слѣдуютъ самыя главы. Первая глава трактуетъ «о различіи внутренней борьбы, которую должно вести съ страстями, и о томъ, какъ старательно нужно противостоять страстямъ»⁶⁴). Содержаніе ея психологическое. Авторъ дѣлаетъ въ ней психологическій анализъ страстей человѣческой души; онъ указываетъ различные моменты страсти—ея первичный зародышъ, постепенное усиленіе, какъ бы выростаніе въ сердцѣ, наконецъ полное укорененіе—даетъ совѣты, какъ подавлять и уничтожать страсть въ этихъ различныхъ ея фазисахъ. Слѣдуя византійскимъ писателямъ, пр. Нилъ отмѣчаетъ пять періодовъ страсти: «прилогъ», «сочетаніе», «сложеніе», «плѣненіе» и собственно «страсть». Онъ такъ характеризуетъ эти степени словами тѣхъ же писателей:

«Прилогъ—простое впечатлѣніе, первый образъ какого либо предмета, всякое первичное движеніе, являющееся въ сердцѣ или въ умѣ». Другими словами, это—всякая не-

⁶⁴) Глава I: «О различіи еже на насъ мысленныя брани, побѣды и побѣжденія и еже тщаливо противитися страстемъ»...

вольная, мимолетная мысль, всякое невольное чувство, возникающія въ душѣ человѣка. Такъ какъ они появляются невольно, подѣ влияніемъ окружающаго, совершенно независимо отъ нашей собственной воли и желанія, то человѣкъ за нихъ и не отвѣтственъ... ⁶⁵⁾.

Но если человѣкъ поддается возникшей порочной мысли, порочному желанію, останавливается на помыслѣ (на «прилогѣ»), навѣянномъ ему, собственной волей удерживаетъ возникшую случайно мысль, пробудившееся внезапно чувство — происходитъ уже сочетаніе ⁶⁶⁾. Иначе сказать, сочетаніе есть извѣстная степень вниманія человѣка въ возникшей мысли, къ явившемуся чувству; отъ «прилога» сочетаніе отличается присутствіемъ зачатка воли... Обязанность человѣка — продолжаетъ авторъ — состоитъ въ томъ, чтобы всякую злую мысль, всякое нечистое чувство, какъ только онъ замѣтитъ ихъ въ своей душѣ — «на благая предлагати». Здѣсь уже зародышъ борьбы.

Сложеніе есть начало страстнаго увлеченія явившеюся мыслью, возникшимъ чувствомъ, стремленіе, склонность къ возникшему въ душѣ впечатлѣнію, образу. Навѣваемые отъ врага помыслы, порочныя желанія, человѣкъ воспринимаетъ, сознательно удерживаетъ въ себѣ и внутренно уже склоняется ихъ осуществить, имъ слѣдовать... Человѣкъ

⁶⁵⁾ «Прилогъ—помыслъ простъ или образъ прилучившагося, новоявленнаго въ сердце вносимаго и уму объявляющагося, еже реци: просто какаго либо мысли на умъ человѣку принесена будетъ. И сіе безгрѣшно, ниже похвалу имуще, ни укоръ, понеже не въ нашей силѣ есть»...

⁶⁶⁾ «Сочетаніе—еже согласовати къ явльшемуся прилогу по страсти или безстрастнѣ, рекше—пріятіе помыслу отъ врага бываемому, сирѣчь, еже съ нимъ поученіе и собесѣдованіе отъ произволенія нашего, се же есть помышляти которая либо мысль, принесенная на умъ».

почти готовъ привести въ исполненіе появившуюся мысль, почти готовъ слѣдовать пробудившемуся желанію...⁶⁷⁾

Но и при сочетаніи и при сложеніи человѣкъ находится еще въ нерѣшительности, онъ или противится возникающимъ мыслямъ, желаніямъ, или готовъ почти склониться на нихъ; окончательное увлеченіе мыслью или чувствомъ порочными есть плѣненіе. Это бываетъ въ двухъ случаяхъ: человѣкъ или невольно наводится на нечистыя мысли и противъ собственнаго желанія увлекается ими, — такъ какъ это дѣлается «нуждею», невольно, то этотъ видъ плѣненія можетъ быть почти безгрѣшенъ; или вполне сознательно слѣдуетъ страстнымъ мыслямъ и желаніямъ, — когда «яко бурю и волнами носимъ и отъ устройства благаго (душевнаго спокойствія) изводимъ къ лукавымъ мыслямъ, онъ не можетъ въ тихое и мирное устройство прійти»⁶⁸⁾. Такое состояніе души особенно вредно: душа находится въ возбужденіи, человѣкъ — самъ не свой, онъ теряетъ всякое самообладаніе и носится какъ бурей по волнамъ, поработанный страстными мыслями... Это больше всего «отъ молвы бываетъ, отъ многихъ и неполезныхъ бесѣдъ».

Всѣ эти душевныя состоянія — и «прилогъ», и «сочетаніе», и «сложеніе» и «плѣненіе» — болѣе или менѣе временныя:

⁶⁷⁾ «Сложеніе — приклоненіе съсластное души къ являемому помыслу или образу бываемое; се же есть, егда кто представляемъ отъ врага помыслы или образы пріемля и съ ними глаголя мысленнѣ — вмаѣ сложитъ въ мысли своей, тако быти якоже глаголетъ вражій помысль».

⁶⁸⁾ «Плѣненіе — или нужное и невольное сердца отведеніе (увлеченіе) или пребывательное совокупленіе къ прилучившемуся помыслу и изыщное нашего устройства губительное (и особенно губительно для нашего спасенія). Се же первое есть: егда плѣненъ будетъ умъ помыслы, сирѣчь нуждею отведется (увлечется) на лукавыя мысли, тебѣ не хотящу. Второе же: егда (человѣкъ) яко бурю и волнами носимъ и отъ устройства благаго изводимъ къ лукавымъ мыслямъ, не можетъ въ тихое и мирное устройство прійти».

они находятъ на человѣка и проходятъ. Не такова страсть. Долго гнѣздясь въ человѣческой душѣ, страсть входитъ какъ бы въ характеръ человѣка, «во нравъ» его, дѣлается ему родной, обычной. Чему въ началѣ, на первыхъ порахъ, человѣкъ поддается совершенно свободно, произвольно, это самое постепенно такъ овладѣваетъ имъ, что онъ почти не въ силахъ ему противиться. Порокъ укореняется въ сердцѣ человѣка, переходитъ въ страсть и обурекаетъ человѣка своими помыслами... Страсть всецѣло завладѣваетъ человѣкомъ и постоянно возмущаетъ его душевное спокойствіе: врагъ не даетъ покоя ему, рисуя передъ нимъ всегда и вездѣ «вещь страстную», и человѣкъ «аще хочетъ, аще не хочетъ» — дѣлается его рабомъ... Такой силы страсть достигаетъ «отъ сочетанія и собесѣдованія частаго», когда человѣкъ «прежде отъ небреженія мнозѣ сочетался и собесѣдовалъ, сирѣчь мыслилъ произволеніемъ» о предметѣ сдѣлавшемся для него страстью ⁶⁹).

Таковъ ходъ постепеннаго укорененія страстей въ душѣ человѣка. Вотъ враги, съ которыми иноку, да и вообще каждому человѣку приходится бороться при своемъ нравственномъ самосовершенствованіи; вотъ — почва, на которой должно совершаться спасеніе человѣка...

Указавши предметъ внутренней борьбы, цѣль монаше-

⁶⁹) «Страсть же истиннѣ глаголютъ, яже временемъ долгимъ въ душѣ гнѣздятся, яко же во нравъ оныя, еже къ ней обычаемъ приведеса: въ нюже прочее самоизвольнѣ и самоусвоеннѣ приходитъ человѣкъ, и та обурекаетъ его присно страстными помыслами, отъ врага влагаемыми, утвердившиися отъ сочетанія и собесѣдованія частаго и во обычаи бывши мнозѣмъ поученіемъ и мечтаніемъ. Се же есть, егда кую либо вещь страстную начастъ представляетъ врагъ человѣку, и паче инѣхъ вжизаетъ его на любовь ея, и аще хочетъ, аще не хочетъ, побѣждаетъ отъ нея мысленнѣ. Нампаче же се бываетъ, аще будетъ прежде отъ небреженія на мнозѣ сочетался и собесѣдовалъ, сирѣчь мыслилъ произволеніемъ о той вещи неподобнѣ».

скаго подвига, пр. Нилъ переходитъ затѣмъ къ указанію средствъ, какъ вести эту, борьбу. Самое лучшее средство для борьбы съ нашими страстями, говоритъ авторъ во второй главѣ — «еже начало прившедшаго помысла отсѣцати, иже глаголется прилогъ»... Страсть нужно захватывать на первыхъ порахъ, въ самомъ зародышѣ: позднѣе трудно будетъ бороться съ нею. Пресѣкая «прилогъ», уничтожая зародышъ, мы тѣмъ самымъ уничтожаемъ и все дальнѣйшее: «первому сопротивляяся, сирѣчь прилогу помысла, вся послѣдующая единою отсѣче». Этимъ мы уничтожаемъ «матерь злымъ», и это — первое средство борьбы. Второе — молитва. Указывая на молитву, какъ на средство борьбы съ страстями, Преподобный подробно останавливается на условіяхъ и сущности молитвы.

Подъ молитвою онъ разумѣетъ не обыкновенное чтеніе или пѣніе псалмовъ и молитвъ или церковную службу, но — особую внутреннюю, духовную, «умную молитву». Необходимость для человѣка «умной молитвы» — одинъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ въ общемъ кругѣ идей Пр. Нила, и онъ подробно говоритъ о всей важности ея и преимуществѣ предъ обыкновенной молитвой (во внѣшнихъ знакахъ). Излагаетъ ходъ его мыслей:

Замѣтивши о необходимости молитвы въ борьбѣ со страстями, онъ продолжаетъ: «стоя на молитвѣ, мы должны хранить свою мысль отъ всего посторонняго, сдѣлать свой умъ глухимъ и нѣмымъ, а свое сердце чистымъ отъ всякаго помысла; нужно избѣгать даже такихъ мыслей, которыя на первый взглядъ кажутся хорошими: за хорошими часто слѣдуютъ дурныя... Въ молитвѣ — продолжаетъ онъ — подобаетъ понуждаться молчати мыслью... и зрѣти присно во глубину сердечную и глаголати: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя... И тако глаголи прилежно, аще стоя или сидя или лежа, и

умъ въ сердцѣ затворяя и дыханіе держа елико мощно — да не часто дышеша...—Если ты, замѣчаетъ далѣе преподобный, не можешь вполне сдержать сердца своего, если злыя мысли продолжаютъ смущать тебя, толпясь въ душѣ твоей — не отчаявайся, не падай духомъ и продолжай молиться: никто изъ начинающихъ (приводитъ онъ слова Григорія Синаита) не въ силахъ сдержать свою мысль, искоренить въ себѣ совершенно всё злыя помыслы, если только Богъ не подкрѣпитъ его. Только искусившіеся могутъ вполне владѣть своимъ умомъ и подавлять въ своемъ сердцѣ всё злыя движенія... — Если постороннія мысли, врываясь въ нашу душу, и нарушаютъ нашу «умную» молитву, то это дѣлается невольно для насъ; сознательно же мы должны всячески отъ этого удерживаться. Внутреннюю сердечную молитву не должно нарушать ничѣмъ внѣшнимъ — ни пѣніемъ, ни чтеніемъ псалмовъ (простою обыкновенною молитвою): она выше обычной внѣшней молитвы; послѣдняя лишь подготовленіе къ ней. Когда — говоритъ авторъ — по благодати Божіей, человѣкъ ощущаетъ въ себѣ сладость молитвы и почувствуетъ въ своемъ сердцѣ влеченіе къ ней — нужно особенно стараться сохранять это расположеніе души. Если чувствуешь (приводитъ онъ слова Григорія Синаита), что молитва проникаетъ въ твое сердце, производитъ движеніе въ немъ — не оставляй ее никогда и не замѣняй ее пѣніемъ псалмовъ, пока она сама не оставитъ тебя. Поступивши такъ (замѣнивъ внутреннюю молитву пѣніемъ, молитвой внѣшней), ты оставилъ бы Бога внутри себя, чтобы призывать Его во внѣ, отъ высокаго спустился бы внизъ... Богъ — смиреніе есть, «молвы и вопля вышши»...⁷⁰⁾ Не нуждается корабль въ веслахъ

⁷⁰⁾ «Аще видиши молитву дѣйствующую въ твоёмъ сердцѣ и не перестающую двигаться, да не оставиши ю никогда же и возстанени пѣти, аще не оставитъ тя: Бога бо внутри оставль, извнѣ призываеши, отъ высокихъ къ нижнимъ преклоняеся... Богъ же — смиреніе есть, молвы и вопля вышши».

когда дуетъ попутный вѣтеръ, который несетъ его по морю страстей: весла нужны ему лишь когда онъ останавливается отъ безвѣтрія; такъ и человѣку: если ему доступна высокая, «умная» молитва, — ему уже не нужна внѣшняя, подготовительная... А тѣмъ — продолжаетъ авторъ — которые изъ любви къ спорамъ указываютъ на св. отца или на кого изъ нынѣшнихъ подвижниковъ, что они совершали всенощное стояніе и долгое пѣніе (т.-е. совершали обыкновенную, во внѣшнихъ знакахъ молитву), Григорій Синаитъ совѣтуетъ отвѣчать такъ: не во всѣхъ все совершенно... Малое въ великихъ не всегда мало, и великое въ малыхъ не всегда совершенно. Не всѣ подвижники, и теперь и прежде, однимъ и тѣмъ же путемъ шли и не всѣ все до конца исполнили... Кто достигъ духовнаго совершенства, тотъ уже не нуждается въ пѣніи псалмовъ: ему нужно внутреннее сосредоточеніе, сердечная молитва и углубленіе въ себя... Такіе уже съ Богомъ соединены и имъ не слѣдуетъ отвлекать свой умъ отъ Него и нарушать свое духовное спокойствіе (созерцаніе). Ихъ умъ будетъ прелюбодѣйствовать, если отступивши отъ созерцанія Бога, начнетъ упражняться въ менѣе важномъ»...⁷¹⁾

⁷¹⁾ «Къ предлагающимъ же любопреннѣ св. отца или здѣ нѣкихъ, яко всенощное творяху и непрестанное пѣніе, повелѣваетъ (Григорій Синаитъ) отвѣщевати отъ писанія сие: не во всѣхъ всѣ совершенна.. Но малая убо въ великихъ не всяко мала, великая же въ малыхъ не всяко съвершена. Не вси бо всегда дѣлатели (подвижники), нынѣ или древле, той же путь шествоваша или до конца удръжаша. О сущихъ же въ предспѣянїи и dospѣвшихъ въ просвѣщеніе рече: сїи не требуютъ глаголати псалмы, но — молчаніе и неоскудную молитву и видѣніе. Сїи бо съ Богомъ съвкуплены суть и нѣсть имъ требѣ отторнути умъ свой отъ Него и вложить въ смущеніе. Прелюбы бо дѣеть умъ таковыхъ, аще отступитъ отъ памяти Божїа и въ худѣйшихъ вещьхъ рачительнѣ емлется»... На преимуществѣ умной молитвы предъ обыкновенной довольно долго останавливается и Иннокентій въ своемъ

Внутренняя «умная» молитва не только существенное средство для очищенія нашего сердца и страстей; она — высшая цѣль человѣческаго (иноческаго) самосовершенствованія и выше всѣхъ добродѣтелей: добродѣтелей много, и каждая изъ нихъ — частица добра; умная же, сердечная молитва — источникъ всякому благу...⁷²⁾

Высшія свойства «умной» молитвы авторъ такъ изображаетъ словами свв. Исаака Сирина и Симеона Новаго Божеслова. «Когда посѣщаетъ человѣка (говорить пр. Исаакъ Сиринъ) та несказанная радость (внутренняя, сердечная молитва); молитвенныя слова прекращаются, застываютъ уста, языкъ, сердце — источникъ желаній, умъ — правитель чувствъ, застываетъ мысль — эта быстролетная птица и безстыдная! — не имѣетъ она въ этотъ моментъ ни молитвы, ни движенія, ни власти надъ собою, она находится подъ наитіемъ иной силы, держится какъ въ плѣну и чувствуетъ себя «въ не по-

«Надсловіи» — предполагая тотъ случай, «аще кто речеть, яко мощно есть и кромѣ умнаго дѣланія очиститися отъ грѣховъ чрезъ благодать Христову покаянїемъ»... Отвѣчая на это, онъ между прочимъ замѣчаетъ: «инокъ не погубляетъ своего правила, оставляя многое исалмопѣніе, каноны же и тропари, и все свое тщаніе обращая на умную молитву, но наипаче умножаетъ сіе (правило). Яко же бо закону вся сила и хотѣніе бѣ, еже всѣхъ приводити ко Христу, аще и мняшеся симъ умалятися: тако и многое пѣніе отсылаетъ дѣлателя (подвижника) ко умной молитвѣ, а не на весь животъ монашескій простирается. И самый бо искусъ (опытъ) такового учить, егда симъ молящеся, сирѣчь виѣшнимъ моленїемъ — познаемъ нѣкое прегражденіе, между нами же и Богомъ, аки стѣну мѣдяну, по пророку, не попускающу уму нашему воззрѣти ясно въ молитвѣ къ Богу, ниже внимати сердцу, въ немъ же вся силы душевныя виѣстнишася, и источникъ помысловъ, благихъ же и злыхъ». — Рукоп. Моск. Публ. Рум. Музея, изъ Собранія Пискарева, XVIII в., № 74 (511), лл. 79 об. — 80. (въ изд. Онт. пуст. напечатано не вполне исправно).

⁷²⁾ «Многа бо добродѣтельная дѣланія, но отчасти суть; сердечная же молитва — всякому благу источникъ»...

стижныхъ вещьхъ, идѣже не вѣсть»... И не молитвой (молитвенными словами) уже молится умъ, онъ выше молитвы бываетъ: въ обрѣтеніи лучшаго молитва оставляется и человекъ находится во изступленіи, не зная—въ тѣлѣ онъ или безъ тѣла... Душа человека забываетъ себя и другихъ и съ сердцѣмъ разливается сладость нѣкая—человекъ не можетъ выразить своего блаженства, и все земное вмѣняетъ въ пепель и уметы»...

«Кій языкъ изречеть?—приводитъ пр. Нилъ слова Симеона Новаго Богослова—Кій же умъ скажетъ? Кое слово излаголетъ? Страшно бо, во истину страшно... Зрю свѣтъ, его же міръ не имать, зрю—посредѣ келии, на одрѣ сѣдя... Внутри себе вижу Творца міру, и бесѣдую, и люблю и ямъ, питаюся единѣмъ боговидѣніемъ, и соединився Ему, небеса превосхожду!.. Гдѣ тогда тѣло, не вѣмъ»...

Въ концѣ главы преподобный обращается къ себѣ и къ современнымъ инокамъ. Мы непотребные, говоритъ онъ, полные грѣховъ, мы недостойны и слышать объ этомъ... Я для того только дерзнулъ привести эти святыя слова, чтобы познали мы, «коимъ окаянствомъ объаты есмь и коему безумію издаемъ себѣ, тщаяся къ приобщенію и предъспѣянію міра сего и приобрѣтающе вещи тлѣнныя, и сихъ ради въ молвы и во брани входяще и творяще тщету душамъ нашимъ. И сіе мнѣмся благотворяще, и въ похвалу вмѣняемъ себѣ! Но горе намъ, яко непознаваемъ душъ нашихъ, ниже разумѣваемъ, въ кое жительство званіи быхомъ... Житіе міра сего, или скорби его или покой его, вмѣняемъ, яко суть что, и отъ лѣности и небреженія и міролюбія нашего глаголемъ, яко древнимъ святымъ сіе подобно бѣ (внутреннее духовное самосовершенствованіе, умная молитва), намъ же не требѣ, ни възможна суть сія. Но нѣсть тако, нѣсть! Невозможна убо самовольнѣ вмѣтающимъ себѣ въ страсти и не хотящимъ истинно покаяться

и потщатся о дѣлѣ Божіи и любящимъ міра сего полезныя попеченія»... Въ древности, продолжаетъ онъ, св. отцы многіе и сами проходили этотъ внутренній подвигъ иночества и другихъ учили ему, — «единъ другаго назидану и подкрѣпляху! Нынѣ же, оскудѣвшимъ таковымъ, аще кто потщится въ дѣло Божіе — наипаче благодать вразумляетъ и подкрѣпляетъ (а не примѣръ другихъ) отнынѣ и до вѣка. А непроизволяющихъ подвизатися и иныхъ въ нерадѣніе и безнадежіе приводящихъ и глаголющихъ, яко нынѣ древнихъ дарованій даръ отъ Бога не бываетъ, — нарицаеть (Апостоль) сихъ прельщаемыми и прельщающе иныхъ! Нѣщныи же ни слышати хотятъ, аще есть благодать въ нынѣшнее время. Сіи убо отъ многого нечувствія и неразумія и маловѣрія омрачени»...

Итакъ, подавленіе страсти въ самомъ зародышѣ, при первомъ ея возникновеніи въ сердцѣ (отсѣченіе прилоговъ), непрестанное вниманіе къ себѣ и охраненіе своего сердца и ума отъ всякаго порочнаго чувства, отъ всякой порочной мысли, что такъ необходимо для внутренней, умной молитвы, наконецъ эта самая, внутренняя сердечная молитва — вотъ средства, которыми можетъ и долженъ бороться человекъ (инокъ) со страстями своей души... Борьба трудная, и требуетъ непрерывныхъ усилій. Чѣмъ поддерживать себя въ этой борьбѣ? Главной поддержкой такой — говоритъ авторъ въ третьей главѣ ⁷³⁾ — должна быть для человека его собственная энергія, его твердая рѣшимость бороться: «да не омалодушимся, взываетъ преподобный, ни увываемъ... не престанемъ отъ теченія пути»... Иногда могутъ случиться искушенія, но не будемъ смущаться ими и не предадимся отчаянію: промыслъ Божій наводитъ на насъ скорби и иску-

⁷³⁾ Глава III: «О еже како и чимъ подкрѣплятися въ настояніи ратей мысленнаго подвига».

шенія «за еже смиритися намъ»... При прохожденіи подвига своего нравственнаго самосовершенствованія, человѣкъ долженъ надѣяться и на непосредственную помощь отъ Бога, на поддержку благодатію Его: «быть неуклонно твердымъ въ добродѣтеляхъ, замѣчаетъ авторъ, не отъ тебя зависить: это—благодать Божія, которая носить тебя на рукахъ своихъ, сохраняя отъ всего противнаго»... ⁷⁴⁾

Борьба съ своими страстями—главный подвигъ монашеской жизни, созерцательная («умная») молитва—главная цѣль ея... Согласно съ этимъ, и весь порядокъ ежедневной жизни инока долженъ быть проникнутъ стремленіемъ къ этой высокой задачѣ его подвига: инокъ долженъ всегда и вездѣ, во всякомъ начинаніи, словомъ и дѣломъ и помышленіемъ «въ дѣлѣ Божіи пребывати» (Глава четвертая: «О обдержаніи всего дѣланія въ жителствѣ нашемъ»). Если живя въ мірѣ, въ суетахъ его, мы были поработены ему, умомъ и сердцемъ служили прелести грѣховной, то теперь, вступивши въ жизнь «по Бозѣ», мы должны уже служить Богу, Божіей правдѣ и воли, и исполнять Его заповѣди... Пр. Нилъ далѣе такъ очерчиваетъ порядокъ ежедневной жизни инока:

«Възставъ отъ сна, прежде всего—прославити Бога, таже исповѣдаться Ему, и потомъ сія дѣланія: молитва, пѣніе, чтеніе, рукодѣліе и аще есть подѣліе кое. Всегда же имѣти умъ въ благоговѣніи мнозѣ и въ надеждѣ Божіей висящъ, и вся творити къ благоугожденію Его, а не къ тщеславію, ни къ челоуѣкоугодію, вѣдяще извѣстно, яко всегда Господь съ нами есть, иже вездѣ сый и вся исполняяй. По неже насаждей ухо слышитъ вся, и создавый око смотряеть вездѣ... И аще прилучитя бесѣда, и сія—по Бозѣ,

⁷⁴⁾ «Еже бо точно стояти въ добродѣтелѣхъ—не твое есть, но благодать то есть, носящая тя на дланѣхъ руку свою, соблюдаючи отъ всѣхъ супротивныхъ»...

сохраняясь отъ роптанія и осужденія и празднословія и любопренія. Такожде и въ пищи и въ питіи, и се—со страхомъ Божиимъ... И аще кто имать тѣло здраво, подобаетъ утомляти его постомъ и бдѣніемъ и дѣланіемъ труднымъ, аще поклоны, или руководѣіе съ трудомъ подобаетъ творити да порабощается тѣло душѣ и страстей избавляется. Аще ли тѣло немощно, противу силѣ окормляти ё... Къ ближнимъ нашимъ должны есмы, по Господней заповѣди, любовь имѣти, и аще близь насъ обрящутся—словомъ и дѣломъ сію показовати; аще ли далече отъ насъ суть, умнѣ любовію сочетаватися тѣмъ, и всякое злопомненіе отъ сердець нашихъ отгоняти»...

Пятая глава ⁷⁵⁾ представляетъ существенную часть всего сочиненія.

«Восемь главныхъ страстей въ человѣкѣ—читаемъ здѣсь: чревообъяденіе, блудъ, сребролюбіе, гнѣвъ, безмѣрная печаль, уныніе, тщеславіе и гордость. Съ каждою изъ этихъ страстей нужно бороться различно.

Пр. Нилъ пытается анализировать каждую изъ указанныхъ восьми страстей человѣческой души.

«Когда нападаетъ на насъ—пишетъ авторъ (излагаемъ главу почти вполнѣ) страсть чревообъяденія—«еже чрезъ потребу и не во время и чрезъ мѣру яети»—пусть придутъ намъ на память слова Спасителя: да не отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и пѣанствомъ; пусть не забываемъ мы и того, что страсть эта—корень всякому злу, особенно же блуду. Уже при самомъ началѣ міра, преступленіе нашего праотца Адама состояло въ этомъ; этимъ же и до сихъ поръ многіе губятъ свою душу...

«Всегда помня вредъ объяденія—продолжаетъ преподобный—мы должны принимать пищу въ мѣру и во время.

⁷⁵⁾ Глава V: «О различіи нашего бореія и побѣды на осемъ начальнѣйшихъ помыслъ страстныхъ».

Мѣру пици пусть каждый для себя самъ установить. Пусть каждый назначить себѣ извѣстное количество пици, и если видить, что много, что она отягчаетъ его — пусть убавить; если же она окажется для него недостаточной, пусть увеличитъ нѣсколько, и такъ искусивъ добрѣ, установить только, елико можетъ утвердить силу тѣлесе своего, не за сладость, но по потребѣ... Вся же естества единѣмъ правиломъ объяти невозможно есть, понеже разньство веліе имуть тѣлеса въ крѣпости, яко мѣдъ и желѣзо отъ воска...» Что касается до самой пици, то «отъ всѣхъ обрѣтающихся брашенъ, аще и сладкихъ — замѣчаетъ авторъ — примати по малу — се есть смысленныхъ разсужденіе..., а не ова избирати, ова же отлагати... Сице бо возношенія (высокомѣрія) избѣгнемъ и добраго сотворенія Божія не возгнушаемся...» ⁷⁶⁾.

⁷⁶⁾ Въ «Надсловіи инокъ Иннокентій замѣчаетъ: «Еще же сей блаженный старецъ нашъ Нилъ, объявляя среднюю мѣру пици и питія, рѣмлетъ отъ словъ св. Григорія Синаита: яко всякому хотящему Бога обрѣсти подобаетъ причащатися отъ всѣхъ сладостныхъ съ воздержаніемъ. Сія же «сладостная» многимъ недоумѣтельна суть: сѣмена ли и овоціе или елей и рыба. Обаче мнится, яко нѣсть сіе о сѣменахъ и зеліяхъ или овоцихъ и медѣ: сіа бо суть постная и сухотная пица, и никому же когда въ ошалніи (подъ запрещеніемъ) бѣша, но всяко о рыбѣ и слѣѣ и винѣ глаголется. Сіе бо недоумѣніе разрѣшится можетъ отъ слова св. Ираклида епископа, глаголющаго сицѣ: съ разумомъ, убо причащаяся брашенъ и съ разумомъ удаляяся сихъ, не погрѣшитъ всяко: праведному бо, рече, законъ не лежитъ. Легчайше бо съ разумомъ вино пити, нежели съ презорствомъ (съ заносчивостью) воду... Давѣмы, яко ниже снѣдъ что есть по истинѣ, ниже питье, но вѣра, любовію и дѣла простираема... Онъ приводитъ далѣе мнѣніе Пр. Кассіана Римлянина, что «безмѣрный постъ или разрѣшеніе, аще и обоя — суть отъ діавола, обаче безмѣрное и неразумное воздержаніе большій вредъ приноситъ, нежели до сытости яденіе. Не въ яму бо насъ, продолжаетъ онъ, св. отцы наши порѣвующе, но паче отъ ямы удаляюще, повелѣвають намъ средній путь гоняти

Впрочемъ, прибавляетъ авторъ — немощнымъ вѣрою и душою полезнѣе воздерживаться отъ нѣкоторыхъ яствъ, особенно пріятныхъ. «Аще ли же кто — продолжаетъ онъ — повреждается отъ котораго брашна, или немощи кося ради или отъ естества, да не понуждаетъ себе на пріятіе того, но да пріемлетъ пользующее его. Глаголетъ бо Василій Великій: Не подобаетъ брашны, ими же составляется тѣло, ратовати ё...» Каждый долженъ принимать пищу «съ разсужденіемъ»: «не пресыщаяся, но давая тѣлу потребу безъ мала»...

Несравненно сильнѣе, могущественнѣе страсти чревообъяденія — страсть блудная... Мы не будемъ излагать эту часть главы, такъ какъ авторъ повторяетъ здѣсь (отчасти буквально) мысли уже извѣстныя намъ, которыя онъ высказываетъ объ этомъ предметѣ въ своихъ посланіяхъ къ Вассіану Патрикѣеву и Гурію Тушину.

Объ эти страсти — и чревообъяденіе и блудная — отчасти связаны съ самой природой человѣка; не такова страсть сребролюбія. Она — «отвнѣ естества» и рождается «отъ маловѣрія и неразумія»... При ея зарожденіи, уничтожить ее — кто слѣдитъ за собою — не трудно; но если она укоренится въ человѣкѣ, она дѣлается «злѣйшею изъ всѣхъ»... Многие изъ-за нея — продолжаетъ авторъ — не

(совершать), а не на высокой безвременно теши... Указывая далѣе на аскетическіе подвиги прежнихъ св. отцевъ и замѣчая, что они въ этихъ подвигахъ «не самый постъ, ниже иные труды добродѣтель быти вмѣниша, но едино тое, еже по естеству поставити себе Христови (плотію своею пожертвовать Христу) предпочтоша»... — авторъ «Надсловія» замѣчаетъ: «нѣщны же подобострастніи и неразумніи ... поревноваша постъ и труды святыхъ не добрымъ разумомъ и предложеніемъ, вмѣняяще сія, яко добродѣтель проходятъ. Присѣдай же діаволь, яко песъ къ лойтвѣ, повергаетъ во чрево ихъ сѣмя радостнаго мнѣнія, отъ него же заченшися воспитуется внутренній фарисей»... Рукон. Моск. Публ. и Рум. Музея, XVIII в., № 74 (511), лл. 87—91.

только отъ святой жизни отпали, но и въ вѣрѣ погрѣшили, погубили и душу и тѣло. Поэтому нужно особенно беречься этого «душетиѣннаго» недуга. «Не токмо же злата и сребра и имѣній ошаятца (избѣгать, отвращаться) подобаетъ намъ, но — и всякихъ вещей, кромѣ нужныя потребности — и въ одеждахъ, и въ обуцахъ (въ обуви), и въ созданиіи келій, и въ сосудѣхъ, и во всякихъ орудіяхъ, и вся сія немногочѣнна и неукрашенна и удобь обрѣтаема и къ молвамъ неподвижуща подобаетъ имѣти намъ, да не сихъ ради въ мірскія соплетенія впадемъ. Истинное же одолѣніе сребролюбія и вещьлюбія — не точію не имѣти имѣнія, но не желати то стяжавати. Сіе насъ къ душевной чистотѣ наставляетъ»...

Если «гнѣвный духъ» томить человѣка, поддерживая въ немъ злопамятованіе, возбуждая въ ярости ко мщенію, нужно вспоминать слова Спасителя: аще не отпустите кійждо брату своему отъ сердець вашихъ согрѣшеній ихъ, ни Отець вашъ небесный оставитъ вамъ согрѣшеній вашихъ; если кто хочетъ получить отъ Бога прощеніе себѣ, долженъ напередъ самъ простить всѣмъ... Объ оставленіи нашихъ собственныхъ грѣховъ намъ позволяется просить только подь условіемъ: «яко же и мы оставляемъ»... Кто дѣлая добро продолжаетъ въ то же время предаваться гнѣву, — такого и доброе дѣло неприятно; гнѣвливыи если и мертваго воскреситъ — его молитва тщетна... «Того ради — продолжаетъ авторъ — всячески не подобаетъ намъ гнѣватися и не творити брату зла, не точію дѣломъ и словомъ, но и образомъ: можетъ бо кто и единѣмъ взоромъ оскорбити брата своего... Надлежитъ помыслы гнѣвныя отметати отъ сердець: се бо есть сердечное оставленіе; побѣда же велія на гнѣвный помысль — еже молитися за брата оскорбившаго. Сотворяти же и добро ему, елико по силѣ. И тако убо исполняются заповѣди Господни: любите враги ваша, благословите кленущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ и молитесь

за творящія вамъ обиду. Толико же велие воздаяніе Господь симъ обѣща паче всѣхъ: не царство небесное точию рече, ни утѣшеніе и радованіе нѣкое, яко же прочимъ, но—сыноположеніе: будете бо, рече, сынове Отца вашего, иже есть на небесѣхъ»... Господь нашъ Іисусъ Христосъ, давшій намъ эту заповѣдь и обѣщавшій за нее великую награду, Онъ, научившій насъ этому — самъ показалъ намъ и примѣры, чтобы мы подражали Ему насколько можемъ. Сколько зла претерпѣлъ Онъ отъ іудеевъ изъ-за насъ, и не только не предалъ ихъ гнѣву, но и молился за нихъ, говоря: Отче, отпусти имъ грѣхъ этотъ... И всѣ святые этимъ же путемъ шли—они не только не воздавали зломъ оскорбившимъ, но за зло платили имъ добромъ, молились за нихъ, извиняли ихъ недостатки, радовались ихъ исправленію, и когда тѣ предавались чувству злобы—они учили ихъ «любовію и милованіемъ»... Евангельскія мысли этой части главы намъ уже встрѣчались въ одномъ изъ вышеизложенныхъ посланій; «любви и милованія» больше всего недоставало тогдашнему русскому обществу...

Не мало силъ требуется человѣку, чтобы подавить въ себѣ печаль, если случится съ нимъ какое либо несчастіе. Для этого нужна полная, всецѣлая преданность волѣ Божіей и совершенная увѣренность, что съ нами ничто не случается безъ промысла Божія, что Богъ все посылаетъ на пользу намъ, на спасеніе нашей душѣ; правда, часто мы не видимъ этой пользы въ самый моментъ несчастія, но послѣ сами чувствуемъ, что лучше такъ, какъ Богъ устроилъ, а не какъ намъ хотѣлось... «Сія же (несчастія) посылаетъ Богъ намъ ради милости своея, да некусившесея въ сихъ и претерпѣвше, вѣнчани будемъ отъ Него; поспеже безъ искушеній никто же вѣнчанъ бысть когда»... Поэтому, преданный всецѣло промыслу Божію, человѣкъ всякую скорбь и печаль долженъ «тщательно отъ сердца отметати—молитвою и чтеніемъ и со духовными человѣки соображеніемъ, и бе-

сѣдами упразднати ю... Скорбь аще не по Бозѣ, всему злу повинна есть: аще бо укуснитъ въ насъ (укоренится) — абіе оболкнися неначаяніемъ (превратившись въ отчаяніе) пусту душу и унылу сотворяетъ, некрѣпку и нетерпѣливу, и къ молитвѣ и чтенію лѣннву»...

Печаль и скорбь необходимо искоренять изъ своей души при самомъ ихъ зарожденіи: иначе онѣ могутъ перейти въ уныніе. «Люта эта страсть и тягостна. Когда волны унынія поднимаются въ нашей душѣ, теряетъ человекъ въ это время надежду когда-либо избавиться отъ нихъ... А врагъ между тѣмъ влагаетъ ему въ сердце мысль, что это только теперь столько несчастій, но что потомъ еще больше ихъ будетъ; что Богъ уже совсѣмъ оставилъ его и не имѣетъ больше о немъ попеченія; онъ нашептываетъ далѣе ему, что въ жизни и все происходитъ безъ всякаго промысла Божія; онъ говоритъ ему, что то, что случилось съ нимъ—только и произошло съ нимъ, что никогда ни съ кѣмъ ничего подобнаго и не было и не бываетъ!.. Но нѣтъ и нѣтъ!.. Какъ чадо-любивый отецъ, Богъ не только насъ, грѣшниковъ, но и святыхъ своихъ подвергаетъ иногда испытаніямъ и несчастіямъ, подвергаетъ своему духовному жезлу, но подвергаетъ изъ любви къ нимъ, «въ предспѣяніе добродѣтелямъ»... Мы и сами скоро убѣждаемся въ благодѣтельности этихъ посылаемыхъ испытаній: несчастія скоро проходятъ, и мы опять видимъ на себѣ милость Божию, получаемъ утѣшеніе. Какъ въ тотъ злолютный часъ человекъ не надѣется удержаться въ своей доброй жизни, самое доброе, лучшее въ ней врагъ представляетъ его глазамъ какъ что-то нехорошее, мерзкое; такъ теперь, по минованіи всего этого, все опять представляется человеку свѣтлымъ и радостнымъ, всѣ минувшія скорби кажутся ему ничтожными, онъ снова стремится къ добру, и дивится такой перемѣнѣ... И не хочетъ онъ никакъ отступить отъ пути добра, онъ убѣждается, что Богъ все это насмалъ на него лишь по любви

къ нему, что все устрояетъ ему на пользу, и въ немъ возгарается любовь къ Богу: онъ на самомъ себѣ видитъ, яко вѣренъ Господь и никогда же поуститъ на насъ искушеніе выше силы нашея... ⁷⁷⁾ Когда нападаетъ на насъ уныніе — продолжаетъ авторъ — нужно особенно беречься, чтобы не возроптать на Бога, не произнести хулы на Него: этимъ особенно часто уловляетъ врагъ нашу душу... Человѣкъ предается сомнѣнію и страху, а врагъ внушаетъ ему, что ему никакъ нельзя надѣяться помилованнымъ быть отъ Бога, получить прощеніе грѣховъ, избавиться вѣчной муки, спастись, много и другихъ и худыхъ мыслей вторгается тогда въ нашу душу, и не оставляютъ онъ насъ ни за чтеніемъ, ни за службой—всего и описать нельзя... Крѣпко

⁷⁷⁾ «Егда волны оныя жестокия возстанутъ на душу, не мнить человѣкъ въ той часъ избавленіе отъ сихъ пріяти когда, но еще помыслы налагаетъ ему врагъ, яко днесь толико зла, а потомъ въ прочіи дни торше будетъ, и подвлагаетъ ему, яко оставленъ есть отъ Бога и не имать Богъ попеченія о немъ, или—кромѣ промысла Божія тако прилучаема бывають, и ему единому тоцію сія, прочимъ же не быша, ни бывають... Но нѣсть еще, нѣсть! Не тоцію бо намъ грѣшнымъ, но и святымъ своимъ, отъ вѣка благоудившимъ Ему, яко чадолюбивый отецъ чадомъ своимъ,—такъ Богъ попускаетъ духовный жезлъ отъ любви,—въ предспѣяніе добродѣтелемъ. Вскорѣ же симъ бываетъ измѣненіе непремѣнно и присѣщеніе милости Божіей по сихъ и утѣшеніе. Якоже бо въ той злолютный часъ не мнить человѣкъ, яко претерпѣти ему въ подвизѣ жителства благаго, но вся благая мерзостна показуетъ ему врагъ: тако наки, по измѣненіи сихъ, вся благоудобна являютъ ему, и вся бывшая скорбная, яко ничто же быша, и усерденъ обрѣтается во благое и дивится измѣненію на лучшее. И не хочетъ никако же отступити отъ пути добродѣтельнаго, и разумѣваетъ, яко Богъ милостію своею строить ему сія на пользу и къ наученію, отъ любви приноситъ ему таковая, и въ любовь Божію возжизняется, вѣдѣй извѣстно, яко вѣренъ Господь и никогда же поуститъ на насъ искушеніе выше силы нашея»...

тогда нужно противостоять, чтобы не впасть въ отчаяніе, чаще нужно прибѣгать къ молитвѣ...»⁷⁸).

Приведа различныя молитвы противъ унынія, Преподобный продолжаетъ: Богъ никогда не допуститъ человѣку, надѣющемуся на Него, погибнуть подъ бременемъ несчастій—«одолѣну быти напастьми»: Ему извѣстна немощь наша. «Аще бо и человѣкомъ небезвѣстно, колико мьску, колико ослу и колико верблюду возможно бремя понести, и мощное коемуждо налагаютъ; такожде и скудельнику вѣдомо, колико время огню сосуды предати, да ниже множае пребывше разсудутся, ниже паки, преже довольнаго ужженія изъемшеся, непотребни будутъ. Да аще толикъ разумъ въ человѣцѣ, не много ли множае Божій разумъ вѣсть, колико коеждо душѣ искушеніе подобаетъ нанести, да искусна (испытана) будетъ и потребна къ небесному царствію»...

Противъ унынія—лучшее средство безмолвіе, сосредоточеніе въ себѣ и бесѣда съ опытными старцами.

Съ особенной заботливостью и тщательностью человѣкъ долженъ охранять свою душу отъ тщеславія. Страсть эта «зѣло сокровеннѣ всѣми ухищреніи крадетъ предложеніе наше», вкрадывается незамѣтно въ наше сердце, заставляя насъ дѣлать не для Бога, а чтобы прославиться между людьми («тщится навѣтовати дѣлу нашему, да не по Бозѣ будетъ, но тщеславія и человѣкоугодія

⁷⁸) «Егда же бываетъ сія рать страшная (нападаетъ духъ унынія), крѣпцѣ тогда подобаетъ вооружатися противъ духа неблагодаренія, бояти же ся и хулы: всѣми бо сими во оно время ратуеть врагъ. И исполняется тогда человѣкъ сомнѣнія и страха, и налагаетъ ему врагъ, яко невозможно есть помиловану быти ему отъ Бога и получить прощеніе грѣховъ, и избавлену быти вѣчныя муки и спасену; и иныхъ помыслъ злыхъ намештивіе бываетъ, ихъ же невозможно и писанію предати, и аще прочтеть или послужить—не оставляютъ его. Тогда крѣпко подобаетъ нудитися, еже не впасти во отчаяніе и о молитвѣ не нерадити»...

ради»). «Того ради на всяко время подобаеть намъ и снытовати себе опасно (строго), чувственнѣ и мысленнѣ, да по Бозѣ будетъ дѣло наше и душевныя ради пользы и отбѣгати во всемъ похвалѣ чловѣческихъ... и отметати всегда помыслы хвалящія и къ чловѣкоугожденію творити что понуждающія»...

Отъ тщеславія раждается «гордость». «Различными именами называютъ ее—величаніемъ, высокоуміемъ, кичливостью—но вездѣ и во всемъ она нечиста и мерзка... Въ Писаніи сказано: Богъ гордымъ противится; если же Богъ противникъ гордыхъ, гдѣ, въ чемъ они могутъ найти себѣ помощь противъ такого врага?.. Кто помилуетъ гордеца, кто очиститъ нечистоту и скверну его души? Прискорбно и говорить о такихъ. Такой чловѣкъ —самъ себѣ и врагъ и бѣсъ, и въ себѣ самомъ носить свою погибель»... ⁷⁹⁾.

Нужно всячески оберегать себя отъ духа гордости, помня въ себѣ, что ничего добраго мы не въ состояніи сдѣлать безъ помощи Божіей, что если будемъ оставлены Имъ, будемъ—какъ слабый листокъ, какъ пыль поднимаемая вѣтромъ—во власти дьявола, будемъ поруганы Имъ, сдѣлаемся плачемъ для всѣхъ людей...

Зачаткамъ гордости нужно противопоставлять смиреніе, каждый долженъ считать себя хуже всѣхъ, нечистіе

⁷⁹⁾ «О презорствѣ же и гордости что и глаголати?... Аще бо и разньствують имены, но на единъ разумъ сходятся—и величаніе и высокосердіе и кыченіе и прочая именуется отъ отецъ, вся же сія преоканна суть. Писанію глаголющу: Богъ гордымъ противится, мерзокъ есть предъ Господемъ всякъ высокосердый и нечистъ именуется; имѣя убо сопротивника Бога, и мерзокъ и нечистый сый предъ Нимъ, когда и въ чемъ и гдѣ часть обрѣсти кое благо и отъ кого помилованъ будетъ? и кто очиститъ его? Тѣмъ же и глаголати о семъ бѣдно есть. Иже сими побѣдивыйся самъ себѣ и бѣсъ и ратникъ, и всегда погибель готову имѣеть въ себѣ»...

всѣхъ тварей, хуже самыхъ бѣсовъ, потому что и отъ нихъ побѣждаемся... Среди братіи нужно занимать всегда послѣднее мѣсто, носить бѣдную одежду, любить черныя, низкія работы, «невыситися въ бесѣдахъ, и нелюбопрепирательную быти въ словесѣхъ и нехотѣть слово свое составити (вставить въ бесѣду), аще и добро быти мнится»...

Въ особенности же не слѣдуетъ гордиться своими подвигами или какими-либо случайными отличіями. На послѣднемъ Преподобный особенно останавливается. «А еже—замѣчаетъ онъ—отъ мѣста имя имѣти добрѣйшаго монастыря и множайшей братіи—сія гордыни мірскихъ; или, по удержавшему нынѣ обычаю—отъ стяжаній сель и притяжаній многихъ имѣній и отъ предъспѣяній въ явленныхъ къ міру (успѣхами, извѣстностью среди мірскихъ и знакомствами), и о сихъ что речемъ?.. Суть же нѣщїи, иже ничѣмъ же высятся, еже есть доброгогласіемъ пѣтія или добророрчїемъ языка въ пѣтіи и глаголанїи и чтенїи; кую бо похвалу имать отъ Бога чловѣкъ въ сихъ, яже не отъ произволенія исправляема суть, но естественна (когда всѣ эти свойства и качества зависятъ не отъ «произволенія» нашего, не отъ насъ самихъ лично, но даны случайно природой)?.. Ини же, продолжаетъ онъ, хитростїю рукодѣлія берутся, и сіе томужде подобно есть. Суть же и сицевїи, иже и симъ кичатся, аще кто отъ родителей явленныхъ міра (извѣстныхъ, знаменитыхъ въ мірѣ), или сродники имѣ отъ преимущихъ въ славѣ міра, или самъ въ сану коемъ или чести въ міру бѣ, и сіа безумїе есть. Сїа бо паче скрывать подобаетъ»...

Такова борьба съ восемью главными страстями (помыслами) чловѣческой души, таковъ характеръ каждой изъ нихъ и таковы средства ихъ искорененія.

Въ слѣдующей затѣмъ — весьма небольшой шестой

главѣ ⁸⁰⁾ авторъ говоритъ о необходимости въ борьбѣ со всѣми этими страстями больше всего помощи отъ Бога...

Вмѣстѣ съ помощью Божіей, столь же могущественными средствами противъ всѣхъ вообще страстей души могутъ служить человѣку непрестанная память о смерти и слезы сокрушенія; этимъ предметамъ авторъ посвящаетъ слѣдующія главы, седьмую и восьмую.

Седьмая глава ⁸¹⁾ хорошо рисуетъ общее аскетическое направленіе мыслей пр. Нила. Замѣтивъ о необходимости для инока всегда и вездѣ помнить свой послѣдній день и никогда не забывать словъ евангелія: «въ эту ночь ангелы возмутъ душу твою отъ тебя»...,—пр. Нилъ продолжаетъ: какъ вкоренимъ въ своемъ сердцѣ эту постоянную мысль о смерти? Часто сходимся мы другъ съ другомъ, часто говоримъ о смертномъ часѣ, но «внутри сердца глаголы сія углубити и утвердити не можемъ»... Какъ въ нищи самое главное—хлѣбъ, такъ для добродѣтельной жизни самое важное и необходимое—память смерти; «невозможно есть алчущему не помнати хлѣба, тако и хотящему снастися не помнати смерти»... Чтобы утвердить въ себѣ эту память, «полезно... вспоминати намъ различныя смерти видѣнныя и слышанныя, яже и во днѣхъ нашихъ бывшія. Мнози бо не токмо мѣрстїи, но и иноцы, во благоденствїи пребывающе, и любяще житїе вѣка сего, и долготу днемъ надежду имуще, и еще не доспѣвше старости—вскорѣ смертію пожати быша. Отъ нихъ же нѣщїи ни отвѣщанїя коего въ часъ той смертный сотворити возмогоша, но тако простѣ, стояще или сѣдяще, восхищени быша; нїи же ядуще и пїюще издохша; овїи же идуще путемъ скоро умроша; нїи же легше на

⁸⁰⁾ Глава VI: «Обще о всѣхъ помыслахъ».

⁸¹⁾ Глава VII: «О памяти смертнѣй и о страшнѣмъ судѣ, како поучатися въ сихъ, да стяжемъ сія помыслы въ сердцахъ нашихъ».

ложахъ, мнѣвшю малымъ сѣмъ и привременнымъ сномъ упокоити тѣло, успоша сномъ вѣчнымъ. Нѣбынимъ же отъ нихъ истязанія зѣльна и трепети грозни и устрашенія бѣдна (тягостныя) въ послѣдній часъ той быша, яко же вѣмы... И сія вся на память приводяще—продолжаеть авторъ—размышляемъ: гдѣ суть друзи и знаеміи наши? И что отъ сего приобрѣтоша, аще кон отъ нихъ честни и славни и властители въ мѣръ сѣмъ быша, или богатство или питаніе велие тѣлесно пыѣша? Не вся ли сія въ тлю и смрадъ и прахъ быша? И помянемъ Пѣснопѣсца о сѣмъ глаголюща: кая житейская сладость печали пребываетъ не причастна? Или кая слава стоить на земли не преложна? Но вся—сѣни немощнѣйша и вся соній прелестнѣйша: въ единъ часъ и вся сія смерть пріемлетъ. Въистинѣ бо всяческая суета иже въ житіи сѣмъ—елика съ нами не пребудеть по смерти. Не предъидеть бо тамо богатство житія, ниже спидеть съ нами слава вѣка сего: по нашедши смерть вся сія погубить. И спеще разумѣвшю суету вѣка сего, что мятемся всуе, упражняющесе въ житейская? Путь бо сей кратокъ есть, имъ же течемъ. Дымъ есть житіе сіе, пара (паръ), персть и пепель, вмалѣ является и вскорѣ погибаетъ, и пути (паутины) же есть хуждши... Путь бо преходяй путникъ егда хочеть на кую страну ити—идеть, а камо не хочеть—нейдетъ; егда же обитаетъ въ гостиницѣ—вѣсть, егда пришедъ и когда хочеть отъйти, аще въ вечеръ пріиде, а утрѣ отъидеть; имать же и власть, аще хочеть, множае въ гостиници коснѣти. Мы же и хотяще и не хотяще отходимъ житія сего, и не вѣмы сего, когда отъидемъ, ни имамы власти, аще еще хотимъ пребыти здѣ; но внезапно наидеть въистинѣ страшное таинство смертное, и душа отъ тѣла нуждсю разлучается, отъ съставъ и съчетаній естественнаго союза Божіимъ хотѣніемъ отлучается. И что сътворимъ тогда, аще преже часа онаго будемъ непопекшесе, ни поучившесе о сихъ, и обрящемся тогда не-

готови? И въ той часъ горькій уразумѣмъ, коликъ подвигъ имать душа разлучающися отъ тѣлеси! Увы, колико тогда скорбитъ, и нѣсть иже помилуетъ ю! Къ ангеломъ очи возводитъ — бездѣльно (безуспѣшно) молится; къ человѣкомъ руцѣ простираетъ, и не имать помогающаго ей никого же — точію съ Богомъ добрая дѣла! Тѣмъ же разумѣвающе краткую нашу жизнь, попецемся о часѣ ономъ смертнѣмъ, не вдающеся въ молвы міра сего и въ попеченія не полезныя. Всеу бо мятется всякъ земнородный, яко же рече писаніе. Аще бо и весь міръ приобрящемъ, по въ гробъ вселимся, ничто же отъ міра сего возьмемъ, ни красоты, ни власти, ни чести, ни иного коего наслажденія житейскаго. Се бо зримъ въ гробы и видимъ нашу красоту безобразну и безъ славы... Зряще кости обнаженны, речемъ въ собѣ: кто есть царь или нищъ, славный или неславный? Гдѣ красота и наслажденіе міра сего? Не все ли есть злообразіе и смрадъ? И се вся честная и возжелѣнная міра сего отнюдь въ непотребство быша, и яко цвѣтъ увядше — отпадоша, и яко сѣнь мимогрядетъ: тако разрушится все человѣческое»...

Третье средство, одинаково могущественное противъ всѣхъ страстей души — благодатныя слезы (Глава восьмая: «О слезахъ, како подобаетъ творити, хотящимъ обрѣсти я»). Психическое состояніе, которое разумѣтъ Преподобный подъ этимъ терминомъ, по характеру своему близко къ тому, которое онъ называетъ внутренней «умной» молитвой, оно предполагаетъ ту же степень духовной экзальтации... Благодатныя слезы — «слезы покаянія и сокрушенія, слезы любовныя (располагающія человѣка къ любви и всепрощенію), слезы спасительныя, слезы очищающія мракъ человѣческаго ума и дѣлающія человѣка способнымъ зрѣть свѣта міру, онѣ — просвѣщеніе очей человѣка...» ⁸²). Благо-

⁸²) «Господи! очисти скверну души моея — приводитъ пр. Нилъ мо-

дательныя слезы нерѣдко вызываются «умной» молитвой и часто сопровождаютъ ее. «Егда—говоритъ авторъ—вниманіемъ, сирѣчь храненіемъ сердечнымъ отъ божественной благодати дѣйство духовное въ молитвѣ явится, теплоту влагающе согрѣвающую сердце и утѣшающую душу, и къ любви Божіей и человѣчествій неизрѣчимнѣ распаляющи, и умъ веселящи, и сладость отъ внутреннихъ и ратованіе подающи⁸³⁾, тогда слезы самоисходнѣ (сами собой) проливаются и неужднѣ (безъ усилія отъ насъ) отъ себе (сами по себѣ) источаются, утѣшающи болѣзненную душу, подобно младенцу, въ себѣ плачущу и купно свѣтлу склаблящуся (и душа наша дѣлается подобной младенцу, который и плачетъ и въ то же время сквозь слезы улыбается)»... «Въ радости бываетъ человѣкъ тогда—добавляетъ авторъ—не обрѣтаемѣй въ вѣщѣ семь, и никто же знаетъ сихъ (это чувство), токмо издавшій себе отъ всея души въ дѣло сіе»...

Послѣ благодатныхъ слезъ, равно какъ и послѣ духовной «умной» молитвы—нужно особенно оберегать свое сердце отъ всякихъ «неподобныхъ помыслъ» (Глава IX: «О храненіи, еже по сихъ»).

Все, что излагалось до сихъ поръ, весь этотъ процессъ внутренняго самосовершенствованія требуетъ отъ человѣка, взявшаго его на себя, полного отреченія отъ міра, «умер-

литву о благодатныхъ слезахъ св. Симеона Новаго Богослова—и подаждь ми слезы покаянія, слезы любовныя, слезы спасительныя, слезы очищающія мракъ ума моего и свѣтла мя свыше сотворяющія, еще хотѣти зрѣти Тебе, свѣта міру, просвѣщеніе моихъ окаянныхъ очесъ»...

⁸³⁾ «Когда при вниманіи къ себѣ, при охраненіи своего сердца въ насъ воздѣйствуетъ, съ помощью благодати Божіей, духовная сила молитвы, проникая насъ теплотою, согрѣвающей сердце, утѣшающей душу, воспламеняя въ насъ неизреченную любовь къ Богу и къ человѣчеству, просвѣтляя умъ нашъ и разливая во всей внутренности нашей чувство какой-то радости»...

твѣя отъ всѣхъ», требуетъ, чтобы человѣкъ умеръ для всего остальнаго...⁸⁴). Чтобы быть истиннымъ инокомъ, необходимы—приводить авторъ слова Лѣтвничника—три условія: полная беззаботность («безпопеченіе») по отношенію ко всему мірскому, вещественному, усердная молитва и неустанный охраненіе и совершенствованіе сердца. Беззаботность же ко всему мірскому—не безъ проищ замѣчаетъ нашъ авторъ—«не сія наречеть, яже нынѣ во обычай имѣемъ—о притязаніи селѣ и содержаніи многихъ имѣній, и прочая, яже къ міру снѣленія». Нельзя не научившись грамотѣ, продолжаетъ онъ, читать книги, пѣть, исправлять церковныя службы; также нельзя не отречьшеся отъ всего мірскаго—безъ «умертвѣя отъ всѣхъ»—совершать разумно пѣніе, молитву, проходить подвигъ внутренняго самосовершенствованія. Для послѣдняго больше всего необходимо безмолвіе, внутреннее сосредоточеніе, а это недостижимо безъ полнаго отреченія отъ всего... Прендобный приводитъ далѣе выдержки изъ сочиненій Симеона Нового Богослова, Исаака Сирина, и другихъ, чтобы показать, какъ необходимо для того, кто хочетъ быть истиннымъ инокомъ, всецѣло слѣдовать своему обѣту отреченія отъ всего, какъ гибельно для его дѣла всякое соприкосновеніе съ міромъ, имъ оставленнымъ...

Вотъ путь нравственнаго самосовершенствованія человѣка: таковы его сущность, таковы его требованія и таковы средства для его достиженія. Но все изложенное здѣсь, все это доброе и благоугодное необходимо съ разсужденіемъ творити...⁸⁵). Василій Великій говоритъ (замѣчаетъ авторъ): всѣ дѣйствія наши пужно предварять размышленіемъ;

⁸⁴) Глава X: «О отсѣченіи и безпопеченіи истиннымъ, еже есть умертвѣніе отъ всѣхъ».

⁸⁵) Глава XI: «О еже не преже времени, и подобными мѣрами сія дѣланія подобаетъ творити».

безъ размышленія и доброе превращается въ злое ⁸⁶)... Какъ во всемъ, и въ монашескомъ подвигѣ все слѣдуетъ дѣлать во время и въ мѣру. Самый подвигъ монашеской жизни нужно брать на себя съ большою обдуманностью и внимательно напередъ взвѣсить свои силы. Особенно не слѣдуетъ «преже времени въ высокая продерзати»... Пр. Нилъ, очевидно, разумѣетъ здѣсь тѣхъ преждевременныхъ подвижниковъ-отшельниковъ, которые въ его время особенно сдѣлались многочисленными и на которыхъ позднѣе такъ жалуется «Стоглавъ» ⁸⁷).

Указывая далѣе три признаваемые обыкновенно формы монашеской жизни—совершенное уединеніе, жизнь въ скитахъ и общежитіе ⁸⁸)—авторъ отдаетъ преимущество

⁸⁶) «И самая же сіа добраа и благолѣпнаа дѣланіа съ разсужденіемъ подобаетъ творити, и въ благо время и подобными мѣрами. Яко же глаголетъ Великий Василіе: вся дѣйствуемая мудрованіемъ предваряти: безъ мудрованія бо и доброе на злобу бываетъ»...

⁸⁷) См. напр. 20 вопр. 5 гл. Стоглава, изд. Кожанчикова (Спб., 1863), стр. 49. Авторъ «Надсловія» сильно нападаетъ на такихъ отшельниковъ. Отмѣчая три формы монашеской жизни, указываемыя и Ниломъ, онъ продолжаетъ: «Нынѣ же нѣцыи, не внемлюще силѣ св. Писанія, избрѣтоша себѣ не по волѣ, ни по преданію св. отецъ — четвертый чинъ или житіе: зяждуще бо келии всякъ, идѣже аще кто хоцетъ, далече или поблизу, живутъ уединенно, всякъ свою волю предпочитаютъ, стяжаніе съ попеченіемъ гоняще и прочая; и по такому ихъ чину и жительству уподобляются отшельникомъ, по отреченію же св. отецъ... подобни суть самочинникомъ и самопретыкателемъ: сами бо себѣ избрѣтше житіе, сами на немъ и претыкаются, не могуще мирно и постоянно на немъ пожити, аки не по своей ихъ мѣрѣ и пряслу... И самъ же сей блаженный старецъ Нилъ, замѣчаетъ онъ далѣе, многая и страшная словеса на уединенно жити хотящихъ, а еще страстныхъ сущихъ, испустилъ»... См.: Рукоп. Мос. Публ. и Рум. Музея, изъ Собранія Пискарева, № 74 (511), л. 82.

⁸⁸) Насколько справедлива—исторически и канонически—эта градация, см.: Голубинскій, Ист. Рус. Ц., т. I, пол. 2, стр. 498—537 (Уставы жизни монашеской).

второй формѣ, средней (скитничеству), какъ наиболѣе согласной съ человѣческой природой; совершенное отшельничество могутъ вынести только весьма немногіе. Говоря о преимуществахъ скитской жизни, Нилъ замѣчаетъ: живя въ скитахъ, «братъ брату помогаеть, какъ градъ твердый; иноки другъ друга подкрѣпляютъ, другъ друга назидаютъ, имѣя учителя непрелестна — богодухновенная писанія»... Въ примѣръ скитнической жизни пр. Нилъ приводитъ жизнь Аѳонскихъ и Константинопольскихъ монастырей, которой—прибавляетъ онъ—и «самовидцы быхомъ»...

Въ концѣ главы авторъ опять напоминаетъ, что истинный инокъ «долженъ отступити мятежа и молвъ бесполезныхъ и прочихъ неугодныхъ Богу, пребывать въ заповѣдѣхъ Его, и нуждную потребу приобрѣтающе отъ трудовъ своихъ, аще ли ни,—то мало вземлюще мплостыня, откуда усмотритъ благодать Его; излишнихъ же всячески ошаятися (избѣгать). Брани жъ и мятежа и которы (вражды), тѣлесныхъ ради лихонмствъ, яко яда смертна отбѣгати... Богови приобщающесе, елико по силѣ въ внутреннѣмъ человѣцѣмъ.

Одиннадцать главъ авторъ заключаетъ слѣдующимъ послѣсловіемъ.

«Сія убо мы неразумни, по мѣрѣ худости нашего разума, написахомъ, на въспоминаніе себѣ и подобнымъ миѣ, иже въ чину учимыхъ суть, аще произволяютъ. Не отъ себе же (написахомъ) яко и въ началѣ рехъ, но—отъ богодухновенныхъ писаній св. отецъ, просвѣщенныхъ разумомъ: вся бо яже здѣ не безъ свидѣтельства божественныхъ писаній суть. И аще что обрящется въ сихъ неугодно Богу и бесполезно души, моего ради неразумія, да не будетъ то, по воля Божія совершенная и благопріятная да бываетъ; азъ же прощенія прошу. Аще ли же о сихъ кто вящшее и полезнѣйшее разумѣваетъ, и онъ тако да творитъ, и мы о семъ

радуемся. Аще же кто отъ сихъ пользу обрящетъ, и о мнѣ грѣшнѣмъ да помолится, да обрящу милость предъ Господемъ ⁸⁹⁾.

Въ рукописяхъ встрѣчается еще нѣсколько небольшихъ отрывковъ, замѣтокъ, которые могли принадлежать также нашему писателю. Они были уже перечислены нами выше.

Содержаніе перваго (о смертномъ воспоминаніи) повторяетъ прежнія мысли: «Возлюбленне!—обращается къ неизвѣстному авторъ—поминай дни созати смерти твоея и не имать винти никогда же слабость на тя. Да будетъ же тебѣ всегда и вездѣ душевная болѣзнь о грѣсѣхъ, и тѣлесная скорбь и молчаніе и нестяжаніе тлѣнныхъ—вмѣсто всѣхъ правилъ твоихъ! Очисти келью твою, и скудота вещей научить тя воздержанію: понеже егда множество вещей приемлемъ и избилуемъ—не можемъ себѣ воздержати... Возлюби нищету и нестяжаніе и смиреніе и не восходи имѣти добрыя вещи въ кельи твоей, и т. д. ⁹⁰⁾.

Небезынтересенъ по своему содержанію другой отрывокъ, хотя весьма небольшой. «Нѣсть убо добро—пишетъ авторъ—еже всѣмъ человекомъ хотѣти угодну быти. Писано бо есть: горе, егда добрѣ вамъ рекутъ вси человеѣцы. Пророцы бо о истинѣ умпраху; а ложніи пророцы, яже на сласть глаголаху человекомъ, любими бяху. Еже хочещи убо избери: или о истинѣ пещися и умерети ся ради, да живъ будешь во вѣки, или

⁸⁹⁾ Рукоп. XVI вѣка бібліотеки Троицко-Сергіевой Лавры, № 188, лл. 20—92.

⁹⁰⁾ Сборникъ Моск. Публ. и Рум. Музея, № 409, лл. 217—218.

яже суть на сласть челоуѣкомъ творити и любимъ быти ими, Богомъ же ненавидимымъ быти»...⁹¹⁾

Вѣроятно, также Нилу Сорскому принадлежатъ: коротенькое «предъсловіе на книгу св. Дорофея»⁹²⁾ и небольшая замѣтка о стоимости 30 сребренниковъ⁹³⁾. Въ первомъ авторъ замѣчаетъ: «вѣстно да есть: яко два бѣста Дорофея и два Варсануфія, оба убо учении сивировыми болѣзноваша, оба же православіе и совершенное обученіе лобызаша»... Во второй (твореніе Нила старца) высчитывается, сколько стоили на наши деньги тѣ 30 сребренниковъ, за которые продалъ Иуда Спасителя. Такъ какъ «единому сребреннику състояніе литръ 12, литра же стоитъ 60 рублевъ, всѣхъ же литръ въ тридесять три сребренницѣхъ 366», то выходитъ, что «по нашему, по русскому счету, всего стоитъ 30 сребренникъ—двадесять тысяць и восемь тысяць и шесть сотъ рублевъ, шю то стоитъ сто пудовъ да и восемь пудовъ».—Эти два отрывка, если они принадлежатъ Нилу Сорскому, интересны между прочимъ потому, что указываютъ на присутствіе въ его «испытаніи» божественныхъ писаній экзегетическаго (толковательнаго) элемента.

Въ числѣ отрывковъ сочиненій нашего писателя мы также помѣщаемъ встрѣчающееся въ двухъ рукописяхъ XVI вѣка небольшое наставленіе молодому инокъ («юну суцу»), какъ совершать въ кельи домашнее правило и какъ велико оно должно быть. Автору принадлежитъ собственно здѣсь лишь нѣсколько замѣтокъ: общее содержаніе наставленія—

⁹¹⁾ Той же рукописи л. 227. Также: Рук. Кирилло-Бѣлоз. мон. библ. Пет. Дух. Акад., № $\frac{129}{254}$, л. 182.

⁹²⁾ Рук. Кирилло-Бѣлоз. мон. Пет. Дух. Ак., № $\frac{123}{254}$, л. 8: «Предъсловіе на книгу св. Дорофея вратцѣ Нилово».

⁹³⁾ Рукоп. Кирилло-Бѣлоз. мон. Пет. Дух. Ак., № $\frac{29}{286}$, л. 469: «Твореніе Нила старца». Также: Новгородско-Софійскій Сборникъ той же библіотеки, № 1157, л. 99 об.

церковно-обрядовое. Указавши порядокъ и количество домашнихъ молитвъ и службъ, авторъ продолжаетъ: «Се убо ти есть начало правилу на всякъ день. Не бездѣльно же есть сіе, но отъ божественныхъ писаній изобрѣтохъ. Многа убо преданія иноческа я прочтохъ и съ многими старцы и достопочтенныи мужи бесѣдовахъ, како начати правило свое въ кельи... Мнози убо, замѣчають онъ далѣе, многа начинаютъ, и паки мала обрѣтаются съвершающе, не вѣдуще мѣры въ правилѣ своемъ. Похвально убо есть, еже начати тоже и скончати. Мнози убо невѣдущіе начати правила своего въ кельи, яко въ тмѣ шатаются въ невѣдѣніи. Тебѣ же, яко вѣрну рабу Христову и любовному ми о Христѣ, сія изложенныхъ писаніемъ, яко да съхраниши въ все время живота твоего Правило же твое да будетъ умѣренно на всякъ день»...⁹⁴⁾.

Завѣщаніе пр. Нила, послѣдній актъ его литературной дѣятельности—было приведено нами выше.

Литературные труды Нила Сорскаго не вполне исчерпываются изложеннымъ. Въ кругъ его постоянныхъ занятій «писаніями» входили и труды съ оттѣнкомъ критическаго направленія. Мысль, высказанную имъ въ посланіи къ старцу Гурію Тушинну, что «писанія многа, но не вся божественна суть»—Нилъ Сорскій старался примѣнять иногда и на дѣлѣ.

⁹⁴⁾ Рук. бібліотеки Моск. Дух. Академіи № 185, лл. 108—109. Волоколамскій Сборникъ той же бібліотеки, № 203, лл. 4—5. На первомъ листѣ второй рукописи сдѣлана (тою же рукой, какою писана и вся рукопись) слѣдующая пометка: «Псалмы. Письма чернеца Боголюбна. Переводъ (подлинникъ) Ниловъ. Держати ихъ въ книгохранилищѣ, а кельямъ не давати и не учити по нимъ». Содержаніе рукописи—псалтырь и часословъ. Письмо—чрезвычайно красивое; текстъ псалмовъ—совершенно тотъ же, что и въ Библии.

Въ «Събраніи отъ святыхъ правилъ и отъ многихъ книгъ инока пустынника Васьяна на Іосифа игумена Волоцкаго и на его ученики» ⁹⁵⁾ — авторъ его, Вассіанъ Патрикѣевъ, приводитъ укоры Іосифа Волоцкаго, что «Нилъ и ученикъ его Васьянъ похулиша великихъ чудотворцевъ Антонія и Феодосія и всѣхъ св. чудотворцевъ, иже въ печерскомъ монастырѣ и во всей Русской землѣ»... что «Нилъ и ученикъ его Васьянъ похулиша не токмо въ Русской землѣ чудотворцевъ, но иже и въ древняя лѣта и въ тамошнихъ земляхъ бывшихъ чудотворцевъ, чудесамъ ихъ не вѣроваша и отъ писанія изметоша чудеса ихъ»... — и возражаетъ на это: «Сіе, Іосифе, лжеши на мя и на моего старца Нила, что мы хулимъ чудотворцевъ и древнихъ и новыхъ. А чудесъ изъ ихъ святыхъ писаній ничего старецъ Нилъ не выкинулъ, а наипаче исправилъ съ иныхъ съ правыхъ списковъ. А ты, Іосифе, облыгуеши его по страсти, яко человеконенавистникъ»...

Это извѣстіе, остававшееся совершенно единичнымъ, находитъ нѣкоторое разъясненіе въ двухъ сохранившихся рукописяхъ XVI вѣка. Въ рукописи 1509 года Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря бібліотеки Петерб. Духовн. Академіи, № $\frac{23}{1262}$, содержащей въ себѣ житія нѣкоторыхъ святыхъ, на 1 листѣ читаемъ слѣдующее предисловіе:

«Божіею благодатію и Пречистыя Богородица помощію. написахъ житія святыхъ и преподобныхъ отецъ. писахъ же съ разныхъ списковъ. тщася обрѣсти правы. и обрѣтохъ въ спискѣхъ онѣхъ многа несправленна. и елика возможно моему худому разуму сія исправляхъ. а яже не возможна сія оставляхъ. да имущен ра-

⁹⁵⁾ Соловецкій Сборникъ бібліотеки Казанск. Дух. Академіи, № 875, лл. 42—56. Напечатано въ числѣ другихъ сочиненій Вассіана Патрикѣева проф. Павловымъ въ «Прав. Собесѣдникѣ» за 1863, ч. III.

зумъ болше насъ. тии исправятъ неисправленная. и наполнятъ недостаточная. Азь же что написахъ. и аще кая обрящутся въ тѣхъ не съгласна разуму истинны. и азь о сихъ прощенія прошу. а кто иматъ сіа переписовати. или прочитати. да не переписуетъ тако ни прочитаетъ. но да истинное да пишетъ и глаголетъ. еже есть угодно Богу и полезно души. понеже и азь грѣшныи тако хощу. Не токмо же еже здѣ написахъ, но и индѣ что писахъ и глаголахъ. и аще что обрящется въ тѣхъ не угодно Богу и не полезно души. ради моего неразумія и невѣжества. и о сихъ молю да не творитъ кто тако. но лучшее да творитъ. еже есть угодно Богу и полезно души. и азь о семъ радуюся. и тако благодатию Божіею прилагаю сіа отъемля вину ищущимъ вину на вредъ души. И прочитающихъ же сіа. и слышащихъ чтомыхъ ползу молю. да Господа ради помолятся о мнѣ. да и азь помилованъ буду отъ Бога. понеже не мало потрудихся въ сихъ. яко же мню заповѣди ради любве Божіа и ближняго. да сихъ дивныхъ отецъ житіямъ внимающе ревнители будемъ дѣланію ихъ. и съ ними животъ вѣчный наслѣдимъ. Се же бо есть истинная любовь къ ближнимъ. еже въздвигнути имъ съвѣсть къ любви божіи и творити заповѣди его. по истинныхъ божественныхъ словесѣхъ его. и по житію и ученію святыхъ отецъ жити елико мощно. и тако спастися. азь же аще и грѣшенъ есмь и нерадивъ и ничтоже благо сотворихъ. но желаю много ближнимъ спасенія» ⁹⁶⁾.

То же самое предисловіе находимъ и въ рукописи бібліотеки Троицко-Сергіевой Лавры, XVI вѣка, № 684, л. 1.

⁹⁶⁾ Рук. Кирилло-Бѣлоз. мон. Петерб. Дух. Акад., № $\frac{23}{1262}$, лл. 1—2 об.

Содержаніе той и другой рукописи почти одно и то же ⁹⁷⁾. Обѣ онѣ заключаютъ въ себѣ одни и тѣ же житія святыхъ, греческихъ и русскихъ, различаются лишь порядкомъ изложенія этихъ «житій» и ихъ количествомъ: въ Кирилло-Бѣлозерской рукописи больше житій, чѣмъ въ Лаврской. Но главная особенность этихъ рукописей состоитъ въ томъ, что въ текстѣ той и другой встрѣчаются перѣдко про бѣлы въ нѣсколько словъ, строкъ, а иногда и въ цѣлыя страницы, съ такими замѣтками на поляхъ: «отъ здѣ въ спискѣхъ не право», «въ спискѣхъ преступлено здѣ» «и здѣ не достааетъ», «аще гдѣ въ иномъ переводѣ обрящется извѣстнѣйше сего, тамо да чтется...», или— безъ нихъ ⁹⁸⁾.

Рукопись Петербургской Духовной Академіи заканчивается слѣдующимъ послѣсловіемъ, котораго нѣтъ въ рукописи Лаврской:

«Бога преблагого прогнѣвахъ злыми моими дѣлы и словеса и мыслми. умиленія-жь и слезъ не стяжахъ. яко да плачюся и омыю съверну моихъ грѣховъ. сего ради събравъ

⁹⁷⁾ Содержаніе рукописи Троицко-Сергіевой Лавры указано въ «Описаніи рукописей», ч. III, стр. 47—48 (№ 684); «Указ. главамъ» Кирилло-Бѣлозерской рукописи, для сравненія, выписываемъ здѣсь: «Указ. главамъ настоящія книги сіа: Житіе Симіона Столпника. Сен. въ $\bar{\alpha}$. Житіе преподобнаго Харитона. Сент. въ $\bar{\beta}$ и. Житіе преподобнаго Кириака. Сен. $\bar{\kappa}\bar{\sigma}$. Житіе великаго Іоанникаіа. Ноябрь. $\bar{\alpha}$. Житіе святого Іуара. Октобрія $\bar{\zeta}$ и. Житіе великаго Иларіона. Октобрія $\bar{\eta}\bar{\alpha}$. Житіе Феодора Студийскаго. Ноябрь. $\bar{\alpha}$ и. Житіе Іоанна безмолвника. Дек. $\bar{\gamma}$. Житіе Іоанна Дамаскина, Дек. $\bar{\alpha}$. Житіе св. Савы Освященнаго. Декабря $\bar{\zeta}$. Иже во святыхъ великаго Василія на Рождествѣ Христовѣ бесѣда. Житіе св. Феодосія. Января. $\bar{\alpha}$ и. Житіе великаго Антонія. Января $\bar{\zeta}$ и. Житіе великаго Евфимія. Января $\bar{\kappa}$. Житіе преподобнаго отца нашего исповѣдника Нпголы Студійскаго.»

⁹⁸⁾ Рук. Петерб. Академіи, лл. 39, 40, 41, 58, 37, 52. Лавр. рук., лл. 85, 92.

написахъ. слова и подвижи и страданія святыхъ. на обличеніе грѣшныя моея душа. яко не сотворихъ отъ сихъ благъ ничтоже. да въспоминаніи сими воздвигну омраченнаго моего ума отъ тмы страстей. и обрящу покаянiа плодъ. Съ разныхъ же списковъ писахъ и обрѣтохъ не съгласующихъ къ себѣ въ исправленіихъ. и елико по возможному. еже есть съгласно разуму и истинѣ. то написахъ. и язъ суть неудобъ разумна, сіа простотою рѣчи на разумъ полагахъ. да вси чтущіи разумѣють и пользу обрящуть. Аще же что не исправихъ отъ немощи и неразумiа. о семъ прощенiа прошу. И молю ползевавшихся отъ писаній сихъ. помянути окаянство мое въ молитвахъ своихъ. яко да обрящу милость предъ Господемъ Богомъ ⁹⁹).

Уже самый характеръ этихъ приписокъ—ихъ содержаніе, ихъ языкъ—достаточно ясно обнаруживаетъ, кто былъ ихъ авторъ, этотъ критикъ, исправитель «житій»; по въ Кирилло-Бѣлозерской рукописи вслѣдъ за оглавленіемъ прибавлена (тою же рукою, какой писана и вся рукопись) еще слѣдующая замѣтка: «сіа житiа и мученiа преписаны бысть съ книги старца Нила, съ его писанiа и исправленiа, записъ многи труды старецъ Нилъ показалъ о сихъ писанiихъ» ¹⁰⁰).

⁹⁹) Рук. Кирилло-Бѣлоз. мон. Пет. Дух. Акад., № $\frac{3}{1262}$, лл. 595 об.—596.

¹⁰⁰) Той же рукописи л. 1. Въ самомъ концѣ рукописи находится еще слѣдующая приписка писца, указывающая время писема самой рукописи: «Въ лѣто 7017, по благословенію игумена Іоанна написана бысть книга сіа во обители преподобнаго отца нашего Кирилла Чудотворца, потруженіемъ многогрѣшнаго и послѣдняго во иноцѣхъ Гурiа (Тушина?)»,—л. 596.

Таковы литературные труды Нила Сорскаго. Мы рассмотрѣли содержаніе его литературной дѣятельности; представили изложеніе (можетъ быть слишкомъ подробное) его сочиненій. Сдѣлаемъ теперь, какъ выводъ изъ предыдущаго, общую характеристику направленія идей нашего писателя.

I. Общее направленіе мыслей Нила Сорскаго — строго-аскетическое. Настоящая жизнь, говоритъ онъ, лишь подготовленіе къ будущей. Въ здѣшней жизни нѣтъ ничего прочнаго: все мимолетно, все ничтожно, участь всего и всѣхъ—смерть. «Дымъ есть жизнь наша, говоритъ онъ, паръ, пыль и пепелъ, на мгновеніе появляется она и быстро проходитъ,—слабѣ паутины!... Какъ отцвѣтшій цвѣтокъ опадаетъ, какъ пропадаетъ тѣнь — такъ разрушается все человѣческое!»... Всѣ свои мысли человѣкъ долженъ устремлять къ будущему, къ будущей вѣчной жизни; нужно непрестанно помнить о своей близкой смерти и предстоящемъ страшномъ судѣ... Самое лучшее для человѣка въ этой жизни, это—страданія и скорби; имъ нужно радоваться, за нихъ нужно благодарить Бога: они очищаютъ душу человѣка и приводятъ его къ вѣчному блаженству...

II. Лучшій удѣлъ человѣка на землѣ — иночество: иноки — нарочитые служители Божіи. Но иночество должно быть не тѣлеснымъ, но духовнымъ; оно требуетъ не внѣшнихъ тѣлесныхъ подвиговъ и умерщвленія плоти, а внутренняго духовнаго самосовершенствованія человѣка...—Аскетическое настроеніе, замѣтимъ, выражалось въ древней Руси весьма различно, и очень часто искусственно придуманными для того средствами. Одни подвижники напр., чтобы больше изнурить свое тѣло, спали стоя; другіе вовсе лишали себя сна. Почти всѣ питаются лишь хлѣбомъ и водою, а многіе и это принимаютъ лишь черезъ два-три дня. Нѣкоторые носятъ желѣзные вериги, другіе зарывають себя по поясъ въ землю; нѣкоторые, наконецъ, раз-

дѣвшись донага ходять въ лѣсъ или на болото и тутъ отдають свое тѣло въ жертву всякимъ насѣкомымъ, которыя до такой степени разѣдаютъ его, что кровь льеть ручьями... Цѣль всѣхъ подобныхъ подвиговъ—умерщвленіе плоти, совершенное изнуреніе и обезсиленіе тѣла; и во многихъ «житіяхъ» замѣчается, что у подвижника совсѣмъ «не бѣ» тѣла, «быша токмо кости и кожа»...—Аскетическое направленіе Нила Сорскаго совершенно инаго характера: его аскетизмъ — чисто духовный. Цѣль иноческихъ стремленій Нила Сорскаго—не умерщвленіе плоти, а внутреннее, нравственное самосовершенствованіе; почва монашескихъ подвиговъ—не плоть инока, а его мысль и сердце. Къ физическимъ потребностямъ организма пр. Нилъ относится совершенно равнодушно и вообще довольно снисходительно; иноку совсѣмъ ненужно намѣренно обезсилить себя, изнурять свое тѣло, приводить его въ изнеможеніе и слабость, тѣмъ болѣе прибѣгать для этого къ какимъ либо искусственнымъ средствамъ: излишняя слабость тѣла можетъ препятствовать человѣку въ его подвигъ нравственнаго самоулучшенія. Инокъ можетъ и долженъ питать и поддерживать свое тѣло «по потребѣ безъ мала», а иногда и «успокаивать его въ малѣ», снисходя своимъ физическимъ слабостямъ, болѣзнямъ, старости. Физическое пощеніе—не самое главное въ жизни инока. О предметѣ этомъ, столь важномъ по общему взгляду того времени, нашъ писатель дѣлаетъ лишь общія замѣчанія. «Отъ всѣхъ обрѣтающихся брашенъ, аще и сладкихъ—пріимати по малу: се есть смысленныхъ разсужденіе, говоритъ онъ, давая общее наставленіе о пищѣ и питьѣ иноковъ—а не ова избирати, ова же отлагати»... Количество пищи должно быть соразмѣрно съ требованіемъ организма cadaго, и одного правила для всѣхъ въ этомъ отношеніи постановить нельзя: «разньство веліе имѣють тѣлеса въ крѣпости, яко мѣдъ и желѣзо отъ воска». Непомѣрному по-

щенію пр. Нилъ не сочувствуетъ: когда разжигаются страсти, говорить онъ, полезно умѣрять свою пищу, и даже весьма; но вообще «не подобаетъ (говоритъ онъ словами Василія Великаго) брашны, ими же съставляется тѣло, ратовати ё». Не въ постѣ, не въ воздержаніи отъ необходимой пищи и не въ тѣлесныхъ подвигахъ самоумерщвленія заключается, по его мнѣнію, сущность иноческой жизни. Чтобы быть истиннымъ подвижникомъ, еще недостаточно ѣсть мало и презирать свое тѣло; энергію свою подвижникъ долженъ обращать на совершенствованіе своего нравственнаго характера. Сферой его подвиговъ должна быть его душа, его сердце. Здѣсь на этой почвѣ пусть совершается великій процессъ нравственнаго самосовершенствованія человѣка, его спасенія, сюда должно направлять иноку свои силы. Онъ долженъ бороться не съ желудкомъ, а съ грѣховными мыслями своей души, со страстями своего сердца, ихъ искоренять, ихъ преслѣдовать. Путь, которымъ достигаетъ монахъ—да и всякій человѣкъ—своего спасенія—путь внутренняго нравственнаго перерожденія, перевоспитанія, а не путь внѣшнихъ обрядовъ...

III. Взглядомъ на назначеніе и сущность иноческой жизни опредѣляется отчасти и общій характеръ міровоззрѣнія пр. Нила. Общій фонъ его идей, основная, существенная черта его міровоззрѣнія — перевѣсъ внутренняго, духовнаго, идеальнаго передъ внѣшнимъ и обрядовымъ. Исходной точкой ему служитъ чистое евангельское ученіе, и отпечатокъ этой евангельской духовности отражается на всѣхъ его частныхъ воззрѣніяхъ. Слова Евангелія: «любите враговъ вашихъ»..., «духомъ и истинною подобаетъ кланяться Отцу...»—могутъ служить эпиграфомъ ко всѣмъ его сочиненіямъ. Всѣ они проникнуты духомъ евангельской любви и снисхожденія; во всѣхъ нихъ указывается необходимость внутренняго, духовнаго исполне-

нія заповѣдей Спасителя. Во всѣхъ своихъ сужденіяхъ пр. Нилъ стоитъ на идеальной, евангельской точкѣ зрѣнія, съ этой точки зрѣнія онъ опредѣляетъ обязанности и инока и каждаго христіанина, и совершенно чуждъ всякихъ практическихъ соображеній.

IV. Духовное направленіе идей Нила Сорскаго особенно рѣзко выражается въ его взглядѣ на церковныя украшенія. Онъ—врагъ всякихъ украшеній, всякой внѣшности. Имѣть въ церкви дорогіе сосуды, золотые или серебряные, украшать храмы—совершенно излишне: еще ни одинъ человѣкъ не осужденъ былъ Богомъ за то, что онъ не украшалъ храмы. Церкви должны быть чужды всякаго великолѣпія; въ нихъ нужно имѣть только самое необходимое, и все это простое, недорогое, «повсюду обрѣтаемое и удобъ покупаемое»... Дѣлать дорогія пожертвованія въ церковь—не приноситъ много пользы: гораздо лучше предназначаемое въ церковь раздать нищимъ.

V. Идеально-духовный характеръ идей нашего писателя принимаетъ часто направленіе созерцательное. Элементъ созерцательности является самымъ существеннымъ въ общемъ кругѣ идей Нила Сорскаго. Мы видѣли его ученіе о внутренней «умной» молитвѣ; это—состояніе полной отрѣшенности отъ всего тѣлеснаго, когда человѣкъ оставляетъ всѣ его чувства и весь онъ уходитъ въ себя, не престанно твердя устами имя Божіе, сдерживая свое дыханіе и стараясь умомъ своимъ созерцать Бога. Таково же ученіе и о «благодатныхъ слезахъ»... И «умная молитва» и «благодатныя слезы» предполагаютъ одно и то же психическое состояніе—высшую степень духовной экзальтаціи.

VI. Подвигъ нравственнаго самосовершенствованія человѣка долженъ быть разумно-сознательнымъ. Инокъ долженъ проходить его не въ силу предписаній, а «съ разсмотрѣніемъ» и «съ разсужденіемъ», по своему собственному убѣжденію въ его необходимости.—«Ты какъ

свѣча, говорили русскому иноку прежде—воленъ только до церковныхъ дверей; а потомъ не смотри, какъ и что изъ тебя сдѣлають. Ты, какъ одежда, знай себя до тѣхъ поръ, пока не возьмутъ тебя въ руки, а потомъ не заботься если разорвутъ тебя и на тряпки. Имѣй свою волю только до монастыря» ¹⁰¹). Ниль Сорскій смотритъ на инока не такъ. Онъ требуетъ отъ него сознательнаго, разумнаго отношенія къ совершаемому имъ подвигу своего нравственнаго самоулучшенія; а не механическаго «послушанія». Въ иноческомъ подвигѣ, какъ и вездѣ. «самая добрая и благолѣпная дѣланія, замѣчаетъ пр. Ниль, съ разсужденіемъ подобаешь творити. Вся дѣйствуемая мудрованіемъ предваряти: безъ мудрованія бо и доброе на злобу бываетъ». Инокъ и всякій христіанинъ можетъ и долженъ пользоваться совѣтами и указаніями опытныхъ старцевъ и св. мужей, но это нужно дѣлать также «съ разсужденіемъ»: нужно предварительно «разсмотреть» жизнь и дѣла тѣхъ мужей и подвижниковъ, которымъ хочешь слѣдовать, нужно предварительно увѣриться, знаютъ ли они сами «божественныя писанія» и живутъ ли согласно имъ. «Съ разсужденіемъ» каждый долженъ брать на себя иноческій подвигъ; «съ разсужденіемъ» должно и проходить его. «Съ разсужденіемъ» нужно слѣдовать «писаніямъ» (объ этомъ—ниже), съ «разсужденіемъ» принимать пищу и питье («праведному бо законъ не лежитъ») и совершать тѣлесные подвиги; весь трудный подвигъ борьбы со страстями и нравственнаго самосовершенствованія—сущность иноческой жизни—требуетъ непрестаннаго «разсмотрѣнія» и «разсужденія». Рѣзко возставая противъ «самочинниковъ» и «самопретыкателей» (по выраженію инока Иннокентія), пр. Ниль не уничтожаетъ въ инокѣ личной разумной воли: напротивъ

¹⁰¹) Сочиненія Кирилла Туровскаго въ изд. Сухомлинова (Спб., 1858), стр. 90.

эта воля, руководимая «божественными писаніями», должна вездѣ и всюду сопровождать его въ его «умномъ дѣланіи». И преподавая свои собственные наставленія и совѣты, пр. Нилъ не подавляетъ ими личной воли того, кому даетъ ихъ: онъ предлагаетъ ихъ лишь подъ условіемъ—«аще произволятъ»,—«аще угодно Богу и полезно душамъ»: «аще же кто о сихъ вящшее и полезнѣйшее разумѣваетъ—прибавляетъ онъ—и онъ тако да творить, и мы о семъ радуемся». Это требованіе исполнѣннаго сознательнаго отношенія къ дѣлу, разумнаго и свободнаго, это какъ бы признаніе правъ личнаго разумѣнія, вмѣсто безотчетнаго, рабскаго «послушанія»—представляетъ весьма интересную черту въ общемъ кругу идей Нила Сорскаго.

VII. Признавая въ человѣкѣ (въ инокѣ) личную, сознательную волю пр. Нилъ всецѣло подчиняетъ ее указаніямъ «божественныхъ писаній»: инокъ долженъ употреблять свою волю на то, чтобы жить «по святымъ писаніямъ и по преданію святыхъ отецъ». Божественныя писанія должны служить для инока (а также и для каждаго человека) его постояннымъ и непосредственнымъ вождемъ, всегда, и вездѣ онъ долженъ поступать согласно ихъ указаніямъ. «Божественныя писанія» — единственный источникъ къ познанію нравственныхъ и религіозныхъ обязанностей человека (инока). «Испытую божественныя писанія — пишетъ пр. Нилъ къ своимъ друзьямъ — и тѣмъ внимаю. И аще что случится творити ми, аще не обрящу то во св. писаніяхъ,—отлагаю се на время, донде же обрящу». «Свяжи себе законы божественныхъ писаній—даетъ онъ наставленіе старцу Гурію—и послѣдуй тѣмъ... и безъ свидѣтельства писаній не твори что... «Буди же усерденъ къ послушанію божественныхъ писаній — пишетъ онъ къ Вассіану Патрикѣеву — и сихъ глаголы, яко водою духовною напаяя свою душу, тщися елико по силѣ, по сихъ творити», и т. д.

VIII. Но чтобы жить «по святымъ писаніямъ», нужно знать эти писанія, а для этого нужно изучать ихъ. Необходимость ближайшаго, непосредственнаго «испытанія божественныхъ писаній» — одна изъ главныхъ мыслей въ сочиненіяхъ Нила Сорскаго. Она вытекаетъ изъ самаго требованія его, постоянно повторяемаго — жить по св. писаніямъ. Говоря о недостойной жизни многихъ современныхъ иноковъ, пр. Нилъ замѣчаетъ, что это происходитъ «отъ еже не вѣдѣти намъ святая писанія», что «не тщимся испытывати сія»... «Испытайте писанія, приводитъ онъ слова Спасителя, и въ нихъ обращете животь вѣиный. Елика бо прежде написана быша во св. писаніяхъ — говоритъ онъ словами Апостола — въ наше наказаніе (наученіе) преднаписашася». Это «испытаніе» писаній, изученіе ихъ, было главнымъ занятіемъ пр. Нила: «въ томъ животь и дыханіе мое имѣю», пишетъ онъ. «И аще кто, прибавляетъ далѣе, любовію духовною прилѣпляется мнѣ — тако же совѣтую дѣлати»...

IX. Впрочемъ, прибавляетъ онъ, «писанія многа, но не вся божественна суть. Ты же (даетъ онъ наставленіе старцу Гурію) истинная извѣстнѣ испытавъ отъ чтенія — сихъ держися»... Руководя свою волю указаніями божественныхъ писаній, шнокъ (и всякій человекъ) долженъ, однако, слѣдовать писаніямъ только истиннымъ, божественнымъ: «свяжи себе законы божественныхъ писаній и послѣдуй тѣмъ, писаніемъ же истиннымъ, божественнымъ»... Съ изученіемъ божественныхъ писаній должно быть соединено критическое отношеніе и къ нимъ и ко всей массѣ письменнаго матеріала. Преподбный Нилъ рекомендуетъ своимъ послѣдователямъ не простое чтеніе «писаній», «почитаніе книжное» (о важности и необходимости котораго перѣдко попадаютъ статьи въ нашихъ древнихъ сборникахъ, начиная съ XI вѣка), а испытаніе писаній, ихъ сознательное, разумное, отчасти критиче-

ское усвоение. Эта мысль о необходимости критического отношения къ «писаніямъ» была особенно важна для тогдашняго книжнаго міра.

X. Таковы общія основныя воззрѣнія пр. Нила. Что касается до самыхъ пріемовъ его изслѣдованія, его авторскаго изложенія, то смотря на его сочиненія съ этой стороны, мы не можемъ не отмѣтить въ нихъ ихъ особаго психологическаго направленія. Это обусловливалось самымъ содержаніемъ. ихъ. Давая свои наставленія и совѣты, пр. Нилъ старается проникнуть въ глубь человѣческой души, стать на почву мыслей и сердечныхъ движеній человѣка и тамъ найти указанія, какъ должно поступать чтобы уничтожить въ себѣ одно, чтобы развить другое; онъ пытается раскрыть передъ читателемъ новый внутренній міръ, міръ его души, его мыслей, чувствъ, стремленій. Здѣсь—источникъ нашихъ страстей; здѣсь же нужно находить и средства бороться съ ними. Пр. Нилъ анализируетъ нашего «внутренняго человѣка», слѣдитъ за различными фазами нашего психическаго состоянія, за различными, по-видимому, самыми незначительными движеніями нашей души, и на этой психической почвѣ даетъ свои наставленія. Онъ пишетъ (замѣчаетъ онъ въ своемъ «Преданіи ученикомъ») «воздвизаяй совѣсть къ лучшему», и къ анализу этой «совѣсти» человѣка, его ума и сердца—онъ чаще всего обращается.

XI. Что касается до отношенія сочиненій нашего писателя къ окружающему ихъ живому міру, то отношеніе это вообще довольно слабое. Нилъ Сорскій почти исключительно вращается въ средѣ идеальной, созерцательной, и очень рѣдко спускается къ окружающему его міру дѣйствительности. Впрочемъ, иногда мы не могли не замѣтить въ его сочиненіяхъ нѣкоторыхъ слѣдовъ этой дѣйствительности; реальный міръ современнаго ему монашества изрѣдка проглядываетъ между строками его сочиненій. Пр. Нилъ дѣлаетъ

иногда довольно рѣзкія замѣчанія о деморализаціи современной ему монастырской жизни. «Первѣе преводелѣнное и зѣло опасное (строгое) монашествующихъ житіе нынѣ мерзкое бысть», говоритъ онъ. Онъ указываетъ на распространившееся самоволіе иноковъ, на желаніе ихъ «по своимъ волямъ страстнымъ жити, а не по святымъ писаніямъ». Въ «Преданіи ученикомъ» онъ особенно опасается этихъ «самочинниковъ». Рѣзко обличаетъ ихъ въ бродяжничество и попрошайничество: «отягчаются вся грады и веси отъ лжемонаховъ, ишетъ онъ — обходящихъ и обтекающихъ всуе... Смущаются вси домовладыки... видяще тѣхъ прошакъ безстудно у дверей своихъ пребывающихъ... И что нынѣ Іеремія новый явилъ бы ся убо рыдати полезнѣ и по достоянію могій наша времена! Срамляю бо ся лишше что писати»... Онъ указываетъ на незнаніе иноками божественныхъ писаній, на ихъ лѣность и нежеланіе изучать ихъ: «не тщимся испытватія сія»..., «не испытуютъ святая писанія со смиреніемъ духовнѣ!» — замѣчаетъ онъ о массѣ современныхъ ему иноковъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже считали эти «писанія» совершенно неприложимыми къ жизни: «нынѣ не мощно, говорили они, по писанію жити и послѣдовати св. отцемъ». Пр. Нилъ не разъ останавливается на этомъ мнѣніи (оно было, значить, довольно распространено): «Нѣцый отъ нихъ — говоритъ онъ о такихъ инокахъ — не хотятъ и слышати нынѣ — еже по святыхъ писаній жити, яко же бо рещи — не намъ написана суть, и не подлжитъ еже въ нынѣшнемъ родѣ хранити та»...

ХII. Единственнымъ пунктомъ, въ которомъ идеи Нила Сорскаго рѣзко затрогивали дѣйствительность, становясь на реальную практическую почву, былъ вопросъ о монастырскихъ имуществахъ. Нилъ Сорскій является открытымъ врагомъ всякихъ монастырскихъ имѣній и го-

рячимъ проповѣдникомъ первобытнoй иноческой нищеты. Это непосредственно вытекало изъ общаго взгляда его на сущность и цѣли иноческой жизни. На призваніе инока онъ смотритъ съ первобытнoй, идеально-евангельской точки зрѣнія. Инокъ отрекается отъ всего міра, чтобы жить «по Бозѣ»; «се оставихомъ вся, говоритъ инокъ, и вслѣдъ Тебе идохомъ», какъ же послѣ этого, не противорѣча самому себѣ, можетъ онъ тратить время на заботы о мірскихъ имуществвахъ, земляхъ, богатствахъ?.. Всякую собственность пр. Нилъ считаетъ противорѣчащей иноческимъ обѣтамъ и совершенно несовмѣстимой съ стремленіями истиннаго инока; существенное условіе монашескаго подвига, по его мнѣнію, полная нестяжательность, совершенная нищета, бѣдность. Иноки должны жить, по его мнѣнію, исключительно своими трудами, даже подаванія могутъ принимать только въ крайнихъ случаяхъ. Своимъ послѣдователямъ онъ предписываетъ «не тоію не имѣти имѣнія, но ни желати то стяжавати»... Обязательное для инока онъ считаетъ обязательнымъ и для монастыря: на послѣдній онъ смотритъ лишь какъ на собраніе людей, связанныхъ одними и тѣми же цѣлями и стремленіями, съ однѣми и тѣми же нуждами и потребностями; что предосудительно инокамъ въ отдѣльности, то не можетъ быть разрѣшено имъ, если ихъ соединится нѣсколько...

XIII. Общимъ духовнымъ направленіемъ идей Нила Сорскаго и требованіемъ его отъ иноковъ и монастырей строгой нестяжательности — опредѣляется его взглядъ на отношеніе тѣхъ и другихъ къ окружающему мірскому населенію. Монастыри были обыкновенно источниками разнаго рода милостыни для этого населенія, его наиболѣе бѣдной части; здѣсь въ продолженіе почти цѣлаго года происходили различныя «кормы» и «поминки», которые считались особенно важными для душевнаго спасенія людей умершихъ. На эти «кормы» и «поминки» богатыми людьми дѣлались въ мона-

стыри особые, спеціальныя вклады, и это было самой существенной статьей монастырскихъ доходовъ. Иноческую и вообще монастырскую милостыню Нилъ Сорскій понимаетъ иначе: милостыня эта должна быть духовной, она должна заключаться не въ кускѣ хлѣба, а въ нравственномъ, духовномъ наставленіи, наученіи. «Милостыня иноческая, говоритъ онъ, еже помощи брату словомъ во время нужды и утѣшити ему скорбь разсужденіемъ духовнымъ»... Странникамъ иноки должны предлагать духовно-нравственныя наставленія и совѣты («приносити словеса»). Монастырь, по взгляду Нила Сорскаго, долженъ быть для народа источникомъ «слова» и «разсужденія духовнаго», служить для него религіозно-нравственнымъ центромъ.

Наша характеристика идей пр. Нила Сорскаго была бы весьма неполна, если бы мы не отмѣтили еще одной, самой существенной стороны его идей— ихъ непосредственной связи съ цѣлымъ рядомъ патристическихъ писателей... Но это приводитъ насъ къ опредѣленію источниковъ идей Нила Сорскаго, и вопросъ этотъ мы выдѣляемъ въ особую главу.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ ИДЕЙ ПРЕПОДОБНАГО НИЛА СОРСКАГО

Не отъ себе, но отъ святыхъ писаній малая отъ многихъ сображь, отъ крупницъ падающихъ отъ трапезы словесъ господій своихъ блаженныхъ отецъ...

(Изъ главъ Нила Сорскаго).

Писанія многа, но не вся суть божественна...

(Изъ его посланій).

Въ настоящей главѣ (какъ бы въ дополненіе къ предыдущей) мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній объ отношеніяхъ Нила Сорскаго къ патристической литературѣ.

Идеи Нила Сорскаго, въ своей общей основѣ — идеи цѣлаго ряда патристическихъ писателей; съ послѣдними русскій авторъ стоитъ въ самой тѣсной связи и всецѣло на нихъ основывается. Онъ самъ указываетъ эту непосредственную связь свою съ ними, замѣчая не разъ въ своихъ сочиненіяхъ, что онъ пишетъ «не отъ себе, но отъ святыхъ писаній», что онъ только «малое отъ многаго собралъ — отъ трапезы словесъ господій своихъ блаженныхъ отецъ». Въ «Главахъ» и въ «Преданіи ученикомъ» мы видимъ фактическое подтвержденіе этого. Цѣлыя страницы здѣсь представляютъ нерѣдко сплошной рядъ цитатъ изъ сочиненій того или другаго отца церкви или нѣсколькихъ. Русскій авторъ цитируетъ болѣе двадцати церковныхъ писателей. Передъ нами — непрерывныя выдержки изъ твореній Іоанна Кассіана Римлянина, Нила Синайскаго, Іоанна Лѣствичника, Василя Великаго, Исаака Сирина, Симеона

Новаго Богослова, Григорія Синаита... На многихъ изъ этихъ писателей Нилъ Сорскій особенно часто ссылается.

Мы должны хоть въ общихъ чертахъ познакомиться съ этими исходными источниками идей нашего автора.

Въ ряду церковныхъ писателей, сочиненіями которыхъ больше всего пользовался Нилъ Сорскій, прежде всѣхъ долженъ быть поставленъ Іоаннъ Кассіанъ Римлянинъ¹⁾.

¹⁾ Іоаннъ Кассіанъ Римлянинъ занимаетъ очень важное мѣсто въ исторіи западнаго монашества и пелагіанства. Онъ родился около 355 года, вѣроятно въ Галліи — на послѣднее указываетъ отчасти и его легкость владѣть латинскимъ языкомъ, на которомъ онъ писалъ свои сочиненія. Очень рано онъ отправился на Востокъ и нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Виолемскомъ монастырѣ, въ Палестинѣ, здѣсь принялъ и монашество. Съ 390 года, около семи лѣтъ онъ проводитъ въ путешествіи по Египту, куда отправился съ цѣлью изучить жизнь египетскихъ подвижниковъ; египетское иночество сильно повліяло на направление мыслей пр. Кассіана и оставило глубокой слѣдъ въ его сочиненіяхъ. По возвращеніи въ Палестину, въ 400 году, онъ посѣщаетъ Константинополь и слушаетъ здѣсь церковныя бесѣды Іоанна Златоустаго, о которомъ позднѣе отзывается въ своихъ сочиненіяхъ, какъ о лучшемъ своемъ наставникѣ и руководителѣ. Не задолго до смерти Іоанна Златоустаго († 407), Кассіанъ предпринимаетъ путешествіе въ Римъ — просить защиты «своему лучшему учителю», и затѣмъ, вѣроятно уже послѣ смерти послѣдняго, онъ окончательно поселяется въ Марсели. Принявши санъ священника, онъ основываетъ здѣсь два монастыря — мужской и женскій, вводитъ въ нихъ уставъ восточныхъ монастырей, и этимъ полагаетъ основаніе галльскому общежительному монашеству. Къ 417 году относится упомянутое нами сочиненіе его: *De cenobiorum Institutis*, въ которомъ онъ излагаетъ правила восточнаго монашества и идеи, вынесенныя имъ отсюда, давая здѣсь вмѣстѣ съ тѣмъ и образцы для основанныхъ имъ монастырей. Нѣсколько позднѣе, тѣ же идеи восточнаго аскетизма онъ подробнѣе развиваетъ въ *Collationes Patrum* (24 книги). Онъ умеръ въ 435 году. Въ извѣстномъ вопросѣ о благодати, волновавшемъ тогда

Пятая, самая важная глава Монастырскаго устава Нила Сорскаго («О различіи нашего боренія и побѣды на осмь пачальнѣйшихъ помыслъ страстныхъ») имѣеть ближайшую связь со второй половиной сочиненія Кассіана: *De scenobiorum Institutis* («О правилахъ монашескихъ»).

Пр. Кассіанъ былъ основателемъ монашества въ Галліи и названное сочиненіе есть собственно уставъ для основанныхъ авторомъ галльскихъ монастырей. Сочиненіе состоитъ изъ 12 книгъ. Первыя четыре имѣють своимъ предметомъ внѣшній строй монастырскаго общежитія. Авторъ говоритъ здѣсь объ одеждѣ иноковъ (*lib. I*), объ общихъ монастырскихъ молитвахъ—дневныхъ и ночныхъ (*libb. II et III*), о необходимости строгаго послушанія для иноковъ, ихъ совершенной бѣдности (самыя слова: «мой», «моя»—запрещаются въ монастырѣ), о наказаніяхъ провинившимся, и т. д. Четвертой книгой заканчивается первая половина сочиненія (собственно *de scenobiorum institutis*); предметъ слѣдующихъ восьми книгъ—внутренняя духовная жизнь каждаго отдѣльно инока. Авторъ говоритъ въ нихъ *de octo principalium vitiorum remediis*, хочетъ изобразить борьбу подвижника «противъ восьми главныхъ пороковъ души». Онъ ставитъ себѣ задачей—«изслѣдовать внимательнѣе свойства этихъ пороковъ, столь мимолетныя, столь

всю Галлію, препод. Кассіанъ держался, кажется, средняго направленія; впрочемъ, въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій онъ не всегда высказываетъ по этому предмету одни и тѣ же взгляды, въ нихъ нельзя не видѣть вообще колебаній. Нѣкоторые мнѣнія, заявленные имъ, были признаны послѣ полуцелоганскими. О жизни и сочиненіяхъ Кассіана см.: Flery: *Histoire Ecclesiastique*, t. II (Paris, 1840), pp. 101—113. Herzog: *Real-Encyclopädie für protestantische Theologie und Kirche*. Stuttgart und Hamburg, t. II (1854), SS. 601—630. Преосв. Филаретъ. Историческое ученіе объ отцахъ Церкви, т. III (1859), стр. 50—55. *Dictionnaire Encyclopédique de la Théologie catholique...* publié par les soins Wetzer et Welte, trad. par J. Qoschler, IV (Paris, 1859), pp. 90—94.

скрытныя, столь мрачныя; обстоятельнѣе изложить ихъ причины, и, въ-третьихъ, указать противъ нихъ средства и противодѣйствія»²⁾. Цѣли автора, такимъ образомъ, чисто психологическаго свойства; больше всего онъ останавливается на рѣшеніи первой задачи (изложеніе свойствъ страстей), рѣшая другія часто слишкомъ общими мѣстами.

Перечисливши восемь главныхъ пороковъ души (они — тѣ же самыя, что излагаются и въ V главѣ «устава» и въ томъ же порядкѣ), авторъ начинаетъ со страсти чревоугодія (*spiritus gastrimargiae*, lib. V). Говоря о силѣ этого порока и указывая средства (весьма общія) бороться съ нимъ, пр. Кассіанъ подробно излагаетъ свой взглядъ на значеніе и сущность поста. Въ постѣ, какъ и во всемъ, слѣдуетъ, говоритъ онъ, соблюдать умѣренность и быть разсудительнымъ. Постъ долженъ состоять «не въ одномъ мужествѣ духа, но долженъ соразмѣряться и съ силою плоти». Качество и количество пищи могутъ быть весьма различны для разныхъ людей; «не для всѣхъ возможно соблюдать постъ по недѣлямъ, нѣкоторые не могутъ пробыть безъ пищи и въ теченіе двухъ-трехъ дней, инымъ — по болѣзни или старости — трудно пробыть безъ нея и до вечера; не для всѣхъ одинаково питательны овощи, злаки или сухой хлѣбъ. Но всѣ — принимая по мѣрѣ надобности пищу — должны стараться преслѣдовать одну цѣль — избѣгать пресыщенія». Воздержаніе состоитъ не въ качествѣ самой пищи, но въ разсудительномъ употребленіи ея. Лучше каждый день умѣренно употреблять пищу, чѣмъ повреждать себя на долгіе и строгіе посты; неумѣренный постъ

²⁾. «nunc impensius indigemus, ut primum naturam eorum, tam minutas, tam occultas, tamque obscuras investigare condigne; deinde causas eorumdem sufficienter exponere; tertio ut idonee curationes eorum ac remedia possimus inferre»...—lib. V, p. 74: Joannis Cassiani Opp., edit. 1722. Francofurti.

не только может разслабить духъ, но обезсилить тѣло, можетъ ослабить и силу молитвы. Нужно заботиться не столько о внѣшнемъ тѣлесномъ постѣ, сколько о внутреннемъ, духовномъ: этотъ духовный постъ состоитъ въ воздержаніи отъ вредной пищи души...³⁾.

Второй порокъ души—страсть блудная (*spiritus fornicationis*, lib. VI). «Борьба съ этою страстью—замѣчаетъ писатель — продолжительна, постоянна и трудна, только весьма немногіе одерживаютъ надъ нею совершенную побѣду. Она разомъ нападаетъ и на тѣло и на душу, потому и бороться съ нею нужно тѣлеснымъ и духовнымъ орудіемъ». Главное средство противъ нея—совершенствованіе сердца: изъ сердца исходятъ «помысли лукавіи», потому и нужно прежде всего заботиться о его чистотѣ. Всякіе возникающіе плотскіе помыслы человѣкъ долженъ немедленно «искоренѣвати» изъ своего сердца⁴⁾. Но необходимо

³⁾ ... «Ни единого правила постнаго. ниже единого правила пищнаго вкушенія. ниже тыя же мѣры. предаша (св. отцы). Зане не вѣмъ такову (одинакову) крѣпость имѣти или ради възраста. или ради немощи или слабости ради тѣлесныя. едино же смотрѣніе предаша. бѣгати объяденія и отвращатися несмытства чревнаго. Коегождо дне. постъ искусиша (нашли) полезѣйша быти и съложимаго (способствующимъ) быти къ чистотѣ... Не вѣмъ правило быти искусиша зельнаго вкушенія. ниже вѣмъ сочявы. ни вѣмъ мощи сухымъ хлѣбомъ пребывати... вѣмъ же, речеся, единъ уставъ въздръжанію предаша. еже не прелщатися грѣтанною сладостію... Къ очищенію съвршеннѣе не едино точію отдаленіе брашенное укрѣпляетъ. аще не и прочая добродѣтели притекутъ...—отдаленіе сребролюбію... гнѣвоотдаленіе и скръби и тщеславію и гордыню. Си вся всегдашнее души очищеніе съдѣлавають...» —Рукоп. XV вѣка бібліотеки Троицко-Серг. Лавры, № 756, лл. 461—462. Ср.: Писанія Пр. Іоанна Кассіана Римлянина, въ рус. пер. (М., 1877), стр. 45—58.

⁴⁾... «Подобаеть всякою стражею соблюдати сердце отъ скверныхъ мыслей.—Ibid., 463об.

бороться съ нею и въ тѣлѣ, соблюдать умѣренность въ нищѣ. Могущество самой страсти и высота противоположной ей добродѣтели (цѣломудрія) дѣлають борьбу съ нею особенно трудной. «Иное дѣло быть воздержнымъ—замѣчаетъ авторъ, говоря о высотѣ цѣломудрія—и иное—быть чистымъ. Нерастлѣнность плоти состоитъ въ непорочности сердца». Какъ для успѣха въ каждой добродѣтели, такъ особенно въ этой — въ сохраненіи тѣлеснаго и духовнаго цѣломудрія (что достигается лишь полной побѣдой надъ страстью)—человѣку необходима помощь отъ Бога; человѣкъ самъ долженъ только тщательно заглушать въ себѣ «вредныхъ помыслъ начяткы».

Третій порокъ души—сребролюбіе (*spiritus philargyriae*, lib. VII). Страсть эта—«чужда и несвойственна нашей природѣ. Зародыши другихъ страстей насаждены въ насъ, какъ бы отъ самаго рожденія посѣяны въ нашей природѣ; а эта болѣзнь (сребролюбіе) приходитъ позднѣе и отвиѣ приростаётъ къ нашей душѣ». Авторъ съ большою подробностью говоритъ далѣе о различіи между естественными страстями, инстинктивными требованіями тѣла, вложенными намъ отъ рожденія (*vitia naturalia*—«тѣлеснаа естествонная движанія»), и въ тѣсномъ смыслѣ пороками, страстями, которыя развиваются хотя изъ тѣхъ же зачатковъ, но позднѣе—отъ нашего собственнаго нерадѣнія (*vitia, quae extra naturalem motum nostro vitio contrabuntur*,—«тѣлеснаа естествонная движанія»), переходящія отъ тѣлеснаго естества въ чрезъестество... отъ единого злаго и растлѣннаго помысла»). Возвращаясь къ главному предмету своей рѣчи, авторъ такъ анализируетъ возникновеніе и постепенное усиленіе сребролюбивыхъ стремленій въ душѣ монаха: «Страсть эта, возникающая въ разслабленной и холодной душѣ инока, побуждаетъ его сначала къ небольшому стяжанію, указывая ему при этомъ и какъ бы дѣйствительно разумные предлоги, почему ему

слѣдуетъ сберечь хоть немного денегъ: «Доставляемое отъ монастыря (разсуждаетъ инокъ уже склоняющійся къ страсти сребролюбія) недостаточно, — его едва хватаетъ и при здоровомъ и крѣпкомъ тѣлѣ: что же будетъ, если случится нездоровье? Содержаніе монастыря скудно, а извѣстно какъ небрежны больные. Если не будетъ ничего своего, что можно бы было употребить на поправленіе здоровья, — придется умереть самымъ жалкимъ образомъ. Къ тому же, нельзя долго и жить въ одномъ монастырѣ; а если не будетъ запасено хоть небольшого количества денегъ — на самыя необходимыя издержки въ дорогѣ, — напр. хоть на переправку черезъ море, — нельзя будетъ имѣть ни малѣйшей возможности уйти въ другое мѣсто. Такой монахъ, стѣсненный своей крайней бѣдностью, осужденъ будетъ проводить постоянно жизнь рабочническую, жалкую; всегда нищій и нагой, онъ принужденъ будетъ содержаться на чужомъ иждивеніи... Нѣтъ, необходимо сберечь хоть одинъ динарій... Чѣмъ больше сберегается денегъ, тѣмъ сильнѣе растетъ страсть къ нимъ. Монаху видится впереди долговѣчная жизнь, преклонная старость, различные весьма продолжительные недуги, которые трудно будетъ переносить въ старости, если заранѣе не заготовить денегъ... Такъ становится жалкой душа, связанная змѣйными узами». Говоря о различныхъ видахъ сребролюбія, о многообразныхъ свойствахъ этого порока, авторъ замѣчаетъ, что «можно быть сребролюбцемъ и не имѣя богатства». Нужно не во внѣшнихъ только дѣйствіяхъ, но въ самомъ сердцѣ своемъ быть свободнымъ отъ стремленія къ приобрѣтеніямъ. «Никакой пользы, говоритъ писатель, не принесетъ обѣтъ нищеты тому, кто не могъ отсѣчь въ своей душѣ самую страсть любуостяжанія... Евангельское слово и неоскверненныхъ тѣломъ считаетъ нечистыми сердцемъ; такъ и необремененный тяжестью богатствъ можетъ быть осужденъ какъ сребролюбецъ: у такихъ не было только случая имѣть, а не воли.

Совершенная побѣда надъ сребролюбіемъ состоитъ въ томъ, чтобы не допускать въ сердцѣ и искры желанія ка-кого-либо стяжанія» ^{4а}).

Четвертый порокъ — гнѣвъ (spiritus irae, lib. VIII). Многочисленными выписками изъ св. писанія авторъ доказы-ываетъ весь вредъ гнѣва для подвига духовнаго совершен-ствования. «Отъ какой бы причины ни возбудился гнѣвъ, разгораясь, онъ ослѣпляетъ очи сердечныя и не даетъ че-ловѣку созерцать солнце правды»... Въ нашей раздражи-тельности мы не должны винить другихъ, — причина ея въ насъ самихъ, и съ этой страстью мы должны больше всего бороться въ своемъ собственномъ сердцѣ, — подавляя въ немъ самый духъ гнѣва ⁵). Поэтому тѣ, которые не мо-гутъ побѣдить въ себѣ этой страсти, напрасно уходятъ для этой цѣли въ пустыни, —этимъ они угождаютъ лишь своей прихоти, — «отъ гордости бо и отъ еже не хотѣти себе укоряти и написовати своимъ уныніемъ вины мя-тежю, отъ братіи отъити желаемъ». Разсматривая свойства самой страсти, авторъ отличаетъ естественныя проявленія ея (напр. въ младенцѣ) отъ дальнѣйшихъ противоестествен-ныхъ степеней ея развитія. Средства противъ гнѣва — раз-судительность и терпѣніе.

Пятый порокъ — печаль (spiritus tristitiae, lib. IX). Авторъ такъ характеризуетъ ея свойства: «она расслабляетъ

^{4а}) «Отдаленіе сребролюбію—не тоцію имѣти имѣнія, но ни желати то стяжати..—л. 462 об. Съхранимъ себе не сбрати имѣнія..— л. 468.

⁵) ...подавляя—«еже въ нутрьнихъ нашихъ лежимаго недуга... «Тому (гнѣву) въ нашихъ сердцахъ сѣдящу, и мысленныя очеса мрач-ными мятежи ослѣпѣвающу, —ниже расуженіе полезнымъ стяжати воз-можемъ, ниже духовнаго разума обрѣсти воспріятіе, ниже къ совѣту благу воспріятіе съвършеніе, ни истинному животу быти причастну...— л. 468 об.

и угнетаетъ духъ, не позволяетъ ни совершать молитвы съ обычной ревностью сердца, ни съ пользою заниматься священнымъ чтеніемъ, не даетъ быть кроткимъ и спокойнымъ съ братіями. Ко всѣмъ обязанностямъ дѣлаетъ неспособнымъ. Одежда, изъѣденная молью, не можетъ имѣть никакой цѣны, дерево, источенное червями, негодится на украшенія, — оно годно только въ огонь; такъ и душа, съѣдаемая печалью, не можетъ уже быть пригодною на устройство въ ней того духовнаго храма, о которомъ говоритъ мудрый Павелъ: «вы есте храмъ Божій»...⁶). Страсть эта происходитъ отъ гнѣва, отъ неудовлетвореннаго желанія, отъ оскорбленій со стороны другихъ, но больше всего — отъ насъ самихъ, отъ нашей собственной порочности, и потому должно не «въ разлученіи челоувѣчскомъ (удаленіемъ въ пустыню) исправляти ее, но добродѣтельнымъ житіемъ и подвигомъ»... Вредный вообще, духъ печали бываетъ лишь въ томъ случаѣ полезенъ, если онъ вызывается «покаяніемъ во грѣхахъ, стремленіемъ къ совершенству».

Шестой порокъ, съ которымъ долженъ бороться инокъ — уныніе, лѣность (*spiritus acediae*, lib. X). Когда на монаха нападаетъ такое настроеніе духа, — «онъ безпокойно озирается туда и сюда, вздыхаетъ, что никто изъ братіи не зайдетъ къ нему, то выходитъ, то входитъ въ келью, взглядываетъ постоянно на солнце, — какъ будто оно медленно идетъ къ западу... Наконецъ, онъ оставляетъ работу, какъ будто на дворѣ уже вечеръ, прерываетъ занятіе духовнымъ дѣломъ, и думаетъ, что для него теперь, чтобы избавиться отъ такого душевнаго расслабленія, самое лучшее — посѣтить

⁶) «Егда лукавый сей духъ («духъ скорбный») обыметъ душу и ту всю помрачить, — ни молитвы съвершити съ дълготерпѣніемъ оставляетъ, ниже священнымъ чтеніемъ пользу стерпѣвати, кротка и благоразмѣтна къ братіямъ челоувѣка быти не оставляетъ и ко всякому дѣлу и начинанію...» — л. 472.

кого-либо изъ братіи или подкрѣпиться сномъ», и т. д. Противодѣйствіемъ такой душевной апатіи можетъ служить усердное исполненіе возложенныхъ обязанностей и особенно физическая работа; съ большой подробностью и съ многочисленными примѣрами изъ жизни восточныхъ подвижниковъ авторъ доказываетъ, что «безчиненъ тотъ, кто не хочетъ заниматься дѣломъ рукъ своихъ», что «надо трудиться».

Седьмой порокъ—тщеславіе (*spiritus cenodoxiae*, lib. XI),—«порокъ разнообразный, неумовимый, тонкій, отъ котораго, при самыхъ прозорливыхъ очахъ, мы не только не можемъ предостеречь себя, но котораго иногда и замѣтить не въ состояніи». Тщеславіе самымъ неумовимымъ образомъ вкрадывается въ нашу душу. «Другія страсти, говоритъ писатель, нападаютъ явно, открыто; а эта страсть, прогнанная съ одной стороны, подкрадывается съ другой, перемѣняетъ свой прежній видъ и личину, принимаетъ даже видъ добродѣтели, и подкравшись, зарѣзываетъ своего побѣдителя». Страсть эта вездѣ передъ подвижникомъ; «она—и въ одеждѣ, и въ наружномъ видѣ, въ походкѣ, голосѣ, бдѣніи, постѣ, молитвѣ, чтеніи, отшельничествѣ, послушаніи, смиреніи—во всемъ старается поразить борца Христова, подобно подводной скалѣ, которая, укрываясь волнами, производитъ непредвидѣнное и тѣмъ болѣе ужасное кораблекрушеніе»... Для предохраненія себя отъ этого «со всѣхъ сторонъ встречающагося многоразличнаго зла»,—нужно чаще размышлять о словахъ Давида: «Господь рассыпалъ кости человѣкоугодниковъ».

Восьмой порокъ—гордость (*spiritus superbiae*, lib. XII). Страсть эта—«лютый звѣрь» и нападаетъ особенно на тѣхъ, которые достигли нѣкотораго совершенства въ духовныхъ подвигахъ, стоятъ уже какъ бы на верху добродѣтели. Гордостные помыслы разомъ лишаютъ человѣка всякаго духовнаго совершенства, какъ бы оно ни было велико, «подобно заразной болѣзни, которая и цвѣтущее здоровьемъ тѣло

разомъ разрушаетъ, пропитывая его смертоноснымъ сокомъ», Всякая другая страсть, продолжаетъ писатель, нападаетъ преимущественно на одну какую-либо добродѣтель человѣка и ее особенно старается препобѣдить, — такъ, страсть къ объяденію губить добродѣтель воздержанія, похоть оскверняетъ цѣломудріе; гордость же, когда она овладѣваетъ несчастной душой, разомъ вырываетъ съ корнемъ всѣ ея добродѣтели, подобно тирану, который, овладѣвши городскою крѣпостью, весь городъ разрушаетъ до основанія». Лучшее средство противъ гордости — непрестанная память о нашей общей слабости и необходимости для насъ всегда и вездѣ помощи Божіей... 7).

Можетъ быть мы слишкомъ подробно изложили сочиненіе Іоанна-Кассіана; но мы сочли это необходимымъ, чтобы видѣть яснѣе отношеніе къ нему русскаго автора. Характеръ этого отношенія двоякій.

Уже при самомъ бѣгломъ взглядѣ на изложенное сочиненіе нельзя не видѣть, что оно служило весьма важнымъ и источникомъ Нилу Сорскому для V главы его «устава». Общая связь обоихъ авторовъ довольно тѣсная и очевидная. Въ томъ и другомъ сочиненіи мы видимъ одну основную

7) S. Joannis Cassiani Opera omnia cum commentariis D. Alardi Gazaci. Francofurti, MDCCXXII. pp. 4—210. Писанія Пр. Іоанна Кассіана Римлянина въ рус. пер. М., 1877. XV в. Сборникъ бібліотеки Троицко-Сергіевой Лавры, № 756, лл. 461—476: «Преподобнаго отца нашего Авва Кассіана Римлянина о злыхъ осмихъ помыслѣхъ», ib, Сборникъ XV вѣка, № 760 лл. 168 sqq.— Нужно замѣтить что сочиненіе De Saen. Instit. очень рано, можетъ быть еще при жизни автора, съ латинскаго языка было переведено на греческій въ значительно сокращенномъ видѣ; въ этой сокращенной редакціи оно находится и въ указанныхъ славянскихъ рукописяхъ. Приблизительно къ редакціи этихъ рукописей оно изложено и нами.

идею, одну общую психологическую почву изслѣдованія. Слѣдуя за Кассіаномъ, Нилъ Сорскій также дѣлаетъ попытку психологическаго описанія, анализа главныхъ страстей, съ которыми долженъ бороться инокъ, и съ помощью такого разсмотрѣнія этихъ страстей старается указать средства побѣждать ихъ (средства эти, замѣтимъ, и такъ же общи, какъ у Кассіана). Въ «Главахъ» Нила Сорскаго находимъ даже болѣе частныя точки соприкосновенія съ изложеннымъ сочиненіемъ: русскій авторъ дѣлаетъ прямыя заимствованія (неболшія) изъ сочиненія Кассіана, говоря иногда его словами (и не называя его имени... ⁸⁾). Таковы пункты, въ которыхъ сближаются оба сочиненія. Но при общемъ сходствѣ, видно и различіе. Мы не должны преувеличивать значенія разсматриваемаго сочиненія для русскаго автора. При всей своей близости къ сочиненію Кассіана, Нилъ Сорскій нисколько не теряетъ самостоятельнаго отношенія къ нему, и пользуясь имъ, какъ пособіемъ, онъ его не компилируетъ рабски. Сочиненіе Кассіана далеко не служитъ Нилу Сорскому единственнымъ источникомъ. Наряду съ нимъ, онъ пользуется въ V главѣ твореніями другихъ, весьма многихъ, отцовъ Церкви; приводимыя имъ цитаты изъ Кассіана совершенно исчезаютъ въ массѣ цитатъ изъ послѣднихъ. Въ V главѣ «устава»

⁸⁾ Ср. съ изложеннымъ сочиненіемъ Кассіана слѣдующія мѣста V гл. «устава»,—по изд. опт. пуст. стрр. 68, 69—71, 74, 79, 80, 82, 87, 94.—Не лишнее замѣтить, что Нилъ Сорскій, приводя слова Кассіана, никогда не упоминаетъ его имени, что обыкновенно онъ съ большою тщательностью и точностью дѣлаетъ по отношенію ко всемъ остальнымъ цитируемымъ имъ церковнымъ писателямъ. Какъ объяснить этотъ фактъ, не знаемъ... Но имя Кассіана было извѣстно и въ древнерусской письменности (что видно изъ указанныхъ выше рукописей) и ближайшимъ ученикамъ Нила Сорскаго: въ своемъ «Надсловіи» Иннокентій Охлѣбнинъ не разъ въ подтвержденіе себя приводитъ слова «святаго Кассіана».

передъ нами постоянныя ссылки на Іоанна Лѣтвичника († 563), Варсанофія († 563), Дорошея († 620), Максима Исповѣдника († 662), Исаака Сирина (VII в.), Симеона Нового Богослова († 1032), Григорія Синаита (XIV в.)... Приводимыя русскимъ авторомъ мнѣнія (по данному вопросу) этихъ отцевъ Церкви являются прямымъ дополненіемъ къ мыслямъ ихъ предшественника, Кассіана († 435), и доказываютъ, что для V главы «устава» существовали и другіе литературные источники, помимо сочиненія Кассіана... Но иногда и тѣми писателями, которыхъ цитируетъ Кассіанъ, Нилъ Сорскій пользуется независимо отъ послѣдняго. Такъ, въ V главѣ мы встрѣчаемъ цитаты изъ сочиненій Василія Великаго († 379), которыхъ не находимъ въ сочиненіи Кассіана, хотя послѣдній видимо пользуется тѣмъ же источникомъ...⁹⁾ Св. писаніемъ Нилъ Сорскій также пользуется совершенно самостоятельно, приводя много другихъ цитатъ, не приводимыхъ у Кассіана. Но русскій авторъ не только пользуется въ своемъ изложеніи другими источниками, помимо сочиненія Кассіана, — самый характеръ этихъ источниковъ нѣсколько иной, чѣмъ какой у послѣдняго. Трудно не замѣтить разницы въ литературныхъ вѣсѣхъ (если можно такъ выразиться) того и другаго автора. Читая сочиненіе Кассіана, мы очень нерѣдко чувствуемъ себя въ легендарной области восточнаго монашества, — такъ часто и такъ много приводитъ онъ различныхъ разсказовъ изъ жизни палестинскихъ и египетскихъ иноковъ (въ *Collationes Patrum* этотъ легендарный элементъ является преобладающимъ). Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ у Нила Сорскаго. Почвой ему, послѣ книгъ

⁹⁾ Ср.: Творенія св. Василія В. въ рус. пер. т V (М. 1858), стр. 142; Писанія Пр. Іоанна-Кассіана Римл. (М. 1877), стр. 45; V гл. «Устава» — по изд. опт. п., стр. 69—74.

св. писанія, служатъ исключительно творенія отцевъ Церкви. Онъ вообще избѣгаетъ легендарной почвы, и ни въ V главѣ «устава», ни въ другихъ его сочиненіяхъ, пигдѣ — какъ мы видѣли — не проявляется слѣдовъ ея вліянія, — хотя его, какъ прошедшаго время не мало на Востоку, вѣроятно, нельзя было упрекнуть въ незнакомствѣ съ нею.

Въ сравниваемыхъ сочиненіяхъ весьма значительная разница и по самому содержанію. Сходство, въ этомъ отношеніи, можно указать лишь въ болѣе или менѣе общихъ чертахъ; въ частномъ изложеніи предмета, говоря специально о той или другой страсти, — оба автора большею частью расходятся, останавливаясь на совершенно различныхъ сторонахъ одного и того же предмета. Такъ, говоря объ уныніи и гордости, Нилъ Сорскій совершенно оставляетъ своего руководителя; очень нерѣдко мы видимъ то же и въ другихъ мѣстахъ V главы (ср. сдѣланныя выше изложенія обоихъ сочиненій).

Такимъ образомъ, рядомъ съ общою близостью къ сочиненію Кассіана и съ частными заимствованіями изъ него, передъ нами — личная, весьма значительная, начитанность русскаго автора въ патристическую литературѣ, полная самостоятельность его въ литературномъ изложеніи предмета и значительное различіе въ самомъ содержаніи сочиненій.

Въ такихъ чертахъ представляется намъ отношеніе V главы «устава» Нила Сорскаго ко второй половинѣ сочиненія Кассіана.

Если сочиненіе Кассіана, при всемъ свободномъ отношеніи къ нему русскаго автора, все же служило для послѣдняго очевиднымъ источникомъ, то нельзя этого сказать

о сочиненіи Нила Синайскаго ¹⁰⁾: «Объ осьми порокахъ» (De octo invitiiis): мы не видимъ никакихъ фактическихъ слѣдовъ вліянія послѣдняго въ V главѣ «устава» ^{10а)}.

Остановимся на этомъ сочиненіи. Оно весьма небольшое и состоитъ изъ восьми главъ, соотвѣтственно числу главъ

¹⁰⁾ Пр. Нилъ Синайскій, по своему происхожденію, принадлежалъ къ очень древней и богатой фамиліи. Онъ занималъ въ Константинополѣ одну изъ высшихъ государственныхъ должностей, когда—около 390 года—онъ внезапно отказался отъ нея, оставилъ свое семейство, и постригшись въ монахи, удалился въ пустыню. Здѣсь, вблизи Синая, онъ ископалъ себѣ пещеру и сталъ жить, питаясь растеніями. Такъ провелъ онъ 60 лѣтъ и умеръ преклоннымъ старцемъ, ок. 450 года.—Онъ оставилъ послѣ себя, на греческомъ языкѣ, массу сочиненій духовно-нравственнаго содержанія, въ которыхъ иногда указываетъ на мотивы, заставившіе его удалиться въ пустыню. Онъ мало чувствовалъ въ себѣ общаго съ тѣми людьми, которые его окружали, онъ чуждался ихъ, и живя еще въ мірѣ, часто уходилъ въ окрестности города: «лѣсъ, тишина природы, свѣжій воздухъ,—все это убаюкивало меня, говоритъ онъ,—какъ въ колыбели» (I, 1, 338). «Душа моя жаждала покоя и безмолвія; я не могъ ни о чемъ иномъ думать, и ничего иного желать, кромѣ сего» (XVI, 8). Ничего не находилъ онъ отраднаго въ жизни современнаго ему общества: «широко раскинула повсюду всеуловляющія сѣти суетность, всѣми овладѣла она, всѣхъ даже и безъ сѣтей держитъ въ своей власти; какъ силки разставила она кругомъ богатство, чины, господство, удовольствія,—каждый остался служить той страсти, въ которой суетность нашла его наиболее склоннымъ (I, 2—3). Весь человѣческій міръ представлялся ему дикимъ, непроходимымъ лѣсомъ,—«и растутъ въ этомъ лѣсу и зеленѣютъ новыя вѣтви, но онъ неизбежно стоитъ, держась глубоко пущенными въ землю корнями, необъятно въ ширину раскинулъ свои длинные сучья, и покрытый густыми листьями производитъ такой мракъ, что лучу доброй мысли никакъ ужъ не согрѣтъ никогда глубину сердца омраченнаго грѣхомъ, которымъ проникаютъ наши дѣла». (I, 4).—Сочиненія Нила Синайскаго очень рано перешли въ славянскую письменность, и были одними изъ самыхъ распространенныхъ въ нашей переводной литературѣ. Славянскіе списки ихъ идутъ съ XIV—XV в. Горскій и Невоструевъ. Опис. рук., II, 2, № 154. О жизни и сочиненіяхъ Нила Синайскаго см. Казанскій: Св.

ныхъ душевныхъ пороковъ. Пороки перечисляются тѣже самыя, что и въ сочиненіяхъ Кассіана и Нила Сорскаго, и въ томъ же порядкѣ. Приводимъ нѣсколько отрывковъ, чтобы познакомиться съ самымъ характеромъ сочиненія.

«Начало плода—цвѣтъ—такъ начинается авторъ—а начало добродѣтельной жизни—воздержаніе. Чѣмъ больше дровъ, тѣмъ сильнѣе пламя; такъ и обиліе пищи вызываетъ похоть. Гаснетъ пламя, когда нѣтъ топлива; скудость въ пищѣ приводитъ въ безсиліе страсть. Запущенная земля производитъ терніе, а душа чревоугодника—раждаетъ гнусныя мысли»...

«Воздержаніе раждаетъ цѣломудріе, а отъ чревоугодія происходитъ блудъ. Кто пресыщаетъ чрево и даетъ обѣтъ быть цѣломудреннымъ, тотъ подобенъ человѣку, утверждающему, что онъ въ силахъ потушить горящую солому»...

Гнѣвливыи инокъ—дикій вепрь: увидитъ кого, и зубы остритъ; инокъ терпѣливый—тихий источникъ: воѣ утоляютъ въ немъ жажду... Гнѣвъ и ярость уменьшаютъ дни.

Печаль—дряхлость души... Печаль—червякъ сердца, пожирающій родившую его мать. Кто любитъ міръ, у того всегда много печали; а кто презираетъ мірское, тотъ всегда веселъ... Какъ моль изѣдаетъ одежду, а червь дерево, такъ печаль съѣдаетъ душу человѣка...

Лѣнность (уныніе)—изнеможеніе души... Безводное облако гонится вѣтромъ, а умъ, лишенный терпѣнія—духомъ лѣнности. Лѣнность гонитъ инока изъ кельи. Поддаваясь лѣнности, инокъ постоянно посматриваетъ на дверь, и мысль

Нилъ подвижникъ Синайскій и его сочиненія. Приб. къ тв. св. отц., XVI (1857) и XVII (1858), 7—54, 14—26. Herzog: Real-Encyclopädie, X (1858), 355—357. Преосв. Филаретъ: Историч. ученіе, III, 74—79. Сочиненіями его пользуемся по рус. переводу: Творенія Пр. Нила Синайскаго. 3 т. М. 1858—1859.

^{10а)} Какъ это иногда заявляется. См.: Шевыревъ, Ист. Р. Сл., IV, 183; Порфирьевъ, Ист. Р. Сл., I, 1879, 469.

его — о посѣтителѣхъ. Заскрипѣли ворота — и онъ сейчасъ вонъ. Улышалъ голосъ — и глядитъ въ окно, и не отходитъ отъ него, пока не одеревенѣетъ сидя. Читая книгу, лѣнивый часто позѣвываетъ, очень скоро начинаетъ поддаваться дремотѣ, протираетъ глаза, потягиваетъ руки; отвернувши глаза отъ книги — глядитъ на стѣну; обратившись опять къ книгѣ и прочтя немного, останавливается на полусловѣ, — смотритъ, далеко ли до конца, считаетъ листы, тетради, — бранитъ буквы и украшенія; наконецъ, закрывъ книгу, кладетъ ее подъ голову и спитъ, — но не очень глубокимъ сномъ: голодъ скоро пробуждаетъ его и заставляетъ торопиться къ обѣду»... ¹¹⁾, и т. д.

¹¹⁾ Рукопись Моск. Синод. Библиотеки, XVI вѣка, № 165, лл. 268—275: «Начало плодоносію цвѣтъ, и начало дѣятельнаго въздержаніе.. Вещь огню дрова. вещь же чревобѣсію брашна. Дрова многа великъ въздвижутъ пламянь. множество же брашенъ питають похоти. Пламень угасаетъ оскудѣвши вещи и брашенъ скудство увядаеть похоти. Олядинѣвши земля трѣніе рождаетъ. и умъ чревобѣсиваго прозябаеть помыслы скверныя.. Цѣломудріе раждаетъ въздержаніе. Чревобѣсіе же мати блуду.. Наполняяй чрево и общавааяся цѣломудретвовати. подобенъ есть глаголющему обуздавати огненное дѣйство въ трѣстіи.. — Инокъ гнѣвливъ вепрь пустынный. видѣвъ нѣкого и зубы наостри. Долготерпѣливъ инокъ уставившійся источникъ и всемъ подающъ тихо напоеніе.. Гнѣвъ и ярость умнѣвають дни.—Печаль есть дряхлость души.. Чръвь есть сердца печаль и снѣдаетъ рожьднуую матеръ. Любяй миръ опечалится много. преобидяй же яже въ немъ вселится выну.. Яко же мольць одежду. и чръвь древо. сице и печаль сердце мужа снѣдаетъ.. — Уныніе есть изнеможеніе души.. Облакъ безводенъ гонимъ есть отъ вѣтра. а умъ трпѣніа не пмыи отъ духа уныніа.. Духъ уныніа изгоняеть инокъ отъ келіа его.. Уныватель на двери поглядуетъ часто. и смыслъ его посѣщающихъ мечтается. скрипнуша врата. и тѣи тече вонъ. глѣсъ услыша. и оконцемъ приниче. и не отстуетъ отъ оттуду дондеже утерпнетъ сѣдя. Прочитая уныватель прозѣвается много. и къ сну свосится члсто. протираетъ очи. проляцаеть руцѣ. и отъ книги очи оставъ. възираеть на стѣну. какъ обратився прочте мало. и оставъ

Таковъ характеръ всего сочиненія. Мы видимъ рядъ афоризмовъ, нанизанныхъ одинъ на другой, рядъ сравненій и притчъ. Въ сочиненіи нѣтъ собственно психологическаго разсмотрѣнія страстей, стремленія ихъ анализировать; правда, своими изреченіями и притчами авторъ указываетъ свойства пороковъ, ихъ вредныя послѣдствія, указываетъ на противоположныя имъ добродѣтели, къ которымъ нужно стремиться, чтобы избавиться отъ первыхъ,—но все это въ слишкомъ неопредѣленныхъ и общихъ чертахъ: преобладающій характеръ сочиненія—общенравственный, общехристіанскій, и онъ совершенно заслоняетъ собой элементъ психологическій. Сравняя сочиненіе Нила Синайскаго съ вышеизложенными сочиненіемъ Кассіана и V главой «устава» Нила Сорскаго,—мы не видимъ между первымъ и послѣдними ничего общаго: и содержаніе (кромѣ единства самаго предмета) и характеръ изложенія совершенно различны. Не видимъ также никакихъ основаній считать разсматриваемое сочиненіе непосредственнымъ источникомъ для русскаго автора: въ V главѣ «устава» мы не можемъ указать никакихъ слѣдовъ прямаго вліянія его на послѣдняго. Конечно, Нилу Сорскому трудно было не знать это сочиненіе — оно было такъ распространено и въ славянской письменности и на Востокъ—и онъ по всей вѣроятности зналъ его; мы не усматриваемъ только зависимости отъ него русскаго автора.

Что касается вообще до твореній Нила Синайскаго, которыя

слово. конецъ съглядуетъ. числить листы. и тетради чететь. укаряетъ письма. и украшеніе книги. послѣди же съгнувъ книгу подложи подъ главу. и усну сномъ. не зѣло глубоцѣмъ. алча бо прочее вѣставляетъ душу его. и къ трапезѣ порѣваетъ.. «Ср.: Opera S. Nili, ed. Suaresii, t. II (Roma, 1673), pp. 456 sqq. Твор. пр. Нила Синайскаго, I, 200—222; гораздо лучший переводъ — въ Христ. Чтеніи, 1826, Ч. XXIV, 125—150.

иногда цитируетъ Нилъ Сорскій, то общимъ своимъ направлениемъ они не могли не имѣть извѣстнаго значенія въ общемъ строѣ идей послѣдняго,—хотя и въ этомъ случаѣ прямыхъ, непосредственныхъ фактовъ заимствованія указать нельзя.

Какъ проповѣдникъ внутренняго нравственнаго самосовершенствованія, Нилъ Сорскій могъ находить и въ твореніяхъ Нила Синайскаго много идей, сродныхъ своимъ. Главнымъ условіемъ спасенія Нилъ Синайскій ставитъ собственную волю человѣка: у всѣхъ людей есть одинъ общій и вѣчный даръ Творца—совѣсть, внутреннее, невольное влеченіе къ добру, и слѣдуя этому врожденному влеченію, человѣкъ всегда можетъ спасти себя,—на какой бы степени нравственнаго паденія онъ ни находился: ему нужна только твердая воля слѣдовать внушеніямъ своей совѣсти. Какъ на высшій идеалъ христіанской жизни, къ которому человѣкъ можетъ только стремиться, Нилъ Синайскій указываетъ на жизнь первыхъ христіанъ,—«которые во всемъ подражали Учителю, и въ жизни своей оставили образцы наилучшаго житія»; такую святую и высокую жизнь они могли вести потому, что «у каждаго неподкупною судіею была своя совѣсть»... ¹²⁾ «Вмѣсто свѣтильника—пишетъ Нилъ Синайскій въ другомъ мѣстѣ—употребляй при разсмотрѣніи поступковъ своихъ совѣсть твою: она покажетъ тебѣ, какія дѣла въ твоей жизни хороши и какія худы»... ¹³⁾ Общая цѣль большей части сочиненій Нила Синайскаго—та же, которую ставитъ для своихъ и Нилъ Сорскій, это—воздвигать совѣсть къ лучшему...

Нилъ Синайскій не требуетъ отъ человѣка никакихъ особыхъ аскетическихъ подвиговъ; онъ хочетъ только, чтобы

¹²⁾ Творенія пр. Нила Синайскаго, I, 4—5 («Слово подвижническое»).

¹³⁾ П, II, 252 («Мысли»).

человѣкъ, слѣдуя своему естественному влеченію, всегда стремился къ добродѣтели, чтобы добродѣтель была главной цѣлью его жизни. Подвигамъ внѣшняго самоумерщвления онъ не сочувствуетъ. «Изнурай плоть добрыми трудами—пишетъ пр. Ниль—но позаботься не приводить ее въ совершенный упадокъ... Столько подвизайся—сколько нужно, чтобы ослабить плотскія движенія; а если изнеможешь, врачуй тѣло для здравія, а не для роскошной жизни... ¹⁴⁾ Человѣку совсѣмъ не нужно для спасенія подвергать намѣренно свою жизнь опасности,—онъ, напротивъ, обязанъ беречь ее: «не пренебрегай своею жизнью, говоритъ писатель, и не поступай, ни на что не смотря, вопреки законамъ,—чтобы и не погибнуть безъ закона»... ¹⁵⁾.

Преобладающею чертою въ сочиненіяхъ Нила Синайскаго является любовь къ ближнимъ, снисхожденіе къ согрѣшающимъ. Его идеи любви и всепрощенія лучше всего выражаются въ его посланіи къ пресвитеру Хариклію, написанномъ по поводу современнаго преслѣдованія еретиковъ. На посланіе это ссылается между прочимъ Васіанъ Патрикѣвъ въ своемъ «собраніи на Іосифа, игумена Волоцкаго» ¹⁶⁾, и идеи, выраженные въ немъ, принадлежали всему литературному движенію, во главѣ котораго стоялъ Ниль Сорскій... ¹⁷⁾.

¹⁴⁾ Творенія Нила Синайск., II, 236—237 («Мысли»).

¹⁵⁾ Гь., II, 244.

¹⁶⁾ Прав. Соб., 1863, III, 201.

¹⁷⁾ Приводимъ нѣкоторыя мѣста посланія по древнѣйшему существующему славянскому списку—Румянц. Кормчей кон. XV—нач. XVI в. (№ ССXXXI), лл. 264—266 об: «Блаженнаго Нила Черноризца къ Хараклію пресвитеру. сурово нападающа на согрѣшающа. и глаголюща не довлѣетъ на покаеніе. исповѣданіе устенъ. аще и дѣла постническа не будутъ». — «Зѣло мниши ми ся (начинаетъ авторъ) божественнаго писанія не разумѣя. понеже токмо къ единой того части. гнѣвъ являя Божій. помысломъ поникъ. во всемъ до конца писаній изліана божія

Что касается до самыхъ «Главъ» Нила Сорскаго, то въ нихъ изъ сочиненій Нила Синайскаго цитируются лишь его «153 главы о молитвѣ», которыя чаще другихъ сочиненій этого отца церкви встрѣчаются въ славянскихъ рукописяхъ,—начиная съ XIV—XV в. ¹⁸⁾.

человѣколюбіа никако же вѣдый. и въ образѣ пастыря вражіа дѣла творя. злымъ бѣсомъ продавъ агнца неначаянія ради... Како ты смѣеши человѣка погубити. неначаянія ради. за него же Христось душу свою отдать не отречеса? Или яко паче подобаше насажати виноградъ Христовъ. празденъ нѣкако и лѣнивъ еси. отѣкая уже насаженныя отъ Него и вонъ изъ церкви изметати. борзъ нѣкако. и бодръ и тцаливъ сѣтворилъ ся еси? Не глаголи убо человѣче. яко дѣломъ сѣгрѣши. словеса же токмо исповѣдающихся. не приемятъ Богъ. таковая убо глаголя недалече есть чистыхъ убо словеса. нечистыхъ же дѣлеса. невѣжныхъ наватіанъ.. Добрѣ убо яко въ истинну и паче вельми лѣпо. крѣпщій души. дѣлы творити исповѣданіе. пощеніемъ. и бѣніемъ и на земли леганіемъ на вретници и пепелу послану сущю. и милостынею нещадною и тихостію и инѣми плоды должными извѣстому покаянію (требуемыми строгимъ покаяніемъ). аще же и отъ презрѣнія. ли отъ напасти нѣкыя ли отъ немощи нѣкыя. ли отъ лѣности многы. не стяжеть кто прежереченыхъ помощи (пособій). устну исповѣданія не отщестеть иже за человѣческыя грѣхы и нечестіе. и за скверны великыя. умры Исусъ Господь. но и словеса покаяніе приемятъ. яко приношеніе приносимое Ему.. Которыми болѣзными мытарь спасеса. или труды. не простыми ли глаголы смиренія? Кыми же посты и труды разбойникъ въ рай съ вреста и въ жизнь вселися. не малыми ли глаголы. исповѣданіемъ Христова царства? Смотри убо. прозвитере. не къ тому отъ Бога челоѣколюбіа неизслѣдованнаго.. Помышляти бо долженъ еси не токмо судъ. но и челоѣколюбіе Христово.. И ты убо нынѣ прозвитере. не уничижай. но приеми сердце сокрушеное и смирено. и сѣгрѣвай и созидай и спасай..> Ср. іѣ, № ССXXXIII (Бормчая XVI вѣка), лл. 266—268.

¹⁸⁾ См. Главы Нила Сорскаго,—стр. 36, 104, 124, 133 (изд. опт. пуст); ср. Рукоп. Моск. Синод. Библіотеки, XIV—XV в., № 154 (Главы о молитвѣ Нила Синайскаго), лл. 97, 98, 101—101 об.

Послѣ сочиненія Іоанна-Кассіана, особенно важное значеніе—въ смыслѣ литературнаго источника—имѣла для Нила Сорскаго «Лѣствица» (Κλίμαξ, Scala paradisi) Іоанна Лѣствичника ¹⁹⁾.

Предметъ Лѣствицы—постепенное нравственное самосовершенствованіе инока. Если сочиненія Нила Синайскаго имѣютъ болѣе общехристіанское содержаніе, то Іоаннъ Лѣствичникъ бесѣдуетъ исключительно съ тѣми, кто обрекъ себя на подвигъ иночества. Для такихъ онъ предлагаетъ въ своей «Лѣствицѣ» 30 бесѣдъ о тридцати различныхъ ступеняхъ (λόγος, gradus) духовнаго восхожденія къ совершенству. Эти тридцать ступеней (бесѣдъ) не представляютъ между собой строгой психологической послѣдовательности,—мы не видимъ въ сочиненіи строгаго и точнаго анализа постепеннаго нравственнаго самоулучшенія, перевоспитанія человѣка: передъ нами отдѣльные описанія различныхъ фазисовъ душевнаго состоянія, очень часто плохо разграниченныхъ; но основ-

¹⁹⁾ Пр. Іоаннъ Лѣствичникъ родился въ Константинополѣ, и 16 лѣтъ поступилъ въ монахи. Большую часть своихъ иноческихъ трудовъ онъ провелъ въ пустыни, вблизи Синая. «Образъ жизни его отличался преимущественно уклоненіемъ отъ всего особеннаго: онъ ѣлъ все, что не запрещалось правилами, хотя и соблюдалъ умѣренность; не проводилъ ночей безъ сна, хотя и не спалъ много»... Онъ умеръ восьмидесятилѣтнимъ старцемъ, въ 563 году. Главное сочиненіе его—Κλίμαξ («Лѣствица» — восхожденія къ совершенству); Migne. Patr. Curs. Compl., Ser. gr., t. LXXXVIII (1860). Въ славянскую письменность сочиненіе это перешло на самыхъ первыхъ порахъ; древнѣйшій славянской списокъ «Лѣствицы» относится къ XII вѣку,—Востоковъ. Опис. рук. Рум. Муз., № СХСVIII. Тамъ же находится списокъ ея XIII в.,—ib, № СХСIX. Болѣе поздніе списки XIII—XV вв. весьма многочисленны,—перечень ихъ у Преосв. Макарія. Ист. Р. Ц., V, стр. 247 — 248, прим. 296.—О жизни и сочиненіяхъ Іоанна Лѣствичника см. Fleury. Hist. Ecclésiastique, II, 658—686. Преосв. Филаретъ: Историч. уч. III, 158—163. Herzog: Real-Encyklopädie, VI, 769—770. Migne Patr. Curs. Compl., t. LXXXVIII, pp. 579—630.

ная общая идея всего сочиненія — идея необходимости непрерывнаго нравственнаго самосовершенствованія — строго преслѣдуется авторомъ и связываетъ всѣ главы, сообщая имъ единство основнаго предмета.

Главные идеи сочиненія въ общихъ чертахъ слѣдующія. Иноческая жизнь — путь непрерывнаго и труднаго восхожденія по лѣстницѣ духовнаго совершенства. Восхождение это совершается постояннымъ внимательнымъ наблюденіемъ за собою, за своими мыслями, чувствами, и неуклоннымъ искорненіемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя порочны; процессъ самосовершенствованія есть процессъ борьбы съ собственными пороками и страстями, процессъ духовнаго очищенія. Борьба съ своими страстями — главное призваніе инока. По мѣрѣ постепенной побѣды надъ ними, онъ поднимается по ступенямъ духовной лѣстницы... Въ этомъ подвигѣ борьбы съ страстями ему больше всего должна помогать непрестанная память смерти; слезы сокрушенія и умиленія («радостотворный плачь») размягчаютъ его душу, а полная отрѣшенность отъ всего («нечутіе, рекше умерщвленіе души» — по древнѣйш. слав. пер.) доставляетъ ему внутренній душевный покой... Но весь этотъ трудный путь внутренняго самосовершенствованія (подвигъ иночества) слѣдуетъ проходить разумно, сознательно, — съ «разсуженіемъ доброрасуднѣмъ»...

Мы видимъ, главные идеи сочиненія — тѣ самыя, которыя отчасти встрѣтились намъ при изложеніи сочиненій нашего автора. Общее направленіе писателей одно и тоже. Пользованіе «Лѣствицей» въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Главъ» весьма ощутительно; достаточно сравнить, напр., бесѣды «Лѣствицы» — VI-ю: *Περὶ μνήμης θανάτου* (Славянск. Рук. о. п. Рум. Муз., № 198, XII в., лл. 64 — 67), VII-ю: *Περὶ τοῦ χαραποιοῦ πένθος* (ib., лл. 68—77), XVII-ю: *Περὶ ἀκτημοσύνης* (ib., лл. 111—114 об.), XXVI-ю: *Περὶ διακρίσεως λογισμῶν* (ib., лл. 143 об.—170 об.) — съ соответствующе-

щами по предмету мѣстами «Главъ» Нила Сорскаго (особенно въ главахъ VII, VIII, X и XI ²⁰). Послѣдній и самъ указываетъ на непосредственную близость своихъ «Главъ» съ «Лѣствицей», приводя въ нихъ изъ послѣдней массу цитатъ,—несравненно больше, чѣмъ изъ другаго какого патристическаго сочиненія ²¹).

Но въ «Главахъ» есть и прямыя заимствованія изъ «Лѣствицы». Мы укажемъ на самое важное. Говоря о различныхъ видахъ страсти, о ея возникновеніи и постепенномъ усиленіи въ душѣ (первая глава «устава»), Нилъ Сорскій буквально пользуется психологическою теоріею Іоанна Лѣствичника ²²), — хотя и присоединяетъ къ этому мнѣнія

²⁰) Ср. также бес. XXI-ю *Περὶ τῆς ἀνάνδρου δειλίας* (Рум. рук., лл. 118—119) и бес. XXIII-ю (вторую половину): *Περὶ ἀκαθαρτῶν λογισμῶν τῆς βλασφημίας* (ib. л. 128—130)—съ некоторыми мыслями въ посланіяхъ къ Вассіану Поетригѣеву и Гурію Тушину.

²¹) См. въ Главахъ,—по изд. опт. пуст. стр. 9, 12, 27, 43, 44, 55, 78, 90, 96, 102, 108, 121, 122, 130, 131, 132, 138, 144, 148, 149 и 152.

²²) Приводимъ это мѣсто и — для ббльшей ясности терминовъ—въ подлинникѣ: Ἄλλο προσβολή, καὶ ἄλλο συνδυασμὸς, καὶ ἄλλο συνκατάθεσις, καὶ ἄλλο αἰχμαλωσία, καὶ ἕτερον πάλη, καὶ ἄλλο τὸ λεγόμενον πάθος ἐπὶ τῆς ψυχῆς, παρὰ τοῖς τῶν πατέρων διακριτικοῖς εἶναι ὀρίζεται. Προσβολὴν μὲν γὰρ οἱ μακάριοι εἶναι ὀρίζονται λόγον φιλον, ἢ εἰκόνα τοῦ τυχόντος νεοφανῶς ἐν τῇ καρδίᾳ ἐμφερομένην· συνδυασμὸν δὲ, τὸ συλλαλῆσαι τῷ φανέντι μετὰ πάθους, ἢ ἀπαθῶς· συνκατάθεσιν δὲ νεῦσιν ἐνήδονον τῆς ψυχῆς πρὸς τὸ ὀφθέν γινομένην· αἰχμαλωσίαν δὲ βίαίαν καὶ ἀκούσιον τῆς καρδίας ἀπαγωγῆν, ἢ ἐπίμονον καὶ τῆς ἀρίστης ἡμῶν καταστάσεως ἀφανιστικὴν συνουσίαν πρὸς τὸ τυχόν. Πάλην δὲ ὀρίζονται εἶναι ἰσοσθενῆ πρὸς τὸν μαχόμενον δύναμιν, ἐκουσίως ἢ νικῶσαν, ἢ τὴν ἤτταν ὑπομένουσαν· πάθος δὲ κυρίως εἶναι λέγουσιν τὸ χρόνω μακρῶ ἐν τῇ ψυχῇ ἐμπαθῶς ἐμφωλεῖον, καὶ ὡσπερ εἰς ἕξιν αὐτὴν λοιπὸν ἐν τῇ προς αὐτὸ συνηθεῖα ἀγαθόν, καὶ ἀυθαιρέτως λοιπὸν ἐν αὐτῷ καὶ οἰκείως αὐτομολοῦσαν. Τούτων πάντων τὸ μὲν πρῶτον ἀναμάρτητων, τὸ δὲ δεῦτερον οὐ πάντως, τὸ δὲ τρίτον πρὸς τὴν τοῦ ἀγω-

другихъ отцевъ Церкви о томъ же предметѣ и свои собственныя замѣчанія. Впрочемъ, приводя теорію «Лѣствицы», онъ дѣлаетъ въ ней небольшое измѣненіе: вмѣсто шести фазисовъ страсти, намѣчаемыхъ «Лѣствицею» — *προσβολή, συνδυασμός, συνκατάθεσις, αχιμαλωσία, πάλη, το λεγόμενον πάθος* — Нилъ Сорскій принимаетъ только пять (всѣ остальные, за исключеніемъ *πάλη*), подтверждая себя авторитетомъ Филофея Синаита (XI в.). Послѣдній также буквально выписываетъ слова «Лѣствицы», но не указываетъ, какъ Нилъ Сорскій, точно своего источника ²³⁾.

Источниковъ для «Главъ» Нила Сорскаго служили и подвижническія сочиненія Василія Великаго († 379). Ихъ вліяніе отчасти сказалось въ нашемъ авторѣ болѣе широкимъ пониманіемъ иноческаго аскетизма.

Монашеская жизнь, говоритъ Василій В., не заключается только въ пустынной уединенной жизни: удалиться изъ міра не значитъ только перемѣнить мѣсто жительства; монахъ долженъ «отторгнуть душу отъ привязанности къ земному и сдѣлаться неимѣющимъ ни города, ни дома, ни собственности, ни друзей»... Онъ долженъ оставить не только міръ, но «оставить самаго себя». Только въ такой степени

νιζομένου κατάστασιν· ἡ δὲ πάλη ἢ στεφάνων, ἢ τιμωριῶν αἴτιος. Ἦ γὰρ αχιμαλωσία ἐτέρως ἐν καιρῷ προσευχῆς, καὶ ἐτέρως ἐν ἐτέρῳ καιρῷ, καὶ ἄλλως ἐπὶ πονηροῖς ἐνδυμήμασι κρίνεται· τὸ δὲ πάθος ἀναμφιβόλως ἐν πᾶσιν, ἢ ἀντιζόγῳ μετανοίᾳ, ἢ τῇ μελλούσῃ κολάσει ὑπόκειται· ὁ τοίνυν τὸ πρῶτον ἀπαθῶς λογιζόμενος, πάντα τὰ ἔσχατα ὑφ' ἐν περιέκοψεν... Migne, Patr. Curs. Compl., t. LXXXVIII, pp. 896—897. Ср. Слав. Рук. Рум. Муз. XII вѣка, № 198, лл. 105—106 об.

²³⁾ См. Добротолюбіе, II (М., 1851), стр. 34—35.

удаливши себя отъ міра, онъ можетъ сосредоточиться въ себѣ и искоренить изъ своего сердца тѣ порочныя мысли которыя навывкомъ утвердились въ немъ... Исключительная цѣль иночества—совершенствованіе ума и сердца: «изъ двадцати четырехъ часовъ, составляющихъ сутки, монахъ долженъ только одинъ часъ тратить на служеніе тѣлу; прочіе же всѣ подвижникъ употребляетъ на занятія умственныя»...

Подвигъ иноческаго воздержанія Василиій Великій понимаетъ такъ. Воздержаніе вовсе не есть «совершенное удержаніе себя отъ пищи», но удержаніе «отъ сластей», отъ всего, что слѣдуетъ только къ удовольствію и изнеженности. «Подвигъ воздержанія заключается въ устраненіи всего того, что препятствуетъ спасенію... Воздержанный надъ чревомъ,—удержитъ себя и отъ богатства, восторжествуетъ надъ гнѣвомъ, печалью». Воздержаніе — «истребленіе грѣха, отчужденіе отъ страстей; оно начало духовной жизни». Что же касается собственно до пищи,—«монахъ, долженъ вкушать все предлагаемое ему, чтобы показать, что вся чиста чистымъ, что всяко созданіе Божіе добро и ничто же отмітно»... Нужно только все употреблять съ умѣренностью, «избѣгая вреднаго пресыщенія и удерживаясь отъ того, что служитъ только къ удовольствію»... Мѣру пищи нельзя назначить для всѣхъ одинаковую: «у каждаго своя потребность, опредѣляемая его возрастомъ, занятіемъ, общимъ состояніемъ тѣла. Всѣхъ подвести подъ одно правило невозможно. Общюю мѣрою пусть будетъ удовлетвореніе потребности». Но вообще пища должна быть здоровая и способная подкрѣплять тѣло; «все, что производитъ явный вредъ, не должно быть употребляемо, ибо несообразно, будетъ, принимая пищу для поддержанія тѣла,—тою же самою пищею вооружаться на тѣло и препятствовать ему въ служеніи заповѣди»... Нужно употреблять то, что можно найти въ каждой странѣ,

что общедоступно, и самой природой какъ бы приготовлено въ употребленіе человѣку ²⁴).

Подкрѣпляя себя авторитетомъ Василя В., Нилъ Сорскій буквально приводитъ въ своихъ «Главахъ» многія изъ этихъ мыслей...

Такому же духовному аскетизму научали Нила Сорскаго и многія творенія Іоанна Златоустаго († 407), на котораго, какъ мы видѣли, онъ иногда ссылается въ подтвержденіе себя... Но больше всего эта духовность аскетизма рускаго подвижника-писателя обусловливалась преобладаніемъ въ общемъ кругѣ его идей элемента созерцательнаго, который въ свою очередь зависилъ отъ сильнаго увлеченія со стороны рускаго инока сочиненіями трехъ византійскихъ писателей аскетическо-созерцательнаго направленія: Исаака Сирина, Симеона Нов. Богослова и Григорія Синапта.

Мистическая созерцательность издавна была особенностью Востока; тамъ же впервые явилась она и на христіанской почвѣ. Въ патристическую литературу созерцательное направленіе мысли проникаетъ также очень рано; уже во II—III вв. слѣды его замѣчаются въ твореніяхъ нѣкоторыхъ отцовъ церкви ²⁵). По мѣрѣ развитія восточнаго мона-

²⁴) Творенія Св. Василя В. въ рус. пер., т. V (М. 1858), стр. 136—144 (монашескія правила въ вопросахъ и отвѣтахъ); VI, 6—14. Ср.: Рукоп. XIV в. библ. Тр.-Серг. а., № 123, лл. 90—92 («Въпрашанія постническа»). «Постническія слова» Василя В. если не въ полномъ составѣ, то частію были переведены на славянскій языкъ очень рано, нѣкоторыя изъ нихъ находятся въ Сборникѣ XII вѣка той же библ.

²⁵) Преосв. Филаретъ. Историч. ученіе, I, 59.

шества, направление это быстро усиливается. Оно весьма ощутительно заявляет себя въ подвижническихъ сочиненіяхъ Макарія Египетскаго († 390), Марка Подвижника (пол. V в.), Дороея († 620); позднѣе—Филоея Синаита (XI в.), Никиты Стифата (XI в.), Петра Дамаскина (XII в.), Григорія Паламы (XIV в.)... Но наиболѣе сильнаго развитія оно достигаетъ въ сочиненіяхъ трехъ упомянутыхъ выше писателей,—Исаака Сирина (VII в.), Симеона Нов. Богослова (XI в.) и Григорія Синаита (XIV в.). Мы должны познакомиться съ направлениемъ сочиненій этихъ писателей.

Дѣлаемъ нѣсколько извлеченій.

Вотъ какъ анализируетъ Исаакъ Сиринъ ²⁶⁾ взаимное отношеніе въ человѣкѣ разума и вѣры. Разумъ въ человѣкѣ можетъ быть двухъ родовъ (мысли писателя передаемъ своими словами): естественный и духовный; первый предшествуетъ вѣрѣ, второй рождается отъ нея. Каждому человѣку отъ природы самимъ Богомъ вложенъ естественный разумъ, способность отличать дурное отъ хорошаго; это—природный рассудокъ, которымъ владѣеть каждый человѣкъ руководясь имъ въ своихъ поступкахъ... Ру-

²⁶⁾ Пр. Исаакъ Сиринъ родился въ Ниневіи и очень рано принялъ иночество. За глубокое знаніе Писаній и за святую отшельническую жизнь, жители Ниневіи избрали его своимъ епископомъ; но онъ скоро оставилъ кафедру, удалившись опять въ пустыню, гдѣ оставался до самой смерти. Скончался въ преклонной старости (въ концѣ VII в.). Свои сочиненія онъ писалъ на сирскомъ языкѣ, но изъ нихъ сохранилась лишь половина. Преосв. Филаретъ. Историч. уч., III, 174—177.—Славянскіе списки сочиненій Исаака Сирина идутъ съ XIV вѣка,—перечень древнѣйшихъ у Преосв. Макарія, V, стр. 248, прим. 297. Ср. Опис. рук. библ. Троицко-Серг. Лавры, —№ 172 (рук. 1381 г.), № 175 (1431 года), №№ 174—175 (XV в.). Мы цитируемъ ихъ по рук. Моск. Синод. Библиотеки, нач. XVI вѣка (№ 131). Рус. переводъ: Твор. отц. Церкви, т. XXIII: Подвижническія слова Исаака Сирина. М., 1854.

ководя человѣкомъ въ обыкновенной жизни, этотъ же естественный, природный разумъ—если только человѣкъ не извратилъ его, потворствуя своимъ страстямъ—можетъ приводить и къ первымъ степенямъ жизни духовной. Оставивши попеченіе о земномъ и слѣдуя указаніямъ этого, непомраченного страстями разума, человѣкъ совершаетъ самъ собою добрыя дѣла—молитву, постъ, милостыню, изучаетъ божественное писаніе, борется съ своими страстями, и т. д. Вступивши же разъ на этотъ путь, человѣкъ скоро ощущаетъ на себѣ вліяніе особой благодати Божіей, которая еще болѣе укрѣпляетъ его въ совершеніи такихъ дѣлъ... Но приводя человѣка къ подвигамъ духовной жизни, естественный разумъ и самъ не остается въ томъ же состояніи: изъ естественнаго онъ незамѣтно дѣлается духовнымъ и переходитъ въ вѣру. О процессѣ этого перехода, такъ говоритъ писатель: «Когда разумъ вознесется надъ земнымъ и надъ заботами о дѣлахъ земныхъ, и начнетъ испытывать свои помысленія въ томъ, что сокрыто отъ очей внутри.., прострется горѣ и послѣдуетъ вѣрѣ въ попеченіи о будущемъ вѣкѣ, въ возжеланіи обѣтованнаго намъ и въ изысканіи сокровенныхъ тайнъ,—тогда сама вѣра поглащаетъ сей разумъ, и обращается и рождаетъ его вновь, такъ что онъ всецѣло становится духомъ»...²⁷⁾. Это—высшая степень человѣче-

²⁷⁾ Рукопись Моск. Синод. Библіотеки, нач. XVI в., № 131 (Поученія Исаака Сирина), л. 121 об.: «Егда разумъ възвысится отъ земныхъ, и отъ попеченія дѣланія ихъ, и начнетъ иекусь творити размысленіемъ своимъ, въ покровенныхъ внутрьуду очю и образомъ нѣкимъ пренебрежетъ вещи отъ нихъ же стропетьство страстей бывааетъ и простретъ себе горѣ, послѣдуетъ вѣрѣ въ попечени будущаго вѣка, и въ желаніихъ иже обѣцанныхъ намъ и въ истязани съкровенныхъ тайнъ, тогда сіа вѣра поглащаетъ съи разумъ. и обращается. и раждаетъ сего исперва яко быти сему всему отъ всего духъ». Ср. Творенія отцевъ церкви въ рус. пер., т. XXIII: Подвижнич. слова Исаака Сирина, стр. 158—159.

скаго разума (вѣдѣнія); достигнувъ ея, человекъ достигаетъ крайняго предѣла доступнаго ему на землѣ: здѣсь разумъ его, данный ему отъ рожденія, превращается въ вѣру, — рождаетъ ее и поглощается ею...

Но эта вѣра, продолжаетъ Пр. Исаакъ, не простая, обыкновенная вѣра, «которую человекъ имѣетъ въ разсужденіи разнствія достопоклоняемыхъ и божественныхъ Ипостасей... хотя и такая вѣра очень высока»; когда естественный разумъ переходитъ въ разумъ духовный, человекъ пріобрѣтаетъ этимъ другую вѣру, — «вѣсіявающую въ душѣ отъ свѣта благодати, свидѣтельствомъ ума подрѣпляющую сердце»... Вѣра эта обнаруживается въ духовныхъ очахъ, которыя видятъ сокрытыя въ душѣ тайны, невидимое и божественное богатство, сокровенное для очей сыновъ плоти и открываемое Духомъ... Она открываетъ человеку святую силу, обитающую въ немъ во всякое время... Сила эта — самъ Утѣшитель»... ²⁸⁾. Такимъ образомъ, высшая вѣра, пріобрѣтаемая духовнымъ разумомъ, есть вѣра созерцанія.

Вѣра созерцанія приводитъ человека къ внутренней, духовной, чистой молитвѣ... На высокихъ свойствахъ этой молитвы Исаакъ Сиринъ останавливается съ особенною подробностью, посвящая этому предмету большую часть

²⁸⁾ «Вѣру глаголемъ не въ ней же вѣруетъ кто. въ разнствѣхъ поклоняемыхъ Съставъ и божественныхъ... аще и сіа высока есть зѣло. но вѣру иже отъ свѣта благодати вѣсіявающую сердце несумнѣнно быти въ извѣщеніи упованія. отстоящу отъ всякаго мнѣнія... (Вѣра эта себе покажетъ... въ духовныхъ очесѣхъ. тайнства съкровенна въ души. и съкровенное и божественное богатство. съкровенное отъ очю сыновъ плотскыхъ и открываемое въ Душѣ... Сѣи покажетъ человеку силу святую живущую въ немъ въ всяко время. покровъ. крѣпость умную... Она же сила тѣ есть Утѣшитель»...—Рукоп. Моск. Син. Библ., № 131, л. 123—124, Подвижн. Слова, стр. 161—162.

своихъ «словъ». Приводимъ нѣсколько мыслей. Чистая молитва—высшая степень человѣческой молитвы. При наступленіи ея, само собой прекращаются «и въздыханія и колѣнопреклоненія и сердечныя прошенія и сладчайшіе вопли»,—душа человѣка «не имѣетъ уже тогда ни движенія, ни власти, ни свободы, ни желанія...; все молитвенное прекращается,—наступаетъ нѣкое созерцаніе... Душа человѣка становится подобной Божеству и въ своихъ движеніяхъ озаряется лучемъ высшаго свѣта»... «Естество возносится и пребываетъ недѣйственнымъ, безъ всякаго движенія и памятованія о здѣшнемъ. Не молитвой молится умъ, но чувствомъ ощущаетъ духовныя вещи онаго вѣка, превышающія понятіе человѣческое, уразумѣніе которыхъ возможно только силою св. Духа»... ²⁹⁾).

Направленіе идей писателя опредѣляется достаточно ясно...

²⁹⁾ «Воздыханіе и колѣнопаданіе и сердечныя мольбы и сладчайшій плачь и вси иже въ литвѣ образи... до чистыя молитвы предѣль имуть и власть иматъ дивизитися. отъ чистыя же молитвы и даже до внутреннихъ вьегда предѣль сопрейдетъ. не къ тому иматъ мысль. ниже молитву. ниже движеніе. ниже плачь. ниже самовластіе. ниже власть. ниже мольбу. ниже желаніе. или кою сладости въ семъ мірѣ надѣмыхъ. или въ будущемъ вѣцѣ. и сего ради по чистѣй молитвѣ ина молитва нѣсть. и все тоя движенія. и вси образи даже доздѣ умъ водятъ властію самовластіа. сего ради подвигъ въ ней. по семъ же предѣлѣ ужасеніе есть тогда я не молита. занеже престаша яже молитвы. и видѣніе нѣкое есть...» «Душа подобно божеству уставлена будетъ. непостижнымъ соединеніемъ. и просвѣтитъ лучею високаго свѣта. въ своихъ движеніяхъ...» «Возвышается естество пребываетъ отъ всего общенія и памяти здѣшнихъ недѣйственно. и не молитвою молится. но чувствомъ почюваетъ душа. духовныхъ вещей вѣка онаго. превъходящихъ мысль человѣческую. въ нихъ же еже смотрити въ тѣхъ силою Св. Духа есть...» — Рукоп. Мос. Син. Библ., № 131, лл. 68 об—69, л. 71, л. 102 об. Ср. Подвижн. Слова, стр. 75—76. 78—79. 129.

Переходимъ къ сочиненіямъ Пр. Симеона Новаго Бого слова» ³⁰⁾.

Для спасенія не требуется ни постовъ, ни бдѣній, ни другихъ какихъ чрезвычайныхъ подвиговъ, говоритъ Пр. Симеонъ: человѣку нужно только имѣть вѣру въ Бога, строго исполнять Его заповѣди, проникнуться сердечнымъ сокрушеніемъ и всегда внутренно имѣть передъ собою Бога. «Я, братія моя, говоритъ онъ о себѣ, не держалъ, какъ вы видѣли и очень хорошо знаете, большихъ и чрезвычайныхъ постовъ, не проводилъ ночей въ бдѣніи, не спалъ на землѣ и не имѣлъ другихъ особенныхъ тѣлесныхъ подвиговъ; но позналъ мое недостойнство, размыслилъ о моихъ грѣхахъ, осудилъ и уничтожилъ самъ себя, и премилосердый и всеблагій Господь спасъ меня... Я только повѣрилъ слову Божію и Господь Богъ тотчасъ принялъ меня по сей вѣрѣ»... ³¹⁾. Эта, необходимая для спасенія, вѣра

³⁰⁾ Ранняя юность Пр. Симеона Нов. Бог., протекла при дворѣ Константинопольскаго Императора, гдѣ дядя его занималъ очень высокую должность. Но еще въ молодыхъ годахъ Симеонъ оставилъ все, и удалившись въ Студійскій монастырь, принялъ иночество. Нѣкоторое время онъ былъ игуменомъ одного монастыря; но большая часть его подвижнической жизни прошла въ уединеніи, созерцательныхъ размышленіяхъ и поученіяхъ братіи. Ему предлагали санъ митрополита, но онъ его не принялъ. Скончался Пр. Симеонъ въ 1032 году.—Преосв. Филаретъ. Историч. учен., III, стр. 398—404. Горскій и Невоструевъ. Опис. рук., II, 2, стр. 448.—Древнѣйшіе славянскіе списки сочиненій Симеона Нов. Бог. относятся къ XV вѣку,—рукоп. библиот. Троицко-Серг. Лавры, № 180 (1445 года), № 181 (XV в.); рукоп. Моск. Синод. Библиотеки, XV в., № 164 (по ней мы цитируемъ) и др.; но отдѣльныя «слова» встрѣчаются и раньше.—Сборникъ Лаврск. библиотеки XIV вѣка, № 13.

³¹⁾ Христ. Чтеніе, I, стр. 144 (слово о вѣрѣ Пр. Симеона Нов. Богосл.)—«Нѣкоторые изъ современниковъ его (Пр. Симеона), положась слишкомъ на внѣшнія добродѣтели, пристрастные, какъ видно, къ чину

прирождена человѣку, она—даръ всеблагого Бога, дарованный Имъ человѣку отъ рожденія, и человѣкъ всегда найдетъ ее въ себѣ, какъ только захочетъ имѣть ее...

Вѣра потому достаточна для спасенія, что она совершенно перерождаетъ человѣка, соединяетъ его духовно съ Богомъ, сливается его съ Нимъ; человѣкъ духомъ своимъ живетъ внѣ міра, забываетъ міръ, плоть, всѣ суеты мірскія, — всецѣло прилѣпляется къ Богу, содѣлываясь весь духовнымъ... Это не значитъ, что онъ уходитъ изъ міра; нѣтъ! Проникнутый всецѣло вѣрою, человѣкъ и живя въ мірѣ, вращаясь съ людьми, исполняя служебныя дѣла,—сердцемъ своимъ живетъ въ Богѣ, осѣняемый особою благодатию Его... Слѣдующій примѣръ, приводимый писателемъ, разъясняетъ нѣсколько, что собственно разумѣетъ онъ подъ такою вѣрою. Пр. Симеонъ рассказываетъ объ одномъ юношѣ, который «не постился, не проводилъ ночей въ бдѣніи и не совершалъ другихъ подвижническихъ трудовъ, — никогда не спалъ на землѣ, не носилъ власяницы, не былъ монахомъ, не удалялся изъ міра тѣлесно; но только при кратковременномъ бдѣніи, своею молитвою содѣлался земнымъ ангеломъ и небеснымъ человѣкомъ». Этотъ юноша неуклонно слѣдовалъ указаніямъ своей совѣсти и часто молился; и «когда молился, стоялъ прямо, какъ столбъ, совершенно не двигался ни ногами, ни другою какою-либо частью тѣла, и ни туда ни сюда не обращалъ глазъ своихъ». И вотъ однажды, во время такой молитвы, юношу «осіяло нѣкое божественное сіяніе, отъ котораго все мѣсто исполнилось свѣтомъ... Юноша забылъ и самого себя и весь міръ,—весь перемѣнился и сдѣлался одно съ симъ божественнымъ свѣтомъ... Послѣ

Студійскому, но не къ духу его,—возставали противъ Симеона, какъ противъ нарушителя извѣстнаго имъ порядка спасенія». Преосв. Филаретъ. Истор. уч., III, 402—403.

сего умъ его былъ восхищенъ на небо и тамъ онъ увидѣлъ свѣтъ гораздо яснѣйшій»...

«Слышите, братія моя возлюбленная—прибавляетъ писатель,—что производитъ вѣра и какую она имѣетъ силу!.. Впрочемъ, замѣчаетъ онъ, не для того я написалъ все это, чтобы преградить христіанамъ путь къ подвижнической и уединенной жизни, почитая лучшимъ житіе мірское; нѣтъ! Мое намѣреніе было внушить всѣмъ, кто будетъ читать сію повѣсть, что—кто всѣмъ сердцемъ хочетъ жить хорошо и добродѣтельно, тотъ получить силу отъ всеильнаго Бога поступать такъ во всякомъ мѣстѣ и удостоится духовныхъ даровъ и божественнаго вѣдѣнія, какъ и этотъ юноша...»³²⁾.

Итакъ, назначеніе человѣка—внутренняя созерцательная жизнь въ Богѣ... Обращая всегда и вездѣ умъ свой къ Богу,—«и во снѣ, и въ бодрственномъ состояніи, и за столомъ, и за рукодѣліемъ», созерцая непрестанно въ своемъ сердцѣ образъ Бога,—человѣкъ, послѣ нѣкотораго времени, приобретаетъ для ума своего «нѣкое сіяніе, на подобіе луча»... Усиливаемый постепенно, этотъ внутренний лучъ наконецъ совершенно вселяется въ душу человѣка и свѣтитъ ей—какъ луна во время ночи. Этотъ свѣтъ—«залогъ соединенія нашего со Христомъ, свѣтъ Всевышняго Духа...»³³⁾. Овладевъ душой, этотъ внутренний свѣтъ, какъ огнемъ, сожигаетъ внутренности человѣка,—«человѣкъ становится какъ-бы внѣ себя и самъ владѣть собой не можетъ». Тѣлесныя узы спадаютъ съ него и сердце его наполняется радостью. Открывается источникъ слезъ, которыя еще болѣе усиливаютъ внутренний огонь, и божественный свѣтъ всецѣло поглощаетъ

³²⁾ Христ. Чтеніе, I, стр. 146—151, 160 (слово о вѣрѣ).

³³⁾ Христ. Чтеніе, г. XII (Дѣятельныя и богословскія Главы Пр. Симеона Нов. Богослова), стр. 37, 44—45, 79.

человѣка: «тогда исполняется слово: Богъ съ богами соединяется и познается ими»... ³⁴⁾.

При такомъ состояніи, человѣкъ больше всего стремится къ внутренней духовной («умной») молитвѣ... Въ чемъ должна состоять такая молитва, отчасти видно изъ вышеприведеннаго разсказа о юношѣ; въ другомъ мѣстѣ пр. Симеонъ подробно указываетъ внѣшніе приемы ея и тѣ первыя душевныя ощущенія, которыя прежде всего слѣдуютъ за духовной молитвой. «Сядь въ какомъ-нибудь удаленномъ мѣстѣ, въ углу кельи, наединѣ, и старайся выполнить то, что я тебѣ скажу», — пишетъ пр. Симеонъ своему другу: «Затвори дверь, и отвлеки умъ свой отъ суеты, отъ всего временнаго; прилѣпи (оставляемъ эти выраженія безъ перевода) ко персемъ свою браду, съмѣшая чувственное око съ умомъ, въ среди чрева, спрѣчь въ пупъ, — удержи и дыханіе твое, чтобы не часто дышать, и напрягая такъ свой умъ, старайся найти мысленно то мѣсто, гдѣ помѣщено твое сердце, источникъ всѣхъ душевныхъ силъ, — и пусть умъ всецѣло остановится здѣсь. И сначала найдешь ты тамъ большой мракъ, жесткость; но чѣмъ больше будешь упражняться въ этомъ—днемъ и ночью—тѣмъ скорѣе найдешь здѣсь неизсякаемое наслажденіе. Когда умъ твой соединится съ твоимъ сердцемъ, — онъ увидитъ нѣчто такое, чего никогда не видѣлъ: внутри сердца онъ увидитъ свѣтъ и себя всего — просвѣтленнымъ и полнымъ разсудительности... Дальнѣйшее ты самъ узнаешь собственнымъ опытомъ, — упражняясь въ наблюденіи за своимъ умомъ и непрестанно созерцая въ сердцѣ Іисуса»... ³⁵⁾.

³⁴⁾ ...«тогда исполняется глаголющее: Богъ Богомъ съединяемъ же и познаваемъ...» — Рукоп. Моск. Синод. Библ., XV в. (Симеона Нов. Богослова творенія), № 164, л. 96 об.—97.

³⁵⁾ «Сѣдъ въ кельи безмолвнѣ. и въ единомъ особѣ угли. вънемли

Спустя три столѣтія, созерцательныя идеи Симеона Новаго Богослова воскресли съ новой силой въ сочиненіяхъ Григорія Синаита ³⁶).

творити еже тебѣ глаголю. затвори дверь. и отыми умъ свой отъ всякого суетства. сирѣчь временна. тако прилѣпи ко персемъ свою брану. сымѣшая чювьственное око съ умомъ. въ среди чрева. сирѣчь въ пупѣ. вьстягни же и ноздренаго духа дыханіе еже не часто дыхати. и испитай умно. въ нутрь въ утробѣ. обрѣсти мѣсто сердечное. идѣ же убо вмѣстишася вся душевныя силы. да будетъ тамо совершенно и умъ твой. и первѣе убо тму обрящени и дебелство. несумнѣнно пребывающу же тебѣ. и се ноць и день творящю. о чюдо. обрящени непрестанное веселіе. егда бо обрящеть умъ мѣсто сердечное. видить воспорѣ абіе. яже николи же видяше. видить же посреди сердца воздухъ и себе свѣтла всего и разуженія исполнена... другая же навькнеши съ Богомъ блюденіемъ ума Іисуса въ сердци держа..»—Рукопись Моск. Синод. Библиотеки, XV в. (творенія Симеона Нов. Бог.), № 194, лл. 105—106. Ср. той же рукописи, л. 100: «Вшедше въ клѣть свою. затвори себе.. собравъ умъ свой явѣ яко въ ноздреный путь. отнуду же духъ (воздухъ) въ сердце восходитъ. и удержи себе и понуди снити съ восходящимъ духомъ (воздухомъ) въ сердце. вошедшу же тамо. не безъ веселія и благодати будетъ по сѣхъ... и умъ егда съ душею соединится. неизреченныя сладости и веселія исполняется. тѣмъ же убо. братіе. потщима умомъ не скоро отнуду исходити... потреба же есть и се увѣдѣти. яко тамо (въ сердцѣ) уму твоему, сущу. не молча и празденъ оттолѣ да есть. но Господи Іисусе Христе. Сыне Божій. помилуй мя. имѣти дѣло и поученіе непрестанно (въ повтореніи этой молитвы имѣть для себя занятіе и непрестанное наставленіе). и николи же отъ сего когда престанеть. се бо безъ паренія держа умъ. и неята покажетъ его и не прикосновенна прилогъ вражьими. и въ любовь и желаніе божественно вся дни вводить...»

³⁶) Начало своей подвижнической жизни Пр. Григорій Синаитъ положилъ на горѣ Синаѣ (откуда и прозваніе), но больше жилъ на Афонѣ и въ Македоніи. Скончался около 1346 года. Сочиненія его въ славянской письменности стали извѣстны очень рано,—они отчасти встрѣчаются уже въ рукописяхъ XIV—XV в. (Рук. библ. Троицко-Серг. Лавры, № 183, лл. 316—341); въ XV вѣкѣ ихъ списки весьма мно-

Цѣль человѣческой жизни — приводимъ нѣсколько его мыслей — состоитъ въ томъ, чтобы достигнуть, насколько возможно, первобытной чистоты и невинности. Достигнуть вполне этого уже нельзя для человѣка (въ здѣшней жизни): «надъ душевной чистотой взяла верхъ чувственность, надъ нетлѣніемъ — тлѣнный составъ тѣла; преступленіемъ заповѣди, человѣкъ сдѣлался подобнымъ скоту, и изъ мыслящей, разумной, его душа сдѣлалась страстной...»³⁷⁾. Можно лишь отчасти воротить потерянное: единственное средство къ этому — вѣра... Но вѣра эта — «не словесная, мертвая, безчувственная»; она должна быть «залогомъ божественнаго Духа». «Кто вѣритъ, тотъ соединяется со Христомъ, тотъ умъ свой очистилъ слезами, душу еще въ этой жизни воскресилъ Духомъ»... Вѣра, необходимая для спасенія, есть благодатная вѣра, которая даетъ человѣку непосредственное общеніе съ Богомъ: стремясь и достигая (вѣрою) первобытной чистоты, человѣкъ умомъ своимъ «взираетъ на Бога и отъ Него получаетъ божественныя мысли. Въ мѣсто книгъ онъ имѣетъ тогда Духа... Тогда Самъ Богъ непосредственно научаетъ человѣка вѣдѣнію»...³⁸⁾.

гочисленны. Мы цитируемъ ихъ по рукоп. Моск. Синод. Библіотеки, XV вѣка, № 172. — О Григоріи Синаитѣ см.: Христ. Чт., 1826, ч. XVI. Горскій и Невоструевъ: Опис. рук., II, 2, стр. 446. Архим. Леонидъ: Изъ исторіи югослав. правосл. монашества XIV ст. (М., 1871).

³⁷⁾ «Преслушанія ради скотомъ уподобльшися своихъ и богоданныхъ благъ отпадохомъ. скотни отъ словесныхъ и звѣрети отъ божественныхъ бывше». — Рук. Моск. Синод. Библіотеки XV вѣка, № 172, лл. 39—40.

³⁸⁾ «Яко же чювьствное око на писмя взираетъ и отъ писмене приѣмлетъ чювьствнаа разумѣніа. сице и умъ егда очистится и въ древнее въздетъ достояніе. на Бога зритъ. и отъ него приѣмлетъ божественнаа разумѣніа. и въ мѣсто убо книгъ. имать Духъ. въ мѣсто же трѣети. смыслъ же и языкъ. и языкъ твой. рече. трѣсть.

Главнымъ средствомъ къ воспроизведенію въ себѣ этой внутренней благодатной вѣры служитъ непрестанное сосредоточеніе въ себѣ, духовная «умная» молитва. Эта духовная молитва есть созерцаніе...³⁹⁾. Говоря о внѣшнихъ приемахъ ея, Григорій Синаитъ почти только повторяетъ Симеона Новаго Богослова: «Отъ утра убо сѣдя на елико съ пядію сѣдалищи. принуди умъ отъладычнѣнаго въ сердце. и дръжи его въ томъ. прѣклонь же ся съ трудомъ и прѣси и рамена же и выю. зѣло боля прилежно зови умно или душевно. еже Господи Исусе Христе, помилуй мя... премѣняя умъ въ ину половину глаголи. Сыне Божій помилуй мя. и многажды глаголя поль. часто не длъжно есть отъ лѣности и стужанія премѣняти сіа. не въореняются убо садове часто прѣсаждаеми. дръжи же и отдыханіе сердечное да не чясто дышеши...»⁴⁰⁾. Впрочемъ, какъ мы уже замѣтили, и общее направленіе идей Григорія Синаита тоже-ственно съ направленіемъ пр. Симеона Новаго Богослова, на сочиненія котораго онъ очень часто ссылается, — указывая такимъ образомъ и самъ свою непосредственную связь съ послѣднимъ...

свѣтъ же въ мѣсто чернила. омакая убо мысль въ свѣтѣ. и свѣтъ испущал. напишетъ словеса таинствомъ Духомъ, въ чистыхъ слышащихъ сердцахъ. тогда вѣсть реченое. како будутъ вѣрніи научени Богомъ. и како учить Богъ чловѣка разуму по пророчеству Духомъ...»—Рукоп. Синод. Библ.; № 172, л. 43.

³⁹⁾ «Молитва есть апостольское проповѣданіе. вѣрѣ дѣйство. паче же вѣра не ходатайствѣна,.. сила безплотныхъ... умывательное очищеніе. Духа святаго обрученіе. Исусово радованіе..луча мыслѣнаго слънца...» «Начало умныя молитвы есть дѣйство. сирѣчь очистительнаа сила духа. и тайное ума священнодѣйство... преполовленіе же — просвѣтительнаа сила и вѣдѣніе. конецъ же — иступленіе и въсхыщеніе ума къ Богу...»—Рукопись Моск. Синод. Библиотеки, № 172, лл. 61—62.

⁴⁰⁾ Рукоп. Москов. Синод. Библиотеки, № 172, лл. 78 об.—79 sqq.

Сдѣланныхъ извлеченій (къ которымъ присоединяются и приведенныя нами выше, при изложеніи «Главъ», какъ ихъ цитаты) вполне достаточно какъ для того, чтобы видѣть основное направленіе этихъ писателей, такъ и для опредѣленія-отношенія къ нимъ русскаго автора. Вліяніемъ ихъ сочиненій всецѣло обуславливается созерцательный элементъ «Главъ» Нила Сорскаго,—ихъ сочиненія служатъ для послѣдняго ближайшимъ и наиболѣе существеннымъ источникомъ. «Умная молитва» Нила Сорскаго—«чистая» молитва Исаака Сирина, «духовная» («умная») молитва Симеона Новаго Богослова и Григорія Синаита. Русскій инокъ большую частью буквально повторяетъ ихъ слова, говоря объ этомъ предметѣ ⁴¹⁾. Рѣшительное вліяніе этихъ писателей сказывается и вообще во всемъ направленіи «Главъ» Нила Сорскаго; послѣдній очень часто предпочитаетъ говорить ихъ словами и чаще всего ссылается на ихъ авторитетъ ⁴²⁾... Эти непрерывныя цитаты русскаго автора,

⁴¹⁾ См. особенно гл. II и VIII.

⁴²⁾ См. Главы Нила Сорскаго,—по изд. опт. пуст. стр.: 22, 46, 50, 53, 58, 67, 77, 86, 102, 104, 108, 109, 122, 124, 128, 131, 140, 143, 150, 152 (приводятся слова Исаака Сирина),—стр.: 23, 24, 28, 37, 40, 49, 50, 91, 123, 124, 127, 132, 140 (слова Симеона Нов. Богослова),—стр.: 23, 25, 27, 30, 37, 38, 39, 41, 54, 60, 72, 77, 91, 99, 146 (слова Григорія Синаита). Съ этими цитатами Нила Сорскаго ср. въ подлинныхъ сочиненіяхъ этихъ писателей,—Рукопись Моск. Синод. Библіотеки, нач. XVI вѣка, № 131 (Исаака Сирина поученія), лл.: 49—55, 68, 74—75, 90, 136—138, 154—158, 243, 113—119. Рукоп. Моск. Синод. Библіотеки, XV в., № 164 (Симеона Нов. Бог. творенія), лл. 50—67, 68—69, 73—75, 78—82 и др. Рукопись той же библіотеки, XV, № 172 (Григорія Синаита слова), лл. 63, 79, 62, 81—84, 87—69, и т. д.—Къ Симеону Нов. Богосл. и Григорію Синаиту Нилъ Сорскій относился съ особеннымъ уваженіемъ: перваго онъ называетъ иногда святымъ (Гл. VIII, стр. 124), а о послѣднемъ замѣчаетъ: «сей Блаженный всѣхъ духовныхъ отецъ объемъ писанія...» (ib., 39—40).

его постоянныя ссылки (не говоря о единствѣ основнаго направленія) осязательнымъ образомъ указываютъ всю силу вліянія на него трехъ этихъ писателей. Впрочемъ, русскій инокъ кажется, удержался отъ тѣхъ крайностей, до которыхъ дошли послѣдніе (ср. съ «Главами» Нила Сорскаго его «Посланія»).

Въ «Главахъ» Нила Сорскаго и въ его «Преданіи ученикомъ» мы встрѣчаемъ ссылки и на другихъ, весьма многихъ отцевъ церкви и подвижниковъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ приводитъ слова Антонія В. († 356), Ефрема Сирина († 372), Макарія Египетскаго († 390), Исихія Іерусалимскаго († 432), Варсанофія В. († 563), Дородея († 620), Максима исповѣдника († 662), Филодея Синаита (XI в.), Петра Дамаскина (XII в) и еще нѣкоторыхъ...⁴³⁾ Наконецъ, приводя мысли, которыя повторяются въ сочиненіяхъ нѣсколькихъ церковныхъ писателей, — Нилъ Сорскій очень часто, не пересчитывая ихъ имена, дѣлаетъ лишь общее указаніе: «рѣкоша отцы»...

⁴³⁾ Сочиненія сейчасъ перечисленныхъ отцевъ церкви существовали въ славянск. письменности съ очень ранняго времени, съ XIV—XV вв.: — перечень древнѣйшихъ списковъ сдѣланъ у Преосв. Макарія, V, стр. 247—248, прим. Кроме того, безчисленное множество мѣстъ и отрывковъ изъ этихъ писателей (равно и изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ нами, которые жили до XI вѣка) древнерусскій читатель могъ встрѣтить въ такихъ энциклопедическихъ сборникахъ по патристической литературѣ, какъ Пандекты и Тактиконъ (Пандекты—*παυδέκτης*—сборникъ, Тактиконъ—*τακτικόν*—Чиновникъ, Чиновная книга) Никона Черногорца (XI в.), которые перешли въ славянскую письменность очень рано, — древнѣйшіе списки относятся къ XII—XIII в. Срезневскій: Свѣд. и Зам., II, 217 sqq. Горскій и Невоструевъ. Опис. рук. II, 3, №№ 217—218.

Таковы—основныя патристическіе источники идей Нила Сорскаго ⁴⁴⁾. Мы видимъ его знакомство съ обширной патристической литературой, которая, однако, не подавляетъ его, къ которой онъ относится довольно самостоятельно. Онъ пользуется сочиненіями многихъ и различныхъ церковныхъ писателей, вліяніе нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ на его сочиненія (разумѣемъ собственно «Главы») даже весьма замѣтно (Кассіанъ, Іоаннъ Лѣстничникъ, — Исаакъ Сиринъ, Симеонъ Нов. Бог., Григорій Синаитъ), — но ни одному изъ этихъ писателей онъ не подчиняется безусловно, ни за однимъ не слѣдуетъ рабски. Многие изъ

⁴⁴⁾ Само собою разумѣется, что всеми сочиненіями цитируемыхъ имъ отцевъ церкви Нилъ Сорскій пользовался въ славянскихъ переводахъ. Это съ очевидностью обнаруживается изъ сличенія самыхъ цитатъ, приводимыхъ имъ изъ церковныхъ писателей съ подлинными сочиненіями послѣднихъ по славянскимъ переводамъ XIV—XV в. Для примѣра, сравнимъ нѣсколько такихъ цитатъ. Въ «Главизнахъ о молитвѣ» Нила Синайскаго по славянской Рукон. Моск. Синод. Библіотеки, XIV—XV в. (№ 154) читаемъ: «подвизнися поставити умъ свои. во время молитвъ. глухъ и нѣмъ»... (л. 98); у Нила Сорскаго: «во время молитвы подобаетъ подвизатися поставити умъ глухъ и нѣмъ: яко же рече Нилъ Синайскій» (стр. 36); въ рукописи лл. 101 — 101об.: «зѣло ревнуеть бѣсъ челоувѣку молящюся. и всею покушаеть хитростію погубити умъ его. не престаеть убо помыслы движа вещьми памятію. и вся страсти наводя плотскія. да соблазнити возможесть. доброе его теченіе. еже къ Богу пришествіе. Егда же много створивъ пронырливый бѣсъ. не възможесть съблазнити подвижника. молитвы мало ослабитъ и потомъ противится ему молящюся. или на гнѣвъ раждеть. погубити молитвою оставленное доброе устроеніе его. или на страсть нѣкую скотьскую раздраживъ облыгаеть ему умъ. Молися яко же есть лѣпо. начайся. ихъ же не лѣпо и стани крѣпко храняи плодъ свой»... — у Нила Сорскаго:.. «Нилъ постникъ глаголетъ: зѣло завидитъ бѣсъ челоувѣку молящюся, и всякою кознію тщится возбранити того разумъ, непрестанно движа помышленія вещей памятію, и вся страсти воздвижа плотію, яко да запятн возможесть доброму его теченію и еже къ Богу шествію. Егда же много сотворивъ лукавѣйшии бѣсъ не возможесть забавити прилежнѣ молящагося; тогда мало ослабитъ и потомъ

нихъ служить ему руководителями, но за каждымъ онъ идетъ вполне сознательно. Общее направленіе идей, которому онъ слѣдуетъ, выработано имъ самимъ, путемъ самостоятельнымъ, — выработано основательнымъ и глубокимъ изученіемъ цѣлаго ряда патристическихъ писателей. Читая «Главы» Нила Сорскаго, «Преданіе ученикомъ», его Посланія, — мы не можемъ не видѣть этого одного строго сохраняемаго направленія идей, не можемъ не чувствовать, какъ глубоко, всецѣло проникнуть имъ авторъ, не можемъ не ощущать присутствія передъ нами его собственной живой личности. «Главы» — не

отмщаетъ тому помолвившуся; или бо во гнѣвъ того разжегъ погубляетъ еже отъ молитвы бываемое въ немъ доброе устроеніе; либо ко сласти нѣкоей безсловеснѣй раздраживъ похуляетъ умъ. Того ради, рече, помолися, якоже подобаетъ, ождиай, яже не подобаетъ, и стани крѣпко храня плодъ свой» (стр. 133—134). Въ славянской рук. Моск. Синод. Библиотеки, XV в., въ словахъ Григорія Синаита читаемъ: «Аще же видиши нечистоты лукавыхъ духовъ. сирѣчь помыслы воздвигаемы въ умѣ твоёмъ. не ужаснися. ни дивися. и аще и блага разумѣнія вещи нѣкихъ явятъ ти ся. не вѣими тѣмъ. нъ дръжа въздыханіе яко мощно. и умъ въ сердци затворяя. и призываніе Господа Исуса часто и прилежно дѣйствуя. скоро поживаешп и съпятуеши сія»... (л. 79); у Нила Сорскаго: «ты аще видиши, рече (Григорій Синаитъ), нечистоту лукавыхъ духовъ, сирѣчь помыслы воздвигаемы въ умѣ твоёмъ, не ужасайся, ни дивися: аще и блага разумѣнія вещи нѣкихъ явятъ ти ся, не внимай тѣмъ; но держа въздыханіе елико мощно, и умъ въ сердцѣ затворяя, вмѣсто оружія призывай Господа Исуса часто и прилежно и отбѣгуть»... (стр. 38—39). Въ рукописи лл. 63—63 об.: «Аще не оставленъ будетъ человекъ. и побѣжденъ будетъ и пообладанъ. порабоуясь всякою страстью. и помысломъ и духомъ побѣждаемъ. и ни отъ дѣль помощь обрѣтая. или отъ Бога. или отъ ничьего отнудъ. яко емалъ убо и въ неначаліе принти насилуемъ отъ всѣхъ. — не можетъ сокрушится и имѣти себѣ подъ всѣми. и послѣднѣйша и раба вѣмъ. и самыхъ бѣсовъ горша. яко отъ нихъ насилуема и побѣждаема. и се есть смотрительное промысла и наказательное смѣреніе. имъ же второе и высоекое отъ Бога дается. еже есть божественная сила. дѣйствующая

хаотическій наборъ изрѣченій и выписокъ изъ случайно попавшихся патристическихкихъ сочиненій, не хаотическая масса отрывковъ изъ церковныхъ авторовъ (какъ это мы находимъ весьма перѣдко въ словахъ митр. Данила): въ «Главахъ» мы читаемъ сжатый, систематически составленный литературный трудъ, — находимъ въ нихъ сжатый систематическій сводъ миѣній (о внутреннемъ духовномъ самосовершенствованіи человѣка, инока) различныхъ и многочисленныхъ церковныхъ писателей, — сводъ, объединенный однимъ строго проведеннымъ на-

и творящая вся ея ради. съсудъ себѣ то... видяще выну и тое ради чюдеса божіа дѣлающе»...; у Нила Сорскаго: «Аще не будетъ оставленъ человекъ, и побѣжденъ, и пообладанъ, порабоуется всякою страстію и помысломъ и духомъ побѣждаемъ, и ни отъ дѣла помощь обрѣтая, ни отъ Бога, ни отъ ничего отнюдь, яко вмазѣ убо и въ неначалие пріити, насилуемъ во всѣхъ; то не можетъ сокрушиться и имѣти себѣ подъ всѣми, и послѣднѣйша раба всѣмъ, и самѣхъ бѣсовъ горша, яко отъ нихъ насилуема и побѣждаема. И сіе есть смотрительное промысла, и наказательное смиреніе, имъ же второе и высокое дается отъ Бога, еже есть божественная сила, дѣйствующая и творящая вся ея ради, сосудъ того себѣ видящи выну и тѣмъ чюдеса Божіа дѣющи»... (стр. 60). Примѣры приведены нами первые попавшіеся... Вообще языкъ «Главъ» представляетъ значительную разницу съ языкомъ Посланій: если въ Посланіяхъ мы находимъ простыя, чисто русскіе разговорные обороты и выраженія, то въ «Главахъ» вліяніе языка переводной патристической литературы ощущается весьма сильно; какъ бы сознавая эту неудобопонятность и неясность языка, Нилъ Сорскій перѣдко дѣлаетъ въ «Главахъ» поясненія, съ замѣчаніемъ: «еже просто рещи», «се же есть». Впрочемъ, пользованіе со стороны Нила Сорскаго патристическими писателями въ существовавшихъ славянскихъ переводахъ ихъ твореній еще не даетъ права заключать, что онъ и не зналъ греческаго языка. Дѣлать новые, свои переводы, при многочисленныхъ прежнихъ, было излишне. Съ другой стороны, время не мало, проведенное Ниломъ на Афонѣ и въ Греціи, даетъ нѣкоторое основаніе думать, что и подлинныя сочиненія важнѣйшихъ Византійскихъ писателей не совсѣмъ были ему безъизвѣстны.

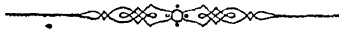
правленіемъ мысли, — сводъ, надъ которымъ нужно было много и долго трудиться автору, чтобы ориентироваться среди подавляющей массы патристическаго матеріала (если даже онъ пользовался послѣднимъ по различнымъ энциклопедически-хаотическимъ сборникамъ, которыхъ было такое множество въ русской письменности XIV—XVI вѣка). Нилъ Сорскій въ «Главахъ» — «собралъ мысли отцевъ о внутреннемъ подвижничествѣ, разсѣяныя въ ихъ твореніяхъ, свелъ въ одно стройное цѣлое, и для удобнѣйшаго руководства предложилъ русскимъ инокамъ въ возможно-сжатомъ видѣ». Прибавляютъ, что въ этомъ только и состояла заслуга Нила. Пока не будемъ спорить... Но и для такого дѣла нужно было хорошо изучить творенія цитируемыхъ отцевъ церкви, отнестись къ нимъ съ извѣстной долей самостоятельности, — выбирая одно и оставляя другое, глубоко усвоить эти — разсѣяныя въ твореніяхъ отцевъ и собранныя русскимъ авторомъ — мысли, всецѣло проникнуться ими, чтобы сдумать составить изъ нихъ одно стройное цѣлое, наконецъ имѣть извѣстный литературный навыкъ (не говоримъ талантъ), чтобы сдумать изложить всю эту массу мыслей и изрѣченій въ возможно-сжатомъ видѣ. Не упоминаемъ о Посланіяхъ Нила, всецѣло принадлежащихъ ему (какъ писателю) и проникнутыхъ тѣмъ же направленіемъ мысли. Повторяемъ, всего этого вполне достаточно, чтобы признать полную самостоятельность нашего автора, какъ писателя (насколько такая писательская самостоятельность была возможна для русскаго инока XV—XVI в.), его основательное знаніе патристической литературы, которую онъ цитируетъ, и наконецъ — извѣстную самостоятельность (не рабское компиляторство) въ отношеніи къ своимъ литературнымъ (патристическимъ) источникамъ. Изъ многаго онъ беретъ только малое, — что согласно его разуму; говоря «не отъ себя, но отъ св. писаній, —

отъ крупницъ, падающихъ отъ трапезы словесъ господій своихъ блаженныхъ отецъ» — онъ помнитъ и другимъ напоминаетъ, что «писанія многа, но не вся суть божественна»...

Если къ глубокому и самостоятельному изученію патристической литературы, путемъ котораго выработалъ русскій инокъ общій складъ своихъ возрѣній, — мы присоединимъ нѣкоторыя частныя черты, частіе отбѣняющія общее направленіе его мыслей, черты, хотя и связанныя съ общимъ кругомъ его патристическихъ идей, но вызванныя чисто мѣстными условіями жизни, если припомнимъ смѣлый протестъ нашего писателя противъ монастырскихъ имуществъ, его сдержанныя, какъ бы невольныя указанія на деморализацію современнаго русскаго монашества, его настоятельныя требованія отъ cadaго «истинно-желающаго спастися» самостоятельнаго изученія «Писаній» и сознательнаго, въ извѣстной степени критическаго отношенія къ нимъ, его мысли (высказанныя вскользь) о церковной внѣшности, о характерѣ монастырской «милостыни», его терпимость къ чужимъ мнѣніямъ и требованіе отъ cadaго самостоятельнаго, сознательнаго «разсужденія», если припомнимъ, при томъ, искренность и задушевность его посланій, его горячую любовь къ ближнему (а «истинная любовь къ ближнимъ—еже въздвигнути имъ съ вѣсть къ любви Божіи и творити заповѣди Его по истинныхъ божественныхъ словесѣхъ Его»...), если сопоставимъ между собою всѣ эти отдѣльныя черты, соединимъ ихъ съ общимъ строго-духовнымъ направленіемъ его идей, — передъ нами возникаетъ довольно ясный образъ даровитаго русскаго писателя-инока, съ своеобразнымъ, самостоятельно выработаннымъ кругомъ идей, и по общему направленію ихъ

весьма симпатичнаго... Правда, мы видимъ его впадшимъ отчасти въ крайность (хотя и не въ такой степени, какъ его руководители), но крайность эта—вполнѣ извинительна: она была почти неизбѣжной въ виду другой крайности, гораздо менѣе привлекательной. Крайне-созерцательное направление идей Никола Сорскаго и вообще весь строй ихъ—соотвѣтствуя личнымъ наклонностямъ самого подвижника—въ весьма значительной степени обусловливался всѣмъ современнымъ направлениемъ религіозныхъ идей и понятій. Въ связи съ этимъ господствовавшимъ направлениемъ,—характеръ идей нашего автора и получаетъ особое значеніе... Образъ Никола Сорскаго, какъ писателя, предстанетъ предъ нами еще яснѣе, рельефнѣе, когда мы взглянемъ на его сочиненія (на основное направление ихъ) въ связи съ этимъ общимъ современнымъ имъ течениемъ русской религіозной мысли...

Къ этой заключительной задачѣ мы теперь и переходимъ.

ОБЩЕЕ СОСТОЯНІЕ УМСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ

НА РУСИ ВЪ КОНЦѢ XV—НАЧ. XVI ВВ.

Како увѣруютъ, его же не слышаша?

(Римл., X, 14).

По погостомъ и по селомъ ходять
лживые пророки, мужики и женки и
дѣвки и старыя бабы, наги и босы и
волосы острить и распусть, — тря-
сутся и убиваются, а сказываютъ, что
имъ являюся свв. Пятница и На-
стасья... (Изъ столпа).

Никольже не нерадихъ—Ты же ми
послухъ, Владыко — о Твоихъ бже-
ственныхъ пѣніихъ и прочей Твоей
богодѣлнѣй службѣ, безпрестанни празд-
ники духовныя совершая Тебѣ, пѣ-
ніи красногласными богодѣлныхъ свя-
щенниковъ и шумомъ доброголасныхъ
и свѣтлошумныхъ колоколовъ и раз-
личными муры благоуханными, и Твоя
и честныя и пречистыя Ти Матере
иконы велелѣпнѣ украшая златомъ и
сребромъ и многоцвѣтными каменіи,
но—въ нихъ же чаяхъ благоугождати
Тебѣ, Царю,—въ тѣхъ обрѣтохся про-
гнѣвая паче...

(Изъ сочиненій Максима Грека).

«Я—человѣкъ сельской, учился буквамъ, а еллинскихъ борзостей не текохъ, а риторскихъ астрономій не читаль, ни съ мудрыми философы въ бесѣдѣ не бываль,—учуся буквамъ благодатнаго закона, дабы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣховъ...»

(Отзывъ о себѣ одного русскаго книжника конца XV вѣка).

Прозябе ересь и явися шатанія въ людѣхъ...

(Лѣтописное извѣстіе XVI вѣка).

Останавливаемся предварительно на самыхъ средствахъ умственно-религіознаго развитія древней Руси.

Средства эти были слишкомъ ограниченны.

Правильныхъ, сколько нибудь организованныхъ школъ или училищъ, даже самыхъ первоначальныхъ — не видно никакихъ. Они не были устроены на самыхъ первыхъ порахъ нашего христіанскаго просвѣщенія; ихъ нѣтъ и послѣ, въ XV—половинѣ XVI вѣка. Въ дошедшихъ письменныхъ памятникахъ болѣе ранняго періода нигдѣ не встрѣчается ни малѣйшаго указанія на ихъ существованіе; всѣ относящіяся сюда данныя (впрочемъ, весьма немногочисленныя) говорятъ и шь о частныхъ учителяхъ — «мастерахъ» и «отцахъ» — но не о школахъ, сколько нибудь организованныхъ ¹⁾. Сове-

¹⁾ Голубинскій: Ист. Рус. Ц., т. I, пол. 1, стр. 580—602. — Данныя этого рода собраны въ изслѣдованіи Лавровскаго: О древнерусскихъ училищахъ (по кон. XV вѣка). Харьковъ, 1854. Собранный здѣсь весьма тщательно матеріалъ характеромъ своимъ лучше всего доказываетъ совершенное отсутствіе у насъ въ древнее время (XI—XV в.) какихъ либо училищъ. О свидѣтельствахъ Татищева см.: Голубинскій, Ист. Рус. Ц., т. I, пол. 1, стр. 709—715. — Въ старой книгѣ Лешкова: Исторія Рус. Общ. Права до XVIII в. (М., 1858), при всей невѣрности общаго взгляда, — нѣкоторыя соображенія о средствахъ древнерусскаго начальнаго образованія и теперь довольно интересны (стр. 410—433).

менные извѣстія, XV—пол. XVI в., говорятъ о полномъ отсутствіи всякихъ школъ. Указывая на совершенную безграмотность поставляемыхъ священниковъ, новг. архіепископъ Геннадій пишетъ митр. Симону (1495—1511): «Для того-то я и быю челомъ государю, чтобы велѣлъ училища устроить: его разумомъ и грозою, а твоимъ благословіемъ это дѣло исправится; ты бы, господинъ отецъ нашъ, государей нашихъ, великихъ князей, просилъ, чтобы велѣлъ училища устроить; а мой совѣтъ таковъ, чтобы учить въ училищѣ сперва азбукѣ (и такъ, дѣло идетъ о заведеніи самыхъ начальныхъ школъ), а потомъ псалтыри съ слѣдованіемъ накрѣпко; когда выучатъ, то могутъ читать всякія книги». Далѣе онъ такъ изображаетъ характеръ современнаго начального обученія: «А вотъ мужики-невѣжды учатъ ребятъ, только рѣчь имъ портятъ: прежде выучатъ вечерню и за это мастеру принесетъ (ученикъ) кашу да гривнуденегъ, за заутреню тоже, или еще и больше, за часы особенно, да подарки еще несетъ кромѣ условной платы; а отъ мастера отойдетъ—ничего не умѣетъ, только бредеть по книгѣ, о церковномъ же порядкѣ понятія не имѣетъ»²⁾. Хлопоты Геннадія, повидимому, не привели ни къ чему. И черезъ пятьдесятъ лѣтъ, судя по отзывамъ стоглаваго собора, дѣло начального обученія остается въ томъ же видѣ: «Учениковъ—читаемъ въ соборныхъ постановленіяхъ—обучаютъ грамотѣ небрежно... Ставленники, хотящіе въ дьяконы и въ попы ставиться, грамотѣ мало умѣютъ... Когда святители спрашиваютъ ставленниковъ, почему они грамотѣ мало умѣютъ, они даютъ отвѣтъ: мы учимся у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ, а больше намъ учиться негдѣ; сколько отцы наши и мастера умѣютъ, тому и насъ учатъ... А отцы ихъ и мастера ихъ—замѣчаютъ отцы собора—и сами по тому же мало умѣютъ

²⁾ Акты Истор., I, № 104.—Соловьевъ: Ист. Рос., V, 276.

и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ,—да учиться имъ негдѣ»³⁾).

При совершенномъ отсутствіи школы, главнымъ просвѣтительнымъ источникомъ народа являлось приходское духовенство. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ средѣ древнерусскаго приходскаго духовенства рано стали появляться люди сравнительно весьма начитанные,—въ тогдашнемъ смыслѣ, весьма образованные; разумѣемъ, конечно, не иноземцевъ-священниковъ, а природныхъ русскихъ. Такъ, судя по одному памятнику до-монгольскаго періода, въ ряду городскихъ священниковъ уже тогда могли встрѣчаться люди весьма учительные, которые дорожили своимъ просвѣтительнымъ вліяніемъ на прихожанъ и ревниво относились ко всякому постороннему соперничеству въ этой сферѣ⁴⁾; примѣръ Георгія Скрипицы, ростовскаго священника конца XV вѣка,—показываетъ, что нѣкоторые приходскіе священники и послѣ были людьми для своего времени весьма просвѣщенными, начитанными... Но при всемъ этомъ, масса другихъ историческихъ данныхъ заставляетъ признать, что примѣры, подобные приведеннымъ, были вообще слишкомъ рѣдки, встрѣчались лишь какъ исключенія. Общій уровень—и умственный и нравственный—древне-русскаго приходскаго духовенства былъ крайне невысокъ, а вслѣдствіе этого и просвѣтительное вліяніе на пасомыхъ общей массы приходскаго духовенства (а не отдѣльныхъ единицъ, исключеній) было болѣе чѣмъ сомнительное ..

Въ дошедшихъ памятникахъ древнерусской письменности, начиная съ самыхъ раннихъ временъ, передъ нами тянется безконечный рядъ обличеній, увѣщаній, угрозы—обращенныхъ со стороны представителей высшей іерархіи или вообще луч-

³⁾ Преосв. Макарій: I, 43.

⁴⁾ См.: Житіе Пр. Авраамія Смоленскаго, — Прав. Соб., 1858, III.

шихъ людей времени къ низшему духовенству. Приходскихъ священниковъ обвиняють въ недостойной жизни, въ нерадѣніи о паствѣ, въ корыстолюбіи, пьянствѣ, въ невѣжествѣ. Уже м. Георгій (1072—1073) укоряетъ приходскихъ священниковъ въ невниманіи ихъ къ больнымъ, умирающимъ безъ причастія ⁵⁾; м. Іоаннъ (1080—1089) въ своемъ «Правилѣ» упоминаетъ объ «іереяхъ до упиванія пьющихъ» ⁶⁾. Неизвѣстный «ревнитель по правой вѣрѣ», — XIII вѣка, обличая своихъ современниковъ «двоевѣрно живущихъ», — христіанъ, которые «вѣрують въ Перуна и въ Хорса... покладывахуть имъ требы и буры имъ рѣжутъ», — замѣчаетъ: тако творять не токмо невѣжн но и вѣжи. попове и книжници. аще ли не творять того (открытыхъ идольскихъ жертвъ) — пьють и ядятъ моленое то брашно. аще ли не пьють ни ядятъ — видять дѣянія ихъ злая. аще ли не видять — слышать. и не хотять ихъ поучити... Человѣци въ вѣрѣ погибають лихими пастухи. безумными невѣгласы... Попове и книжници — обращается онъ къ священникамъ — будите подобници Павлу великому учителю. учите же людъ на добро. и обращайтесь ихъ отъ лъсти дьяволя къ вѣрѣ истиннѣй. служити истинному Богу. да и вы речете предъ Богомъ: се азъ и дѣти моя. яже ми далъ еси Господи и азъ родихъ я ученіемъ. того ради ясте и дары емлете отъ нихъ. аще ли не хочете учити ихъ. то не примѣшайтесь имъ...» ⁷⁾. Чѣмъ позднѣе, тѣмъ обличенія и нападки становятся чаще и многочисленнѣе. «Не исправляютъ, не обли-

⁵⁾ Голубинскій: Ист. Рус. Ц., т. I, пол. 1, 511—512 (Уставъ м. Георгія). О самомъ «Уставѣ» — ib., стр. 371, 516, 520. — Впрочемъ, митрополитъ здѣсь же обращается и къ высшимъ представителямъ іерархіи: «Бога ради — говоритъ онъ — исправите, архіереи-святители — много людей умираетъ въ васъ (изъ-за васъ) безъ причастія св. таинъ, въ вашемъ ненаказаніи и небреженіи и лѣности и пьянствѣ» (Стр. 512).

⁶⁾ Пам. древнр. кан. права, I, № 1, col. 20.

⁷⁾ Лѣтописи Рус. Лит. и Др., IV, отд. III, стр. 88—90, 93.

чаютъ — жалуется русскій епископъ XV вѣка — чистители-іерей, приставници, стражіе, дѣлатели винограда Божія, — не лѣчить и не исправляетъ, не печется и не встаетъ по Бозѣ ревнуя за истину; іерейство держитъ койждо точію временную потребу, не усердуетъ о духовныхъ, чтобы получить мзду вѣчнаго живота, но паче врѣтится о погибающихъ мечтѣхъ и чрева ради все творить и глаголетъ, не солить, не приводить къ спасенію, но паче глядитъ и лащеть, абы како не отпасти временныя чести...»⁸⁾. «Предахомъ вамъ хиротонію—говоритъ другой современный епископъ въ своемъ окружномъ посланіи къ духовенству—церковнаго ради исправленія и вашего ради священства чистоты и за мірское спасеніе, — вы же о сихъ всѣхъ не брегосте, и егда сами уклонитесь праваго пути, како можете извести стадо свое на пожити животныя?.. Поученія отъ божественныхъ писаній и отъ св. правилъ богоносныхъ отецъ слышати не хотите, и духовнаго наказанія не ищете и о церковномъ исправленіи и о своемъ спасеніи и о стадѣ своемъ небрежете, и всяко заблуждаетесь отъ праваго пути...»⁹⁾. «Почто не учите дѣтей (пасомыхъ) страху Божію, —видяще не видите и слышаще не разумѣете?» —взываетъ къ священникамъ современный проповѣдникъ¹⁰⁾. «Полонъ міръ поповъ — говоритъ авторъ другаго поученія этого времени—но на дѣло Божіе рѣдци обрѣтаются. Мнози суще неумѣюще и книгъ въ тотъ чинъ видоша, — ищуще льготы и чести, а какъ бы къ спасенію привести люди и самому дойти, о томъ не имѣюще печали; только о мірскихъ пегутся и смышляютъ о собираніи неправедномъ, а книгъ не почитаютъ, еще же и научающихъ ненавидятъ. А иніи сидятъ на бесѣдѣ и ко-

⁸⁾ Пам. древнр. кан. пр., I, № 123, coll. 851—852.

⁹⁾ Пам. древнр. кан. пр., I, № 125, coll. 874—875.

¹⁰⁾ Новгородско-Софійскій Сборникъ XVI в. библ. С.-Пет. Дух. Ак., № 1289, л. 351.

щюняють злѣ, а о томъ не брегуть, какъ бы учити люди на законъ Божій» ¹¹⁾. «Не кажете людямъ закона—читаемъ въ слѣдующемъ «поученіи» той же рукописи—какъ бы спастися, а кажушимъ языки завязуете, — затворяете царство божіе предъ челоуѣки: сами не входите и входящимъ внити не дадите... Се бо есть соблазнъ людямъ—рано пьете и ясте и упиваетея чрезъ законъ, кощюняете злѣ, а иніи срамніи рѣчи глаголють... О іереи! оставите злыя ваши обычаи» ¹²⁾... Слышатся отовсюду укоруы, что «попы-невѣгласы» сами поддерживаютъ въ народѣ разныя суевѣрія—«безумніи попы печатають съ народомъ двери царскія въ вечеръ субботы великія» ¹³⁾, кладутъ въ великій четвергъ соль подъ престоль, держать ее тамъ шесть недѣль, а потомъ даютъ людямъ на врачеваніе ¹⁴⁾, —крестятъ дѣтей «въ три Отцы и въ три Сыны и въ три Духы»... ¹⁵⁾ Неизвѣстный авторъ одного современнаго русскаго «поученія» призывая всѣхъ къ покаянію и напоминая день страшнаго суда, продолжаетъ: «Тогда Господь Богъ милостивый, прослезився, начнетъ глаголати: любви моя овця, любви мои агнеци! почто ся не вспомянуша ко мнѣ, ни въ день ни въ ночь, да быхъ я помиловаль.. Тогда повелитъ отлучити митрополиты и епископы и попы и игумены и дьяконы и черница и черныца, и речеть имъ Господь: не бѣхъ ли нареклъ васъ, яко мои есте ученици и не бѣхъ ли глаголахъ вамъ: пасите малое моихъ овецъ стадо, учите люди, созданіе руку моею? но вы въ гордости и въ питьи и въ сребролюбіи заблудившеся, не научисте люди мои, и овця

¹¹⁾ Волоколам. Сборникъ XVI в. библ. Моск. Дух. Ак., № 566, лл. 69—70.

¹²⁾ Той же рукописи, лл. 71—72, 73.

¹³⁾ Пам. древнр. кан. пр., I, № 117, col. 794.

¹⁴⁾ Стоглавъ, гл. ХLI, в. 26.

¹⁵⁾ Пам. древнр. кан. пр., I, № 117, col. 794.

моя заблудишася, а вы не упасосте ихъ, а нынѣ отъидите отъ меня проклятіи въ огонь вѣчный» ¹⁶⁾.

Но вотъ и болѣе официальные данныя этого времени Уже м. Петръ (1308—1326), обращаясь «къ игуменомъ, попомъ и дьякономъ» — убѣждаетъ ихъ быть истинными пастырями, а «не наемниками, которые млеко ѣдятъ и волною одѣваются, а объ овцахъ не пекутся» ¹⁷⁾. «Многажды писахъ вамъ, — къ священникомъ и мнихомъ— како пребывати, — говоритъ митрополитъ въ другомъ своемъ поученіи, по частному поводу — вы же аки аспиди затыкающе уши свои, тако не слышите» ¹⁸⁾... «Не вѣмы убо — писать м. Іона (1448—1461) къ вятскому духовенству — како васъ нарицати священники, отъ кого имѣете поставленіе и рукоположеніе и духовное наказаніе... Евангельскихъ и отеческихъ и апостольскихъ поученій сами не требуете и живуще небрегомо сами идете въ погибель. Зовущеся священници и учителяе христіанстїи, а преже всѣхъ о своихъ душахъ нерадяще и ни священъства своего не знающе» ¹⁹⁾. Молю васъ, священници — писать митрополитъ въ другой грамотѣ въ ту же епархію — обзрѣти себе всяко и сдрогнувшись яко отъ сна, воспрянутися и отъ безчиннаго пьянства себе воздержати вамъ»; въ случаѣ неповиновенія, митрополитъ грозитъ даже отлученіемъ: «и отъ сего времени — заключаетъ онъ грамоту — аще... не покаетесь отъ своихъ злыхъ преже содѣянныхъ горькихъ дѣлъ, а дѣтей не имете наказати и отъ лукавыхъ дѣлъ не имете ихъ уимати: и наше смиреніе не имѣеть васъ священники, но и тягость духовную церко-

¹⁶⁾ Сборникъ 1551 года библ. Троицко-Серг. Лавры, № 648, л. 238. Рув. Рум. Муз. XVI в. изъ собранія Ундольскаго, № 1268, л. 94.

¹⁷⁾ Приб. къ Твор. свв. от., II, 85—90. — Преосв. Макарій: V, 151.

¹⁸⁾ Пам. древнр. в.ан. пр., I, № 17, coll. 160—161.

¹⁹⁾ Пам. древнр. в.ан. пр., I, № 73, coll. 594—595 (Грамота 1452 года).

вную на васъ и неблагословеніе накладаетъ, доколѣ прїдете въ чювьство и во истинное къ Богу покаянїе»²⁰⁾. «И прежде сего—пишетъ въ 1501 году м. Симонъ къ пермскому духовенству—пермскій епископъ Филоеѣй не единова посылалъ къ вамъ свои грамоты, поучая васъ, чтобы дѣтей своихъ новокрещенныхъ учили всяко закону Божию, вѣрѣ христїанстѣй: и вы о сихъ всѣхъ не брегосте»²¹⁾. Но такъ было не по однѣмъ окраинамъ. «Священническій и иноческій чинъ! пишетъ ок. 1431 года м. Фотїй во Псковъ: зрите пространно: слышанїе мое, иже обрѣтаются въ васъ нѣкоторїи, иже живутъ не въ славу Божию, ни за священническую честь,—на людское съблазненїе, къ церквамъ божїимъ не пристояще, и людїй, приходящихъ въ храмы божїя, соблажняють своимъ небреженїемъ и имя Божїе въ вашемъ небреженїи хулится»²²⁾. А вотъ на какомъ умственномъ уровнѣ стояло приходское духовенство въ Новгородѣ: «Приведутъ ко мнѣ мужа — пишетъ архїеп. Геннадїй, въ упоминавшемся уже нами посланїи къ м. Симону, о новгородскихъ ставленникахъ—я велю ему апостолъ дать читать, а онъ и ступить не умѣеть; велю дать псалтырь—и по тому едва бредеть... Я прикажу учить его ектеньямъ, а онъ и къ слову не можетъ пристать: ты говоришь ему то, а онъ совсѣмъ другое; велю учить азбукѣ: а онъ поучившись немного да просится прочь, не хочетъ учиться... Вотъ теперь у меня побѣжали четверо ставленниковъ—Максимка, да Куземка, да Афанаська, да Емельянка-мясникъ: тотъ и съ недѣлю не поучился—побѣжалъ»²³⁾. Не многимъ лучше было духовенство и въ самой столицѣ, въ Москвѣ: «Въ лѣто 1464, Сентября 3,—читаемъ въ лѣтописи—оставилъ м. Феодосїй свою митрополїю. Феодо-

²⁰⁾ Пам. древнр. кан. пр., I, № 73, col. 595—596.

²¹⁾ Акты Истор., I, № 112. (Грам. 1501 года).

²²⁾ Пам. древнр. кан. пр., I, № 58, col. 494.

²³⁾ Акты Ист., I, № 104. — Соловьевъ: V, 276—277.

сій потому оставилъ, что хотѣлъ священниковъ и дьяконовъ силою (нужею) навести на Божій путь: началъ ихъ каждое воскресеніе созывать, и учить по святымъ правиламъ, вдовымъ дьяконамъ и священникамъ приказывалъ постригаться въ монахи; у кого изъ нихъ были наложницы, тѣхъ наказывалъ безъ милости, снималъ съ нихъ священство, налагалъ пени; церквей наставили много, и вотъ всякій, кому не хотѣлось работать, шелъ въ священники, не оставляя плотскихъ страстей, потому что шелъ не Богу служить, а тѣло свое льготить». Вслѣдствіе мѣръ принятыхъ митрополитомъ, «многія церкви остались безъ священниковъ; люди начали тужить объ этомъ и порицать (проклипати) митрополита». Это такъ подѣйствовало на Феодосія, что онъ заболѣлъ, и когда выздоровѣлъ, то уже «не хотѣлъ болѣе оставаться въ Чудовѣ монастырѣ, взялъ къ себѣ въ келью разслабленнаго старца; сталъ служить ему, омывать струпы...²⁴⁾ Въ 1468 году псковичи отлучили отъ мѣстъ всѣхъ вдовыхъ священниковъ «за ихъ зазорное поведеніе» по всей псковской волости²⁵⁾; въ 1503 году на московскомъ соборѣ эта мѣра признается необходимою для всѣхъ вдовыхъ священниковъ безъ исключенія, по всему Государству...²⁶⁾ Но ни убѣжденія проповѣдниковъ, ни грамоты и посланія митрополитовъ, ни соборныя постановленія, повидимому, не достигали цѣли: Въ половинѣ XVI вѣка отцы стоглаваго собора (1551) дѣлаютъ такія замѣчанія о нравахъ современнаго приходскаго духовенства: «Ставленники, хотящіе въ дьяконы и въ попы ставитися, грамотѣ мало умѣютъ... Попы и церковные причетники въ церквахъ всегда пьяны и безъ страха стоятъ и бранятся, и всякія рѣчи неподобныя всегда исходятъ изъ устъ ихъ. Попы въ церквахъ бьются и дерутся

²⁴⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт., VI, 186. — Соловьевъ: V, 275.

²⁵⁾ Преосв. Макарій —: VI, 121.

²⁶⁾ Преосв. Макарій —: VI, 121 sqq.

промежь себя... Особымъ «протопопомъ» соборъ поручаетъ наблюдать, чтобы священники и дьяконы не упивались и къ церквамъ Божиимъ бы ходили и на церковномъ бы пѣніи стояли чинно, а не билися бы и не бранилися бы и не сквернословили бы... и до кровопролитія не бился бы...»; впрочемъ, отцы собора мало, повидимому, надѣются и на самихъ протопоповъ, и тутъ-же прибавляютъ: «а которые протопопы сами учнутъ упиватися и безчинствовать» — о такихъ, въ свою очередь — «священникомъ извѣщати святителемъ»...²⁷⁾

«Которое укрѣплёніе пріяти имутъ взирающіи на насъ пасоміи наша?!» — съ горестью взываетъ митр. Данилъ (1523 — 1539) обращаясь къ современному русскому духовенству. «Укрѣплёніе» для «пасомыхъ» было дѣйствительно, какъ видимъ, весьма сомнительное. «Всѣ наши пастыри, не только сельскіе, но и городскіе, были едва грамотны, мало образован-

²⁷⁾ Стоглавъ, гл. V, вопр. 23; гл. XXIX. — Мѣры стоглаваго собора принесли немного пользы: и спустя слишкомъ сто лѣтъ, члены московскаго собора 1667 года говорятъ: «во священство поставляются сельскіе невѣжды, иже инии ниже скоты пасти умѣютъ, колыми паче людей» (Проф. Знаменскій, — Прав. Обзор., 1867, № 4, стр. 480). А нѣсколько позднѣ крестьянинъ Посошковъ такъ отзывался о современныхъ ему приходскихъ священникахъ: «Отъ пресвитерскаго небреженія уже много нашего російскаго народа въ погибельныя ереси уклонился. Нынѣ истинно таковыхъ пресвитеровъ много, что не то, чтобы кого отъ невѣрія въ вѣру привести, но и того не знаютъ что то есть реченіе вѣра... Кіи пресвитеры и во градѣ живутъ, и тіи не весьма знаютъ въ чемъ грѣхъ и въ чемъ спасеніе... Сельскіе попы питаются своею работою и ничѣмъ они отъ пахатныхъ мужиковъ неотличны: мужикъ за соху и попъ за соху, мужикъ за косу и попъ за косу, — а церковь святая и духовная паства остается въ сторонѣ...» — Сочин. Ив. Посошкова, ч. I (М., 1842), стр. 9—24. «Зло не истреблялось, ибо главное средство къ его истребленію, по обстоятельствамъ, не могло еще прійти въ силу, хотя и сознавалось лучшими людьми: это средство — просвѣщеніе»... — Соловьевъ: Ист. Рос., VII, 90.

ные и круглые невѣжды; они не понимали, какъ слѣдуетъ, ни той вѣры, которой должны были учить народъ, ни священнодѣйствій, которыя должны были совершать, ни уставовъ и узаконеній церкви, ни самой важности своего пастырскаго служенія. А съ другой стороны—это были люди большею частью бѣдные, удрученные нуждою, всегда зависящие отъ своихъ прихожанъ, тяглые на своихъ архіереевъ, находившіеся подъ гнетомъ архіерейскихъ чиновниковъ. Чего же можно было ожидать отъ такихъ пастырей?..» ²⁸⁾ Древне-русскій приходскій священникъ былъ «плоть отъ плоти и кость отъ костей» простонародья, онъ выходилъ изъ той же самой массы и нисколько не превосходилъ ее своимъ собственнымъ — умственнымъ и нравственнымъ — развитіемъ. Это былъ «не просвѣтитель народа, который распространялъ-бы около себя новыя, лучшія понятія, а скорѣе — представитель тѣхъ же самыхъ понятій, которыя распространены были и въ массѣ» ²⁹⁾...

При такомъ уровнѣ собственнаго развитія, умственнаго и нравственнаго,—духовно-просвѣтительная роль древне-русскаго приходскаго духовенства, его общей массы, конечно не могла быть слишкомъ обширна. Главный источникъ духовнаго просвѣщенія страны и самъ былъ слишкомъ не обиленъ водами... ³⁰⁾.

²⁸⁾ Преосв. Макарій: Ист. Р. Ц., VIII, 337.

²⁹⁾ Знаменскій, — Прав. Обзор., 1867, № 4, стр. 376.

³⁰⁾ Такое печальное обстоятельство больше всего объяснялось самими условіями социальнаго быта древнерусскаго приходскаго духовенства. Приходскіе священники и на самыхъ первыхъ порахъ нашего христіанскаго просвѣщенія имѣли положеніе весьма незавидное (— Голубинскій, — т. I, пол. 1, стр.: 377—381, 399—402, 428—433, 438—448, 464—465, 582); такимъ оно осталось и на остальное время (— Знаменскій: Приходское духовенство древней Руси. Прав. Обзор., 1866, №№ 9 и 10; 1867, №№ 1, 2, 3 и 4). Содержаніе приходскаго духовенства было вообще чрезвычайно скудное (не говоримъ о нѣкоторыхъ

То, что сказано о приходскомъ духовенствѣ, приходится сказать и о массѣ бродившихъ въ міру монаховъ. Если, какъ было уже замѣчено, самые монастыри служили средоточіемъ письменной и вообще умственной дѣятельности для всей древней Руси, были какъ бы умственными и нравственными оазисами среди общей духовной пустыни, то въ отношеніи къ бродившей массѣ иноковъ, которая такъ поражала собою иностранцевъ, прїѣзжавшихъ въ Россію, «испы-

городскихъ и столичныхъ исключеніяхъ). Кромѣ того, священникъ былъ вполне зависимъ отъ своихъ прихожанъ, которые, злоупотребляя этимъ, «открыто торговали церковными мѣстами» (— Преосв. Макарій, VIII, 183). Низшее приходское духовенство совершенно подавлялось высшимъ, — приходскій священникъ былъ «тяглымъ попомъ» въ отношеніи къ своему епархіальному архіерею, и долженъ былъ изъ своихъ скудныхъ средствъ уплачивать послѣднему массу разнаго рода «даней» и «пошлинъ», поражающихъ своимъ разнообразіемъ и витіеватостью (— Преосв. Макарій, VIII, 212—215; напр., между другими, существовали особыя «даньскія пошлины», — дань, взимаемая за самое собраніе даней и оброковъ...). Беззащитность низшаго духовенства вызываетъ на стоглавомъ соборѣ такой укоръ изъ устъ Царя высшимъ представителямъ іерархіи: «У васъ, святителей, — говоритъ Царь членамъ собора, — бояре и дьячки и тиуны и десятники и надѣльщики (масса архіерейскихъ и митрополичьихъ чиновниковъ стала возникать у насъ очень рано, — Соловьевъ, IV, 300; Преосв. Макарій, VIII, 193 sqq) чинятъ неправо, и волочатъ и продаютъ съ ябидники (ябидникъ — «вѣдомой лихой человекъ», — Акты Археогр. Эксп., I, № 150, стр. 121, грам. 1509 года) за-одно, а десятичники поповъ по селомъ продаютъ безъ милости и дѣла составляютъ съ ябидники за-одно, и церкви отъ десятичниковъ и отъ ихъ великихъ продажъ стоятъ многія пусты, безъ пѣнія и поповъ нѣтъ...» (— Стоглавъ, гл. V, в. 7. Преосв. Макарій, VIII, 210). Какъ иллюстрацію къ сказанному, можно привести слѣдующее: Въ 1496 году псковскіе намѣстники нѣсколькихъ священниковъ (они отказывались отъ одной временно наложенной земской подати) держать «въ однихъ рубахахъ на вѣчѣ» и «хотѣли поповъ кнотомъ избезчестовати», а «иныхъ всѣхъ поповъ и дьяконовъ изсоромитиша...» (Полн. Собр. Р. Л., IV, 269).

таніе божественныхъ писаній» и «санъ учительства» далеко не являлись отличительными чертами. Исторія древне-русскаго монашества, въ его общей массѣ, есть исторія его быстрого паденія... Не приводя другихъ, весьма нескудныхъ данныхъ этого рода, отчасти упоминавшихся нами, мы ограничимся лишь характеристикой, которую дѣлаетъ современному русскому монашеству стоглавый соборъ. Вотъ данныя соборныхъ постановленій: Отцы стоглаваго собора жалуются, что въ монастыри стригутся «покоя ради тѣлеснаго, чтобы всегда бражничать». Въ монастыряхъ вмѣстѣ съ монахами «живутъ міряне, съ женами и съ дѣтьми; а въ которомъ монастырѣ живутъ черницы—ино въ томъ же монастырѣ живутъ и міряне—холостые и съ женами... Въ другихъ монастыряхъ чернецы и черницы живутъ вмѣстѣ»³¹). «Во всѣхъ монастырѣхъ—пьянственное питіе безмѣрное, среди игуменовъ, чернецовъ и мірскихъ поповъ»... «Архимандриты и игумены власти докупаются, чтобы быть имъ во властѣхъ, а службы божественныя и трапезы и братства не знаютъ; покоють себя въ кельи съ гостями, да племянниковъ своихъ вмѣщаютъ въ монастырь и доволятъ ихъ всѣмъ монастырскимъ; тоже дѣлается и по монастырскимъ селамъ.. А братія—бѣдны, алчны, жадны и всячески непокойны и всякими нуждами одержимы: весь покой монастырскій и богатство и всякое изобиліе во властѣхъ... По кельямъ индѣ женки и дѣвки небрежно (не скрываясь) приходятъ, а ребята молодые по всѣмъ кельямъ живутъ невозбранно, и по селамъ и по міру всюду ѣздятъ съ чернецы безъ зазору»... Другіе чернецы и черницы совсѣмъ не хотятъ жить въ монастырѣ —

³¹) Еще въ 1410 году м. Фотій писалъ: «А въ которомъ монастырѣ черницы, тутъ бы черницы не были, но черницы жили бы себѣ въ монастырѣ, а черницы бы себѣ въ опришнѣмъ монастырѣ» (— Пам. древнр. кан. пр., № 33); то же постановленіе дѣлаетъ и московскій соборъ 1503 года (Преосв. Макарій, VII, 83). Но мужско-женскіе монастыри встрѣчаются и послѣ стоглаваго собора. (— Преосв. Макарій, VII, 84).

«волочатся по міру, скитаются по городамъ, улицамъ, дворамъ, и деревнямъ, и не знаютъ, что словоеть монастырь...». Масса иноковъ и инокинь «бродятъ по міру съ иконами, собирая на сооруженіе церквей и обителей, просятъ милостыни на торжищахъ и улицахъ, — чему дивились иноземцы».. А были и такіе: «старецъ въ лѣсу келью поставить и церковь срубить, да и пойдетъ по міру съ иконой, — просить на сооруженіе... земли и руги просить, а что собравъ, то пропѣеть»³²⁾... Интересы бродившихъ «по городамъ, по улицамъ, по дворамъ и деревнямъ» иночествующей массы, а также и большинства жившихъ въ самыхъ монастыряхъ, были такимъ образомъ весьма разнообразны; но всё эти интересы, какъ видимъ, мало клонились къ заботамъ о духовномъ просвѣщеніи «бѣдныхъ селянъ». Да и вообще «учительство», повидимому, не было въ нравахъ русскаго монашества³³⁾; въ одномъ русскомъ «поученіи инокомъ» XIV вѣка даже прямо говорится: «книгамъ не учи»³⁴⁾... Тѣмъ меньше могла способствовать поднятію умственнаго и нравственнаго развитія народа масса «лжемонаховъ, обходящихъ и обтекающихъ все», «прошачковъ, безстыдно у дверей пребывающихъ», — хотя ими «отягчались вся грады и веси»...

Приходское духовенство и бродившее иночество являясь и сами по себѣ вообще довольно относительнымъ источникомъ просвѣщенія массы, — вмѣстѣ съ этимъ парализовали духовно-просвѣтительное вліяніе и того основнаго источника христіанскаго развитія страны, «служителями» котораго они были. Церковь, церковное богослуженіе не могло, конечно, замѣнить для народа начальныхъ училищъ. «Богослу-

³²⁾ Стоглавъ, гл. V. — Преосв. Макарій, — VII, стр. 90—103.

³³⁾ Голубинскій: Ист. Р. Ц., I, пол. 2, стр. 612—620.

³⁴⁾ Дух. Вѣстн., 1862, I, 160 («Древнерусск. поученія объ иноческой жизни», изд. Невоструевымъ).

женіе, совершаемое въ церкви,—не для наученія вѣрѣ невѣдущихъ, а для назиданія вѣдущихъ; не рассчитанное на то, чтобы готовить людей и быть для нихъ начальнымъ христіанскимъ училищемъ, оно напротивъ само требуетъ предварительной подготовленности и предполагаетъ уже приобретенную большую или меньшую наученность»³⁵). Но, къ несчастію, древнерусское церковное богослуженіе въ обыкновенныхъ, заурядныхъ случаяхъ не давало прихожанамъ и того, что можетъ дать богослуженіе: мы видѣли, каковы были его исполнители.. Еще м. Фотій, припомнимъ, писалъ во Псковъ: «Священнической и иноческой чинъ! обрѣтаются въ васъ нѣкоторіи, иже живутъ... на людское соблаженіе, къ церквамъ Божиимъ не пристояще и людей приходящихъ въ церкви соблажниваютъ своимъ небреженіемъ и имя Божіе въ вашемъ небреженіи хулится; и неразумѣваете пространно, что суть храмы божіи»³⁶). Признанія отцовъ столпаго собора (1551), что «попы и церковные причетники въ церкви всегда пьяны и безъ страха стоятъ и бранятся,—бьются и дерутся промежь себя», хлопоты отцовъ собора, чтобы священники и дьяконы «къ церквамъ божіимъ ходили бы и на церковномъ бы пѣніи стояли чинно, а не билися бы... не сквернословили бы, до кровопролитія не билися бы» —слишкомъ печально обрисовываетъ состояніе древнерусскаго церковнаго богослуженія. Поэтому нисколько не удивительны дальнѣйшія замѣчанія собора, что и «міряне зря на ихъ (священниковъ) безчиніе — «также творять», что міряне въ церквахъ божіихъ, въ соборныхъ и приходскихъ, стоятъ безъ страха и въ тафьяхъ и въ шапкахъ и съ посохи, якоже на тор-

³⁵) Проф. Голубинскій: Ист. Р. Ц., I, пол. 2, стр. 722.

³⁶) Пам. древнр. кан. пр., I, № 58, coll. 494—496 (грамота пис. ок. 1431 года). Ср. его же грамоту 1419 года туда же, — ib., I, № 48, col. 412.

жищи или на позорищи или на пиру, или яко въ корчемницы, и говоръ и ропоть и всякое прекословіе и бесѣды и срамныя словесы»... ³⁷⁾ Но не говоря о достоинствѣ отправленія, самое совершеніе церковныхъ службъ было весьма не часто. Отцы того же собора жалуются, что священники небрежны и лѣнны, «совершаютъ службу только черезъ пять-шесть недѣль, даже черезъ полгода, а то и вовсе одинъ разъ въ годъ, на храмовой праздниѣ, хотя годовое содержаніе получаютъ отъ казны исправно, также деньги молебныя, панихидныя, праздничныя, пшеницу на просфиры, воскъ на свѣчи»... Отцы прибавляютъ, что «отъ прежнихъ лѣтъ такъ творится»... — Въ виду всего этого, вполне понятной становится та холодность къ церковному богослуженію, которая очень рано начала обнаруживаться въ народной массѣ. Равнодушіе къ церковному богослуженію заставляетъ уже м. Алексѣя (1354—1378) посвятить этому вопросу цѣлую треть своего «окружнаго посланія къ паствѣ»; говоря о необходимости хожденія въ церковь, о важности церковной молитвы, митрополитъ пишетъ: «къ церковной службѣ будьте поспѣшны.. Не говорите: отпоемъ себѣ дома. Такая молитва не можетъ имѣть никакого успѣха безъ церковной молитвы. Какъ хранина безъ огня отъ одного дыма не можетъ согрѣться, такъ и та молитва безъ церковной. Церковь именуется земнымъ небомъ» ³⁸⁾.

Кромѣ этихъ, такъ сказать формальныхъ и общедоступныхъ средствъ, для духовнаго просвѣщенія въ древней Руси

³⁷⁾ Стоглавъ, гл. V, вопр. 22. Еще раньше арх. Геннадій жалуется: «Мнози въ церковь Божию входяще не яко скверну грѣховную омыють, но больше себѣ осужденіе исходатайствуютъ, и вмѣсто еже бы съ страхомъ стояти... — они о житейскихъ бесѣдахъ упражняющеся, шепты творяще, съ мѣста на мѣсто преходяще...» — Пам. древнер. ван. пр., I, № 119, col. 816.

³⁸⁾ Преосв. Макарій, — V, 158.

было еще одно средство, доступное лишь для весьма немногихъ — «книжное почитаніе», самостоятельное чтеніе книгъ. Средство это, конечно, было самымъ существеннымъ и важнымъ; но и оно давало не всегда то, что должно бы было давать. Не говоря о томъ, что средство это, при отсутствіи школь, грамотности и общей ея малораспространенности, могло быть доступно, повторяемъ, лишь для отдѣльныхъ единицъ, для самаго ничтожнаго сравнительно меньшинства, — «книжное почитаніе» для древне-русскаго читателя и само по себѣ представляло нѣкоторыя неудобства. Оно вводило грамотника въ обширный кругъ древне-русской письменности, но оставляло его совершенно безпомощнымъ передъ той хаотичностью письменнаго матеріала, съ которой прежде всего сталкивался древне-русскій читатель.

Овладевши «грамотной хитростью», русскій человекъ прежде всего не могъ съ должнымъ успѣхомъ воспользоваться ею для ознакомленія съ книгами самыми важными для духовнаго чтенія — съ книгами библейскими.

Въ русской письменности до самаго конца XV вѣка не существовало канона библейскихъ книгъ; библейскія книги, какъ и всякія другія книги, предлагались древне-русскому читателю въ болѣе или менѣе хаотическихъ сборникахъ — вмѣстѣ и рядомъ съ сочиненіями патристическими, нравственно-аскетическими (патерики, житія святыхъ), а иногда и съ сочиненіями прямо апокрифическими или свѣтскаго характера. Одна рукопись XV вѣка Моск. Рум. Музея, сборникъ библейскихъ книгъ изъ собранія Ундольскаго (по его нумераціи № 1) можетъ быть типичнымъ образчикомъ древне-русскаго библейскаго канона. Здѣсь сначала идутъ первыя библейскія книги, съ Бытія до Притчей Соломона включительно, — т.-е. Книга Бытія, Исходъ, Левитъ, Числь, Второзаконія, Книга Ис. Навина, Судей, Руевъ, Четыре книги Царствъ, Есѣиръ, Пѣснь Пѣсней, Экклезиастъ, Притчи Соломона; затѣмъ отрывки изъ книги

премудрости Соломона; далѣе — отрывки хронографа, за которыми читаемъ: Житіе и жизнь и дѣянія... Александра царя Македонскаго—Александрія... Послѣ новыхъ отрывковъ изъ хронографа, слѣдуетъ Послѣднее видѣніе пророка Даниила,—если и Даниила, то во всякомъ случаѣ не пророка: статья чисто апокрифическая. Далѣе—выписки изъ Патерика, отрывокъ слова Іоанна Златоустаго, наконецъ—Апокалипсисъ Іоанна Богослова, весь сполна. Затѣмъ — новые отрывки, и за ними Пѣснь Пѣсней, вся сполна, но уже въ другомъ переводѣ, чѣмъ какой помѣщенъ выше, въ числѣ первыхъ библейскихъ книгъ. Затѣмъ—новые отрывки и замѣтки самаго разнообразнаго содержанія ³⁹⁾ до конца рукописи... ⁴⁰⁾. Ориентироваться среди этого письменнаго хаоса, выдѣлить чистый библейскій текстъ изъ массы другихъ сочиненій, очистить его отъ разнообразныхъ вставокъ и дополненій, которыя тамъ тѣсно съ нимъ сплетались—было слишкомъ трудно немудрому древнерусскому грамотнику.

Что касается до сочиненій патристическихъ, преобладавшихъ въ древнерусской письменности и составлявшихъ

³⁹⁾ Въ родѣ напр. замѣтки «о пророцѣхъ и пророчицѣхъ»: статейка представляетъ хронологическій перечень ветхозавѣтныхъ пророковъ и пророчицъ; авторъ насчитываетъ 73 пророка и 9 пророчицъ, — между пророчицами послѣдней огазывается «святая Марія Богородица...».

⁴⁰⁾ Славянорус. Рук. Ундольскаго. М., 1870, стр. 1—9. Составъ указаннаго сборника библейскихъ книгъ вовсе не исключительный. Такъ напр. въ другомъ сборникѣ библ. книгъ, нач. XV вѣка, къ дѣйствительно библейскимъ книгамъ присоединенъ Менаандръ, — См. Сольскій: Изученіе и употребленіе Библии въ Россіи. Прав. Обзор., 1868, № 11, стр. 268—269; въ третьемъ библейскомъ сборникѣ къ видѣніямъ пр. Даниила присоединяется «видѣніе (неизвѣстно чье) о взятіи Царяграда Турками», — Востоковъ. Опис. Рум. Муз., 37. Съ другой стороны, нѣкоторыхъ библейскихъ книгъ, повидимому, вовсе не существовало въ древнерусской письменности (Преосв. Макарій: VII, 180).

главный матеріалъ «почитанія книжнаго», то чтеніе ихъ хотя и было главнымъ средствомъ къ распространенію христіанскаго просвѣщенія въ книжной средѣ, тѣмъ не менѣе приносило пользу особаго рода, и вообще довольно относительную: «поученія для древняго времени и для страны другой — замѣчаетъ преосв. Филаретъ — не могли рѣшать всѣхъ сомнѣній новаго времени и земли русской» ⁴¹⁾). Кромѣ того, самый языкъ отеческихъ твореній, какъ переводныхъ, часто былъ вовсе непонятенъ русскимъ. Это обстоятельство уже съ XIII вѣка ⁴²⁾ вызываетъ у насъ появленіе особаго рода словарей — «толкованій неудобъ познаваемымъ въ писаніи рѣчемъ». «Бога ради, не отрини отъ себе, не скрый пользы, рцы, како спастися? — умоляютъ крылошане (люди духовнаго званія) Зиновія Отенскаго: «мнѣ же удивльшуся, замѣчаетъ послѣдній, рѣхъ къ нимъ: повѣдасте себе, яко крылошане есте; убо присно почитаете писанія священная, повѣдающая всякому хотящему спастися. — Они же рѣша: «Книги писаны закрыто. Отечественное ученіе закрыто, и того ради отеческое ученіе прочитати не полезно»... ⁴³⁾).

Ко всему этому не надо забывать, что «грамотная хитрость», давая древнерусскому читателю доступъ къ книгамъ библейскимъ, къ твореніямъ св. отцевъ и вообще къ духовно-нравственному чтенію, — вмѣстѣ съ этимъ открывала предъ нимъ и громадный отдѣлъ современной письменности иного

⁴¹⁾ Преосв. Филаретъ: Ист. Рус. Церкви, III, 100.

⁴²⁾ Проф. Николаевскій: Рус. проп. XV—XVI вв. Журн. М. Н. Пр., 1868, № 2, стр. 379.

⁴³⁾ Истины Показаніе (Казань, 1863), стр. 12—13. — Ср. слова автора «Статира»: «Божественнаго Златоуста Бесѣды и правоученія на Евангеліе и на Павловы посланія и на Дѣянія св. Апостоль — говорить онъ въ предисловіи къ своему «Статиру» — зѣло не вразумительны не точію слышащимъ, но и чтущимъ; вельми бо препросты страны сея жители, — не точію отъ мірянъ, но и отъ священникъ иностраннымъ языкомъ тая Златоустаго писанія нарицахуся...».

рода — отдѣль книгъ «отреченныхъ», «ложныхъ». Масса апокрифическихъ сочиненій, перейдя въ нашу письменность на самыхъ первыхъ порахъ ⁴⁴⁾, — переписывалась и читалась обыкновенно рядомъ и вмѣстѣ съ книгами «истинными». Крайняя хаотичность статей «о книгахъ истинныхъ и ложныхъ», «о книгахъ ихъ же подобаетъ чести и внимати и ихъ же ни чести ни внимати не подобаетъ», — статей, которыя должны были служить современному читателю аriadниною нитью въ лабиринтѣ древнерусской письменности, наглядно показываетъ, какъ трудно было древнерусскому книжнику разобратся среди тѣхъ и другихъ. Апокрифическій элементъ читавшейся письменности, неотдѣлимо-органически переплетаясь съ элементами библейскимъ, патристическимъ, аскетическо-легендарнымъ — часто совершенно парализовалъ общій результатъ чтенія, посѣля въ головѣ читателя лишь хаосъ разнообразныхъ свѣдѣній и низводя и истинныя познанія на уровень народной легенды.

Такимъ образомъ, при отсутствіи общаго просвѣщенія и «почитаніе книжное» не могло оказывать всей своей благотѣльности. Оно приводило «весьма преепростыхъ» древнерусскихъ читателей «какъ къ познаніямъ, такъ и къ заблужденіямъ»... ⁴⁵⁾.

Таковы были средства духовнаго просвѣщенія въ древней Руси.

Средствамъ вполне соответствовали и полученные результаты.

⁴⁴⁾ Библиографическія указанія о нашихъ первыхъ апокрифахъ см.: Проф. Голубинскій: Ист. Р. Ц., т. I, пол. 1, стр. 756—757.

⁴⁵⁾ Преосв. Макарій, — VII, 123; V, 255; VIII, 310. Ср. Шаповъ: Рус. расколъ старообрядства, стр. 444—461. Вспомнимъ рассказъ Печерскаго Патерика о зачитавшемся Никитѣ затворникѣ, а также о возникшемъ позднѣе, къ концу XV—нач. XVI вѣка, въ средѣ «мнящихся быти учителя» — мнѣніи, что чтеніе книгъ ведетъ только къ помраченію ума.

Характеръ умственно-религіозной жизни русскаго народа — конца XV — начала XVI вѣка — въ различныхъ общественныхъ слояхъ былъ довольно различенъ. Мы отмѣтимъ господствовавшія черты умственно-религіознаго теченія на трехъ главныхъ пунктахъ общественной жизни возникшаго Московскаго Государства, — въ низшей народной массѣ, — въ томъ болѣе или менѣе развитомъ (сравнительно) неграмотномъ большинствѣ, которое стояло надъ этою массой и которое представляло собою тогдашнее общество, и наконецъ — въ грамотной книжной средѣ, въ средѣ тѣхъ людей, которые заключали въ себѣ всю умственную силу страны и были руководителями послѣдней въ ея умственно-религіозномъ развитіи.

Святителями духовнаго просвѣщенія въ народной массѣ были сельскіе пастыри. При той степени умственнаго и религіознаго развитія, на которой стояли и сами руководители и о которой можно составить себѣ приблизительное понятіе по вышеприведеннымъ историческимъ даннымъ, — народная масса въ своемъ духовномъ просвѣщеніи уйти далеко, конечно, не могла... Самой лучшей формой проявленія религіозно-нравственныхъ понятій низшей массы народа была внѣшняя набожность, внѣшне-обрядовая религіозность. Народъ ходилъ въ церковь, клалъ поклоны, соблюдалъ посты, любилъ путешествовать по святымъ мѣстамъ, почиталъ иконы, особенно чудотворныя, кресты, храмы... Лѣтописный рассказъ о Лукѣ Колоцкомъ чрезвычайно ярко рисуетъ этотъ господствовавшій характеръ народной набожности ⁴⁶⁾. Но внѣшняя религіозность была,

⁴⁶⁾ Сказаніе о Лукѣ Колоцкомъ интересно во многихъ отношеніяхъ, и мы позволяемъ себѣ привести его здѣсь. «Того (1413) лѣта, рассказываетъ лѣтописецъ, отъ Можайска за 15 верстъ, въ вотчинѣ кн. Андрея Дмитриевича, внука Иванова, правнука Иванова жъ, прапра-внука Данила Московскаго, — явился знаменіе въ Колочи: нѣкій чело-

повидимому, весьма не глубока въ народной массѣ. Примѣръ того же Луки Колоцкого показываетъ, что люди той же самой массы, которая съ такимъ почетомъ и усердіемъ встрѣчала и провожала новоявленную чудотворную икону, — при другихъ случаяхъ не отказывались сдѣлать изъ этой же иконы доход-

вѣкъ, именемъ Лука, простыхъ людей, ратаевъ, убогихъ послѣдній, въ нищетѣ сый, на нѣкоемъ древѣ, въ нѣкоемъ мѣстѣ, найде икону Пречистыя Богородицы, держаще на рукѣхъ Младенецъ, Господа нашего Іисуса Христа; съ единыя страны иконы тоя, на затворцѣ—Никола Чудотворецъ, а съ другую—Илья Пророкъ. И вземъ цѣлова съ вѣрою мноюю, и постави ея у нивы своея, на мѣстѣ простѣ, на древѣ. И приде инъ нѣкій человекъ и взя ю у него, Лука жъ умоли его, давъ ему хлѣбъ овсянъ, и взя еъ себѣ пакы икону, и поиде съ нею въ домъ свой. И бысть въ дому его разслабленъ человекъ лежа много лѣтъ; Лука жъ показа ему икону, и како найде ю, повѣда ему вся; человекъ же онъ разслабленный удивися и моляше Луку, да принесеть ему икону тую. Лука жъ принесе ему; разслабленный-жъ приложи чело, очи и устнѣ ко святѣй иконѣ Божія Матери, — и въ той часъ вста весь здравъ, яко же никогда же болѣвъ. И сіе слышано бысть ото всѣхъ тамо живущихъ, и стекошася мнози и принесоша болящія и недужныя, — и вси здрави быша. И начаша приносить отъвсюду людей множество, приносяще недужныя и разслабленныя и изцѣлѣвахуся, и чудеса многа и безчисленныя бываху. И начаша чтити Луку вси людие, яко жъ пророка или апостола его имѣяху въ великой чти и славѣ. Лука жъ поиде со иконою изъ Колочи ко граду Можайску, и яко же приближися ко граду, и изыде во срѣтеніе князь Андрей Дмитриевичъ съ бояры своими и весь градъ, отъ великихъ и до малыхъ, даже и до сущихъ млеко, и быша знаменія и чудеса многа отъ иконы Божія Матери. Тамъ оттуду поиде Лука со иконою къ Москвѣ, и срѣтоша ея со кресты митрополить со епископы и со всѣмъ священнымъ соборомъ, таеожъ и князи и княгини и съ дѣтьми своими, и бояре и воеводы и вси вельможи и все православное христіанское множество. И быша чудеса безчисленно многа: слѣпшіи прозираху, хроміи хождаху, глушіи слыпаху, и во всякомъ недузѣ сущіи здрави бываху, и что много глаголати: елико не можетъ умъ человекъ изрещи непрестанно тогда бываемыхъ тмы тмами безчисленныхъ неизреченныхъ чудесъ. И хожаше Лука изъ града во градъ со иконою Божія

ную статью. Но что всего важнѣе, тотъ же рассказъ обнаруживаетъ передъ нами одну весьма существенную черту въ религиозномъ міровоззрѣніи народа — крайнюю религиозную легковѣрность народной массы, легковѣрность, съ которой и Луку Колоцкого «начаша чтити яко пророка и апостола».

Матери, и вездѣ чудеса безчисленна неизреченна бываху отъ иконы Божія Матери, и вси даяху Лукѣ, князи и бояре и вси православніи христіане имѣнія много, въ милостыню и въ честь и въ дары, и чествоваху Луку яко апостола. Лука жь бысть отнюдь простъ человекъ, яко отъ послѣднихъ поселянъ, но и добродѣтель законную имѣаше въ себѣ. И возвратися павы въ первое мѣсто свое въ Колочу съ чудотворною иконою, и богатства многа и безчисленна собралъ, и постави дворъ свой яко нѣкій князь, — хоромы свѣтлы и велицы и слугъ много собралъ предстоящихъ и предтекущихъ ему отроковъ, много имѣаше во утварѣхъ украшени, и трапеза его много брашенъ имѣаше тучныхъ и драгыхъ и питій благовонныхъ много, и ядѣше и упивашеся съ сущими его служащими, и на ловы ѣзѣше съ ястребы и съ соколы и съ кречеты и псовъ множество имѣаше, медвѣди имѣаше, и сими утѣшашеся. Отъ иконы же Божія Матери чудеса многа бываху; ее же Лука постави въ церви, юже самъ созда, идѣже нынѣ монастырь стоитъ Колочинскій, и приходѣши отъвсюду болящии всякими недуги изцѣлявахуся. Сотвори же ся Лука на прасенъ и безстуденъ. Егда убо ловцы князя Андрея Дмитріевича съ ястребы и съ соколы, повелѣніемъ князя Андрея Дмитріевича, на ловъ выѣзжаху; онъ же сокольниковъ бѣаше и грабѣше, и ястребы и соколы себѣ взимаше, и се не единою, но и многаци, и всегда бываше. Князь Андрей же Дмитріевичъ терпѣаше вся сія, иногда жь и посылаше къ нему, онъ же къ нему жестоко и сурово отвѣщеваше. Князь Андрей же Дмитріевичъ съ смиреніемъ и терпѣніемъ умолчеваше. Тажъ нача и ловчихъ князя Андреевыхъ бити и грабити, и медвѣди и съ ларми взимаше къ себѣ и сими веселяшеся и утѣшашеся. Посемъ же нѣкій жестоць бѣ и ловчій у князя Андрея Дмитріевича, и приготова время и улови медвѣдя вельми зла и люта суща, и повелѣ его вести близъ двора Лукина; Лука жь видѣвъ изъ хоромъ своихъ и выде самъ къ медвѣдю съ служащими его и повелѣ ловчему княжѣ Андрееву у себя пустити его на дворъ. Ловчій же княжѣ Андреевъ лукавство сотвори надъ Лукою: и въ той часъ пусти медвѣдя Лукѣ не отшедшу; и приде медвѣдъ на Луку, и едва отняша Луку отъ медвѣдя, тоцію дыханіе въ ноздрѣхъ имуща. И въ той часъ пригна къ Лукѣ князь

Эта-то религиозная легковѣрность, кажется, больше всего была причиной упомянутой общей неглубокости и шаткости религиозныхъ представленийъ народа. Какъ-бы то ни было, нѣкоторыя историческія данныя заставляютъ думать, что и внѣшняя набожность низшей народной массы была вообще весьма относительной или, по крайней мѣрѣ, носила какой-то особый характеръ. Фактъ, который передаетъ «повѣсть о Евфросинѣ Псковскомъ» — чрезвычайно типиченъ. Повѣсть рассказываетъ, что когда псковской народъ узналъ, что Евфросинъ «двоитъ пресвятую аллилуію» (о всей этой исторіи ниже будетъ рѣчь подробнѣе), то стали оскорблять не только монаховъ, которые приходили изъ Евфросинова монастыря, но и самую церковь, поставленную въ его обители: «Егда кому случится — рассказываетъ авторъ повѣсти — изъ града или во градъ минути путемъ тѣмъ, мимо обители святаго (Евфросина)... паче укоряху преподобнаго и ругахуся ему глаголюще: «на семь мѣстѣ авва еретикъ живеть, и не достоитъ намъ поклонитися церкви его»... И тако людіе мимоградушимъ имъ честный монастырь святаго—ни скударь съ главъ съемлюще церкви»...⁴⁷⁾ Такъ, при общей неглубокости религиозныхъ представленийъ изъ одной крайности быстро переходили въ другую. Изъ конца XIV столѣтія

Андрей Дмитріевичъ и видѣ Луку въ послѣднихъ дышущу, и рече къ нему: почто еси бѣсовское позорище и плесаніе возлюбилъ и пьянству совокупилъся? Како тя Богъ прославилъ своея Матери чудотворною иконою, ты жъ сія ни во что жъ положилъ, но къ бесполезному мірскому житію смель еси?—тако тебѣ и случилось... Онъ же плачася и слезы точа и моляшеса полезное устроить о немъ. Князь Андрей жъ Дмитріевичъ многимъ его безчисленнымъ имѣніемъ на томъ мѣстѣ монастырь постави во имя Пречистыя Богородицы, глаголемый Колоцьскій, и чудотворную икону Божія Матери въ немъ постави, иже чудеса творивъ и до сего дне съ вѣрою приходящимъ. Лука же въ немъ и пострижеса и поживе въ немъ нѣколко лѣтъ въ умилени и во слезахъ, дондеже и престависъ о Господѣ». — Рус. Лѣт. по Никонову Списку, т. V (Спб., 1789), стр. 48—51.

⁴⁷⁾ Пам. Старин. Рус. Литературы, IV, стр. 93.

извѣстенъ и болѣе крупный фактъ. Въ Ростовѣ, при тамошнемъ епископѣ Іаковѣ (1385—1392) явился неизвѣстный еретикъ, нѣкто Маркіанъ, и сталъ проповѣдывать народу, что «иконамъ не нужно кланяться, что иконы—идолы», и т. п.; и что же? — «еретикъ имѣлъ успѣхъ и поколебалъ собою не только простой народъ, но и бояръ и самого князя»... ⁴⁸⁾ Такъ шатка была привязанность даже ко внѣшней сторонѣ религіи! Припомнимъ при этомъ болѣе ранній примѣръ того русскаго инока, который не только перешелъ въ «прелесть лжаго пророка Махмета», но вмѣстѣ съ татарами творилъ христіанамъ великую досаду — «и кресту и святымъ церквамъ ругаяся»... ⁴⁹⁾ При общей неглубокости религиозныхъ понятій, народная масса нерѣдко выказывала и прямое неуваженіе къ церковной святынѣ. «Не смотря на всеобщее господствовавшее тогда уваженіе и любовь къ храмамъ и обителямъ иноковъ — замѣчаетъ преосв. Макарій говоря о состояніи вѣры и нравственности въ Россіи за періодъ монгольскій — бывали примѣры и совершенно противнаго, по крайней мѣрѣ во дни брани и другихъ народныхъ бѣдствій» ⁵⁰⁾. Извѣстія лѣтописей и другіе письменные памятники показываютъ, что «примѣры совершенно противнаго» случались весьма нерѣдко... ⁵¹⁾.

⁴⁸⁾ Преосв. Макарій: Ист. Р. Ц., IV, 247.

⁴⁹⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт., V, 190.

⁵⁰⁾ Преосв. Макарій: V, 264.

⁵¹⁾ Приводимъ нѣсколько данныхъ этого рода. Подъ 1171 годомъ, говоря о взятіи Кіева ратью Андрея Боголюбскаго, лѣтописецъ сообщаетъ: «грабиша два дни весь градъ... и монастыри и Софію и Десятинную Богородицу... и взяша имѣнія множество и церкви обнажиша иконами и книгами и ризами и колоколы изнесоша все, Смольняне же и Суздальцы и Черниговцы и Ольгова дружина, и вся святыня взята бысть» Полн. Собр. Р. Л., II, 100. Нѣсколько позднеѣ, въ 1203 году, при другомъ взятіи Кіева, — «митрополію св. Софію разграбиша, и Десятинную св. Богородицу разграбиша, и монастыри все и иконы одраша, а иныя поимаша, и кресты честныя и сосуды священныя

При крайней слабости и шаткости въ народной массѣ истиннаго религіознаго просвѣщенія, господствовавшей формой религіозныхъ представленій низшаго простаго народа было ре-

и книги — то поимаша все собѣ въ полонѣ...» — Голубинскій: Ист. Р. Ц., I, пол. 2, стр. 760, прим. Въ 1299 году въ Новгородѣ, во время пожара, товаръ, снесенный въ церковь для безопасности, былъ весь разграбленъ и самый сторожъ въ церкви же былъ убитъ... Преосв. Макарій: V, 265. Нѣсколько позднѣе, тамъ же и при тѣхъ же обстоятельствахъ, — «убили въ церквахъ двухъ сторожей, разграбили весь товаръ и много сдѣлали пакости въ самомъ Софійскомъ храмѣ...» — ib., V, 265. Въ 1372 году, при взятіи Торжка, Тверитяне — «иконной круты (иконныхъ окладовъ), сребра много поимаша...; а святыя церкви пожжены суть...» — Полн. Собр. Р. Л., IV, 69. Въ 1393 году «Новгородцы взяша градъ Устюгъ и огнемъ пожгоша и церковь соборную разграбиша, много кузни, злата и сребра поимаша, и иконы ободраша...» — ib., VIII, 63. А черезъ пять лѣтъ, въ 1398 году, «Новгородцы — рассказываетъ Архангельская лѣтопись — пришедше на Устюгъ (во второй разъ) и повоеваша, посады пожгоша, и волости многія повоеваша... у Устюжанъ съ города и съ церквей копейщины просиша, и они имъ не дали. И воеводы Новгородскія на Устюжанъ разгнѣваша, да и церковь соборную Пречистыя пограбиша, а иконы Чудотворныя Одигитріе взяша въ полонѣ, а иныя многи, и несше въ насадъ поставиша, и насадъ отъ берегу не поиде. Единъ Ляпунъ старъ вскочи въ насадъ, и связа икону убрусомъ, и глагола тако: никой полонянинъ не связанъ на чужую землю неидеть. И поидоша прочь, а церковь соборную залгоша... И бысть на нихъ гнѣвъ Божій...» (Соловьевъ, IV, примѣч. 11. Въ 1434 году «в. к. Василій Васильевичъ городъ Галичъ взя и церкви святыя пожже и монастыри...» — Полн. Собр. Р. Л., IV, 208. «Не вѣмы, како васъ нареши, пишетъ м. Іона въ 1452 году вятичамъ: — зоветесь именемъ христіане, а живете дѣлающе злая, горше нечестивыхъ... — церкви Божіи разоряете и грабите вся церковная священная приходія, кузнь, и книги, и колоколы, и вся злая творите...» Пам. древнер. кан. пр., I, № 73, coll. 591—592. «Въ лѣта в. к. Іоанна Васильевича... нѣкій воинъ царева полку, области града Мурома» служить «канонъ полоняныѣ, еже Пречистѣй Богородицѣ Одигитріи, юже (говоритъ онъ священнику, прося отслужить «канонъ») полонихъ въ Новгородской области...» Пам. Стар. Рус. Лит., IV, 181 (Повѣсть о выдропусской иконѣ Богоматери).

лигіозное суевѣріе, замѣнившее теперь старое двоевѣріе и язычество, но еще очень близко граничившее и съ тѣмъ и съ другимъ. Въ дѣлѣ своего общаго христіанскаго развитія, народная масса, конечно, шла не назадъ, а впередъ; но вотъ что мы видимъ даже въ половинѣ XVI вѣка: «Въ великій четвертокъ рано утромъ палать солому и кличуть мертвыхъ. Въ троицыну субботу, по селамъ и по погостамъ, сходятся мужи и жены на жальникахъ (кладбищахъ) и плачуть на гробахъ съ громкимъ воплемъ, а когда начнутъ играть скомоорохи, гудники и перегудники, — переставъ плакать, начинаютъ скакать и плясать, и бить въ ладони и пѣть сатанинскія пѣсни на тѣхъ же кладбищахъ. Въ ночь подъ праздникъ рождества Іоанна Предтечи и на самый праздникъ во весь день и ночь, равно и въ навечеріе Рождества Христова и Крещенья, въ городахъ и селахъ, мужи и жены, отроки и дѣвицы собираются вмѣстѣ, и со всякими скомоорошествами, съ гуслиами и сатанинскими пѣснями, съ плясками и скаканіемъ ходять по улицамъ и по водамъ, предаются различнымъ играмъ и пьянству, и—бываетъ отроковъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе; а подъ конецъ ночи спѣшать къ рѣкѣ съ великимъ крикомъ какъ бѣсные, и умываются водою, и когда начнутъ звонить къ заутрени—отходятъ въ дома свои и падаютъ какъ мертвые отъ великаго клокотанія. Въ Пасхальную недѣлю совершаютъ радуницы и всякое на нихъ бѣснованіе. Въ первый понедѣльникъ Петрова поста ходять по селамъ и по погостамъ, по рѣкамъ и по рощамъ—на игрища, и творять бѣсовскія потѣхи. Когда дѣти родятся въ сорочкахъ, тѣ сорочки приносятъ къ попамъ и велють имъ держать ихъ на престолѣ до шести недѣль. При освященіи церкви приносятъ мыло, и также велють держать его на престолѣ до шести недѣль. По погостамъ и по селамъ ходять ложные пророки, мужики и жонки и дѣвки и старыя бабы, наги и босы и волосы отростивъ п распустя, трясутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ

являются свв. Пятница и Анастасья, и велятъ имъ заповѣдати христіанамъ каноны завѣчвати; они же заповѣдаютъ крестіанамъ въ среду и пятницу ручного дѣла не дѣлати и женамъ не прѣсти и платья не мыти и каменья не разжигати, и иныя заповѣдаютъ богомерзкія дѣла творити...»⁵²⁾, и т. п.

Религіозныя суевѣрія далеко не составляли отличительной особенности «погостовъ и селъ». Это отчасти можно было замѣтить и изъ сейчасъ приведенныхъ извѣстій; но есть и болѣе прямыя указанія. Еще въ 1505 году игумень псковскаго Елеазарова монастыря, старецъ Памфілъ писалъ псковскимъ властямъ: «Есть еще остатокъ непріязни въ семь городѣ (во Псковѣ) и не прекратилась еще здѣсь лесть идольская, празднованіе кумирское. Когда приходитъ великій праздникъ рождества Предтечева, тогда въ эту святую ночь мало не весь городъ взматется и взбѣсится: стучать бубны, голосять сопели, гудуть струны, жены и дѣвы плещуть, пляшуть и поють скверныя пѣсни; тутъ—мужамъ и юношамъ великое прельщеніе и паденіе, женамъ оскверненіе, дѣвамъ растлѣніе. Тогда же выходятъ мушны и женщины, чаровники и чаровницы, бродятъ по лугамъ, болотамъ и дубравамъ, ищутъ смертной травы, чревоотравнаго зелья на пагубу людямъ и скоту, копаютъ коренья на безуміе мужамъ»⁵³⁾. И мы не имѣемъ никакого права считать Псковъ какимъ либо исключеніемъ въ ряду другихъ современныхъ ему русскихъ городовъ. Еще за сто лѣтъ раньше м. Фотій писалъ къ новгородскимъ священникамъ: «учите, чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не принимали, ни узловъ, ни примолвленія, ни зелья, ни вороженья и елика такова»...⁵⁴⁾.

⁵²⁾ Стоглавъ, гл. ХЛІ, вопросы: 2, 3, 17, 21, 23, 24, 25, 26, 27; гл. ХСІІ. Преосв. Макарій, — VIII, 314—315; 342—343.

⁵³⁾ Дополн. къ Актамъ Истор., I, № 22. Соловьевъ; V, 303.

⁵⁴⁾ Пам. древвр. кан. пр., I, № 33, coll. 274 (грамота пис. въ

Если въ массѣ простаго народа внѣшняя набожность хотя и проявлялась иногда очень сильно, но вообще, какъ мы видѣли, была слишкомъ неглубокой, непрочной, то въ людяхъ возвышавшихся надъ массой, составлявшихъ болѣе высшій слой общества, религіозныя понятія, напротивъ, больше всего сосредоточивались на церковной обрядности. Это объяснялось самымъ уровнемъ общаго интеллектуальнаго развитія⁵⁵⁾. Идеи религіи понимались здѣсь исключительно съ одной внѣшней стороны, очень часто даже слишкомъ грубо-матеріальнымъ образомъ, и не оказывали никакого нравственнаго образовательнаго вліянія на самую жизнь. «Душегубцы», «разбойники», «блудники», «прелюбодѣи», «клеветники», «мздоимцы», «кто сироты озлобивъ паче и клятву на ся возставитъ или убійствомъ руцѣ окропивъ или чужая отъять, или свою челядь ранами томить не по силѣ дѣломъ, или судья по мздѣ судяй или рѣзоимецъ гнусный» — не раскаиваясь въ своихъ преступленіяхъ, продолжая ихъ совершать, успокаиваютъ свою совѣсть пожертвованіями въ церковь, «вкладами» въ монастыри⁵⁶⁾. «Аще творимъ прелюбы — говорятъ — милостынею спасемся»⁵⁷⁾. Отнимая у своихъ рабовъ послѣдній кусокъ, заставляя ихъ голодать, — идти къ святому подвижнику и несутъ ему то, что отняли у рабовъ⁵⁸⁾. Люди, которые «жили безъ покаянія и отца духовнаго не держали» — ищутъ душевнаго спасенія въ «приношеніяхъ

1410 году). Нѣсколько позднѣе, ок. 1417 года, о томъ же митрополитѣ пишеть и во Псковѣ, — *ib.*, № 34, col. 283.

⁵⁵⁾ См. относящіяся сюда соображенія въ «Ист. Рус. Церкви» Проф. Голубинскаго, — т. I, пол. 2, стр. 763—765.

⁵⁶⁾ Пам. древнр. кан. пр., I, № 134, col. 924; Прав. Соб., 1861, I, 195.—196 (приводятся выдержки изъ нѣкоторыхъ русскихъ поученій конца XV вѣка); Акты Истр., I, № 109.

⁵⁷⁾ Измарагдъ 1518 года Моск. Синод. Библ., № 230, л. 132 об.

⁵⁸⁾ Соловьевъ, Ист. Рос., IV, 318. (Изд. 3-е).

къ церквамъ»⁵⁹). Строять усердно церкви, но строить «не Бога ради, но тщеславія ради и гордости и женъ своихъ ради»⁶⁰). Нравственныя и религіозныя идеи воспринимаются чисто матеріальнымъ образомъ; и то и другое очень нерѣдко, особенно людьми богатыми, сводится къ вопросу: «сколько нужно литургій отслужить для избавленія отъ грѣховъ и на какъ продолжительное время»⁶¹)? Нѣкоторые заранѣе, при жизни, заказываютъ по себѣ сорокоусты⁶²); другіе, заботясь всю жизнь совершенно объ иномъ, только передъ смертью начинаютъ «строить душу»,—дѣлаютъ вклады по церквамъ и монастырямъ прося о себѣ молитвъ⁶³). Въ нѣкоторыхъ памятникахъ древнерусской письменности иногда встрѣчаются рѣзкія нападки на такое узко-матеріальное пониманіе религіозно-нравственныхъ обязанностей человѣка. Въ другомъ мѣстѣ мы приведемъ нѣсколько такого рода обличеній; здѣсь замѣтимъ только, что обличенія немногихъ лучшихъ людей оставались совершенно тщетными. Идеи этихъ людей не могли привиться къ слушателямъ: для этого нужна была болѣе высокая степень общаго духовнаго развитія, а главнѣе всего—болѣе частыя обличенія. Правила о томъ, когда что ѣсть, сколько въ какой день власть поклоновъ, поясныхъ и земныхъ—были для боль-

⁵⁹) Пам. древнр. кан. пр., I, № 48, coll. 409—410 (Грамота 1419 года).

⁶⁰) Стоглавъ, гл. LXXXIV,

⁶¹) Востокъ: Опис. Рум. Муз., 306.

⁶²) Пам. Стар. Рус. Лнт., IV, стр. 217 (Слово о томъ, яко не подобаетъ помнати себе за упокой, въ животъ сущу, ни въ просфирѣ, ни въ кутіи, ни третинъ, ни девятинъ, ни четьредесятинъ, но аще хоцещи помощи души своей, то покаяніемъ и любовію, милостынею, поклономъ, молитвою и прочими добрыми дѣлы). Ср.: въ Уставѣ м. Георгія,—Голубинскій, I, 1, стр. 516.

⁶³) См. напр. Выписку изъ обиходника Волок. Іосиф. мон. конца XVI вѣка, о дачахъ въ него для поминовенія по умершимъ.—Чтенія Общ. Ист. и Др. Рос.; ср. Посланіе Іосифа Вол. къ князю Голениной,—Хрущовъ: Изслѣд. о соч. Іос. Савина, стр. 255 sqq.

шинства понятіе и проще; къ тому же (какъ сейчасъ увидимъ) и слышать наставленія именно этого рода приходилось гораздо чаще. Какъ бы то ни было, въ силу господствовавшихъ обстоятельствъ, мертвое, внѣшне-обрядовое пониманіе религіи въ русскомъ обществѣ, являясь таковымъ уже на самыхъ первыхъ порахъ, — въ XI—XII вв. ⁶⁴⁾, съ вѣками не только не ослабѣвало, но еще болѣе укоренялось и упрочивалось, дѣлаясь — въ силу традиціи — вѣрою отцовъ и дѣдовъ; уже къ половинѣ XV вѣка вполнѣ формулируется идея «древняго благочестія», — «сіяя которымъ въ поднебеснѣй, богопросвѣщенная Русская земля веселится». Къ половинѣ XVI вѣка крайняя привязанность къ одной наружной сторонѣ религіи достигла такой степени, какой «никогда не достигала у насъ прежде» ⁶⁵⁾.

Въ это время судьба бросила въ Московское Государство Максима Грека. Его, какъ свѣжаго человѣка ⁶⁶⁾, конечно, не могло не поразить такое направленіе религіозной жизни. Съ грозными словами обличенія обращается онъ къ людямъ «живущимъ во грѣсѣхъ неотступно, а каноны всякими и молитвами преподобныхъ молящимся къ Богу по вся дни, надѣющимся спасеніе получить» ⁶⁷⁾, — «къ лихоимцамъ и сквернымъ, всякія злобы исполненнымъ, а каноны всякими и различными пѣснями угождати чающимъ»... ⁶⁸⁾. Смѣло обличаетъ тѣхъ постниковъ, которые «обрекаются не ясти мяса въ понедѣльникъ, будто спасенія ради бдльшаго, а на винитіи сидятъ весь день, ищутъ въ тыя дни, гдѣ братчины, гдѣ пированіе, и упиваются до пьянства и безчинствуютъ вся-

⁶⁴⁾ См. напр. у Преосв. Макарія: II, стр. 306—307.

⁶⁵⁾ Преосв. Макарій: VIII, 330.

⁶⁶⁾ Во внѣшнемъ пониманіи религіи сами Греки никогда не доходили до такихъ крайностей, до какой дошли у насъ въ XVI вѣкѣ, — Голубинскій: Ист. Р. Ц., I, пол. 2, стр. 771.

⁶⁷⁾ Сочин. Максима Грека, II, стр. 213 sqq.

⁶⁸⁾ Сочин. II, 241 sqq.

кимъ безчиніемъ»... ⁶⁹⁾ «Что отвѣщаемъ мы, смиренніи—съ горестью обращается онъ къ своимъ новымъ соотечественникамъ—иже всю надежду спасенія нашего полагаемъ въ единомъ лишеніи мясъ и рыбъ и елея во времена священныхъ постъ, —а еже обидѣти и лихоимствоватьи бѣдныя подручники и въ судищи влачити ихъ и враждебнѣ ихъ ратовати и озлобляти различнѣ не престаемъ?!» ⁷⁰⁾ «Тогда мнѣ—говоритъ къ лихоимцамъ Божія Матерь— еже отъ тебе частѣ пѣваемое: «радуйся!» благопріятно будетъ, егда увижу тя дѣломъ совершающа моего Рождества (Родившагося отъ меня) заповѣди и отступивша всякія вкупѣ злобы... — ихъ же дондеже держипися и бѣдно живущихъ убогихъ кровьми веселяся, — сугубыми росты и трудовъ безчисленными нуждами несытно ихъ испивая мозги»... ⁷¹⁾ «Вы наипаче прогнѣвасте моя утробы—говоритъ къ русскимъ современникамъ Максима Господь—доброгласныхъ пѣній и колоколовъ шумъ предлагающе Мнѣ, и многоцѣнное иконъ украшеніе и различныхъ муръ благоуханія... Отъ неправедныхъ и богомерзкихъ лихвъ, лихоиманія и хищенія чужихъ имѣній сія приносите Мнѣ... Не доброшумныхъ колоколовъ и пѣснопѣній и многоцѣнныхъ муръ требуя, о челоуѣцы, снидохъ на землю и во зракъ вашъ облекохся, но желая презѣльнѣ вашему спасенію... да приведу васъ къ Богу житіемъ честнымъ и нравы равноангельскими. Сего ради и въ книгахъ спасительныхъ заповѣди, поученія и наказанія Моя повелѣхъ вписати, да можете вѣдѣти, како подобаетъ вамъ угодити Мнѣ. Вы же книгу Моихъ словесъ внутрьду и внѣду зѣло обильно украшаете серебромъ и златомъ, силу же написанныхъ въ ней Моихъ велѣній ниже приѣмлете, ниже

⁶⁹⁾ Сочин. II, 218 sqq.

⁷⁰⁾ Сочин. II, 161 sqq.

⁷¹⁾ Сочин. II, 241 — 243 sqq.

исполнити хотяше, паче же сопротивно, или же дѣете ложна и суетна сія обличаете»...⁷²⁾).

Но всякія обличенія были напрасны: характеръ религіозной жизни большинства оставался прежнимъ. «Усердно соблюдали посты, праздники и другія постановленія церкви, много молились и въ домахъ своихъ и въ храмахъ Божіихъ, служили акаенсты, молебны, участвовали въ крестныхъ ходахъ, ходили по богомольямъ, подавали милостыню, дѣлали пожертвованія на церкви и монастыри, старались вообще расположить жизнь свою по церковному уставу, и думали, что уже исполнили свой христіанскій долгъ, угодили Богу; а о внутреннемъ благочестіи, обузданіи страстей, обновленіи сердца, усвоеніи духа христіанской любви—вовсе не заботились. Это было благочестіе по преимуществу внѣшнее, обрядовое, фари́сейское. Оно было распространено и глубоко чтилось во всѣхъ слояхъ нашего общества, между тѣмъ какъ тамъ же господствовали самые тяжкіе пороки и почти совершенная безнравственность»...⁷³⁾).

Высшей умственной силой страны былъ грамотный, книжный слой общества.

Древне-русскій «книжный» человѣкъ, имѣя доступъ къ высшему источнику духовнаго просвѣщенія—«книжному почитанію»—этимъ самымъ рѣзко выдѣлялся изъ остальной неграмотной массы. Въ глазахъ послѣдней книжный человѣкъ былъ—«человѣкъ разумный», который могъ «пользовати» и котораго «пригоже было спрашивати» въ разныхъ затруднительныхъ случаяхъ, особенно по дѣламъ вѣры и религіозности. И лучшіе люди книжной среды дѣйствительно старались «пользовати»...

⁷²⁾ Сочин., II, 261—262, 264—266.

⁷³⁾ Преосв. Макарій: Ист. Рус. Ц., VIII, 332—333.

Среди полного господства мертво-обрядовой, грубо-материальной религиозности, мы слышимъ раздающіеся изрѣдка голоса, которые рѣзко встаютъ противъ общаго теченія и требуютъ болѣе духовнаго пониманія религиозныхъ и нравственныхъ обязанностей человѣка. Самая рѣзкость ихъ тона объяснялась рѣзкостью другой, противоположной... «Милостыню далъ еси убогому, о богатый!—говоритъ неизвѣстный русскій проповѣдникъ XIV вѣка—добрѣ сътвори. Но идѣ раби твои, пасуще стада воловъ твоихъ, потравиша ниву худыхъ (бѣдныхъ) сусѣдъ твоихъ, ихъ же ты прилучи злымъ томленіемъ и казнями неправедными въ работу собѣ. Да лучше бы ти, безумне, помилovati домочадца своя, — да не скорбяще ходять и остатися (удерживаться) отъ насилія и томленія, нежели Бога дарити безумно имѣніемъ, неправдою собраннымъ»... ⁷⁴⁾ «Кая польза—говоритъ другой—мало яденіемъ тѣло свое сушити, а не покормляти алчныхъ излишними? Кая добродѣтель въ ноши не спя въ теплѣ храмѣ молитися, а обѣдніи (обездоленные) тобою и порабощенные—боси, нази, ранени, голодни—на тя со слезами вошютъ къ Богу! Кая помощь въ таковой мольбѣ? Аще и вся ноши не спя молится—не пріятенъ есть! Кое добротвореніе томити плоть свою и имѣніе скрывать, — вдовицъ и сиротъ немилующе, ни обидивыхъ избавляюще?»... ⁷⁵⁾ «Вжегль еси, о богатый, свѣщи своя въ церкви на свѣтилѣхъ—читаемъ въ одномъ современномъ поученіи—но онъ пріидеть тобою обидимъ, сирота или вдова, воздохнетъ къ Богу на тя—слезами твою погаситъ свѣщу! О лихое лицемѣріе! Лучше бы ти ни обидити, ни грабити, нежели храмъ Божій просвѣщати неправдою собраннымъ воскомъ! Лучше помилуй ихъ же ты обидѣлъ. Се же есть лютость, а не мило-

⁷⁴⁾ Измарагдъ XIV вѣка Моск. Публ. Муз., № 186, л. 97—98.

⁷⁵⁾ Соловецкій Измарагдъ кон. XV в. библ. Каз. Дух. Акад., № 270. Прав. Соб., 1861, I, 182—183. Ср.: Костомаровъ: Сѣвернорус. Народопр., II, 427—428.

стыня: сироть обидѣти, а иныхъ милovati, иные работати (морить работой), а иныхъ надѣляти»... ⁷⁶⁾ «Подобаетъ всякому христіанину—читаемъ въ другомъ «словѣ» того же Измарагда 1518 года—что жити вся разсмотрѣніемъ творити... что бо иже ся постимъ безъ исправленія? Удержаніе ли брашенъ постъ глаголется?.. Ни мало пользы сотворить ны и жестокое воздержаніе отъ брашенъ, а плоды творяще злобныя. И аще бо пепель зоблемъ, а злобяся не останемъ,—не можемъ спастися. Аще бо отъ хлѣба удержимся, а гнѣваемся, завидимъ—то звѣрии есмы подобни: и ти бо не ясть хлѣба, но плоть ясть, яко и мы гнѣвомъ и завистию снѣдаемъ другы и братію свою клеветою. Аще бо воздержатися хочещи отъ мяса и отъ рыбы, то первѣе останися гнѣва и гордости и клеветы и ярости и пьянства и блуженія и всякія злобы.. Аще кто ни пьетъ ни мяса не ясть, а злобы держитъ—таковый и пуще скота есть: скотина бо не ясть мяса ни вина не пьетъ. Аще ли кто есть на голѣй земли леглетъ, а мыслить злое—тако ся хвали: не требуетъ бо постели скоть»... ⁷⁷⁾ «Не яде бо не пія дьяволъ—замѣчается въ той же рукописи, въ другомъ «словѣ» и по другому поводу—но спаде долу, а Павелъ (апостоль) и яде и пія, но възиде на небо»... ⁷⁸⁾ «Вся создавый Богъ—читаемъ въ «словѣ о филипновѣ постѣ, еже предъ Рождествомъ Христовымъ»—что же требуетъ отъ насъ? Подаянія ли ятъ? и намъ всѣмъ нескудно подаетъ. Пѣнія ли и славы? а поютъ и славятъ Его всегда ангели и архангелы

⁷⁶⁾ Измарагдъ 1518 года Моск. Синод. Библ., № 230, лл. 225—226. Соловец. Измарагдъ кон. XV—нач. XVI в., библ. Каз. Дух. Акад., № 270. Прав. Собес., 1681, I, 186—187.

⁷⁷⁾ Измарагдъ 1518 года Моск. Синод. Библ., № 230, лл. 6—9. Ср. подобный отрывокъ по другой рукописи у Костомарова: Сѣвр. Нардпр., II, 427.

⁷⁸⁾ «Слово святыхъ о пьянствѣ,»—Измарагдъ 1518 года № 230, л. 21.

и вся воинства безплотныхъ. Поклоненія-ли? а покланяются Ему всё небесныя силы со боязнію. Что отъ насъ требуетъ? Но да быхомъ ся спасли правду творяще, — того отъ насъ просить. Да блуда бѣгаемъ и законно пожнвемъ, да любимъ другъ друга, безъ гнѣва мольбы Ему въсылаемъ, отъ насъ милости хочеть къ убогимъ, ко вдовамъ и сиротамъ, хочеть отъ насъ воздержанія, да пьянства злаго уклоняемъ и безъ времени яденія бѣгаемъ; хочеть отъ насъ да быхомъ всегда къ церкви востанливы были; ищеть и того да богатство безгрѣшно держимъ, — злаго же корене всѣмъ грѣхомъ да бѣжимъ еже отъ насилія грабленія собраное богатство съ клятвою или въ пожарѣ грабленое, — то горшее и татьбы есть, вельми за сія злобы гнѣвъ Божій на непокоривыя приходитъ — на рѣзоимца и кленущаяся лжою. О чада, останите насилія и грабленія сиротъ и вдовицъ...» ⁷⁹⁾ Возставая противъ всеобщаго упованія на всесильное могущество «милостыни» и «святыхъ молитвъ» другихъ, — нѣкоторые проповѣдники стараются убѣдить, что «аще человекъ не сотворить, и молитва святыхъ ничто же пользуетъ молящимся святымъ о немъ; аще воздержаются и молятся о немъ, самъ же и объѣдается и упивается или безчинствуетъ — что пользуетъ моленіе ихъ о немъ? Ту бо исполняется реченное: единъ зиждай, другой разоряй»... ⁸⁰⁾ «Князь или богатый — читаемъ въ другой современной рукописи — и въ ересь вошли быша съгрѣшающе и даяли быша за ся, а сами не трудящися и ходити къ церкви лѣнящися, а всегда въ объяденіи и въ пьянствѣ и во блуженіи пребывающе день и ночь, — то ни на кій успѣхъ такихъ милостыни есть, таковыхъ приносы гнусны есть Богу и скаредни, иже оскорбляютъ вдовицы и насиліе

⁷⁹⁾ Измарагдъ Солов. библ. Каз. Дух. Акад., кон. XV — нач. XVI в., № 270. Прав. Соб., 1859, I, 453—454.

⁸⁰⁾ Костомаровъ: Сѣврвр. Нардпр., II, 433 (рук. XV вѣка).

творятъ сиротамъ»...⁸¹⁾ Слышатся заявленія: «неправдою зиждены церкви, хитростями украшены воими неправдами и порабощеніемъ сиротъ и убогихъ насиліемъ,—скверно еже здати»...⁸²⁾ «Иже богатая церкви приносити, кая се польза? во многихъ бо церквѣхъ собранная или отъ татей украдено или отъ ратникъ или огнемъ сгорѣ; еже церкви утваряти никому не запрещено, а еже убогихъ не миловати—родство огнено обѣщано»...⁸³⁾ Идеямъ нетерпимости и суроваго преслѣдованія стараются противопоставить идеи евангельской любви и кротости: «Господь рече—читаемъ въ одномъ поученіи конца XV вѣка—не осуждайте, да не осуждены будете. Осуждаяй бо брата своего съгрѣшша антихристъ есть (потому что осуждающій противится приведеннымъ словамъ Христа). А размыслите и сами, братіе—продолжаетъ проповѣдникъ—аще кто зло сотворитъ—намъ отвѣта предъ Богомъ не дати за него; но войждо о своихъ грѣсѣхъ отвѣщаемъ»...⁸⁴⁾

Но голоса такіе и подобные, повторяемъ, раздавались въ книжной средѣ очень рѣдко. Господствовавшій типъ «книжнаго человѣка» былъ совершенно другаго рода...

Если самымъ обладаніемъ «грамотной хитрости» древне-русскій грамотный человѣкъ значительно возвышался надъ остальной массой «людей темныхъ», то общее его интеллектуальное развитіе, взятое само по себѣ, продолжало оставаться по прежнему весьма невысокимъ. «Книжное почитаніе» и въ средѣ специально-религіозной могло приносить, какъ мы видѣли, для «вельми препростыхъ» древнерусскихъ читателей результаты

⁸¹⁾ Костомаровъ, ів., II, 430 (рук. XV в.).

⁸²⁾ Костомаровъ, ів., II, 430 (рук. XV в.).

⁸³⁾ Костомаровъ, ів., II, 430 (рук. XVI в.).

⁸⁴⁾ Измарагдъ 1518 года Моск. Син. Библ., № 230, л. 271. Ср.: «Слово еже не осуждати, но миловати съгрѣшающа» — въ Великихъ Минеяхъ Четихъ Магарія, I, стр. 425—426.

двойки: оно могло и «просвѣтить» темныхъ людей, но могло быть и «велиемъ предательствомъ спасенію», поселить въ ихъ головѣ только большій религіозный хаосъ; что же касается до расширенія общаго умственнаго горизонта читателя, то въ этомъ отношеніи древне-русская грамотность давала для большинства еще меньше. Грамотность ео ipso вовсе не обусловливала общеобразовательнаго развитія. Она надѣляла грамотника массой разнообразныхъ частныхъ свѣдѣній, знаній по тому или другому вопросу религіозной сѣры, дѣлала его нерѣдко большимъ начетчикомъ, пожалуй, справочной книгой, но этимъ дѣло обыкновенно, въ большинствѣ случаевъ, и ограничивалось. Масса полученныхъ свѣдѣній не поднимала общаго умственнаго развитія начетчика; она дѣлала содержательнѣе кругъ его религіозныхъ понятій, но оставляла эти понятія на той же интеллектуальной почвѣ. «Я—человѣкъ сельской, говоритъ о себѣ одинъ книжный человекъ конца XV вѣка, —учился буквамъ, а еллинскихъ борзостей не текохъ, а риторскихъ астрономій не читаль, съ мудрыми философы въ бесѣдѣ не бываль, учуся буквамъ благодатнаго закона, дабы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣховъ...»⁸⁵⁾ И въ этихъ словахъ онъ далъ лучшую характеристику нашимъ стариннымъ грамотѣямъ. «Еллинскихъ борзостей» они не проходили, «риторскихъ астрономій» не читали, съ «мудрыми философы» имъ также приходилось бесѣдовать не часто: они учились «буквамъ благодатнаго закона», имъ было доступно одно формальное «почитаніе», къ которому они приступали съ единственной цѣлью — «дабы мощно своя грѣшная душа очистити отъ грѣховъ». Цѣлью чтенія и вообще грамотности всего чаще было то, чтобы на «писаніяхъ» обосновать тотъ характеръ своихъ религіозныхъ представленій и понятій, съ которыми

⁸⁵⁾ Посланіе старца псковскаго Елеазарова монастыря, Филоея, къ дьяку Михаилу Мунехину, —Прав. Соб., 1861, II, 84.

приступали къ чтенію; чаще всего на этой же ступени чтеніе и останавливалось. При чтеніи запасъ религіозныхъ свѣдѣній, конечно, значительно увеличивался, умственные способности совершенствовались, «книжный человѣкъ» приобреталъ особенный складъ рѣчи: онъ начиналъ говорить «высоко», религіозная мысль дѣлалась болѣе эластичной: «книжный человѣкъ» начиналъ рассуждать «по-тонку», но при всемъ этомъ общій интеллектуальный складъ понятій оставался на томъ же, прежнемъ уровнѣ: и владѣя грамотной хитростью, книжный человѣкъ древней Руси чаще всего продолжалъ оставаться на той же степени общаго умственного развитія, на которой стояли и «темные люди», изъ которыхъ онъ выходилъ, по прежнему продолжалъ оставаться «человѣкомъ сельскимъ», человѣкомъ массы...

При такихъ основныхъ условіяхъ, религіозная мысль и въ книжномъ слоѣ древней Руси, въ общей его массѣ, не могла достигнуть большой высоты.

Общее господствующее направленіе ея — церковно-обрядовое. Уже на самыхъ первыхъ порахъ русскій книжный человѣкъ беспокоился вопросами: «Можно ли служить литургію на одной просфирѣ? Если кто, поужинавъ, простоятъ всю ночь на молитвѣ и не успѣетъ соснуть: можно ли ему служить, — можно ли служить не поспавши?... Можно ли въ день воскресный рѣзать скоть или птицу для пищи?... Слѣдуетъ ли глиняному сосуду, при оскверненіи его чѣмъ либо, давать освященіе, или только деревянному?... Въ какой одеждѣ ходить? Можно ли ребенку дать постомъ молока, если онъ будетъ боленъ? Можетъ ли жена своему мужу, а мужъ женѣ помогать въ несеніи епитиміи?» Вмѣстѣ съ этимъ тогда же возникаетъ въ книжной средѣ (а отсюда и въ массѣ) мнѣніе, что «десять литургій избавляютъ отъ епитимьи на четыре мѣсяца, двадцать литургій на восемь мѣсяцевъ, а тридцать — на цѣлый годъ», — хотя другими и отвергается: мнѣніе это — говорятъ

последніе — не можетъ быть принято: иначе «богатые люди, согрѣшая, нанимали бы только служить за себя службы, а сами не мало бы себя не утруждали»...⁸⁶⁾ Подобное направленіе мысли продолжаетъ оставаться господствующимъ и теперь, въ XV—XVI вв., если только еще болѣе не усиливается и укореняется. «Бдучи на конѣ, пѣти ли собѣ (про себя, т.-е. что нибудь духовное)?—спрашиваютъ одни. Богородицынъ хлѣбецъ возьма (вкусивъ)—мытиса ли того дня? Попу своя жена благословити ли рукою?... А къ стоянію звонити ли?... Въ недѣли (по воскреснымъ днямъ) Пятидесятницы до вечерни ясти ли? Къ Воздвиженьеву дни говѣти ли? На Воздвиженьевъ день честнаго креста мяса ясти ли?....»⁸⁷⁾ Другіе «недоумѣются» относительно того, что будетъ съ инокомъ или инокиней на томъ свѣтѣ, «аще кто отъ инокъ или инокиня безъ скимы представится?..»⁸⁸⁾ Соответственно запросамъ, создаются и правила. «Въ говѣнье—читаемъ въ одномъ изъ первыхъ древнерусскихъ каноническихъ памятниковъ—дѣтяти молоду коровьяго молока не ясти: два говѣнья матеръ ссетъ, а во третье не дати ему ясти (т.-е. ни матерняго, ни коровьяго). Въ говѣнье не достоинъ сидѣти нога на ногу вложивше... Чеснокъ достоинъ ясти въ Благовѣщеневъ день и 40 мученикъ.. Аще

⁸⁶⁾ Пам. древнр. кан. пр., I, № 2. Пресов. Макарій, — III, 224—237. (Вопросы Кирика, Саввы и Иліи). Ср.: «Уставъ м. Георгія», — Голубинскій, — I, 1, стр. 509—526; «Поученіе духовника исповѣдающимся», XII—XIII в., — Пам. древнр. кан. пр., I, № 10.

⁸⁷⁾ Пам. древнр. кан. пр., I, № 124 («Вопросъ священническій», рук. XV в.).

⁸⁸⁾ Волокол. Сборникъ XVI в. библ. Моск. Дух. Ак., № 491, лл. 64—67: «Въпрошеніе благовѣрныхъ инокъ княгини Александры о святскомъ постриженіи: аще кто отъ инокъ или инокиня безъ скимы представится...» Но здѣсь собственно отвѣтъ на «въпрошеніе», отвѣтъ принадлежащій иноку волоколамскаго монастыря старцу Фотію, — ср.: Опис. рук. гр. Толстова, II, № 237. Пресов. Филарета, Обзоръ Рус. Дух. Литер., § 134.

кто помочится на востокъ, да поклонится 300.. Попъ аще хо-
щеть литургисати, да не ясть луку преже за единъ день...»⁸⁸⁾
Не подобаетъ—читаемъ въ болѣе позднихъ рукописяхъ,—XV
вѣка,—въ томъ дни, по святомъ причащеніи, въ бани мы-
тися, — вельми се Господемъ запрещено есть... Просфоръ не
достоитъ ясти ни съ млекою, ни съ сыромъ, ни съ рыбами, но
чинно особъ да снѣдятся...⁸⁹⁾ «Цѣловати животворящій крестъ-
даеть наставленіе памятникъ первой половины XVI вѣка — и
св. честныя образы и чудотворныя и многоцѣлебныя мощи, —
по моленіи, перекрестяся, поцѣловати, духъ въ себѣ удержавъ,
и губъ не разѣваючи, губами не плюскати... А благословитъ Богъ кому причаститься божественныхъ Христо-
выхъ тайнъ приемя... губами не сверкати... вкушати бережно,
а зубами просфиры не кусати, яко же прочій хлѣбъ: уломываючи
невелики кусочки, класти въ ротъ, ѣсти губами, а ртомъ не чавкати...»⁹¹⁾ Для «неумѣющихъ грамотъ»
книжными людьми составляются особыя «правила», въ кото-
рыхъ дѣло духовнаго спасенія принимаетъ какой-то странный
ариѳметическій характеръ. Такъ, въ одномъ изъ «правилъ»
читаемъ: «За псалтырю молви 7000 молитвъ: Господи Исусе
Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго! За каѳизму — 300
молитвъ (тѣхъ же). За славу — 100 молитвъ. за завѣтреню
полторы тысячи молитвъ. За часы съ межючасьемъ — пол-
торы тысячи молитвъ. Безъ межючасья — 1000 молитвъ.
За нефимонъ за великій — 500 молитвъ. за малый — 400 мо-
литвъ...»⁹²⁾ Если молитву мірянъ вляли на числа, то молитву

⁸⁸⁾ «Уставъ м. Георгія», — Голубинскій, I, 1, стр. 513, 515, 517, 521.

⁸⁹⁾ Сборникъ XV вѣка Кирилло-Бѣлоз. мон. Библ. С.-Пет. Дух. Ак., — «Опис.» архим. Амфилохія, стр. 14.

⁹¹⁾ Домострой, — Чтенія Общ. Ист. и Др. Рос., 1881, II, стр. 13—14.

⁹²⁾ Волоколамскій Сборникъ XVI в., библ. Моск. Дух. Ак., № 566, лл. 1—2 («Правило неумѣющему грамотъ»). Ср.: Мудрствованіе въ Домо-

инокѡвъ думали сдѣлать совершеннѣе внѣшней строгостью, надзоромъ. Не можемъ не привести изъ Монастырскаго устава пр. Юсифа Волоколамскаго нѣсколькихъ наставленій касательно молитвы монастырскаго братіи, во время общаго церковнаго богослуженія. Когда должно совершаться богослуженіе, двое иноковъ становятся при входѣ въ церковь, близь дверей церковныхъ, ими же «братія входятъ и выходятъ» — «назирати входящихъ и выходящихъ всѣхъ»; двое другихъ—по стѣнамъ церкви, съ правой стороны и съ лѣвой: «и сіи такожде блюдутъ и назираютъ братію, яко да не будетъ ничто же безчинно....; по одному иноку стоять съ той же цѣлью на клиросахъ; трое—въ притворѣ церковномъ, у правой стѣны, у лѣвой и у задней: они «блюдутъ и назираютъ», чтобы стоящая здѣсь братія не разговаривала и не смѣялась во время богослуженія; еще одинъ «назираетъ» за священниками, дьяконами, клирошанами и остальными иноками—«да не входятъ въ жертovníкъ, ни во св. алтарь, егда не служатъ»... Всѣ эти иноки, «и у дверей стоящіи и въ углахъ и въ притворѣхъ и на клиросѣхъ да смотрятъ и блюдутъ — убѣждаетъ преп.

строѣ: «Всякому христіанину всегда четки въ рукахъ держати и молитва Іисусова во устѣхъ непрестанно имѣти, — и въ церкви и въ дому и въ торгу, ходя и стоя и сидя и на всякомъ мѣстѣ... Глаголати же сице. Молви: Господи Іисусе Сыне Божій помилуй мя грѣшнаго. Сице глаголати шестьсотъ молитвъ, а седьмое сто Пречистѣй: Владычице моя, Пречистая Богородица, помилуй мя грѣшнаго. И паки обращатися на первое, и сице глаголати всегда. Аще кто сію молитву, требуя ея, глаголетъ, яко изъ ноздри дыханія, по первомъ лѣтѣ вселится въ него Христосъ сынъ Божій, по второмъ лѣтѣ увидеть въ него Духъ святой, по третьемъ лѣтѣ придетъ къ нему Отецъ, и вшеде въ него, и обитель въ немъ себѣ сотворитъ Пресвятая Троица. Пожретъ молитва сердце и сердце пожретъ молитву, и начнетъ клицати безпрестанно сію молитву день и ночь и будетъ свободъ всѣхъ сѣтей вражнихъ, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ...»—Чтенія Общ. Ист. и Др. Рос., 1881, II, стр. 37.

Іосифъ—единодушно и съ прилежаніемъ, яко Божіи приставницы и строители»... Впрочемъ, это еще не все: во время самаго богослуженія «единъ отъ братіи, ему же повелѣно будетъ, обходить всю церковь и притворы и олтарь и жертвенникъ и смотритъ братію по мѣстамъ»...,—и такой обходъ въ теченіи одной службы долженъ совершаться шесть разъ (въ какіе именно моменты службы—въ уставѣ указывается обстоятельно); въ то же самое время, еще «единъ отъ братіи» наблюдаетъ за тѣми, которые (по причинѣ какой либо монастырской работы) находятся внѣ церкви: «и тако сіа оба брата, единъ убо въ церкви или въ трапезѣ во время пѣнія преводятъ и смотрятъ, второй же вонъ изъ церкви исходитъ или трапезы во время пѣнія»...⁹³⁾—А рядомъ съ этимъ возникаетъ цѣлая наука—како глаголати псалтырь....⁹⁴⁾

Типическимъ представителемъ общаго большинства русскихъ книжныхъ людей XV—XVI в. можетъ быть названъ преп. Іосифъ Волоколамскій, и его четыре посланія къ

⁹³⁾ Великія Минеи-Четии м. Макарія, изд. Археографич. Ком., т. I, сентябрь, ст. 588—590.

⁹⁴⁾ Волоколамскій Сборникъ XVI в. библ. Моск. Дух. Акад., № 511, л. 64: «Смотри разумно, како глаголати Псалтырь. Первое — чисто молвити всякое слово. второе — всякое слово домолвити. третіе — на строкахъ ставитися. четвертое — умомъ разумѣти словеса. что молвити. пятое — пословицы знати. да памятовати. которое слово како молвити. сверху ли голосомъ ударити слово. или прямо молвити и поставити. или снизу почати да кверху поставити. а всякое слово почати духомъ. ясно. чисто. звонко. ровнымъ голосомъ. ни высоко ни низко. ни слабити словомъ. ни на силу кричати. ни тихо ни борзо. а часто отдыхати. и вѣрпо по три или по четыре строки духомъ. а равно строка съ строкою молвити. А весь сей указъ умомъ да языкомъ да гласомъ съдержитися. и вратитися во всякомъ чловѣцѣ. и во всякихъ пословицахъ книжныхъ. а умъ и гласъ и языкъ требуетъ помощи молитвы, и воздержанія и чистоты». — Ср.: въ Рукоп. XVI вѣка библ. Главн. Моск. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, № 438 (Псалтырь Димитрія Герасимова) статью: «Какъ псалмы говорить».

вельможамъ обь епитимьяхъ лучше всего выражаютъ современный характеръ религіозныхъ интересовъ, господствовавшихъ въ книжной средѣ. Приводимъ изъ нихъ большіе отрывки (посланія эти, кажется, еще не напечатаны). «Что ми, господине, прислалъ свою грамоту — пишетъ Іосифъ въ одномъ изъ посланій — а велѣлъ ми еси къ себѣ отписать: какъ поститься, какъ молиться, какъ милостыню творити, да какъ которой святынѣ коснуться въ міру живущимъ. Ино, господине, поститься такъ: держати въ недѣли три дни, понедѣльникъ, среду, пятокъ, ясти сухояденіе, хлѣбъ или колачъ, съ водою или квасомъ, аще ли се невозможно, ино едино вареніе, или два мужа ради безъ масла, аще ли жь случится въ понедѣльникъ, или въ среду, или въ пятокъ, праздникъ Владыченъ, или евангельской, или славословной, тогда разрѣшити на все. А дванадесять дней послѣ Рождества Христова до Крещенія, да недѣля Фарисеева, недѣля Сыропустная, да недѣля по Велицѣ дни, недѣля по Троицынѣ дни, на все разрѣшити, и въ понедѣльникъ и въ среду и пятокъ, и на мясо и на сыры, и на вино, а по нашему обычаю на медъ... А молиться, господине, поклоны класти по 300 на день, а не мочно по 300 на день, класти ино по 200, а ино будетъ не мочно, класти по 100 поклоновъ на день, да по 4 кафизмы Псалтыри на день, кромѣ кануна, да бречи о церковномъ пѣніи (о службѣ). А не класти поклоновъ во всѣ субботы, и въ недѣли, и въ праздники, владычни, и евангельскіе, и славословные, да отъ Рожества Христова до Крещенія, да недѣля Фарисеева, да недѣля Сыропустная, да отъ Велика дня до Петрова заговѣнія. Да коли не бываетъ поклоны, ино приложити къ тѣмъ кафизмамъ 600 молитвъ, или 400. А въ который день постной не мочно будетъ поститься, или молиться, какъ здѣ писано, ино дать милостыня по силѣ за тотъ день. Ино ты человекъ великой, имѣешь у себя живота много. И по моему совѣту, ино бы тебѣ давати хотя мало по гривнѣ на день за тотъ день, а опроче того

давати милостыня по силѣ. Занежь господине. то вашъ путь. тѣмъ и спастися. А коли господине не въ постной день не мощно ти будетъ правила отправить. ино давати милостыня въ полы того. А что еси господине писалъ. которой святынь коснутися. ино господине въ тѣ три годы не причащатися божественнымъ тайнамъ. ни къ дорѣ не ходити. ни Пречистыя хлѣба не имати. а къ иконамъ прикладыватися. а не цѣловати. а водою святою кропитися. а не пити. а просфиры выиманья не ѣсти. а не выиманья ѣсти. А въ великій четвертокъ причащатися св. воды богоявленскія. да и иконы цѣловати. и къ дорѣ ходити. ко всякой святыни. да въ субботу и на Великъ день по томужь... А въ великое говѣнье все такъ держати. опроче субботы и недѣли. аще случитца въ понедѣльникъ. въ среду. и пятокъ. празникъ владычень. ино на квасъ разрѣшати. аще ли празникъ евангельской. или славословный. или всенощной. тогда разрѣшати на масло. а не рыбу»...—Въ другомъ посланіи, писанномъ, вѣроятно, къ другому боярину, пр. Іосифъ пишетъ: «А въ великій постъ на первой недѣли сухо ясти. хлѣбъ. и колачъ. и зелее сурово. капуста. расолъ. квасъ отъ жита. или отъ меду квасъ. во всѣ пять день. Такожъ въ понедѣльникъ и среду и пятокъ и во всю четьредесятницу, а во вторникъ и четвергъ вареніе съ масломъ. и съ медомъ преснымъ. за нужю. А въ субботы и недѣли и икра и потрохи. А на обрѣтеніе главы Предтечевы. и на 40 мученикъ. и на Благовѣщеніе. и въ цвѣтную недѣлю. рыба. а въ великій четвергъ съ масломъ. и икра. и потрохи. А въ пятьдесятницу. въ среду и пятокъ. ясти рыба и икра и потрохи. А въ прочіе три посты. вторники. и четвергъ. и вариво съ масломъ. и съ медомъ преснымъ. а за нужю. и рыба ясти. укоряя себе. яко нетерпѣлива суши. А въ субботы и недѣли рыба ясти. аще случитца въ среду. въ пятокъ празникъ владычень. ино на все разрѣшати... Аще ли особое правило не успѣши исправити. ино въ иной день исправити. или милостыня по силѣ за то дати. аще ли день

случится покоенъ. ино и на иной день впередъ правила за пасти лзя. А не класти поклоновъ по вся субботы. и недѣли... Да такъ держати два года. и въ тѣ два года не причащатися божественнымъ тайнамъ. ни св. дары. а св. иконы и честный крестъ цѣловати. но точію единою въ годъ цѣловати. въ великій четвергъ»... — Повторяютъ же самыя наставленія и въ третьемъ посланіи, пр. Іосифъ прибавляетъ здѣсь между прочимъ: «А отъ Рождества Христова и до Крещенья. да отъ Велика дни да до Петрова Заговѣина. и въ субботы. и въ недѣли. и на владычни праздники. поклоновъ большихъ въ землю не класти. опричь великіе субботы. занежь та суббота постная. А отдержавъ опитемя. ино причащатися на всякой годъ христовымъ тайнамъ. а иконы цѣловати. а къ дорѣ ходити. а въ среду и пятокъ поститися. ясти сухояденіе. или вариво безъ масла. опричь владычныхъ праздниковъ и Пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ. которымъ всенощное. на тѣ праздники рыба ясти. А кто не постится въ среду и пятокъ. таковый равенъ есть Юдеомъ. которые Христа распяша. А урокъ опитемя на колико лѣтъ по разсуженію. каковъ будетъ грѣхъ учинилъ ся. Меньшому грѣху опитемя годъ единъ. а иному два. иному три. а иному четыре. а инымъ пять. а инымъ шесть. а инымъ семь. а великимъ грѣхомъ тяжкимъ 15 и болѣ. а инымъ 12. а инымъ 3. который грѣхъ меньше. ино тому и опитемя меньше. А кто держитъ опитемью крѣпко. да ещо и милостыню даетъ. ино отцы духовные опитемью тому убавливають. А кто пострижется въ чернцы. ино тому съ тѣхъ мѣсть впередъ опитемя нѣтъ...⁹⁵⁾».

⁹⁵⁾ Рукоп. XVI вѣка Имп. Публичной Библиотеки, изъ собранія Гр. Толстова, Q XVII, № 64, лл.: 213 — 217: «Четыре посланія Іосифовы о опитемяхъ къ нѣкимъ вельможамъ въ мірѣ живущимъ къ дѣтемъ его духовнымъ». Четвертое посланіе — букввальное извлеченіе изъ первыхъ трехъ. — Въ Измарагдѣ 1518 года Моск. Синод. Библ.,

Что приведенные памятники вовсе не были какими-либо исключениями въ современной оригинальной письменности, что характеръ ихъ вполне выражаетъ направленіе религіозной мысли, господствовавшее въ книжной средѣ (а вмѣстѣ съ этимъ, какъ мы уже видѣли — и въ общемъ большинствѣ современнаго общества) — лучше всего доказываютъ слѣдующіе историческіе факты. Въ 1455 году ростовскій архіепископъ Θεодосій (сдѣлавшійся впоследствии митрополитомъ и вскорѣ оставившій митрополію) разрѣшилъ въ крещенскій сочельникъ (случившійся въ воскресенье) ѣсть мирянамъ мясо, а монахамъ рыбу и молоко, и самъ ѣлъ; и м. Іона съ соборомъ архіереевъ присудилъ было лишить архіепископа за такой поступокъ свящ. сана, только ходатайство великой княгини спасло архіепископа⁹⁶). Нѣсколько позднѣе, въ 1483 году такое же самое разрѣшеніе далъ въ

№ 230, въ словѣ св. отца Пахомія о средѣ и о пятницѣ, — среда и пятокъ представляются двумя ангелами «срящета душу (посташуюся въ среду и пятокъ) идущу на небо два ангела. среда и пятокъ. цѣлуета ее радостно. глаголюще ей. праведная душе. радуйся.. — Л. 247.. Въ собраніи словъ на св. Четырдесятицу XVII в. Моск. Син. Библи., № 231, въ одномъ изъ «словъ» читаемъ: «Аще человекъ въ среду и пятокъ не ясть сыра, ни масла, ни млека кромѣ поста, но овощъ земной ясть, да егда придетъ ангелъ по душу ту, и ведетъ ю на третье небо и срящеть ю ангелъ среда и речеть: «о радуйся душе! много ся еси потрудила мене ради на земли», и ведетъ ю на пятое небо и срящеть ю ангелъ пятокъ и речеть ей... (тоже самое, что и ангелъ среда). Аще будетъ человекъ въ среду и пятокъ ять сыръ и млеко, аще и праведенъ будетъ, а егда придетъ ангелъ по душу ту и ведетъ ю на небо и срящуть ю ангели среда и пятокъ и рекутъ ей: о убогая душе! почто еси не потрудила въ среду и пятокъ...» — Слово это сходно, но не тождественно съ упомянутымъ «словомъ св. отца Пахомія» Измарагда 1518 года.

⁹⁶) Преосв. Макарій, — VI, 50—51. Интересна по своему тону повинная грамота, написанная по этому случаю Θεодосіемъ, — Пам. древнр. кан. пр., I, № 74.

своемъ монастырѣ чудовской архимандритъ Геннадій (черезъ два года— архіепископъ новгородскій), и вотъ «митрополитъ (Геронтій) посла его изымати сильно (силою) да привести, онъ же (Геннадій) къ великому князю убѣжа (покровительствовавшему ему тогда); митрополитъ же самъ иде къ великому князю... Князь великій его (Геннадія) выдалъ митрополиту, митрополитъ же его повелѣ сковати и подъ полатою въ ледникъ посадити»... «и только князь великій съ бояры выпечалова его у митрополита»...⁹⁷⁾. Почти одновременно же съ этимъ (въ 1479—1481 гг.) возникаетъ «распря митрополиту (Геронтію) съ великимъ княземъ»—о томъ, въ которую сторону слѣдуетъ ходить съ образами при освященіи церкви—«по-солонь» или противъ солнца; великій князь былъ за «по-солонь», а митрополитъ утверждалъ, что нужно ходить противъ солнца, и въ доказательство послѣдняго приводилось между прочимъ такое соображеніе: «Христось—Солнце праведное наступилъ на адъ, связалъ смерть и освободилъ души; потому и на Пасху исходятъ, тоже прообразуютъ на утрени», хотя смыслъ его довольно сокровененъ⁹⁸⁾.

Какъ бы то ни было, но «распря» приняла вовсе не ничтожные размѣры: митрополитъ рѣшилъ уже оставить санъ митропольскій и въ келіи жити, если великій князь «не добіеть челомъ и роптанія того не оставитъ, что по солонь ходити»; но великій князь «добилъ челомъ»...⁹⁹⁾. Такъ, ничтожный обрядъ въ глазахъ древне-русскаго книжнаго человѣка постепенно превращался въ «великій догмать премудрый».

Неизбѣжнымъ спутникомъ и результатомъ такого направленія религіозной мысли являлся хаосъ религіозныхъ

⁹⁷⁾ Полн. Собр. Р. Л., VI, 234.

⁹⁸⁾ Преосв. Макарій, — VI, 65.

⁹⁹⁾ Полн. Собр. Р. Л., VI, 233. Преосв. Макарій, — VI, 65—66.

понятій—черта, которая выступаетъ весьма существенной въ общемъ теченіи религиозной мысли современной книжной среды, — съ одной стороны сопутствуя господствующему церковнообрядовому направленію, съ другой — вытекая изъ него и подерѣпляясь имъ. Останавливаемся на нѣсколькихъ письменныхъ памятникахъ современной литературы и нѣкоторыхъ историческихъ фактахъ этого времени.

Въ XIV в. возникаетъ въ Твери споръ о томъ, существуетъ ли и теперь тотъ рай, въ которомъ сотворенъ былъ Адамъ?. Тверской епископъ утверждалъ, что «рай погиблъ, въ немъ же былъ Адамъ»; что теперь есть только рай духовный, на небѣ; другіе были противъ. Новгородскій архіепископъ Василій (1331—1352) счелъ своимъ долгомъ разрѣшить недоумѣніе, и написалъ тверскому епископу особое посланіе. «Слышахъ, брате—пишетъ онъ тверскому епископу — что повѣствуеши: «рай погиблъ, въ немъ же былъ Адамъ»; ино, брате, о гибели того есмь не слышали, ни въ Писаніи нигдѣ обрѣли о томъ св. раю, но вси вѣдаемъ отъ св. Писанія, что насади Богъ рай на востоцѣ въ Едемѣ и введе въ онъ челоуѣка. Онъ же преступи и выгнанъ бысть изъ рая, и плачяся горько вопія: о раю пресвятый! иже мене ради насажденный и Евы ради затворенный! помолися тебе сотворшаго и мене создавшаго, да некли твоихъ цвѣтецъ насыщуся»...¹⁰⁰⁾ Архіепископъ доказываетъ, что этотъ земной рай существуетъ и до сихъ поръ, на томъ же мѣстѣ, на востокѣ, въ Едемѣ, гдѣ былъ и «насажденъ», подобно тому, какъ на землѣ же находится и адъ, на западѣ; что въ едемскомъ раю и теперь живутъ Пресв. Богородица, Енохъ, Илья, и другіе святые, въ ожиданіи второго пришествія Христова, послѣ

¹⁰⁰⁾ Ср. въ апокрифическомъ «Исповѣданіи Евы»: «о раю, мой раю! пресвѣтлый раю! (плакалъ Адамъ) — меня ради сотворенъ есть, а Евы ради затворенъ есть — милостиве, помилуй мя падшаго...» Пам. отреч. рус. литературы, I, 299—300.

котораго уже будетъ новая земля и начнется рай духовный; «се, брате, въ Прилозѣ явѣ есть — убѣждаетъ архіепископъ — въ Чюдесѣхъ св. Архангела Михаила, что возма праведнаго Еноха въ раю посадилъ честнѣмъ; а се Илія святыи въ рай же сѣдиль, — находилъ его и Агапій святыи ¹⁰¹⁾ и часть хлѣба взялъ, а св. Макарій за 20 поприщъ жилъ отъ святаго рая ¹⁰²⁾; а Ефросимъ святыи былъ въ раю и три яблока принесъ изъ рая и далъ игумену своему Василию...» ¹⁰³⁾ Онъ сообщаетъ даже, что будто нѣкоторые новгородцы сами видѣли рай на какой-то чудной горѣ, — «то мѣсто святаго рая, прибавляетъ онъ, находилъ Моиславъ Новгородецъ и сынъ его Яковъ... а тѣхъ, брате, мужей и нынча дѣти и внучата добри здоровы»; тѣ же новгородцы видѣли и адъ на западѣ, — «много дѣтей моихъ новгородцевъ видоки тому..» «А что, брате, заключаетъ архіепископъ свое посланіе, — молвишь рай мысленъ, ино, брате, такъ то и есть мысленный и будетъ, а сажень и нынѣ есть, а на немъ свѣтъ самосіяненъ...» ¹⁰⁴⁾ Въ половинѣ или концѣ XV вѣка вотъ что пишетъ одинъ русскій архіепископъ къ неизвѣстному князю: «Вѣмъ ты разумѣюща божественныя писанія св. апостоловъ и св. отецъ. но твориши достойнаа наказанія. Не вѣмъ, сыну, откуда посрамися мудрованіе разума твоего: поползнулся еси, яко человекъ; мню яко воздре-

¹⁰¹⁾ Ср. апокрифическое сказаніе «отца нашего Агапія» — Чтенія Общ. Ист. и Др. Рос., 1879, кн. I.

¹⁰²⁾ Ср. Пам. отреч. рус. литературы, II, 59—77.

¹⁰³⁾ Прологъ 11 сентября. Объ апокрифич. элементѣ рус. пролога см. Петровъ: О происхожденіи и составѣ славянорус. печ. пролога (Кіевъ, 1875), pass.

¹⁰⁴⁾ Полн. Собр. Рус. Л., VI, 87—89. — Ср. также «Указъ о проскуръ-мисаніи святымъ тремъ исповѣдникомъ: Гурію, Самону и Авиву», изданный ок. 1410 года позднѣйшимъ преемникомъ архіеп. Василія новг. архіеп. Іоанномъ и содержаніе котораго «напоминаетъ старинные заговоры» — Памятники древнер. кан. пр., I, № 36.

малъ еси. Иже православную вѣру держа, побѣждаеши ю зловѣріемъ, латынскаа мудрствуя. Сотворилъ тя Господь по образу своему и по подобію: ты же о семъ не благодаренъ явися,—по плоти ходиши, а не по духу. Повѣждь, сыну, чего ради Закону Божию не повинуешься и супротивная твориши? Проклятую бритву накладаеши на браду твою...» И такъ, вотъ въ чемъ заключалось «зловѣріе» князя и вотъ что вызываетъ такое обширное (мы привели лишь нѣсколько мыслей) обличеніе! «Се дѣло чюже есть христіанскаго обычая, продолжаетъ архипастырь, латынское любомудріе есть. Азъ молю твое благородіе, престани отъ таковаго нечестія, его же ненавидитъ Богъ. Пишетъ св. Еуангеліе: «горе чловѣку тому, о немъ же соблажняется міръ. Ты же и самъ истязанъ будеши за мірское соблажненіе и мученъ имаши безъ милости въ предъидущій вѣкъ. Аще ли о семъ покаешися и отъ грѣхи престанеши, то имаши себя пользоваться и прочихъ твоимъ обращеніемъ и самъ мзду примеши отъ руки Господа Вседержителя въ день страшный прішествія. Всяко отъ обычая своего престани, еще разъ повторяетъ онъ—да не прогнѣвается на тя Господь Богъ, да не зло нѣчто постражеши...»¹⁰⁵).

Но ничто не рисуется такъ ярко узкаго формально-обрядоваго направленія религіозной мысли общей массы нашихъ книжныхъ людей XIV—XVI вѣковъ, крайней бѣдности ихъ религіозныхъ интересовъ, страшной хаотичности ихъ религіозныхъ понятій, какъ пресловутые споры объ аллилуіѣ, тянувшіеся въ продолженіи полутора ста лѣтъ и окончившіеся торжественной догматизаціей стоглаваго собора.

Споры возникли въ концѣ XIV—нач. XV вѣка. Вопросъ

¹⁰⁵) Пам. древнер. кан. пр., I, № 126. («Посланіе... отъ архіепископа къ князю... о пользѣ душевнѣй и о постриженіи брады»). Проф. Павловъ замѣчаетъ, что «тонъ посланія напоминаетъ извѣстнаго Вассіана Рыло (ум. 1481), автора посланія Ивану III на Угрю».

шелъ о томъ, какъ нужно пѣть и читать при богослуженіи: «аллилуіа, аллилуіа, — слава Тебѣ Боже! (два раза произносить: «аллилуіа»), или такъ: «аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, — слава Тебѣ, Боже! (произносить «аллилуіа» три раза); первое называлось «сугубить» аллилуію, послѣднее — «трегубить». Въ одной рукописи XIV—XV в. замѣчается: «иже мнози поють подвоицю аллилуіа, а не трегубно—на грѣхъ себѣ поють. Пой по трижды, а не по дважды: аще ли по двоижды, то разлучаешь Отца и Сына и св. Духа» ¹⁰⁶). Въ началѣ XV вѣка разногласія по этому вопросу на столько усилились, что псковичи за рѣшеніемъ недоумѣнія сочли нужнымъ обратиться къ митрополиту, и Фотій пишетъ имъ въ 1419 году, что «аллилуію» слѣдуетъ произносить три раза... ¹⁰⁷) Но не смотря на категорическое разъясненіе митрополита, вскорѣ во Псковѣ же возгораются по этому поводу самые ожесточенные споры: Въ одномъ изъ псковскихъ монастырей въ первыхъ годах XV столѣтія постригся одинъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, нѣкто Елеазаръ, принявшій при постриженіи имя Евфросина; спустя нѣкоторое время, онъ основалъ на рѣкѣ Толвѣ, близъ Пскова, свой собственный монастырь. Инокъ этотъ «еще отъ юности желалъ, много трудъ стяжалъ и подвижаніе и сѣтовалъ безмѣрною печалью предъ Богомъ о пресвятыя аллилуіа». «Много вопрошахъ, — говорилъ онъ своей братіи — отъ церковныя чади старѣйшихъ мене о велицѣй той вещи, и никто же возможе тайны сія протолковать о божественной аллилуіа: сами бо тогда волняхуся о божественномъ томъ любомудріи и великъ расколъ влагающе посредѣ Христовы церкви — овѣмъ двоющимъ, овѣмъ троящимъ пресвятая аллилуіа...» Чтобы узнать истину о божественнѣй «аллилуіа», инокъ Евфросинъ рѣшился предпринять путешествіе въ Константинополь, чтобы спросить самого патріарха. Па-

¹⁰⁶) Преосв. Макарій, — VIII, 130—131.

¹⁰⁷) Пам. древнер. кан. пр., I, № 48, col. 408.

тріархъ, правда ли нѣтъ ли — «повелѣ ему двоити святая аллилуія». Вернувшись въ обитель, Евфросинъ такъ и сталъ поступать... Какъ только узнали въ городѣ (Псковѣ), что Евфросинъ «устави чинъ дважды глаголати аллилуію», — въ средѣ тамошняго духовенства поднялась цѣлая буря. Немедленно отправляютъ къ Евфросину одного діакона и священника — «оба мудра зѣло философа» — съ посланіемъ и личными убѣжденіями — отказать отъ «сугубой аллилуіи»: Зѣло движутся тобою церкви — говорили посланные — и мутится благодатный законъ посреди ихъ, а мы яко отъ лютыя бури волнами погружаемы есмы отъ разногласія обычай твоихъ... Мы (трегубой аллилуіей) не улагаемъ (не отнимаемъ) божества отъ единосущныя Троицы, ниже умаляемъ Христа... Ты же, отче, умаляешь Христа, отлагаешь славу отъ Его божества и челоуѣчества... симъ нечествуешь Бога и вся труды твои¹⁰⁸) не угодны, яко мерзость предъ Богомъ»... Когда Евфросинъ не согласился съ посланными, напротивъ совѣтовалъ имъ, «невѣгласамъ» — «не начинати мудрити вещи сія», не разсуждать «о тайнѣ и сокровенной силѣ божественной аллилуіи: выше мѣры вашей есть се...» — псковичи всѣ возстали на него и «укоризною неправедною укориша святаго, еретика быти его...» Монахамъ его монастыря нельзя было прійти въ городъ «на дѣло монастырское»: какъ только гдѣ ихъ встрѣчали, всѣ «паче гнѣвахуся на нихъ и жестокими словесы укоряюще ихъ... яко осы или яко пчелы разсвѣрпѣвшіе насакаху на нь, обходяще, укоряюще руганіемъ, уязвляюще нелѣпыми словесы, яко пращными каменіями, глаголюще: «сіи отъ онаго еретика пришли, отъ двоящаго пресвятая аллилуія». . Егда же кому случится изъ града или во градъ минути путемъ тѣмъ, мимо обители святаго, — паче укоряху преподобнаго и ругахуся ему, глаго-

¹⁰⁸) Монастырь Евфросина отличался необыкновенной строгостью своего устава, — ср. Пам. Стар. Рус. Лит., IV, 77—78.

люще: «на семь мѣстѣ авва еретикъ живетъ, и не достоинъ намъ поклонитися церкви его, понеже двоить пресвятая аллилуіа»... ¹⁰⁹). Смерть пр. Евфросина († 1481) не прекратила споровъ; вопросъ объ аллилуйѣ привлекъ скоро вниманіе книжныхъ людей и другихъ мѣстѣ. Неизвѣстный ктиторъ лавры св. Николая Аѳанасій пишетъ въ половинѣ XV в. во Псковъ къ священникамъ посланіе «о Св. Троицѣ сирѣчь аллилуіа» съ доказательствами, что аллилуію нужно «сугубить»; на это посланіе другой неизвѣстный отвѣчаетъ длиннымъ посланіемъ, доказывая первому «истину аллилуіи трегубной»... ¹¹⁰) Около 1491 года новг. архіеп. Геннадій спрашиваетъ объ этомъ предметѣ толмача Димитрія Герасимова, бывшаго въ то время въ Римѣ, прося его «высмотрѣть» въ тамошнихъ книгахъ, «какъ говорить, трегубно или сугубно»; отвѣтъ Герасимова показываетъ, что вопросъ этотъ въ Новгородѣ (или въ Москвѣ) занималъ не одного Геннадія: «Ты велѣлъ мнѣ, господине—пишетъ ему Герасимовъ—отписать тебѣ о трегубномъ аллилуйѣ. Высмотрѣлъ я въ книгахъ; ино, господине, того и здѣсь въ книгахъ не показано, какъ говорить—трегубно или сугубно... Но помнится мнѣ, что и у насъ (т.-е. въ Новгородѣ или Москвѣ—Геннадій и Герасимовъ главнымъ образомъ жили въ этихъ двухъ

¹⁰⁹) Повѣсть о спорахъ при Евфросинѣ объ аллилуйѣ—въ Руск. XVI вѣка Моск. Рум. Муз., изъ собранія Ундольскаго, № 306, лл. 1—112. Написана она «въ концѣ XV или въ началѣ XVI вѣка, не позже 1510 года, и переписана въ житіи Евфросина, составленномъ свящ. Василиемъ «почти дословно»—Пам. Стар. Рус. Литературы, IV, стр. 67—117. Основные факты «повѣсти», изложенные нами, признаются вполне достоверными, такъ какъ «подтверждаются современными извѣстіями другихъ источниковъ», — Ключевскій: Древнерус. Житія, 255. Пресв. Макарій, VIII, 134. О самой «повѣсти» и объ отношеніяхъ ея къ «Житію Евфросина», въ редакціи Василія,—См.: Ключевскій,—ib., стр. 252—257.

¹¹⁰) Первое посланіе не дошло до насъ,—о немъ упоминаетъ авторъ втораго; послѣднее напечатано въ Прав. Соб., 1866, II, 140—166.

городахъ) — о томъ споръ бывалъ межъ великими людьми, и они судили, что то и другое одинаково»... ¹¹¹⁾ Но такихъ «великихъ людей» равнодушныхъ къ возбужденному вопросу было не много: большинство относилось къ дѣлу, гораздо серьезнѣе. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и современникъ Геннадія, неизвѣстный авторъ изложенной уже нами «Повѣсти» о спорахъ объ аллилуіѣ при Евфросинѣ. Онъ самъ такъ рассказываетъ о своихъ мучительныхъ сомнѣніяхъ по этому вопросу. Авторъ вначалѣ имѣлъ намѣреніе написать простое «житіе» Евфросина, рассказать кратко по порядку факты его жизни. Но когда при своемъ изложеніи авторъ дошелъ до рассказа о путешествіи Евфросина въ Царьградъ для отысканія истины объ аллилуіѣ, онъ впалъ въ большое сомнѣніе — «біографомъ овладѣло недоувѣріе къ своему разуму и способности изложить эту великую тайну. Смущенный чувствомъ безсилія, въ тревожномъ недоумѣніи, напрасно брался онъ среди тишины глубокой ночи за «письмо и хартію»; утомленный «маяніемъ печали», онъ закрылъ глаза и въ полуснѣ явились ему Евфросинъ съ Серапіономъ, ободряя его на дѣло. Но авторъ принялъ видѣніе за дѣйствіе нечистаго духа, хотя оно повторилось и на другую ночь... Уже закрадывалась въ него мысль «не вершити житія преподобнаго»; но на третью ночь явилась ему съ святыми старцами сама Богородица... ¹¹²⁾ Богородица разсѣяла всѣ его сомнѣнія и открыла ему «тайну божественной аллилуіи»: «Нужу ми творять христіане, говорила Богородица автору: нужу ми творять трояце божественную аллилуіа... Воспиши тайну сію, ея азъ, Богородица, тебѣ повѣдаю... Напиши о сей тайнѣ, о ней же пророцы молишася и возжелѣша ю хотѣніемъ св. Духа... Дважды да глаголется правовѣрными

¹¹¹⁾ Посланіе Герасимова напеч. въ Прав. Соб., 1861, I, 111—112. Оно помѣчено 1491 годомъ.

¹¹²⁾ Ключевскій: Древнерус. Житія, 253—254.

божественная аллилуїа, понеже въ той есть тайна воскресенія Христова, сына моего и Бога... Да двоится во истину православными божественная аллилуїа; да глаголется: «аллилуїа, аллилуїа, слава тебѣ, Боже»: сія тайна — воскресе, воскресе въ божествѣ и челоуѣчествѣ и слава Ему...¹¹³⁾ Тогда авторъ измѣнилъ свою первоначальную программу и написалъ «повѣсть», поставивши исторію споровъ объ аллилуїѣ въ основу своего произведенія... Въ 1547 году псковской священникъ Василій всю эту «повѣсть» почти дословно переписалъ въ своемъ «Житіи» Евфросина, повторивъ и сказаніе ея автора о явленіи ему Богородицы и Ея подробныя объясненія сугубой аллилуїи. «И на основаніи этого житія, соборъ 1549 года, подъ предсѣдательствомъ м. Макарія, причислилъ Евфросина къ лику святыхъ»...¹¹⁴⁾ Наконецъ, столбавый соборъ (1551) далъ объ аллилуїѣ слѣдующій отвѣтъ, хотя царь о ней вовсе не спрашивалъ: «Въ Псковѣ и въ Псковской землѣ по многимъ монастырямъ и церквамъ, да и въ Новгородской землѣ по многимъ мѣстамъ донинѣ говорили трегубую аллилуїю, вопреки апостольскимъ и отеческимъ преданіямъ. Но мы узнали достоверно отъ писателя житія преп. отца нашего Евфросина псковскаго, новаго чудотворца, какъ, ради его святыхъ молитвъ, Пречистая Богородица извѣстила и запретила о трегубой аллилуїѣ и повелѣла православнымъ христіанамъ говорить сугубую аллилуїю, а третье—слава Тебѣ, Боже. И потому отнынѣ всѣмъ православнымъ христіанамъ говорить сугубую аллилуїю, а третье—слава Тебѣ, Боже, какъ и предала св. соборная и апостольская церковь, а не трегубить аллилуїи, какъ прежде сего говорили во Псковѣ и по многимъ мѣстамъ, а четвертое приговаривали—слава Тебѣ, Боже. Это не есть преданіе право-

¹¹³⁾ Пам. Стар. Рус. Литературы, IV, 104—105.

¹¹⁴⁾ Преосв. Макарій, — VIII, 140.

славныхъ, но ересь латинянъ: они не славятъ Троицу, но четверять, и признають Св. Духа исходящимъ отъ Отца и Сына, и тѣмъ творять Св. Духа раболѣпнымъ. И потому не подобаетъ трегубить аллилуію, но дважды говорить—аллилуіа, а въ третій разъ—слава Тебѣ, Боже; ибо по-еврейски—аллилуіа, а по нашему, по-русски—слава Тебѣ, Боже» (Стоглавъ, гл. XLII). При чтеніи этого рѣшенія соборнаго—замѣчаетъ преосв. Макарій—не знаешь, чему болѣе удивляться, «простотѣ»-ли, или «невѣжеству»... ¹⁴⁵⁾

Такъ окончились споры объ аллилуіѣ... Но «догматъ» объ аллилуіѣ былъ не единственнымъ, до котораго дошла религіозная мысль русскаго грамотника; рядомъ съ этимъ были формулированы и другіе догматы, — «догматы новые и русскаго изобрѣтенія». Такими были: догматъ о прехищреніи и коварствѣ Божіемъ, выработанный пр. Іосифомъ Волоколамскимъ ¹⁴⁶⁾, — догматъ о двуперстіи для крестнаго знаменія, догматъ о небритіи бороды и усовъ... ¹⁴⁷⁾ (стр. 239).

¹⁴⁵⁾ Преосв. Макарій, — VIII, 140—141. Ср. стр. 129—141.

¹⁴⁶⁾ Въ Просвѣтителѣ Іосифа Волоцкаго читаемъ: «Еретикъ глаголетъ: ей, свойственно есть Богу вся премудростію строити, но не свойственно есть Ему, еже прехищреніемъ строити, и дьявола прехищреніемъ погубити и Адама спасти отъ ада и сущихъ съ нимъ... Къ нему же отвѣщати: зри, окаянне и безумне, что глаголеши... Почто не зриши, яко еда бо не можаше Всесильный Господь богатство Египетское явственно дати Евреомъ, но не сотвори тако, но повелѣ Моисею прехитрити Фараона... Паки жъ и Пророка Богъ посла, да прехитритъ Ероваама... И паки, не имѣаше ли Богъ силу и власть, еже помазати явственно Давида на царство? но прехитри Саула... И якожъ тогда Господь Богъ божественною мудростію Египтяны и Саула и Аровоама прехитри, и Сисара и Алоферна погуби, и Фараона и Исава и Лавана прехитри, и Ерихоняны прехитривши погуби: тако и нынѣ божественною мудростію и прехищреніемъ божественнаго коварства своего, дьявола погуби. И яко же тогда Израильтяны же и Пророка прехищреніемъ спасе и Давиду прехищреніемъ царство дарова...: тако и нынѣ божественною премудростію Своею и прехищреніемъ родъ человѣче-

Хаотичность религиозныхъ понятій въ средѣ нашихъ книжныхъ людей больше всего обуславливалась отсутствіемъ у послѣднихъ всякаго критическаго отношенія къ массѣ письменнаго матеріала, который открывался передъ ними «книжнымъ почитаніемъ». Въ половинѣ XII в. Киризь спрашивалъ Нифонта: «Нѣсть ли въ томъ грѣха, аже по грамотамъ ходити ногами?—аже кто урѣзавъ помечеть, а слова будутъ знати?..⁴¹⁸⁾ Вопросъ Кирика остается такимъ же вопросомъ и для позднѣйшихъ книжныхъ людей древней Руси, онъ хорошо выражаетъ ихъ общее безкритичное благоговѣніе «къ писаніямъ».. Дрожь мя великая поимала и ужасъ на меня напалъ» —говоритъ Михаилъ Медоварцовъ, когда онъ

свѣй спасе и отъ ада изведе. И многа суть такова въ Божественныхъ Писаніяхъ прехыщренія же и коварьства, ажь Самъ Господь Богъ сотвори...» (— Просвѣтитель, стр. 176—178).

⁴¹⁷⁾ На «степень догматовъ» послѣдніа два мнѣнія были возведены тѣмъ же столпавымъ соборомъ, который постановилъ: «Аще кто не крестится двумя персы да будетъ проклятъ» (— Пресв. Макарій, VIII, 91—92, 329); «Св. апостолы и св. отцы строго запретили бритъ бороду и усы, и тѣхъ, которые брѣютъ, провѣляли и отлучили отъ церкви...» (— *ib.*, VIII, 330). Исторія двуперстіа рассказала подробно тамъ же, — VIII, стр. 91—129. — Рядомъ съ возникновеніемъ и формулированіемъ такого рода догматовъ, появляется множество невѣжественныхъ толковъ и мудрствованій: одни напр. говорили: «не быти прочее имъ божественной литургіи, понеже не поспѣша пріити къ чтенію Евангелія» (Сочин. Макс. Гр., III, 98 sqq.); другіе думали, что словами эѣтиньи: «о свыннѣмъ мирѣ» Церковь молится объ ангелахъ (— *ib.*, III, 92 sqq.); инымъ нужно было разъяснять, что надпись на иконахъ Богоматери Мр. θη означаетъ: «матерь Бога», «а не Марера, ни Мирфа, яко же нѣціи мнятъ все» (— III, 115 sqq.); нѣкоторые думали, что крестный ходъ на Иорданъ въ день Крещенья означаетъ, что «Спасъ второе крестися...» (— III, 118 sqq.). Мнѣніе же, что исповѣдь дѣйствительно только въ томъ случаѣ, если сопровождается эпитимьею, — было всеобщимъ...

⁴¹⁸⁾ Пам. древнер. кан. пр., I, № 2, col. 20.

сталъ «заглаживать», по приказанію Максима Грека, «великій догматъ премудрый» — большой отпускъ вечерни въ великую субботу...¹⁴⁹⁾ Съ одной стороны благоговѣніе такое было вполнѣ естественнымъ и понятнымъ. Не говоря о первыхъ временахъ христіанства въ Россіи, когда христіанская вѣра для новокрещеннаго русскаго человѣка какъ бы олицетворялась всецѣло въ принесенной первой русской письменности, и для послѣдующаго времени, для всего древняго періода нашей исторіи главнымъ средствомъ религіознаго образованія служило, какъ мы видѣли, «почитаніе книжное». При отсутствіи другихъ источниковъ просвѣщенія, читать книги значило тогда «учиться путямъ покаянія», значило «бесѣдовать съ Богомъ и святыми мужами»¹²⁰⁾, значило вообще заботиться о спасеніи своей души; точно также и списываніе книгъ получало значеніе дѣла богоугоднаго, душеспасительнаго: этимъ давалось средство и другимъ «бесѣдовать съ Богомъ»...¹²¹⁾ При такомъ взглядѣ на «книги», развивалась охота къ чтенію, а переписываніемъ увеличивался самый матеріалъ чтенія.. Но здѣсь же была и другая, невыгодная сторона дѣла: благоговѣйный взглядъ на книгу подавлялъ всякую мысль о критикѣ, порождалъ и развивалъ слѣпое благоговѣніе и довѣріе къ «писаніямъ», ко всей массѣ письменнаго матеріала, находившагося въ обращеніи. Мы уже замѣчали, какъ хаотиченъ былъ этотъ матеріалъ; между тѣмъ

¹⁴⁹⁾ Чтенія. Общ. Ист. и Др. Рос., 1847, VII, стр. 10.

¹²⁰⁾ «Велика, братія — говорить древній русскій лѣтописецъ — бываетъ польза отъ ученія: книгами бо кажемъ и учемъ есмь пути покаянію; мудрость обрѣтаемъ и воздержаніе отъ словесъ книжныхъ; се суть рѣкы напаяющи вселенную, се суть исходища мудрости.. Иже бо книги чтеть, то бесѣдуетъ съ Богомъ и святыми мужами...» Полн. Собр. Р. Л., I, 65—66. См. также: Порфирьевъ: О чтеніи книгъ въ древнія времена Россіи. Прав. Соб., 1858, II, 173—198; 443—461.

¹²¹⁾ Порфирьевъ: Списываніе книгъ въ древнія времена Россіи. Прав. Соб., 1862, I, 131, 350.

разобраться среди всей этой массы, отдѣлить «истинныя» писанія отъ «ложныхъ», разграничить книги «ихъ же подобаетъ чести», отъ книгъ «ихъ же ни чести ни внимати не подобаетъ» — было, какъ мы замѣчали, совѣмъ не по силамъ древнерусскому читателю. Правда, въ книжной средѣ иногда раздавались какъ-бы для успокоенія совѣсти предостереженія: «не почитай възбраненныхъ книгъ»¹²²⁾, «ложныхъ книгъ не почитайте»¹²³⁾. но предостереженія эти были слишкомъ общи и не приносили практической пользы: на практикѣ всѣ книги, и «истинныя» и «ложныя», и «возбраненныя» и дозволенныя, весь наличный письменный матеріалъ сливался въ глазахъ древнерусскаго книжнаго человѣка въ общую, безразличную, хаотическую массу «писаній»... Мы видѣли, новгородскій архіепископъ Василій въ своемъ посланіи о «насажденномъ» раѣ съ полнымъ довѣріемъ пользуется апокрифами, въ авторѣ даже не закрадывается мысли усомниться въ истинности всего того, что ему приходилось читать; рядомъ съ текстомъ изъ библіи онъ приводитъ цѣлый рядъ выдержекъ изъ апокрифовъ, а потомъ ссылается и на народные рассказы. Другой русскій епископъ конца XIV вѣка, въ своей грамотѣ противъ псковскихъ стригольниковъ, возставая противъ мысли послѣднихъ: «недостоитъ надъ мертвыми цѣти, ни поминати, ни службы творити, ни приноса за умершаго приносити къ церкви, ни пировъ творити, ни милостыни давати за душу умершаго» — важность и необходимость поминовенія умершихъ доказываетъ, между прочимъ, такимъ исключительнымъ случаемъ, который врядъ ли могъ особенно убѣдительно дѣйствовать на еретиковъ...¹²⁴⁾. Какъ слабо было развито въ средѣ

¹²²⁾ Пам. древнр. кан. пр., I, № 7, col. 104.

¹²³⁾ Пам. древнр. кан. пр.: I, № 8, col. 114.

¹²⁴⁾ Замѣтивши, что «во апостольскихъ правилѣхъ писано есть: творити память по умершихъ; тако же и святіи отцы уставша...», упомянувши еще кратко объ «Иванѣ Златоустѣ», — епископъ продол-

нашихъ книжныхъ людей XIV—XVI вв. сколько нибудь критическое отношеніе къ «писаніямъ», лучше всего показываютъ примѣры такихъ людей, какъ новгородскій архіепископъ Геннадій, пр. Іосифъ волоколамскій или московскій митрополитъ Макарій (1542—1563), людей безспорно наиболее развитыхъ и начитанныхъ для своего времени. Вотъ что пишетъ напр. Геннадій въ своемъ посланіи (не разъ нами упомянутомъ) къ архіепископу ростовскому Іоасафу (ок. 1489 года): говоря о толкахъ въ народѣ о близкой кончинѣ міра, Геннадій замѣчаетъ: «А въ Евангеліи кончина не явлена, когда будетъ. Да и Енохъ Праведный писалъ сице»... ¹²⁵), —рядомъ съ Евангеліемъ онъ считаетъ нужнымъ привести въ подтвержденіе и мнѣніе апокрифической книги ¹²⁶); въ предисловіи къ составленной имъ Пасхалии, онъ опять цитируетъ слова «Еноха Праведнаго»... ¹²⁷). Что касается до пр. Іосифа Волоцкаго, то онъ прямо заявляетъ, что градскіи законы (указы и постановленія византійскихъ императоровъ) подобни суть пророческимъ и апостольскимъ и святыхъ

жаеть: «Паки же въ Пролозѣ писано есть: прииде прозвитель въ баню мытися, обрѣтесе ту человекъ въ служба ему. Прозвитель же пода ему двѣ просфирѣ; онъ же рече: сій хлѣбъ святъ есть, не имамъ его ясти, но хлѣбъ сій за мя во Всемогущему Богу принеси: азъ бо есмь человекъ, отшедый свѣта сего; аще будетъ услышана молитва твоя за мя, то не обрящещи мене въ новую субботу. И се изглаголавъ, невидимымъ бысть. По сему же разумѣемъ, заключаетъ епископъ, яко и сами тѣ души просятъ отъ насъ приношенія къ Богу...» А затѣмъ новое доказательство такого же рода: «Въ книгахъ Григорья папы Римскаго писано есть: единъ мнихъ умре...» и т. д. — Пам. древнр. канон. права, I, № 25, col. 225. (Грамота писана ок. 1386 года).

¹²⁵) Посланіе Геннадія Іоасафу, — Чтенія Общ. Ист. и Др. Росс., 1847, VIII.

¹²⁶) Книга эта встрѣчается уже въ рукописи XIV в., — Пам. отреч. рус. лит., I, 20—23.

¹²⁷) Ср.: Пам. древнр. кан. пр., I, № 119, coll. 810—811; Пам. отреч. рус. лит., I, стр. 20.

отецъ писаніямъ» ¹²⁸⁾); а сборники Никона Черногорца, — простаго греческаго монаха XI вѣка, — онъ смѣло называетъ «боговдохновенными писаніями» ¹²⁹⁾. Да и вообще, пр. Іосифъ Волоцкій больше всего любилъ ссылаться въ своихъ сочиненіяхъ на область житій святыхъ... ¹³⁰⁾. Не полагается на свою разборчивость въ «писаніяхъ» и митр. Макарій: «да и гдѣ буду погрѣшилъ отъ своего неразумія — пишеть онъ въ предисловіи къ своимъ Четьи-Минеямъ — или будетъ гдѣ посредѣ тѣхъ св. книгъ написано ложное и отреченное слово св. отцы, а мы того не возмогохомъ исправить и оставити, и о томъ отъ Господа Бога прошу прощенія»; и извиненіе было не напраснымъ: наряду съ «истинными» книгами м. Макарій внесъ въ свои Четьи-Минеи и апокрифы... ¹³¹⁾. Но нѣтъ нужды говорить объ отдѣльныхъ представителяхъ современной книжности: «подложными сочиненіями пользуется и стоглавый соборъ!..» Общую некритичность нашихъ книжныхъ людей XIV—XVI вв. хорошо выражаетъ преосв. Филаретъ, замѣчая: «Въ періодъ первоначальной русской церкви

¹²⁸⁾ Говоря въ одномъ мѣстѣ Просвѣтителя о «градскихъ законахъ», — пр. Іосифъ пишеть: «И кто сице неразумень, паче же рещи безбоженъ, иже дерзнетъ развратити божественная писанія, еже православнїи цари и святїи отцы написаша и во священныя правила положиша и утвердиша и написаша, яко проклять всякъ отмета и развращая божественная божественная писанія святыхъ отнць. Аще ли кто речеть: се суть градстїи законы, а не святыхъ отецъ писанія, таковїи о семъ да прочтеть третїе надесять слово, иже въ сей книзѣ написано, и тогда увѣсть о градскихъ законѣхъ, яко подобни суть пророческимъ и апостольскимъ и святыхъ отецъ писаніямъ...» Просвѣт., стр. 588. Въ 13-мъ словѣ Іосифъ относительно этого ссылается только на авторитетъ «богодухновенныхъ писаній» Никона Черногорца, — *ib.*, 537—538.

¹²⁹⁾ Просвѣтитель, 537.

¹³⁰⁾ Хрущовъ: Изслѣдов. о сочин. пр. Іосиф. Савина, 124.

¹³¹⁾ Преосв. Макарій, — VII, 124.

писали изборники, т.-е. избранныя, лучшія мѣста изъ древнихъ учителей; въ вѣкъ стоглава забыли уже и слово «изборникъ», а писали только сборники, т.-е. сборъ всего, что попадалось подъ руки, вѣрнаго и ложнаго, полезнаго и пустаго, спасительнаго и вреднаго»¹³²⁾. Наши книжные люди древней Руси, «лишенные всякихъ пособій науки», съ одинаковымъ уваженіемъ относились и къ св. писанію, и къ писаніямъ св. отцевъ, и къ житіямъ святыхъ, и къ сказаніямъ разныхъ патериковъ, и вообще къ сочиненіямъ всякаго рода, болѣе или менѣе касавшимся вѣры и благочестія, и все называли «божественнымъ писаніемъ», изъ всего старались черпать мысли и доказательства для своего ученія; наравнѣ ставили и правила св. апостоловъ, св. соборовъ и св. отцевъ, и толкованія на эти правила, явившіяся впоследствии, и даже градскіе законы греческихъ императоровъ, вошедшіе вмѣстѣ съ другими дополнительными статьями въ составъ кормчей, и все считали неизмѣняемымъ, неприкосновеннымъ, и наконецъ, что всего важнѣе, не имѣли средствъ распознавать подложныя сочиненія отъ подлинныхъ, и съ одинаковымъ довѣріемъ пользовались тѣми и другими...¹³³⁾. Трудно даже представить, какой хаосъ могъ получаться при такомъ пользованіи «писаніями!»

Къ господствовавшему церковно-обрядовому направленію религіозной мысли, къ сопутствовавшему его крайнему хаосу религіозныхъ понятій, къ совершенной небритичности по отношенію къ массѣ «писаній» — присоединялась въ общемъ религіозномъ міровоззрѣніи нашей книжной среды разсматриваемаго періода крайняя религіозная нетерпимость, нетерпимость ко всякаго рода сужденіямъ и мнѣніямъ въ сферѣ религіозности.

¹³²⁾ Преосв. Филаретъ. Ист. Рус. Церкви III, 104.

¹³³⁾ Преосв. Макарій, — VIII, 311 — 312.

Брайняя религиозная нетерпимость всегда является неизбежным слѣдствіемъ отождествленія вѣры съ обрядомъ. При слѣпой привязанности къ «буквамъ благодатнаго закона», когда религія понимается какъ обрядъ, когда религиозная мысль исключительно сосредоточивается на немъ и всецѣло имъ исчерпывается, когда «въ дѣлахъ вѣры не умѣютъ различать существеннаго отъ несущественнаго, болѣе важнаго отъ менѣе важнаго и совсѣмъ неважнаго, догматическихъ преданій отъ обрядовыхъ» — всякое нарушеніе обряда, даже самаго ничтожнаго, всякое нарушеніе какихъ либо сторонъ общепризнаваемой религиозности — является нарушеніемъ вѣры, религіи, и всякій посягающій на обрядъ или высказавшій какія либо сомнѣнія въ сферѣ религиозности — является посягателемъ на вѣру, оскорбителемъ вѣры, богохульникомъ, еретикомъ... Постепеннымъ, но неизбежнымъ путемъ мертвобрядовая религиозность приводитъ къ узкой религиозной нетерпимости, къ подавленію не только какой либо свободной мысли, но и всякихъ признаковъ какой либо религиозной пытливости, къ подавленію всякаго мышленія въ сферѣ «вѣры», всякаго сколько нибудь сознательно-разумнаго отношенія къ ней, приводитъ къ какой-то религиозной мыслибоязни.

Зачатки подобнаго направленія религиозной мысли начинаютъ сказываться, въ концѣ XV половинѣ XVI вѣка, и въ средѣ нашихъ книжныхъ людей.

Не упоминая о новгородскомъ архіепископѣ Геннадіи, восхищавшемся «крѣпостью по своей вѣрѣ Шпанскаго короля» и совѣтовавшемъ епископамъ, собравшимся въ Москвѣ для суда надъ новгородскими еретиками, «только того для учинити соборъ, что ихъ (еретиковъ) казнити — жечи да вѣшати»¹³⁴⁾; не упоминая о религиозной ревности пр. Іосифа Волоколамскаго, который со всею энергіею доказывалъ, что «еретика и отступника (рѣчь идетъ о тѣхъ же новгородскихъ

¹³⁴⁾ Пам. древнр. кан. пр., I, № 115, col. 784.

еретикахъ) подобаеъ не токмо осуждати, но и проклинати, царемъ же и княземъ и судіямъ подобаеъ сихъ и въ заточеніе посылати и каземъ лютымъ предавати»... а «всѣмъ, Христа любящимъ, подобаеъ всяко тщаніе и подвигъ и богомудрственная коварства показати, еже крыющаяся еретики испытовати и искати и истязати», развивая вмѣстѣ съ этимъ ту мысль, что «еретика или грѣшника руками убити или молитвою (подвергнуть гражданской казни или церковному покаянію) едино есть», не упоминая о всемъ этомъ, мы остановимся на двухъ эпизодахъ этого времени.

Въ 1531 году отцы собора обвиняютъ въ Москвѣ подсудимаго. «Ты—говорятъ они ему—волшебными хитростями еллинскими писалъ еси водками на дланѣхъ своихъ, и распространялъ длани свои противъ великаго князя, также и противъ иныхъ многихъ поставлялъ волхвуня. Ты говорилъ: «азъ вѣдаю все вездѣ, гдѣ что дѣется»—ино то волхвованіе еллинское и еретическое: Симонъ волхвъ вся вездѣ вѣдѣти глаголаше себе и инѣи мнози безчисленнѣи еретицы таковая же глаголаху, прельщающе и губяще народы; тако и ты глаголеши прельщая и погубляя люди. Ты хвалишися еллинскими и жидовскими волшебными хитростями и черно книжными волхвованіями—то все есть отвержено отъ христіанскаго закона и житія, и нелѣпо есть христіаномъ въ то себе вдати мудрованіе. Ты прилагаешъ зло ко злу, еллинскими и жидовскими мудрованіи и черно книжными ихъ хитростями волшебными, отреченными отъ христіанскаго закона и житія, хвалишися и возносишися и много христіанство губиши»... Отцы собора обвиняютъ подсудимаго, что онъ составлялъ «писанія хульна и еретическая» среди общества («во многіе люди и народы») распространялъ «жидовская и еллинская ученія и аріанская и македонская, истлѣнно-мнительная и прочая пагубная ереси»; въ сочиненіяхъ подсудимаго они находятъ «хулы на Господа и на Пресв. Богородицу, и на церковныя уставы и за-

коны, и на святых чудотворцы и на святых монастыри и на прочая...»

И кто же этот страшный еретикъ и чернокнижникъ?— Максимъ Грекъ!..¹³⁵⁾

Другой эпизодъ случился нѣсколькими годами позднѣе. Подсудимымъ оказался на этотъ разъ «дьякъ», человекъ свѣтскій, «мирской». Дѣло возникло совершенно неожиданно.

Въ одномъ изъ соборныхъ засѣданій 1554 года (соборъ былъ собранъ для суда надъ цѣлымъ рядомъ обнаружившихся «еретиковъ»), у присутствовавшего на соборѣ царя зашла рѣчь съ митрополитомъ о прежнемъ соборномъ уложеніи (1551),

¹³⁵⁾ Прѣііе митр. Данила съ инокомъ Максимомъ Святогорцемъ. Чтенія Общ. Ист. и Древн. Рос., 1847, VII. Вмѣстѣ съ Максимомъ Грекомъ въ еретичествѣ были обвинены и его помощники по исправленію книгъ—Михаилъ Медоварцевъ и инокъ Сильванъ. Первый былъ сосланъ въ Коломну и послѣдній конецъ его неизвѣстенъ. Объ участи же Сильвана одна современная рукопись сообщаетъ: «Того Сильвана для Максима (изъ-за Максима) въ дымъ повѣсили и дымомъ уморили и много бѣды подъятъ во Іосифовѣ монастырѣ» (куда его сослали послѣ соборнаго осужденія),—Опис. рук. Син. Библ., II, 2, стр. 579. Это извѣстіе подтверждаетъ и другая рукопись того же времени, замѣчая, что Сильванъ «заточенъ отъ Данила, митрополита Московскаго, на Волоцѣ Ламскомъ во Іосифъ монастырь и со учителемъ своимъ премудрымъ старцемъ Максимомъ Грекомъ, — въ дыму задушенъ скончася. Максимъ же Божіею благодатіею избавленъ отъ смерти сея...»—Опис. рукоп. Солов. библ. Каз. Дух. Акад., I, стр. 163—164. Объ участи самого Максима Грека, послѣ соборнаго осужденія, упомянутая синодальная рукопись сообщаетъ: Осужденный на соборѣ, Максимъ «былъ окованъ и вверженъ въ темницу, въ ней же терпѣлъ различная озлобленія во Іосифовѣ монастырѣ (куда онъ былъ сосланъ) и отъ дыма и отъ горести темничныя былъ на многъ часъ яко мертвъ. И по его терпѣнію ангель ему изречь: «сими муками избудеши вѣчныхъ мукъ!» И по извѣщенію и наставленію св. Духа составилъ канонъ святому и покланяемому Параклиту и молитву св. Духу. А писалъ углемъ по стѣнамъ темнымъ, а пера и чернила не имущу ему въ темницѣ...»—Опис. рук. Моск. Синод. Библ., II, 2, стр. 579.

какъ оно приводится теперь въ исполненіе; царь говорилъ, что—въ исполненіе соборнаго постановленія, теперь нужно стараться, чтобы иконы писались съ добрыхъ мастерскихъ образцовъ (въ московскомъ кремлѣ тогда шла усиленная живописная работа: расписывали церкви и палаты послѣ московскихъ пожаровъ 1547 года). Митрополитъ на это замѣтилъ, что теперь за этимъ дѣломъ смотреть особые старосты-иконники. Въ этотъ разговоръ вмѣшался находившійся тутъ же, на соборѣ, дьякъ Иванъ Висковатый и замѣтилъ между прочимъ: «Не слѣдуетъ невидимое Божество (Бога-Отца) и безплотныхъ силъ изображать видимо, на иконахъ, какъ нынѣ пишутъ на иконѣ «Вѣрую во Единого Бога». — Да какъ же писать? спросилъ митрополитъ. — «Писать бы на той иконѣ, отвѣчалъ Висковатый, сначала одни слова: «Вѣрую во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ», а затѣмъ ужъ со словъ: «И во Единого Господа». — до конца символа, писать и изображать иконнымъ письмомъ, по плотскому смотрѣнію»... Такія мысли показались митрополиту «негораздыми», и онъ весьма внушительно замѣтилъ дьяку: «Говоришь и мудртвуешь о св. иконахъ не гораздо. Живописцы невидимаго Божества не описуютъ, а пишутъ по пророческому видѣнію и по древнимъ образцамъ, по преданію св. апостолъ и св. отецъ. И ты о томъ мудртвуешь и говоришь негораздо, понеже не велѣно вамъ о божествѣ и божіихъ дѣлахъ испытovati. Сталь еси на еретикы (дѣло происходило, какъ мы замѣтили, на одномъ изъ засѣданій собора, судившаго Башкина, Артемія, Феодорита и др.), а нынѣ говоришь и мудртвуешь негораздо о св. иконахъ: не попадися самъ въ еретикы. Зналъ бы ты свои дѣла, которые на тебя положены, не разроняй списковъ (дьяческихъ дѣлъ)». Такія слова и предостереженія митрополита, конечно, не могли подѣйствовать особенно успокоительно. Чтобы снять съ себя подозрѣніе въ еретичествѣ, Висковатый вскорѣ

подалъ митрополиту особый «списокъ», въ которомъ подробно и чистосердечно изложилъ свои «сумнѣнія».

Кромѣ заявленнаго, «сумнѣнія» Висковатаго были слѣдующаго рода: «Написали (новые иконописцы) — писалъ онъ въ «Спискѣ», распята Христа руки (кисти рукъ) сжаты, а индѣ ослаблены (распростерты), а индѣ крылы херувимскими покрыты, а индѣ въ Давидовѣ образѣ, а индѣ въ доспѣсѣ, а индѣ Св. Духа особно стояща въ птичи незнаемѣ образѣ. Въ одной папертѣ одна икона; а въ церкви другая, тожь писано, а не тѣмъ видомъ... Жертвенникъ сдѣлали у Благовѣщенія (въ Благовѣщенскомъ соборѣ) больше престола, и о томъ вельми ужасаюся, яко меньшая съ большимъ уравнивають: мню, яко сѣнь паче благодати почитаютъ (замѣтимъ, какъ сильна религіозная подозрительность и въ самомъ Висковатомъ)... Иже по человѣческому смотрѣнію образъ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и пречист. Его Матери и свв. угодниковъ Его образы сняли и въ то мѣсто поставили (новые иконописцы) своя мудрованія, толкующе отъ приточъ, и мнѣ, государь, мнится, что по своему разуму, а не по божественному писанію (сдѣлали они это)... Въ полатѣ средней Государя нашего написанъ образъ Спасовъ, да тутожъ близко него написана жонка, спустя рукава какъ бы пляшетъ, а подписано подъ нею: «блуженіе», а иное: «ревность», а иные: «глумленіе». И мнѣ, государь, мнится, что то кромѣ божественнаго писанія, о томъ смущаюся...» — Много и другихъ подобныхъ примѣровъ приводитъ Висковатый, замѣченныхъ имъ въ новомъ иконописаніи и смущавшихъ его. Свои «сумнѣнія» онъ излагаетъ въ самомъ благочестивомъ духѣ и не разъ въ своемъ «Спискѣ», обращаясь къ митрополиту, замѣчаетъ: «Бога ради, государь, прости меня и настави на лучшее, да укрѣпится духъ мой въ заповѣдѣхъ Божіихъ Христу Богу моему... Высмотри сумнѣніе мое все, и что не по Бозѣ — накази мя въ томъ, и азъ истинно съ благодареніемъ приемлю, да не буду брашно и снѣдь супро-

тивному, понеже грѣшенъ есмь и немощную плоть ношу и на свой разумъ такихъ великихъ дѣлъ взяти не удобень есмь. Прошу отъ тебя, государя моего, пастырскаго наказанія, укрѣпи духъ мой Христу Богу моему...» Чтобы окончательно отвлечь отъ себя всякія религиозныя подозрѣнія, Висковатый въ «Спискѣ» же помѣстилъ свое исповѣданіе вѣрѣ («Вѣрую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли... Вѣрую, яко крестихся во Отца и Сына и Св. Духа... Приемлю вся церковная преданія, писанная и неписанная... Поклоняюсь древу Честнаго Креста...»)

Казалось бы, за такимъ чистосердечнымъ изложеніемъ «сумнѣній», должно было бы слѣдовать только «пастырское наказаніе», котораго просилъ Висковатый; но вышло не такъ. «Списокъ» сдѣлалъ Висковатаго подсудимымъ... Митрополитъ послалъ полученный «списокъ» къ великому князю,—«какъ о томъ ему благочестивый царь повелитъ». Великій князь возвратилъ его митрополиту съ наказомъ «тотъ списокъ соборнѣ выслушавъ и засвидѣтельствовавъ по божественному писанію—о всемъ томъ себѣ сказать». Назначены были особыя соборныя засѣданія для рассмотрѣнія «списка»; «на двѣ соборѣхъ ставили передъ собой» Ивана Висковатаго—и наконецъ дали подробные «отвѣты» на его «сумнѣнія»... Соборъ призналъ почти все «сумнѣнія» Висковатаго негораздыми, ссылаясь, что указанія изображенія (смущавшія Висковатаго) живописцы пишутъ не по своему измышленію, а «по древнимъ образцамъ и по бытейскимъ книгамъ»¹³⁶). Но отвѣтами

¹³⁶) Приводимъ нѣкоторые изъ «отвѣтовъ» собора: они отчасти дополняютъ «сумнѣнія» Висковатаго, отчасти характеризуютъ состояніе современной русской иконописи. «Писалъ еси: херувимскими крылы покрыто тѣло Господа нашего Иисуса Христа..., а о херувимскихъ крилѣхъ въ превѣчномъ совѣтѣ явлено достовѣрно и извѣстно по великому Деонисію... А иже Христосъ плотію на крестѣ руцѣ и нозѣ плотяне пригвождени ко кресту имѣ, крестъ же стоитъ на херувимѣхъ въ лонѣ

дѣло далеко не ограничилось. Отцы собора поставили въ вину Висковатому самыя «сумнѣнія», заявляемыя имъ открыто и въ народѣ, поставили ему въ вину самую пытливость его въ такихъ совершенно неотносящихся къ нему «божіихъ

отчи,—и о томъ свидѣтельствуеть Иванъ Богословъ... А иже Боть Отець Господь Саваофъ изливаетъ изъ сосуда на Христа стоящаго въ херувимѣхъ въ крилѣхъ,—прообразуетъ св. крещеніе... А иже на верхъ креста сѣдитъ написанъ образъ, Исусъ Христосъ младъ, облаченъ въ броня, въ руку имы мечъ, — и о томъ свидѣлствуютъ святіи пророцы и Иванъ Злотустый.. Писано въ палатѣ въ большой въ небѣ на срединѣ Спасъ на херувимѣхъ, а подписъ: «Премудрость Исусъ Христосъ»; съ правой стороны у Спаса дверь, а пишеть на ней: «мужество», «разумъ», «чистота», «правда»; а съ лѣвыя страны у Спаса другая (дверь), а пишеть на ней: «блуженіе», «безуміе», «нечистота», «неправда; а межю дверей высопди дьяволъ седмиглавый; а стоить надъ нимъ жизнь, а держитъ свѣтильникъ въ правой руцѣ, а въ лѣвой копье; а надъ тѣмъ стоить ангель, духъ страха Божія. А за дверью съ правыя страны писано земленое основаніе и море, и приложеніе тому въ сокровенная его, да ангель, духъ благочестія; да около того четыре вѣтры; а около всего того вода, а надъ водою твердь, а на ней солнце, въ землю подая и приведе, да ангель, духъ благоумія, держитъ солнце; а подъ нимъ о полудни гоняется послѣ дни ночь, а подъ тѣмъ добродѣтель да ангель, а подписаны: раченіе, да ревность, да адъ, да заецъ. А на лѣвой сторонѣ за дверью писано тоже твердь, а на ней написанъ Господь аки ангель, а держитъ зеркало да мечъ, ангель возлагаетъ вѣнецъ на Него, и тому подписъ: «благословиши вѣнецъ лѣту благости твоея», а подъ Нимъ колесо годовое, да у году колесо съ правую сторону любовь, да стрѣлецъ, да волкъ, а съ лѣвыя стороны году зависть, а отъ ней слово къ зайцю: зависть лють вредъ, отъ того бо наченся и прескочи братоубійць», а зависть себе пронзе мечемъ, да смерть; а около всего того твердь, да ангели служатъ звѣздамъ, и иныя вся утвари божія, да четыре ангела по угломъ: духъ премудрости, духъ совѣта, духъ силы, духъ разума. И о той притчи отвѣтъ вмалѣ явленъ бысть въ житіи Великаго Василія ко учителю его Еввулу философу... И ты и о той притчи мнѣлъ еси негораздо, ни малого отъ божественнаго писанія взыскаль, ниже отъ искусныхъ чловѣкъ разууженія пріялъ...»

дѣлахъ»... «Ты овсемъ томъ—грозно повторяютъ отцы собора не разъ въ своихъ «Отвѣтахъ»—писаль и мудрствовалъ негораздо, понеже невелѣно вамъ (мірскимъ людямъ) о божествѣ и божіихъ дѣлѣхъ испытovati, но токмо вѣровати и св. иконамъ поклонятися... О непостижимѣмъ существѣ Божіи не разсужати—рѣкоша богословцы—ни описовати, но токмо вѣровати; чего не велѣно святыми отцами испытovati, ты мудрствуешь и испытуешь... О тѣхъ св. иконахъ сомнѣніе имѣль отъ своего смышленія, не испытавъ божественнаго писанія... О томъ—всѣмъ православнымъ христіаномъ не подобаетъ никакого сумнѣнія имѣти, но токмо со страхомъ вѣровати и поклонятися»... «И тѣхъ ради винъ—читаемъ въ заключеніи соборнаго акта—на томъ соборѣ отлучили его (Ивана Висковатаго) отъ святыя соборныя церкви и всякія святыни!...»

Расположеніе великаго князя, заступничество бояръ, собственное новое слезное «рукописаніе» отлученнаго ¹³⁷⁾—

¹³⁷⁾ Отлученный такъ неожиданно «начать о томъ своемъ великомъ съгрѣшеніи каатися и плакати и бити челомъ, да о томъ о всемъ своемъ съгрѣшеніи и на соборѣ предъ царемъ и митрополитомъ и предъ архіепископомъ и епископы и предъ многими бояры, и предъ священнымъ соборомъ каался и прощался (прощенія просить) и рукописаніе о своемъ покаянніи даль...» Это «рукописаніе» является также чрезвычайно типичнымъ. «Что язъ писалъ къ тебѣ, государю моему, въ своей исповѣди (въ «спискѣ») — пишеть теперь Висковатый — въ томъ виновать, каюся и прощенія прошу... Язъ разсуждалъ не гораздо, — чего не велѣно святыми отцами разсужати, язъ въ томъ виновать, каюся и прощенія прошу... Что показалоса мнѣ сумнѣнно, въ томъ есми виновать, — язъ вѣрую по тому, какъ есте изсвидѣтельствовали отъ божественнаго писанія... Язъ у тебя, государя, прощенія прошу, — Бога ради, государь, во всехъ моихъ грубыхъ рѣчахъ и въ помышленіи прости, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, а язъ тебѣ, государю, челомъ бью, — а впредь по вашему свидѣтельству вѣрую безсумнѣнно, и тѣмъ образомъ поклоняюся и любезно цѣлую, — какъ есте изсвидѣтельствовали... О всемъ о томъ своемъ сумнѣннн виновать и каюся и про-

смягчили нѣсколько участь послѣдняго: отцы собора измѣнили свое первоначальное рѣшеніе, но наказаніе все же осталось весьма тяжелымъ: Висковатый «пріять бысть къ святѣй соборнѣй апостольстѣй церкви», но съ трехгодичной епитимьей: одинъ годъ онъ долженъ былъ стоять за церковными дверями и каяться всѣмъ входящимъ въ церковь о своемъ великомъ согрѣшеніи; другой годъ — стоять въ церкви, но только до литургіи вѣрныхъ; въ продолженіе третьяго года онъ могъ оставаться во всю литургію, но лишень былъ причастія св. таинъ: только по истеченіи трехъ лѣтъ онъ могъ приступить къ принятію св. таинъ и дѣлался полноправнымъ сыномъ церкви... Кромѣ того, въ данной ему епитимьѣ (рукописной) отцы собора еще разъ напомнили отлученному: «Также отнынѣ и впредь тебѣ заповѣдуемъ... не подобаетъ предъ людьми простыми учительнаго слова подвигнуть или учити, санъ себѣ учительства абіе утваряя, но внимати отъ Господа преданному чину. Всякъ убо долженъ вѣдати свой чинъ и не творити себя пастыря овчя сый, но повиноватися отъ Бога преданному чину... Мірстіи человекѣи да не учать словесе о заповѣдѣхъ, да не подвижаютъ тѣмъ, санъ учительства привлекаще. И того ради тебѣ у себя отнынѣ и впредь въ дому священныхъ правилъ не держати (дѣло идетъ между прочимъ о такихъ книгахъ, какъ Богословіе Іоанна Дамаскина), ни учити. Также тебѣ отнынѣ и впредь о св. Дусѣ соборнѣ заповѣдаемъ — о невидимомъ божествѣ не испытovati и о непостижимѣмъ существѣ не разсуждати, но токмо вѣровати, еже Богомъ вся быша, а еже како быша — не испытovati... Также тебѣ отнынѣ и впредь о св. Дусѣ соборнѣ заповѣдаемъ о тѣхъ всѣхъ св. иконахъ, о которыхъ еси сумнѣніе имѣлъ, и о прочихъ св. иконахъ — впредь тебѣ

щенія прошу...» «И тутъ же на соборѣ — замѣчается въ актѣ — каялся и прощался...»

сумнѣнія не имѣти, ни разсужати, ни поносити, ни испытovati, ни въ церкви, ни въ народѣ, ни въ дому, православныхъ христіанъ не развращати по прежнему своему сумнѣнію, но токмо св. иконамъ и св. честному кресту любовію и со страхомъ молитися и облобызавъ поклонитися, елика твоя сила. Аще впредь... учнешь паки злѣ мудрствовати или развращати народы по прежнему своему сумнѣнію... — тогда конечнѣ отъ св. соборныхъ церкви изгнанъ будеши и отъ всякія святыни отлученъ и причтенъ будеши и проклятъ со всѣми еретики и отступники православныхъ вѣры».... ¹³⁸⁾.

Такъ окончился возникшій неожиданно судъ надъ Висковатымъ... Всякое «сумнѣніе» въ области религіозности стало казаться посягательствомъ на «вѣру», начинало грозить церковнымъ отлученіемъ. «Мнѣніе» объявляется прямымъ врагомъ религіи, оно — «мати всѣмъ страстемъ, второе паденіе!...» ¹³⁹⁾.

Одна крайность всегда вызываетъ другую. Та основная причина, которая больше всего обуславливала собою появленіе и развитіе указанныхъ нами свойствъ господствовавшего теченія религіозной жизни — отсутствіе всякаго духовнаго «укрѣпленія» со стороны пастырей, крайняя вообще недостаточность просвѣтительныхъ средствъ страны — эта же самая причина должна была вызвать въ религіозной жизни древней Руси и факты другаго рода. То или другое направле-

¹³⁸⁾ Розыскъ или списокъ о богохульныхъ строкахъ и о сумнѣніи св. честныхъ иконъ дьяка Ивана Михайлова сына Висковатаго, въ лѣто 1554. — Чтенія Общ. Ист. и Др. Рос., 1858, кн. II.

¹³⁹⁾ Письмо о нелюбкахъ: Во истину сбыться... яко мнѣніе — второе паденіе... — всѣмъ страстемъ мати мнѣніе!... — Интересныя данныя въ этомъ отношеніи представляетъ Посланіе къ Іосифу Волоцкому Ивана Головина, — Сборникъ XVI вѣка Имп. Публич. Библіотеки, Q. XVII, 64, л. 283: «Посланіе ко Іосифу нѣкоего мудра мірянина».

ніе въ религіозной мысли сводилось главнымъ образомъ къ личной, индивидуальной почвѣ каждаго. Рядомъ съ господствующимъ стремленіемъ къ церковной обрядности; рядомъ съ сопутствовавшей его крайней хаотичностью разнаго рода мудрствованій; рядомъ съ слѣпымъ благоговѣніемъ ко всякимъ вообще «писаніямъ», при полномъ отсутствіи всякой мысли о критикѣ; рядомъ съ начинавшею развиваться крайней религіозной нетерпимостью ко всякаго рода «сумнѣніямъ» въ дѣлѣ религіозности; рядомъ и одновременно съ этими преобладающими чертами господствовавшего течения, въ общей религіозной жизни древней Руси— «прозябъ ересь и явился шатанія въ людѣхъ»... Рядомъ съ общепризнанными, такъ сказать оффиціальными формами религіозной жизни, религіозная мысль древнерусскаго челоука принимаетъ другое, какъ бы частное направленіе: подъ слоємъ «возсіявшаго благочестія» начинаетъ возникать и развиваться религіозное броженіе, какъ результатъ другой, невидимой, внутренней работы мысли. Намъ не видна эта работа, мы не можемъ строго-исторически прослѣдить всего процесса ея развитія; работа больше всего сосредоточивалась на скрытой субъективно-психической почвѣ; но самые результаты этой работы неопровержимо указываютъ на ея присутствіе...

«Ереси» и «шатанія» начали возникать очень рано. Уже въ началѣ XI вѣка въ Кіевѣ является еретикъ Адрианъ, который «укоряше церковныя законы и епископы и пресвитеры и иноки»; въ началѣ XII вѣка тамъ же появляется другой «злой еретикъ» — Димитрій¹⁴⁰⁾. Въ житіи м. Петра (1308—1326), составленномъ еп. Прохоромъ († 1327), глухо упоминается о какомъ-то еретикѣ, котораго «митрополитъ препрѣ приѣхавши на прю и проеля»¹⁴¹⁾. Въ чемъ со-

¹⁴⁰⁾ Голубинскій: Ист. Р. Ц., т. I, пол. 2, стр. 685—689.

¹⁴¹⁾ Преосв. Макарій, —IV, 310.

стояла ересь этого еретика—въ житіи не сказано; другія извѣстія поясняютъ, что появившійся еретикъ «былъ новгородскій претопопъ, соумышленникъ тверскаго епископа Андрея¹⁴²⁾, отвергалъ существованіе рая на землѣ и проповѣдывалъ противъ монашества»¹⁴³⁾. Въ житіи ростовскаго епископа Іакова (1385—1392) рассказывается о еретикѣ Маркіанѣ (мы уже упоминали по одному поводу о немъ), который сталъ проповѣдывать, что иконамъ поклоняться не слѣдуетъ, что иконы—идолы, распространялъ и другія подобныя мысли; будучи «зѣло хитръ въ словесѣхъ и въ писаніи книжномъ коваренъ», еретикъ «поколебалъ не только простой народъ, но и бояръ и самого князя»¹⁴⁴⁾. Но все это были отдѣльные факты. Болѣе обширное религиозное броженіе возникаетъ во Псковѣ, въ концѣ XIV вѣка; на время оно кажется подавленнымъ, прекращеннымъ; но въ концѣ XV в. съ новой силой обнаруживается въ Новгородѣ и Москвѣ.

Много чрезвычайно разнообразныхъ и сложныхъ сторонъ заключало въ себѣ возникшее броженіе; мы отмѣтимъ только наиболѣе существенныя и выдающіяся его черты.

I. Исходнымъ пунктомъ броженія служатъ нападки на современную церковную іерархію, — обличеніе «недостойнства» и «беззаконій» низшаго духовенства и «ереси растущей и множащейся»—въ средѣ представителей высшей іерархіи. Обличенія такого рода раздавались уже давно; теперь вѣковая бесплодность этихъ обличеній приводитъ наиболѣе

¹⁴²⁾ Этотъ епископъ, ок. 1312—1315 года, обвинялъ передъ Іерусалимскимъ патріархомъ Аванасіемъ современнаго русскаго митрополита въ симоніи. — Преосв. Макарій, IV, 310 (Житіе м. Петра); современныя этому дѣлу: Посланіе русскаго инока Акиндяна и Грамота конст. патріарха (—Пам. древнер. кан. пр., I, № 16) даютъ нѣкоторое право думать, что обвиненіе было не совсѣмъ неосновательно.

¹⁴³⁾ Лѣтопись Татищева, IV, 93. Преосв. Макарій, IV, 312.

¹⁴⁴⁾ Преосв. Макарій, —IV, 247.

смѣлыхъ книжныхъ людей къ отрицанію въ принципѣ всей іерархіи, къ отрицанію ея божественности. «Еретики» отвергають «весь вселенскій соборъ, патріарховъ, митрополитовъ, епископовъ и игуменовъ и поповъ и весь чинъ священническій,—яко не по достоянію поставляеми», говорятъ, что всѣ митрополиты, епископы, игумены, весь чинъ священническій поставленъ по мздѣ, за деньги,—что всѣ они «не достойны суть, духопродавцы суть»... «У кого ся причащати? говоритъ одинъ изъ еретиковъ—попы по мздѣ ставлены, митрополитъ и владыкы—по мздѣ же ставлены.. Коли въ Царьградъ ходилъ митрополитъ ставитися, и онъ патріарху деньги давалъ; а нынѣ онъ бояромъ посулы даетъ тайно, а владыкы митрополиту даютъ деньги: ино у кого причащатися?..» Обвиняя вышнюю іерархію въ симоніи, низшее духовенство «еретики» укоряють въ недостойной жизни, корыстолюбіи, жадности. «Сіи учителя—говорять они про приходскихъ священниковъ—пьяницы суть, ядятъ и пьютъ съ пьяницами, и взимають отъ нихъ злато и серебро и порты,—отъ живыхъ и отъ мертвыхъ»...—«недостойны ихъ (священниковъ) службы, яко не нестяжаша, но имѣнія взимають у хрестьянъ, за живыя и за мертвыя»... Обличая все современное духовенство и монашество, «стригольники уловляли хрестьянъ тѣмъ словомъ, еже Христось рече ко апостоломъ: не имѣйте влагалищъ, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ»; указывая на корыстолюбіе духовенства и иноковъ, «еретики» говорили: «се многа собирають имѣнія!..» Обличенія стригольниковъ падали, по видимому, на подготовленную почву: въ укоръ пастырямъ, о еретикахъ стригольникахъ «нѣщии безумніи» и изъ православныхъ стали говорить: «сіи не грабятъ и имѣнія не збирають!..»—Отрицая іерархію, «еретики» въ принципѣ отвергали и монашество,—иноческій чинъ «ни во что-же полагающе». «Аще бы было—говорили одни изъ нихъ—иноческое житіе богоугодно, былъ бы самъ Христось и боже-

ственнии Апостоли въ иноческомъ образѣ». .. Другіе, указывая на слова Апостола Павла: въ послѣднія времена отступятъ нѣдци отъ вѣры внемлюще... ученіямъ бѣсовскимъ... лже-словесникъ..., возбраняющихъ жениться, удалитися отъ брашенъ... ¹⁴⁵⁾—заключали: «сія рекль Апостолъ о иноцѣхъ: ти бо возбраняють жениться и брашенъ ошаятися (избѣгать)»... «Еретики» нападали на монашество, какъ на такое учрежденіе, которое противно «пророческимъ и евангельскимъ и апостольскимъ писаніямъ», они «хулили» инокъ, говоря: «иноцы оставиша заповѣдь Божию и пророческое и евангельское и апостольское писаніе, и самомышленіемъ и самоученіемъ избобрѣтоша себѣ житіе и держать преданіе человекско»... ¹⁴⁶⁾).

¹⁴⁵⁾ I Тим., IV, 1—3.

¹⁴⁶⁾ См.: Пам. древнр. кан. пр., I, № 25, coll. 214, 220—221, 223, 226; ib. № 55, col. 476; ib, № 115; coll. 779—780. Провѣдатель, стр. 49, 451, 453, 481—497. Нападки «еретиковъ» на низшее духовенство и монашество, въ виду ранѣе сказаннаго нами, вполне понятны; другія историческія данныя вполне объясняютъ возбужденіе и противъ высшихъ представителей іерархіи. Приводимъ нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ. Уже въ опредѣленіяхъ владимірскаго собора (1274) читаемъ: «Приде въ слухы наша, ако нѣдци отъ братія нашея дерзнуша продати священный санъ, и причитати я къ къ церквамъ, и взимати отъ нихъ нѣбья уроки глаголемыя... Прочее отъ сего времени аще кто явится отъ св. нашего собора — или игумена въ игуменьство емля отъ него что, сваячая на мздѣ, рѣкомое носешное, или постризая мръсваго попа на мздѣ въ игуменьство, или попа поставляетъ къ церкви емля у него что—да будетъ изверженъ». —Пам. древнр. кан. права, I, № 6, coll. 86—89. Но постановленіе это, повидимому, не принесло большой практической пользы. Въ 1312—1315 гг. русскій инокъ Акиндицъ въ особомъ посланіи (оно уже упоминалось нами) пишетъ къ в. кн. Михаилу Тверскому: «Азъ понужденъ... возвѣстити тебѣ писаніемъ... видя ересь растущу и множащуся, безстуднѣ и непокровными усты износиму, наченшуся обычаемъ богоненавистнымъ отъ старѣйшихъ святитель

II. Отвергая церковную іерархію, «еретики» требуютъ права: учительства для каждаго мірянина: пастьерскому авторитету духовенства и монашества они противопоставляютъ принципъ личной правоспособности каждаго въ религіозной сферѣ. Послѣ признанія «недостойнства» всей современной іерархіи,

нашихъ и до меньшихъ,—непродаемую благодать св. Духа въ куплю вводити и взимати отъ поставленія митрополиту отъ епископа и отъ попа и отъ дьякона и отъ прочихъ причетникъ; такоже и епископу отъ сущаго подъ нимъ всего причта, отъ первыхъ и до послѣднихъ и отъ всякаго священія... Невниманіемъ бо святитель нашихъ—человѣческихъ угодникъ, а не Божіихъ—попрана быша апостольская заповѣданія и отечестіи божественни уставе,—ихъ же (святителей) въсхожденіе къ чистительству (святительству), по Богословію,—благодати человѣчья, а не божія, ничто же добродѣтели не принесимъ, ни принести могутъ,—ихъ же Апостольская нарече врагы креста Христова, —имъ же богъ—чрево, и слава ихъ—студъ, служеніе—кумиру сребролюбія.. Убойтеся, чистители, прещенія Господня!.. Имя Божіе васъ дѣля хулится во языцѣхъ... Повелѣно и тебѣ, господине княже,—оканчиваетъ Акиндинъ свое посланіе—не молчати о томъ святителемъ своимъ... Како ли возмозутъ васъ научити мзды не взимати? Мзда бо—рече—ослабляетъ очи мудрыхъ, а сами мздою отъ священія слѣпи суще! Или речеши, господине, кривымъ извѣтомъ: «сами ся управляютъ, како хотятъ, а язъ въ ее не вступлюся». —Царь еси, господине княже, въ свей земли; ты истязанъ имаши быти на страшнѣмъ судици Христовѣ, аже смолчиши митрополиту... Или помыслиши собѣ: «время не то, что стати за ее?» — всегда время доброму дѣлу... — Пам. древн. кан. пр., I, № 16, coll. 150—158. Ср.: одновременное посланіе къ тому же князю константинопольскаго патріарха Нифонта о томъ же, — ib., № 16, coll. 147—150 («Митрополитъ много сотворитъ безъ закона... мзды емлетъ отъ ставленія», — пишетъ патріархъ). — Ср. также данныя болѣе поздняго времени, — Пам. древн. кан. пр., I, № 33 («а которые игумены или попы или черныцы — пишетъ м. Фотій — торговали прежь сего, или сребро давали въ рѣзы, а того бы отъ сѣхъ мѣсть не было» — грамота 1410 года, въ Новгородѣ), — № 43 (грамота 1417 года о томъ же во Псковѣ); о томъ же идетъ рѣчь на московскомъ соборѣ 1503 года (—Соловьевъ, Ист. Россіи, V, 277);

послѣ отверженія ея въ принципѣ, мысль эта была уже неизбежнымъ слѣдствіемъ. Ссылаясь на Ап. Павла, еретики говорили: «Павелъ и простому человѣку повелѣ учити». И на самихъ себѣ они подавали примѣръ этому: «Ни священія имуще, ни сана учительства, стригольницы сами ся поставляютъ учительіе народа». «Како дерзнуете вы — укоряють стригольниковъ — учити святителей про устрой церковный, еже взимають у поставляющихся уроки церковныя?» Ихъ подозрѣваютъ, что они хотятъ сами заступитъ мѣсто священниковъ: «завистью бо стрѣкаеми вы, стригольницы, востаете на святителей и на поповъ, — сами себѣ хотяще прехватити честь». Постоянными ссылками на «писанія»¹⁴⁷⁾, «еретики» стараются доказать свою учительную правоспособность¹⁴⁸⁾. Учительность книжность составляетъ, дѣй-

о томъ же дѣлаются постановленія на стоглавомъ соборѣ (... «даютъ митрополичьи и архіепископли и епископли деньги въ ростъ и хлѣбъ въ насы...»), — Стоглавъ, стр. 42, 155, 158—160, 162—163, 170—171, 233 (изд. Кож.). — «А такіе рѣзкіе примѣры симоніи, какіе случались въ самомъ Царьградѣ при поставленіи русскихъ митрополитовъ—Романа, Пимена, и, вѣроятно, другихъ, — примѣры, оглашавшіеся по всей Россіи и сопровождавшіеся многочисленными смутами въ русской церкви — очень естественно могли возбуждать у насъ многихъ и противъ самихъ патріарховъ...» — Преосв. Макарій, — IV, 160.

¹⁴⁷⁾ См. Просвѣтитель.

¹⁴⁸⁾ Пам. древнр. кан. пр., I, № 25, col. 215, 218, 222. — При общемъ чрезвычайно низкомъ уровнѣ и умственного и нравственного развитія массы приходскаго духовенства, при совершенной социальной забитости послѣдняго — попытки къ нѣкоторой самостоятельности въ церковной сферѣ, при всемъ непоощреніи къ этому, стали заявляться со стороны мірянъ довольно рано. Уже въ XII—XIII вѣкѣ одинъ русскій епископъ на соборѣ епархіальнаго духовенства замѣчаетъ: «Глаголющимъ не отъ божественнаго писанія заграждайте уста... Аще ли кто противится вашему благовѣрію — мнѣ повѣдайте: азъ обличу и отъ церкви отжену...» — Пам. древнр. кан. пр., I, № 8, col. 114. Владимірскій

ствительно, существенную черту всѣхъ вообще нашихъ «ересей».

III. «Въ дѣлѣ размышленія о религіи всегда бываетъ такъ, что коль скоро въ головѣ мыслителя духовенство не выдерживаетъ критики, то вслѣдъ за тѣмъ подвергаются обсужденію и уставы, и шагъ за шагомъ мысль идетъ къ дальнѣйшему разрыву со всѣмъ, что принималось по авторитету». Такъ было и здѣсь. Обличенія и отрицаніе іерархіи и монашества очень скоро приводятъ стригольниковъ и позднѣйшихъ «новгородскихъ еретиковъ» къ отрицанію всей церковной обрядности и внѣшности.

«Не достойтъ, говорятъ они, надъ мертвыми пѣти, ни поминати, ни приноса за умершаго приносить къ церкви, ни пировъ (извѣстные «кормы» по монастырямъ) творити, ни милостыню давати за душу умершаго». Впрочемъ, такихъ крайнихъ мнѣній держались далеко не всѣ «еретики»: среди тѣхъ же псковскихъ стригольниковъ нѣкоторые продолжали дѣлать «приношенія къ церквамъ божіимъ, о чемъ замѣчаетъ въ 1427 году, въ одной изъ своихъ грамотъ противъ стригольниковъ м. Фотій, запрещая священникамъ

соборъ (1274) отмѣчаетъ такой фактъ: «нѣции не священнии освящаютъ приносимая къ церкви плодоносія, рекше крупы или кутья за мертвыя...» — Пам. древнр. кан. пр., I, № 6, col. 98. Тоже случилось позднѣе: «Случилась у васъ страшная вещь — пишетъ м. Фотій въ 1410—17 г. во Псковѣ: нѣкто «самъ на себе въсыти санъ священства и крещаетъ,» — ib., № 34, col. 286. М. Кирианъ пишетъ, что «въ Псковѣ міряне судятъ поповъ и казнятъ ихъ въ церковныхъ вещѣхъ», — ib., № 27, coll. 231—232 (грам. 1395 года). Архiep. новг. Геннадій уже прямо жалуется м. Симону: «Беззаконіе во всей русской землѣ ведется, пишетъ онъ: мужики озорные на крылосѣ поютъ, и паремью и апостоль на амвонѣ чтутъ, да еще и въ олтарь ходятъ..., мужики-невѣжи учатъ робятъ...» — Акты Истр., I, № 104. Ср. о «творцахъ» канонѣвъ и церковныхъ пѣснопѣній, этого же времени, — Преосв. Макарій, VIII, 73—74.

брать эти приношенія. Еретики отвергали иконы: не должно, говорили еретики, поклоняться иконамъ: иконы—идолы. «Не подобаеъ, говорили одни изъ нихъ, поклоняться плотскому смотрѣнію иже насъ ради вочеловѣчьшагося Бога Слова, ради иконнаго воображенія, — образу Господа Нашего Иисуса Христа и Пречистой Богородицы и всѣхъ Святыхъ и Честному Животворящему Кресту и божественному евангелію и св. и Животворящимъ Тайнамъ Христовымъ, и священнымъ сосудомъ и честнымъ мощемъ и божественнымъ церквамъ. Неподобаеъ рукотворенію поклоняться».

Указывая на слова Давида: идоли языкъ—сребро и золото, дѣла рукъ челоуѣчь, очи имуть и не видять, уши имуть и не слышать—еретики заключали: «мнитъ ми ся — сіе о иконахъ рекъ Давидъ». Приводя тексты писанія, еретики нападали и на самихъ православныхъ: «Богу къ Моисею глаголющу: да не сотвориши себѣ всякаго подобія ¹⁴⁹⁾, такожь: да не сотворите себѣ богъ сребрянъ и златъ ¹⁵⁰⁾. — Како, укоряли они православныхъ, Богу отрекшу, вы жь творите многа подобія, и поклоняетесь и служите имъ?» Когда еретикамъ указывали, что Богъ однако повелѣлъ тому же Моисею устроить скинію, кивотъ завѣта, херувимовъ въ скинію, и т. д., — «еретики» упорствовали и говорили: «святѣи сущѣи и честнѣи вещи, о нихъ же повелѣ Господь сотворити Моисею, еже есть скинія, и херувимы, и кіотъ, и скрижали, и ручка имущія манну и прочая, и почитати убо сихъ достоитъ, поклоняти же ся не подобаеъ ничему жь, развѣ единаго Бога». Другіе изъ «новгородскихъ еретиковъ» соглашались, что иконѣ Иисуса Христа можно поклоняться, но возставали противъ остальнаго: буди убо (паки глаголетъ еретики) иконѣ Христовѣ сіа тако, яко же глаголете, поклонятися подобаеъ, — что же о прочихъ отвѣщаете, ихъ же именуете

¹⁴⁹⁾ Исх., XX, 4.

¹⁵⁰⁾ Исх., XX, 23.

святыхъ и образы ихъ напишете и мертвыя кости ¹⁵¹⁾ любите и почитаете?»... Нѣкоторые изъ новгородскихъ еретиковъ доходили до открытаго богохульства и наруганія надъ иконами. Впрочемъ, если въ средѣ «новгородскихъ еретиковъ» случались самыя дерзкія хулы, то здѣсь же слышались рядомъ и подобныя возраженія: «не подобаетъ писати — говорить нѣкоторые — на св. иконахъ Святую и Единосущную Троицу: Авраамъ бо видѣлъ Бога съ двѣма ангеломъ, а не Троицу». Въ этому же разряду «еретиковъ» вѣроятно принадлежали и тѣ, которые говорили: «достоитъ поклоняться св. иконамъ и св. церквамъ егда на востокъ, егда же не на востокъ, тогда не поклоняться»... ¹⁵²⁾.

IV. Возставая противъ церковныхъ обрядовъ и противъ всей вообще церковной внѣшности, «еретики» стремятся къ болѣе внутренней, духовной сторонѣ религіозности. И среди псковскихъ стригольниковъ появляются люди, которые, отвергая всю іерархію и всѣ церковные обряды — на небо взирающе тамо Бога отца собѣ нарицають». То же стремленіе къ духовности обнаруживается и среди «новгородскихъ еретиковъ»: «не требѣ — говорятъ послѣдніе — церкви, но самъ человекъ церковъ: глаголетъ бо Павелъ апостолъ: вы есте храмъ Божій...; св. Іоаннъ Златоустъ глаголетъ: церковъ не стѣны, но народъ вѣрныхъ и благочестивыхъ людей». «Еретики» даже прямо становятся на евангельскую почву: опираясь на слова Спасителя, они требуютъ больше любви и милости: «приносяще на свидѣтельства Господни глаголы, еже рече: не осуждайте, да

¹⁵¹⁾ «Въ древнее и старое время подъ нетлѣніемъ мощей не разумѣли непремѣнно цѣлости всѣхъ тѣлъ, но столько же цѣлость и однѣхъ костей...» Ист. Рус. Церкви, Голубинскаго, т. I, пол. 2, стр. 342.

¹⁵²⁾ Пам. древнр. кан. пр., I, № 25, col. 224; ib., № 54, col. 480. Пресв. Макарій, — IV, 247. Просвѣтитель, стрр. 252, 256, 279, 284, 573—574, 201—203, 314.

не осужени будете, и св. Іоанна Златоустаго, еже глаголетъ: не достоинъ никого же ненавидити или осужати, ниже невѣрнаго ниже еретика и не достоинъ убивати еретика», — «новгородскіе еретики» говорили: «не подобаетъ осужати ни еретика, ниже отступника»... «На свидѣтельство приносяще божественное писаніе», — они также требовали: «аще еретикъ или отступникъ обратится на покаяніе—вскорѣ ему подобаетъ входить во св. церковь и божественнымъ тайнамъ причащаться. Впрочемъ, мнѣнія «еретиковъ» и въ этомъ самомъ близкомъ къ нимъ пунктѣ не всегда были одинаковы. Когда имъ доказывали «отъ божественныхъ писаній», что «еретика и отступника подобаетъ не токмо осужати, но и проклинати, царемъ же и княземъ и судіямъ подобаетъ сихъ и въ заточеніе посылати и казнемъ лютымъ предавати» — «еретики» уступали и говорили: «аще и подобаетъ судити или осужати еретики и отступники, но—царемъ и княземъ и святителемъ и судіямъ земьскимъ, а не инокомъ, иже отрекошася міра и всѣхъ яже въ мірѣ,—подобаетъ имъ точію себѣ внимати, и никого же осужати, ниже еретика, ниже отступника». Когда имъ и тутъ доказывали, что «всѣмъ человѣкомъ — и святителемъ и священникомъ и инокомъ — и всѣмъ иже христіанская мудрствующимъ — еретики и отступники не тоію осужати подобаетъ», но и проклинати, что «всѣмъ вѣрующимъ во святую и животворящую Троицу подобаетъ всякое тщаніе и подвигъ и богопремудростная коварства показовати, еже еретики крьющася испытовати и изыскати и истязати» — «еретики злѣ мудрствуя» продолжали утверждать: «не подобаетъ много искати или истязати или испытовати о еретицѣхъ или отступницѣхъ, аще сами не исповѣдуютъ своя ереси и отступленія...» ¹⁵³⁾

¹⁵³⁾ Пам. древнр. кан. пр., I, № 56, col. 484. Просвѣтитель, стрр. 316, 493—494, 526—527, 563—564, 551, 557.

V. Въ общемъ возникшемъ религіозномъ броженіи уже довольно ощутительно заявляетъ себя элементъ раціоналистическій. Возставая противъ почитанія мощей и чудотворныхъ иконъ, еретики говорили: «Како въ бездушныхъ тѣлесахъ и въ рукотворныхъ вещахъ Богъ чудеса творить?» «Еда (неужели) не можаше Богъ—говорили они, отвергая тайну воплощенія Спасителя — спасти Адама и сущихъ съ нимъ, еда не имѣаше небесныя силы и пророки и праведники, еже послати исполнити хотѣніе свое (спасеніе человѣка)? но самъ си иде, яко нестяжатель и нищъ, и въчеловѣчився и пострада, и симъ прехытри дьявола, не подобаетъ Богу тако творити»... «Како можетъ Богъ на землю снити и отъ дѣвы родитися, яко человѣкъ?» Отвергая догматъ троичности, еретики хотятъ объяснить отношеніе лицъ св. Троицы раціоналистически: «Яко же человѣкъ — говорятъ они — имать душу, яже ражааетъ слово, износимо усты духомъ и невидимо въ челоуѣцѣхъ, едина же убо душа състоитъ въ тѣлеси, слово же и духъ исходита и погибаета на воздухъ разливаема: тако же и Отець, всѣхъ творецъ, имать Слово производно и Духъ на воздухъ разливающийся. Тѣмъ же ни три лица, ни три съставы повѣдаемъ о Божествѣ,—яко же и человѣкъ, създанъ по образу Божію, не три лица имать, ни три съставы...» Другіе, совершая литургію, совершали ее—«ядше и пивше и тѣло Христова ни во что же вмѣняюще, яко просто хлѣбъ, и кровь Христову, яко просто вино». Указывая на несбывшіяся ожиданія кончины міра съ окончаніемъ седьмой тысячи лѣтъ (въ 1492 году), — о чемъ они иногда встрѣчали въ «писаніяхъ»,—еретики заключали: «святыхъ отецъ писанія ложна суть»: «Святіи отцы написали—разсуждали они—что седьмъ тысящъ лѣтъ здѣшняго житія, а осьмая тысяща будущаго вѣка: нынѣ седьмъ тысящъ лѣтъ прошло, а конца нѣсть, и св. отецъ писанія ложна суть и подобаетъ сихъ писаніи огнемъ сожещи». На основаніи такихъ же соображеній, еретики стали отвергать и «апостольскія

писанія»: «Апостоли написаша, говорили еретики, яко Христосъ родися въ послѣдняя лѣта, и уже тысяща и пятьсотъ лѣтъ преиде по Рождествѣ Христовѣ, а втораго пришествія Христова нѣсть, — и апостольскія писанія ложна суть»... Такъ, сомнѣніе, возникавшее еще въ средѣ псковскихъ стригольниковъ (изъ которыхъ нѣкоторые — «истинныхъ евангельскихъ благовѣстій и преданій апостольскихъ и отеческихъ не вѣрующе...») — получало теперь въ средѣ «новгородскихъ еретиковъ» какъ бы тѣнь нѣкоторой логичности. Впрочемъ, по отношенію къ «писаніямъ» и «новгородскіе еретики» не всѣ, повидимому, доходили до крайностей полнаго отрицанія: многіе не шли, кажется, дальше одного сомнѣнія. По крайней мѣрѣ, рядомъ съ крайнимъ отрицаніемъ мы видимъ и сомнѣніе: «мнози недоумѣють — замѣчаетъ пр. Іосифъ Волоцкій въ словѣ на ересь новгородскихъ еретиковъ глаголющихъ, яко не подобаетъ писати на св. иконахъ св. и единосущную Троицу: Авраамъ бо видѣлъ есть Бога, а не Троицу — мнози недоумѣють о семъ и глаголють: како святіи и божественніи отци и учителяе наши пишутъ, овогда, яко святую Троицу пріать Аврамъ, овогда же, яко Бога пріать съ двѣма Ангеломъ, овогда же, три Ангелы пріать? сіа убо глаголы мнятся, яко съпротивны себѣ...»; и когда пр. Іосифъ старался доказывать, что они «не суть съпротивны, но и зѣло съгласны», что «Самъ Богъ яко человекъ и яко ангелъ показуется» — нѣкоторые отвѣчали на это заключеніемъ: «аще сіа тако суть, то нигдѣ же ангельскаго служенія нѣсть, но самъ Богъ въ ангела въобразуется или въ человекъ, и тако вездѣ является...»¹⁵⁴⁾

¹⁵⁴⁾ Просвѣтитель, стрр. 286, 168. Соф. Времен., II, 351. Просвѣтитель, стр. 113, 379—380, 400. Пам. древнер. кан. пр., I, № 56, col. 485. Просвѣтитель, 216—217; ср.: 207, 208, 210, 226 и т. д.; стр. 245. — Вольнодумныя мысли и религіозныя сомнѣнія

VI. Къ этому всему присоединялись какіе-то неопредѣленные, неясные старо-еретическіе толки и заявленія съ отѣнками прямого жидовства. Нѣкоторые «еретики новгородскіе» говорили: «А еже пророцы рекоша о Сынѣ Божіи, той есть Исусъ Христосъ, и Сынъ Божій не по су-

завлялись въ русскомъ обществѣ изрѣдка и въ другія времена, равьше и послѣ описываемаго времени. Еще въ XII вѣвѣ галицкій князь Владиміръ замѣчаетъ съ усмѣшкой: «въ наше время чудесъ не бываетъ...»; а когда его упрекали въ нарушеніи крестнаго цѣлованія и грозили ему что крестъ накажетъ его, — онъ отвѣчалъ: «сей ли крестецъ малый» (неужели этотъ крестикъ)?!. (— Костомаровъ: Историч. Монографіи, XII, 351). Интересенъ разсказъ въ «житіи» ярославскихъ вкн. Θεодора и его сыновей, составленномъ ок. 1471 — 1473 года: біографъ разсказываетъ о наказаніи, постигшемъ мѣстнаго архіерея и церковнаго слѣдователя за недовѣрчивость къ мощамъ князей. «Архіепископъ Трифонъ послалъ протопопа, мужа рѣчистаго, грамотѣ горздаго и гордаго, дозрѣть мощей чудотворцевыхъ, разсмотрѣть, «исцѣленія отъ нихъ по правдѣ ли будутъ». Протопопъ не вѣрилъ этимъ чудесамъ, подозрѣвая—не игуменъ ли спасскаго монастыря, гдѣ покоились мощи, дѣйствуетъ здѣсь нечистой силой «на прельщеніе челоувѣкомъ», чтобы приобрѣсть богатство, «еже приношаху граждане не молебны, къ рацѣ приходяще». Когда онъ съ такими мыслями приступилъ къ осмотру мощей, внезапный ударъ повергнулъ его на землю, у него отнялись язьвъ, руки и ноги, и онъ лежалъ въ разслабленіи, каясь въ своемъ окаянствѣ... Услышавъ о бѣдѣ съ протопопомъ, владыка, раздѣлявшій его недовѣріе и подозрѣніе въ волшебствѣ, содрогнулся и былъ пораженъ разслабленіемъ, удалился на покой въ монастырь къ мощамъ ярославскихъ чудотворцевъ и прожилъ тамъ до смерти, «плачася грѣховъ своихъ». (— Ключевскій: Житія Святыхъ, 171—172; 421—422). Въ «житіи» нов. архіеп. Іоанна, составленномъ въ концѣ семидесятыхъ или въ восьмидесятыхъ годахъ XV столѣтія, авторъ его замѣчаетъ: «азъ окаянный слышашъ о житіи праведнаго мужа.. и невѣріемъ одержимъ быхъ и ятъ мя нѣкоторый недугъ неизцѣленъ...» (— Ключевскій, ib., 163—164). Въ «житіи» Михаила Клопскаго XV—XVI в. разсказывается «чудо святаго о попѣ невѣрующемъ»: «іерей... бѣ въ святому невѣріемъ одержимъ...» (— Пам. Стар. Рус. Лит., IV, 48). Рязанскій епископъ Кассіанъ не оказывалъ уваженія мощамъ св. Димитрія При-

шеству же, но по благодати...» Архіепископъ Геннадій находилъ въ мнѣніяхъ «новгородскихъ еретиковъ» ересь мессалианскую и маркіанскую»; пр. Іосифъ говоритъ, что «жидовствующіе держали ереси многи, десятословіемъ на жидовство учаще и ересь саддукейскую и мессалианскую ересь держаще». «Жидовствуя», «еретики» говорили: «Нѣсть св. Троицы... Христось еще не родился; но еще будетъ время, егда имать родитися, а его же глаголють христіане Христа Бога, тотъ простъ человекъ есть, а не Богъ, и распятъ бысть отъ іудей и истлѣ въ гробѣ яко человекъ, и не воскресе, ни вознесся, ни имать судити человекомъ». Свой-

луцаго, (— Костомаровъ: Ист. Монграф., т. I), а другъ его и «станиникъ», архім. Иларіонъ хулилъ мощи архіепископа Іоны, и Зиновій Отенскій въ словѣ объ открытіи этихъ мощей (въ 1558) съ горечью замѣчаетъ, что присутствіе упомянутаго архимандрита при торжествѣ «помѣшало нѣкоторымъ въ храмѣ почувствовать благоуханіе отъ мощей (— Блжечевскій, ib., 422—423). При открытіи въ томъ же 1558 году мощей еп. Нивиты, «намѣстникъ стоя у гроба усомнился въ возможности, чтобы мощи сохранились впродолженіе 450 лѣтъ...»; тогда же явились къ архіепископу «поны града», чтобы выразить свое сомнѣніе о новоявленныхъ мощахъ...» (— Блжечевскій, ib., 422) — Кн. Курбскій въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ, что о соборныхъ апостольскихъ посланіяхъ «нѣщцы» изъ кирилловскихъ и іосифовскихъ монаховъ — «блядутъ, иже бы старцы або презвитеры писали ихъ церковныя, а не апостоли, и потому наричутся церковныя, а титулы апостольскіе чести ради приписаны къ нимъ: сію бо ересь, прибавляетъ онъ, на Москвѣ слышахъ отъ нѣкоторыхъ кирилловскихъ мниховъ, понеже между нѣкоторыми изъ нихъ таковая секта крыется, яко и между осифлянскихъ мниховъ не бытна ересь,—того бо ради люты и безчеловѣчни и лукави зѣло, и властей и имѣній желатели, иже не надѣются за всѣ прегрѣшенія отвѣта дати на судѣ...» (— Рув. XVI вѣка, библи. Хлудова, № 60, л. 28—30: Поповъ, «Опис. рукопис.». Ср.: Востоковъ: Опис. Рум. Муз., 243). Въ такихъ же мнѣніяхъ относительно апостольскихъ посланій историка церкви западзриваютъ м. Данила (1522—1539) (— Преосв. Филаретъ: Ист. Р. Ц., III, 102). Къ изложенному прибавимъ, что разныя вольномыслія заявлялись иногда и въ средѣ первыхъ раскольниковъ (— Шаповъ: Русскій расколъ старообрядства).

ства не совѣмъ ясныя собственно іудейскаго элемента въ ереси «жидовствующихъ», кажется, лучше всего опредѣляетъ. Современный лѣтописецъ, замѣчая, что еретики «больше ветхаго завѣта держакхуся, по іудейски пасху праздноваху...».

VII. Наконецъ, въ общемъ хаосѣ религиозныхъ «сумнѣній» слышатся и мнѣнія прямо матеріалистическія. На почву полного отрицанія стали переходить уже нѣкоторые изъ псковскихъ стригольниковъ, тѣ изъ нихъ, которые «еже и воскресенію не надѣюще быти мнху»; въ средѣ «новгородскихъ еретиковъ» подобныя мысли заявляются еще опредѣленнѣе: «Что то царство небесное? говорятъ нѣкоторые изъ нихъ: Что то второе пришествіе? Что то воскресеніе мертвыхъ? Ничего того нѣсть. Умерь кто инъ, то умерь, — по тѣ мѣста и былъ»... ¹⁵⁵⁾ Религіозная мысль, разъ оторвавшись отъ почвы обряда, теряла подъ собою всякую почву, и быстро ударялась въ область самаго крайняго отрицанія... ¹⁵⁶⁾.

¹⁵⁵⁾ Просвѣтитель, стр. 78. Чтенія Общ. и Др. Рос., 1847, VIII, стр. 1. Просвѣтитель, 59, 120. Соф. Врем., II, 251. — Старо-еретическія мнѣнія о второмъ лицѣ св. Троицы и о Пр. Богородицѣ заявлялись иногда у насъ и раньше. Въ 1390 году м. Кипріанъ лишилъ епархіи тверскаго епископа Евфимія: «по нѣкоторымъ извѣстіямъ, замѣчаетъ по этому поводу Соловьевъ, Евфимій былъ обвиненъ въ томъ, что вмѣшивался въ дѣла княжескія, лжемудрствовалъ о Христѣ какъ Аріи, о Богородицѣ, какъ Несторій...» — Соловьевъ: Ист. Р., IV, 33 (въ примѣч.). Въ Новгородско-Софійскомъ Сборникѣ XIV вѣка, библ. С.-Петербур. Дух. Академіи, № 1262, находится такая замѣтка: «Се буди всѣмъ вѣдомо, яко Несторій еретикъ. научи трупезу власти рожакную. мяня Богородицю челоуѣкородицю. Святїи же отци Лаодикійскаго сбора. слышавше отъ ангела. зане Богу нелюботворимое то. и святѣй Богородици. писаніемъ повелѣша не творити того. Да кто послушаетъ заповѣдїй св. отецъ спасенъ будетъ. аще ли кто не послушаетъ отлученъ да будетъ». Лѣтоп. Рус. Лит. и Древн., IV, отд. III, 88.

¹⁵⁶⁾ Пам. древнр. кан. пр., I, № 55, col. 476. Просвѣтитель, стр. 58—59.

Мы отмѣтили наиболѣе выдающіяся черты происходившаго религіознаго броженія; но ко всему сказанному должны прибавить одно общее замѣчаніе. Крайнія, указанная нами мнѣнія (о которыхъ говорятъ намъ дошедшіе памятники, обличавшіе возникшее броженіе), повидимому, вовсе не были основой «ересей»; повидимому, мнѣнія эти были скорѣе частными мнѣніями отдѣльныхъ лицъ, и не составляли главной сущности «еретическихъ» толковъ. Относительно ереси стригольнической это очевидно изъ самыхъ памятниковъ: всѣ они, начиная съ грамоты патр. Нила (1382 года) и кончая посланіями м. Фотія (въ 1427 году) говорятъ главнымъ образомъ о «проторахъ» и «исторахъ», «иже на поставленіяхъ», — очевидно, этотъ вопросъ и составлялъ сущность и главное содержаніе возникшихъ «еретическихъ» мнѣній; изъ грамотъ Фотія, не говоря объ общемъ тонѣ ихъ, чрезвычайно мягкомъ, — видно, что нѣкоторые «еретики» и въ 1427 году, какъ было замѣчено, продолжали дѣлать приношенія въ церковь, а священники принимали эти приношенія, слѣдовательно и послѣ довольно продолжительнаго періода существованія стригольнической ереси (первые стригольники были казнены еще въ 1376 году) общее еретическое движеніе было еще настолько умѣренно, что нѣкоторые представители его продолжали исполнять свои христіанскія обязанности... Что касается до «ереси жидовствующихъ», то невольно думается, что православная ревность Геннадія и Іосифа Волоколамскаго (а для изученія «ереси» мы и имѣемъ только данныя вышедшія изъ ихъ рукъ) значительно преувеличивала дѣло. Какъ-то страннымъ кажется напр. такое обстоятельство: «На Москвѣ живутъ, пишетъ Геннадій, еретики въ ослабѣ... Иные и служили тамъ: Гаврилко попъ служилъ на Москвѣ, а Денисъ попъ — тотъ въ Архангелѣ служилъ, да на литургіи, дѣи, за престоломъ плясалъ, да и кресту наругался... Да съ тѣми то попы служили архимандриты и игумены и протопопы и священники многіе»...

Врядъ ли «архимандриты и игумены и протопопы и священники многіе» стали бы служить съ такимъ открытымъ богохульникомъ, да къ тому же, врядъ-ли могло быть такъ публично, «на литургіи, за престоломъ» — и самое богохульство такого рода. Тѣмъ болѣе, что тотъ же Геннадій (какъ и пр. Іосифъ) не разъ въ своихъ грамотахъ замѣчаетъ о «еретикахъ», что они «всячески покрываютъ свою ересь»...., — «и какъ ихъ (еретиковъ) спроси, и онъ (еретикъ) говоритъ: язъ де православный христіанинъ»... Мы не хотимъ заподозривать фактическую вѣрность рассказовъ Геннадія и пр. Іосифа Волоцкаго о крайнихъ богохульствахъ еретиковъ и наруганіяхъ ихъ надъ иконами, крестами, и т. п. ¹⁵⁷); намъ кажется только, что факты эти были болѣе частными, случайными явленіями, и не заключали существенной стороны «еретическаго» броженія. «Хулы», въ которыхъ пр. Іосифъ Волоцкій обвиняетъ ¹⁵⁸) м. Зосиму (1490—1494), признаются историками русской церкви прямо «преувеличеніями» ¹⁵⁹); что же касается до тѣхъ дѣйствій съ иконами, которыя, по словамъ пр. Іосифа ¹⁶⁰), позволяли себѣ нѣкоторые новгородскіе «попы-еретики», — то для объясненія такихъ странныхъ поступковъ чрезвычайно важными являются слова современнаго лѣтописца подъ 1488 годомъ, въ которыхъ онъ передаетъ извѣстіе о казни «новгородскихъ еретиковъ», постигшей послѣднихъ при самомъ началѣ борьбы съ «ересью».

¹⁵⁷) См.: Грамоту Геннадія къ Нифонту, — Хрущовъ: Исслѣд. о соч. Іос. Санина, стр. XXII—XXIII. Пам. древнр. кан. пр., I, № 115, col. 780. (Посл. Геннадія къ м. Зосимѣ). Просвѣтитель, стр. 573—574, 58—59.

¹⁵⁸) См.: Посланіе къ Нифонту, — Пам. древнр. кан. пр., I. Просвѣтитель, 58—59.

¹⁵⁹) Преосв. Макарій, — VI, стр. 104—105. Ср.: Пам. древнр. кан. пр., I, № 116, col. 788.

¹⁶⁰) Просвѣтитель, стр. 573—574.

Вслѣдствіе неоднократныхъ требованій Геннадія, «еретики» наконецъ были подвергнуты торговой казни¹⁶¹⁾, и лѣтописецъ такъ извѣщаетъ объ этомъ фактѣ: «того же года, биша новгородскихъ поповъ кнутіемъ, присла же ихъ владыка Геннадій изъ Новгорода великаго, что поругались ибонамъ пьяны и послаша ихъ къ владыцѣ опять»...¹⁶²⁾—и только. Это извѣстіе кажется намъ весьма важнымъ: изъ него видно, что другіе современники «ереси» не видѣли въ ней того, что усматривалъ Геннадій и о чемъ онъ съ такою горячностью и настойчивостью на первыхъ же порахъ писалъ къ митрополиту, великому князю, къ епископамъ—Прохору, Нифонту, Филоею¹⁶³⁾—и въ чемъ еще съ большей энергіей поддерживалъ его позднѣе пр. Іосифъ Волоколамскій... Какъ бы то ни было, невольно думается, что слѣдующими замѣчаніями пр. Іосифъ Волоцкій даетъ объ общемъ характерѣ ереси несравненно болѣе вѣрное представленіе, чѣмъ всѣми шестнадцатью «словами» своего обширнаго «Просвѣтителя». «Отступиша — пишетъ онъ къ архіепископу Нифонту въ 1493 году—мнози отъ православныя и непорочныя Христовы вѣры и жидовствуютъ въ тайнѣ. Иже преже ниже слухомъ слышася въ нашей земли ересь, отнели же возсія православія солнце¹⁶⁴⁾, — нынѣ же и въ домѣхъ, и на путѣхъ, и на торжищныхъ—иноцы и мірстѣи—и вси сонмятся, вси о вѣрѣ нытають, и не отъ пророкъ, ни отъ апостолъ,

¹⁶¹⁾ Объ этомъ первомъ соборѣ на еретиковъ см. преосв. Макарій, — VI, 90—91.

¹⁶²⁾ Полн. Собр. Р. Л., VIII, 218.

¹⁶³⁾ О первыхъ посланіяхъ и грамотахъ Геннадія. См.: Преосв. Макарій, VI, 90—93 Хрущовъ: Изслѣд. о соч. Іос. Санина Волокол., стр. XVII—XVIII; XXII—XXIII.

¹⁶⁴⁾ Пр. Іосифъ забываетъ здѣсь о ереси стригольниковъ; впрочемъ, его забывчивость отчасти можетъ служить косвеннымъ подтвержденіемъ ранѣе сказаннаго нами, что ересь псковская въ общемъ характерѣ не имѣла рѣзкихъ антирелигіозныхъ чертъ.

ниже отъ св. отецъ, но—отъ еретиковъ и отступниковъ Христовыхъ... и съ ними дружатся, и пьютъ и ядятъ, и учатся отъ нихъ жидовству»... ¹⁶⁵⁾ «Толико—замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ—прельстиша (еретики) и въ жидовство отведоша, яко не исчести мощно»... ¹⁶⁶⁾ «Аще же кто, прибавляетъ онъ, и не отступи въ жидовство, то мнози научишася отъ нихъ писанія божественныя убояти, — и на торжищахъ и въ домѣхъ о вѣрѣ любопреніе творяху и сомнѣніе имяху»... ¹⁶⁷⁾ Конечно, эта масса полуеретиковъ, которую «не исчести мощно», и которую «прельщали» еретики, — не доходила до тѣхъ крайностей, которыя выставляетъ въ ереси «жидовствующихъ» пр. Іосифъ; очевидно, связующимъ элементомъ между «новгородскими еретиками» и остальной массой православныхъ (—«съ ними дружатся, и пьютъ и ядятъ и поучаются отъ нихъ жидовству»...) служили вовсе не тѣ «хулы» и мерзости, которыя рассказывали о новгородскихъ полахъ-еретикахъ архіеп. Геннадій и Іосифъ Волоколамскій, и не тѣ мнѣнія крайняго отрицанія, которыми характеризуетъ ересь жидовствующихъ послѣдній: существовала, вѣроятно, почва болѣе умѣренная, болѣе, такъ сказать, нейтральная, на которой сходились съ «еретиками» православные, на которой послѣдніе поучались отъ еретиковъ и дружились съ ними... «Хулы» еретиковъ, очевидно, имѣли больше видъ общаго недовольства, общаго возбужденія, начинавшаго возникать во всей массѣ «книжныхъ людей» и остальнаго общества, — противъ крайностей господствовавшаго направленія религиозныхъ понятій...

Пр. Іосифъ Волоцкій въ только что приведенныхъ словахъ замѣчаетъ: «аще кто и не отступи въ жидовство, то мнози

¹⁶⁵⁾ Пам. древнр. кан. пр., I, № 120, col. 823.

¹⁶⁶⁾ Просвѣтитель, стр. 576—

¹⁶⁷⁾ Просвѣтитель, стр. 59—60.

научишася отъ нихъ писанія божественныя укоряти...» Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что всѣ мудрствованія «еретиковъ» произошли отъ того, что «посмѣли много веществовати умолчанная (въ св. писаніи) и истязати сокровенная», вся погибель произошла отъ «умнаго развращенія и мыслей благихъ оставленія...» ⁴⁶⁸⁾ Вотъ, въ послѣднемъ-то, кажется, дѣйствительно и заключалась основная, существенная черта «ереси». Безусловное довѣріе къ авторитету рушилось: возникъ духъ критики, критическое отношеніе ко всему строю церковной жизни, ко всему характеру современной религіозности...

Таковы были господствовавшія черты современной умственно-религіозной жизни... Мы видимъ, общій характеръ этой жизни—крайне печаленъ. Просвѣтительные источники страны чрезвычайно скудны: школь нѣтъ; общая масса приходскаго духовенства совершенно невѣжественна; монастырская жизнь—особенно въ лицѣ наиболѣе близкой къ народу и обществу, бродячей массы монашества—на низшей степени упадка. Формальнымъ источникомъ духовнаго просвѣщенія, болѣе или менѣе общедоступнымъ, является церковь, церковное богослуженіе, но и оно отправляется крайне небрежно, и потому не достигаетъ и возможной для него духовно-просвѣтительной цѣли... Предоставленное самому себѣ, общее христіанское развитіе—и въ массѣ простаго народа, и въ сто-

⁴⁶⁸⁾ Просвѣтитель, стр. 401, 411.

явшемъ надъ нимъ «обществѣ», и въ книжномъ слоѣ—чрезвычайно невысокое, бѣдное. Низшая масса народа питается религіозными суевѣріями; въ болѣе развитомъ обществѣ, въ общемъ большинствѣ — къ суевѣріямъ присоединяется церковная обрядность... Единственной умственной силой страны является книжная среда; но религіозная мысль и «книжнаго человѣка»—лишеннаго общаго просвѣщенія и всецѣло предоставленнаго самому себѣ — принимаетъ направленіе крайне ненормальное, патологическое. Господствующая, преобладающая масса книжныхъ людей вращается въ области вопросовъ внѣшне-формальныхъ, церковно-обрядовыхъ, и доходитъ здѣсь до самыхъ странныхъ «мудрствованій»; вспомнимъ споры о сугубой аλληлуіѣ, наставленія о небритіи бороды... Въ виду этой господствовавшей крайности, другіе, наиболѣе смѣлые представители книжности, покидая почву мертваго обряда, ударяются въ другую крайность—въ область голаго отрицанія; рядомъ съ горячими спорами о земномъ раѣ, о хожденіи «по-солонь» — заявляется отрицаніе всей церковной іерархіи и монашества, всей церковной обрядности, высказываются мысли рационалистическія и прямаго матеріализма... Впрочемъ, до этого, повидимому, доходятъ немногіе; религіозное отрицаніе становится главнымъ образомъ на почву общихъ «сумнѣній» и «шатаній». Между двумя крайними теченіями религіозной мысли, въ той же книжной средѣ и въ ближе стоявшей къ ней части остальнаго общества — возникаетъ и развивается общее религіозное броженіе, чрезвычайно сложное, неопредѣленное, неясное, неясное можетъ быть и для самихъ его представителей, но бывшее, кажется, для многихъ единственнымъ выходомъ изъ образовавшейся умственно-религіозной дилеммы. «Въ домѣхъ, и на путѣхъ, и на торжищахъ — иноцы и мірстіи — вси сонмятся, вси о вѣрѣ пытаются...» И «пытаятъ» о вѣрѣ уже «не отъ пророкъ, ни отъ апостолъ, ниже отъ св. Отець, но—отъ еретиковъ и отступниковъ Христовыхъ, съ ними дружатся, и

пьютъ и ядятъ, и учатся отъ нихъ жидовству»: церковный авторитетъ сталъ колебаться въ глазахъ многихъ. «Явися шатанія въ людѣхъ въ неудобныхъ словесѣхъ о Божествѣ...»¹⁶⁹) Таковъ общій результатъ многовѣковой исторіи древнерусской религіозной мысли. Такова была та умственно-религіозная атмосфера, которая окружала собой идеи Нила Сорскаго...

Направленіемъ своихъ идей Нилъ Сорскій, мы видимъ, стоялъ совершенно изолированно въ отношеніи къ преобладавшему церковно-обрядовому направленію религіозной жизни. По основному характеру своего міровоззрѣнія, по направленію своихъ стремленій, — мало общаго могъ онъ находить для себя въ господствовавшихъ интересахъ этой жизни: религіозная почва, на которой стояла общая масса современныхъ ему книжныхъ людей, и почва, на которой стоялъ онъ самъ, были слишкомъ различны. Вънѣшнеобрядовой религіозности и искусственнымъ приемамъ монашескаго аскетизма онъ противопоставлялъ евангельскую почву «духа и истины» и требованія внутренняго, «умнаго» самосовершенствованія; обстоятельнымъ росписаніямъ — «какъ поститься, какъ молиться, какъ милостыню творити, да какъ которой святыни коснуться въ міру живущимъ» — онъ предпочиталъ заботы о томъ, «еже воздвигнути въ ближнихъ совѣсть къ любви Божіей, хотѣлъ дать средство «спастись», «воздвизая совѣсть къ лучшему»... Крайности мертваго обряда вызываютъ въ немъ крайность созерцанія... Расходясь съ господствовавшимъ направленіемъ мысли общимъ характеромъ, идеи Нила Сорскаго расходились съ нимъ и нѣкоторыми частными сторонами. Крайней религіозной нетерпимости, которая начинала обнаруживаться въ современной книжной средѣ, онъ противопоставляютъ бѣольшую

¹⁶⁹) Никон. Лѣт., VII, 203.

личную свободу, больше уваженіе къ личному мнѣнію... Примѣры Ивана Головина и Висковатаго показываютъ, какъ ревниво начиналъ относиться «отъ Господа преданный чинъ» къ проявленію всякой мыслительной правоспособности со стороны пасомыхъ. Идеи Нила Сорскаго заключаютъ въ себѣ больше терпимости и больше любви. Онъ не только не подавляетъ личной мыслительности въ религиозной сферѣ, напротивъ, требуетъ ея, какъ необходимаго и главнаго условія: безъ разсужденія, говоритъ онъ—и дѣброе на злое бываетъ. Къ заблуждающимся онъ требуетъ извѣстной снисходительности (которая, прибавимъ, не исключала въ немъ рѣзкаго, мѣстами, взгляда на общую окружавшую его массу современнаго монашества): отъ такихъ лучше удаляться, но не слѣдуетъ «ни поношати ихъ, ни укорити»; судить ихъ онъ предоставляетъ самому Богу: «силень бо есть Богъ исправити ихъ!..» Всякія подобныя идеи представляли рѣзкій контрастъ съ начинавшей практиковаться теоріей.—Крайняя особенность, отчасти противоположность общаго міровоззрѣнія Нила Сорскаго по отношенію къ господствовавшему характеру религиозныхъ идей и понятій, рѣзкость (сравнительно съ общепризнаваемымъ строемъ религиозныхъ представленій) нѣкоторыхъ его частныхъ сужденій и мнѣній (напр. его мысли о постѣ, о церковныхъ украшеніяхъ, не говоря уже о его протестѣ противъ монастырскихъ имуществъ)—ставили его, не вольно для него самого, въ положеніе отрицательное съ общимъ, преобладавшимъ теченіемъ, а самыя идеи его, выходя изъ своей изолированности, дѣлались по отношенію къ этому теченію — невольнымъ фактическимъ обличеніемъ...

Являясь фактическимъ отрицаніемъ господствовавшихъ интересовъ книжной среды, становясь обличеніемъ преобладавшаго церковнообрядоваго направленія мысли, идеи Нила Сорскаго уже этимъ самымъ сближались съ воз-

нижней партіей протеста. Идеи Нила Сорскаго и стремленія «еретиковъ» — представителей общаго возникшаго религіознаго «шатанія» — не говоря ни о чемъ другомъ, прежде всего сходились въ одинаково отрицательномъ отношеніи къ господствовавшему теченію религіозныхъ понятій; общимъ являлось уже одно то, что и тѣ и другія стояли внѣ этого теченія, относились къ нему отрицательно. Но были и другіе, положительные и болѣе частные пункты сближенія (разумѣется — на болѣе нейтральной почвѣ «сумнѣній» и «шатаній»). Прежде всего, такимъ пунктомъ была та большая духовность, которая всецѣло проникаетъ собою все міровоззрѣніе Нила Сорскаго и которая лежала въ основѣ пробудившагося религіознаго движенія. При крайнемъ и общемъ господствѣ внѣшне-обрядовой религіозности, мысли Нила Сорскаго о постѣ, о церковныхъ украшеніяхъ — могли и должны были казаться большинству очень близкими къ свободнымъ мнѣніямъ нѣкоторыхъ «еретиковъ» объ иконахъ, мощахъ, крестахъ, и т. п.; при той крайней скорости, съ которой переходили отъ частнаго случая къ общему заключенію, при той крайней религіозной подозрительности, которая начинала обнаруживаться — эти идеи невольно должны были вызвать многихъ на сомнѣніе. Не даромъ Иннокентій Охлѣбнинъ замѣчаетъ, что мнѣнія Нила Сорскаго о постѣ казались многимъ «недоумѣтельными»; не безъ цѣли, вѣроятно, и самъ Нилъ Сорскій въ своемъ «Преданіи ученикомъ» помѣстилъ исповѣданіе вѣры... — Еще болѣе близкимъ пунктомъ соприкосновенія былъ принципъ критики. Идея критики составляла основной нервъ всего «еретическаго» движенія, и многихъ въ общемъ броженіи приводили къ крайностямъ отрицанія; мы видѣли, идея критики довольно настойчиво заявляется и Ниломъ Сорскимъ. Этотъ принципъ настолько составлялъ существенную, отличительную черту «еретическаго» движенія, такъ рѣзко отличалъ послѣднее отъ общегосподствовавшаго довѣрія къ авто-

ритету, что одно присутствіе его въ кругу идей Нила Сорскаго ставило послѣдняго уже въ непосредственную близость съ «еретиками». И дѣйствительно, пр. Іосифъ Волоцкій прямо обвиняетъ Нила въ хулѣ чудотворцовъ, древнихъ и новыхъ, — такъ рѣзко выдѣлялся онъ этой идеей изъ ряда православныхъ иноковъ... — Въ связи съ критическимъ отношеніемъ къ авторитету вообще, «еретики» выдвигали принципъ личной правоспособности каждаго мірянина въ религиозной сферѣ. Это право личнаго разумѣнія признается и Ниломъ Сорскимъ. Требуя отъ каждаго постояннаго (и отчасти критическаго) изученія «писанія», строгаго регулированія ими своей жизни, Нилъ Сорскій какъ бы подкрѣплялъ и развивалъ мысль «еретиковъ», что «Павель Апостоль и простому человѣку повелѣ учити». Въ лицѣ старца Германа и Нила Полева эти идеи Нила Сорскаго уже очень рано столкнулись съ господствовавшими требованіями... — Наконецъ, былъ и еще одинъ, столь же невольный пунктъ сближенія Нила Сорскаго съ «еретиками»: это — отношеніе къ общей массѣ окружавшаго монашества. Видя недостойную жизнь современныхъ иноковъ, — ихъ общей массы, которая дѣлала невидной богоугодную жизнь отдѣльныхъ единицъ, — «еретики» стали говорить, что монашество — учрежденіе вовсе не божественное, что оно — изобрѣтеніе человѣческое и противно всѣмъ писаніямъ «и пророческимъ и евангельскимъ и апостольскимъ», что иноки «самосмышленіемъ и самоученіемъ изобрѣтоша себѣ житіе»; отсюда они заключали, что монашества вообще не должно быть, отвергали монашество въ самомъ принципѣ. Не нужно забывать, что рѣшенію вопроса въ принципѣ «новгородскими еретиками» предшествовалъ длинный, шедшій изъ глубины вѣковъ рядъ практическихъ обличеній современнаго (для обличителей) русскаго иночества; съ другой стороны, и возраженія «новгородскихъ еретиковъ», переходя на почву принципа, имѣли, конечно, больше всего въ виду тѣ-же современное имъ рус-

ское монашество... Въ отношеніи къ этому современному монашеству идеи Нила Сорскаго, совершенно невольно для него самого, какъ нельзя лучше благоприятствовали мнѣніямъ «еретиковъ»: послѣднимъ онъ какъ бы давалъ православно-патристическую почву. Не говоря о тѣхъ взглядахъ, которые Нилъ Сорскій, очевидно, имѣлъ на главныхъ (по численности) представителей современного монашества, на эту массу «лжемонаховъ, обходящихъ и обтекающихъ все», на этихъ «прошаковъ, безстыдно пребывающихъ у дверей домовладыкъ» — Нилъ Сорскій и въ принципѣ отвергалъ современное русское монашество, монашество съ землями и крестьянами, монашество «съ данію и съ вирами, и съ продажами, и съ татьбою, и съ поличнымъ, и съ судомъ, и съ рѣзанкою, и съ тамгою, и съ беззадщинами, и со всеми пощинами»¹⁷⁰). Смѣлымъ протестомъ противъ монастырскихъ имуществъ Нилъ Сорскій открыто заявилъ, что и онъ такое монашество считаетъ человѣческимъ учрежденіемъ, противнымъ «и пророческимъ и апостольскимъ и евангельскимъ писаніямъ»... Идеалъ первобытно-восточнаго иночества, который выдвигался Ниломъ Сорскимъ, былъ — какъ и возраженія «еретиковъ» — фактическимъ отрицаніемъ современного русскаго монашества, его господствовавшей (вотчинной) основы. И Нилъ Сорскій и «еретики» одинаково-отрицательно смотрѣли на окружавшую и господствовавшую массу «лжемонаховъ»; первый и послѣдніе расходились только въ своихъ, такъ сказать, *ria desideria*: «еретики» говорили, что монашества совсѣмъ не должно быть; Нилъ Сорскій требовалъ, чтобы оно было первобытно-восточнымъ... — Таковы были пункты, въ которыхъ идеи Нила Сорскаго невольно для него самого сближались съ

¹⁷⁰) Обыкновенная формула жалованныхъ грамотъ монастырямъ на земли, — Мысовскій, — Прав. Соб., 1863, III, 271 (Древнее русское церковное право въ связи съ правомъ византійскимъ).

мнѣніями происходившаго религіознаго броженія. Сближеніе происходило, повторяемъ, на почвѣ самой общей, нейтральной, строго патристически-православной (со стороны Нила Сорскаго); но уже одинъ фактъ сближенія, даже самаго отдаленнаго — являлся весьма важной чертой. Идеи Нила Сорскаго являлись какъ бы подготовленіемъ, переходной ступенью къ болѣе смѣлымъ и крайнимъ «сумнѣніямъ» и «шатаніямъ»... Возникшее «еретическое» движеніе (...«все сонмется, все о вѣрѣ пытаются»...) — въ своемъ протестѣ противъ преобладающаго церковно-обрядоваго направленія мысли, въ своихъ болѣе духовныхъ стремленіяхъ — могло находить въ немногочисленныхъ литературныхъ трудахъ Нила Сорскаго (который «собралъ мысли отцевъ о внутреннемъ подвижничествѣ, разсѣяныя въ ихъ твореніяхъ, свелъ въ одно стройное цѣлое и для удобнѣйшаго руководства предложилъ въ возможно сжатомъ видѣ») строго-православное для себя подкрѣпленіе, — «еретики» могли находить здѣсь себѣ новую точку опоры. Съ другой стороны, для общаго теченія религіозной мысли, для господствовавшаго церковно-обрядоваго направленія, идеи Нила Сорскаго — эти собранныя имъ мысли отцевъ о внутреннемъ подвижничествѣ — неизбежно служили «камнемъ преткновенія и соблазна»...

На основаніи сказаннаго, мы можемъ теперь прибавить еще нѣсколько замѣчаній къ ранѣе сдѣланнымъ нами — о личномъ отношеніи Нила Сорскаго къ «еретикамъ». Мы указывали уже раньше на странную изолированность Нила Сорскаго отъ борьбы съ такимъ ужаснымъ зломъ, какимъ представлялось архіепископу Геннадію и Іосифу Волоколамскому «новоявившаяся ересь новгородскихъ еретиковъ»; принимая во вниманіе отмѣченные (хотя весьма общіе и отдаленные) пункты сближенія между идеями Нила Сорскаго и мнѣніями «еретиковъ», имѣя въ виду ту умѣренную

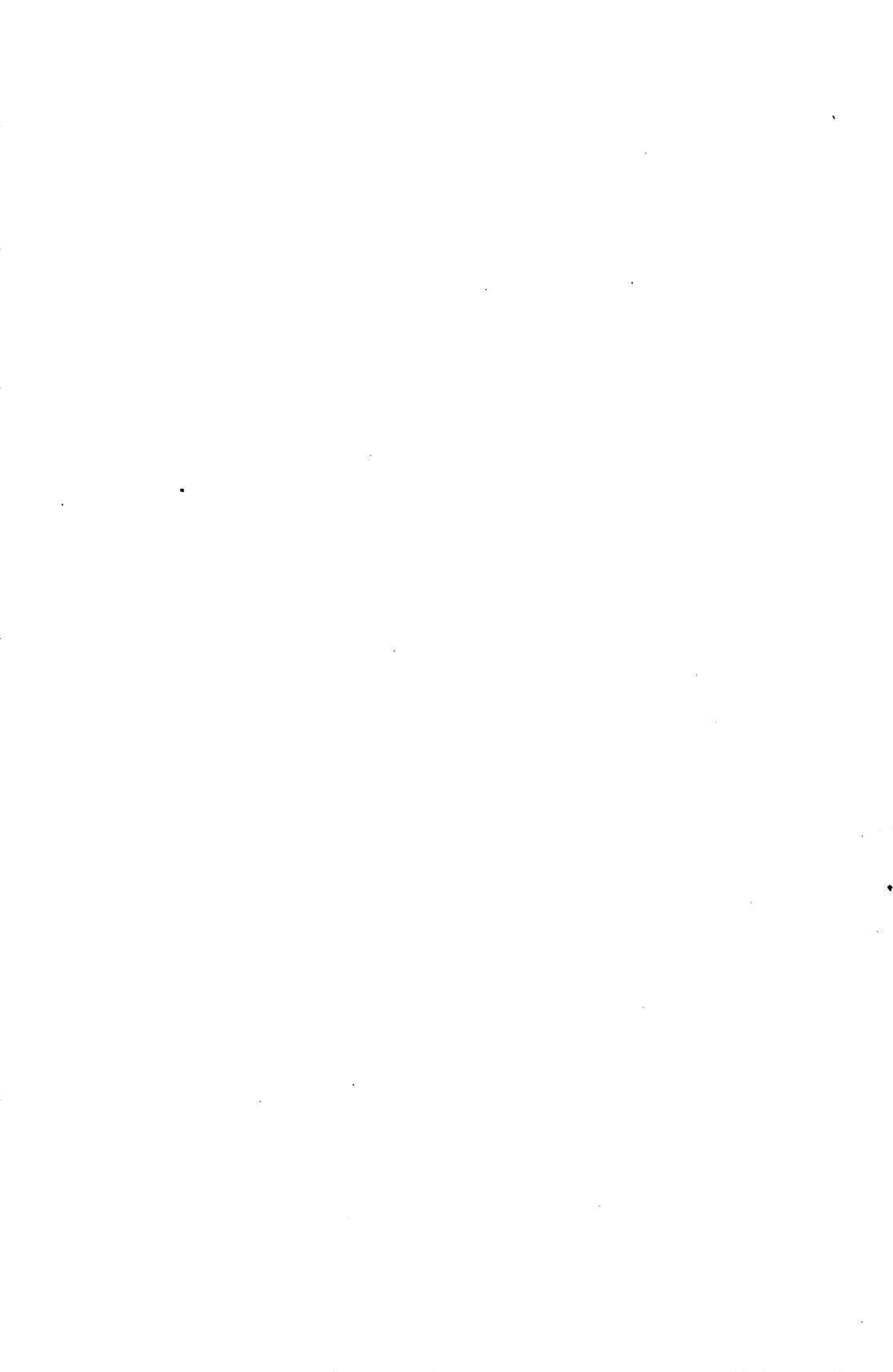
почву религиозныхъ «сумнѣній» и «шатаній», на которой масса православныхъ (ея же «не исчести мощно») слѣдовала за «еретиками» — намъ дѣлается понятнѣе эта изолированность. Какъ православный инокъ и строгій подвижникъ, пр. Нилъ Сорскій, конечно, съ не меньшей ревностью, какъ и Іосифъ Волоцкій, долженъ былъ относиться къ тѣмъ крайнимъ «хуламъ» противъ церкви и всего христіанства, которыя наряду съ другими «сумнѣніями» заявлялись въ общемъ хаосѣ еретическихъ «шатаній»; но дѣло въ томъ, врядъ-ли Нилъ Сорскій усматривалъ такія хулы во всемъ «еретическомъ» движеніи. Мы сейчасъ замѣчали, что движеніе это своимъ общимъ характеромъ, надо думать, вовсе не имѣло того остраго вида, который придавали ему ревность Геннадія и Іосифа Волоцкаго. Безъ всякаго сомнѣнія, въ общей средѣ броженія раздавались мнѣнія и самыя крайнія, — мысли стараго еретичества, іудейства, раціоналистическія и прямого матеріализма, — но они были, повидимому, скорѣе исключеніями, которыя успѣшили обобщить борцы съ «ересью». Вѣроятно, на подобныя крайнія мнѣнія Нилъ Сорскій смотрѣлъ также, какъ смотрѣлъ и современный лѣтописецъ — какъ на обстоятельство случайное и частное. По своему же общему и основному характеру, происходившее броженіе, вѣроятно, казалось Нилу Сорскому далеко не столь предосудительнымъ, какъ думали о немъ Іосифъ Волоцкій и Геннадій. Да и къ самымъ «еретикамъ» Нилъ Сорскій, вѣроятно, относился съ той же умѣренной снисходительностью, которая заставила и другихъ нѣкоторыхъ современниковъ его — «отъ владыкъ и старцовъ» — печаловаться предъ Державнымъ за ихъ участь ¹⁷¹⁾.

¹⁷¹⁾ Житіе пр. Іос. Вол., напис. Саввою, стр. 36—37. Письмо о нелюбкахъ, стр. 506, X.

Отношеніемъ идей Нила Сорскаго къ господствовавшему направленію религиозныхъ понятій, отношеніемъ ихъ къ современному общему религиозному броженію — опредѣляется и значеніе этихъ идей (далеко не новыхъ и не безъизвѣстныхъ въ древней Руси, но собранныхъ и выдвинутыхъ на видъ) для остальнаго современнаго общества. Древнерусская религиозная мысль пришла къ дилеммѣ: религиозность русскаго человѣка XV—XVI вв. видѣла передъ собою двѣ дороги — путь крайней обрядности, догматизаціи сугубой аллилуйи, двуперстія, и путь «шатаній», приводившихъ къ «ересямъ». Идеи Нила Сорскаго напоминачіемъ евангельской духовности давали выходъ для религиозной мысли. Его идеи (какъ и идеи «ученика» его, Вассіана Патрикѣева) своимъ основнымъ содержаніемъ стремились къ тому, чтобы дать религиозной жизни современнаго русскаго человѣка болѣе духовное, болѣе внутреннее содержаніе, среди всеобщей погони за мертвой обрядностью, среди заботъ «о тѣлеснѣмъ благообразіи и благочиніи» напомнить о внутреннемъ, духовномъ, идеальномъ. Самой абстрактностью своею (повторяемъ прежде сказанное нами), элементомъ созерцательности, контрастомъ ея съ господствовавшими формализмомъ и обрядностью — онѣ будили мысль читателя, давали ей болѣе широкое, болѣе свободное развитіе... При всемъ ихъ специально-аскетическомъ содержаніи, общій господствовавшій характеръ всей умственно-религиозной жизни древней Руси дѣлаетъ идеи Нила Сорскаго весьма важнымъ умственнымъ фактомъ...

Литературно-полемическая дѣятельность Вассіана Патрикѣева придавала имъ прямо общественное направленіе.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

Погодинскій Сборникъ XVIII в. Императорской Публичной Библіотеки, Ф. I, № 260.

Л. 56. О пришествіи преподобнаго отца нашего Нила Сорскаго чудотворца. Приде пр. отецъ чудотворецъ Нилъ съ ученикомъ своимъ Иннокентіемъ отъ палестинъ нѣкихъ странъ изъ Аѳонскія горы при животѣ (?) пр. Кирилла Бѣлозерскаго чудотворца и пріимъ отъ него (?) благословеніе и пошедъ въ непроходимыя дебри и лѣса и приде на Сорю рѣку и водрузи тутъ крестъ и постави часовню и келію, ископа кладезь и потомъ уготова мѣсто, гдѣ быти церкви, и на погребеніе себе и братіи; и строилъ своими руками, — наносилъ гору земли того ради, что мѣсто низкое и мхи непроходимые; и на рѣкѣ поставилъ мельницу на потребу братіи. И до днѣсь молитвами его все стоитъ нерушимо¹⁾. А труды его и подвиги кто исповѣсть и жестокое житіе его? И проувѣдѣвъ свое къ Богу отшествіе и ученика своего Иннокентія посла въ Вологодскій уѣздъ на Мурму рѣку и прорѣкъ ему: Богъ тя имать прославити тамо и

¹⁾ Подробности эти нами опущены выше, при изложеніи первой главы.

твоя обитель будетъ обща; а моя пустыня будетъ какъ при животѣ моемъ, такожде и по смерти моей, и братія по единому имуть жити въ келіяхъ своихъ.

Л. 58. Изложеніе отчасти чудесъ преподобн. отца нашего Нила чудотворца ¹⁾. По преставленіи пр. Нила чудотворца приходилъ на Бѣлозеро, въ Кирилловъ монастырь благовѣрный царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ и въ Кирилловъ монастырь молебное пѣніе соверши и видѣ пустынное мѣсто уныло и плачевно всемъ. И поиде въ Нилевъ скитъ и приде въ Нилу чудотворцу и молебное пѣніе соверши душеполезно и похваливъ Бога и житію чудотворца почудися и повелѣ церковь каменную воздвигнути. И въ то время явился ему Ниль чудотворецъ и не повелѣ ему церкви каменные поставляти, ниже какое украшеніе быти ни въ церквахъ, ни въ келіяхъ, кромѣ нужныя потребности. Проувѣдѣ бо преподобный, что будетъ отъ воровъ грабленіе. И бысть тако и до днѣсь. По явленіи томъ благовѣрный царь Иванъ Васильевичъ дахъ свою грамоту жалованную въ скитъ за своею царскою рукою, чтобы давать ружное жалованіе хлѣбное и денежное на пропитаніе братіи, и та грамота и до днѣсь лежитъ въ ризницѣ.

(Тотъ же листъ). Чудо преподобнаго отца нашего Нила чудотворца о образѣ его, како нача писатися по явленію его. Бысть нѣкій человекъ Московскаго Государства, былъ въ полону въ Турецкой земли нѣколико лѣтъ. И вельми моляся Богу и призывая на помощь угодниковъ Божіихъ, чтобы его Богъ избавилъ отъ полону и печаловаше о дому своемъ, жену и дѣтей; бѣ бо богаты зѣло и не

¹⁾ Разказы о чудесахъ пр. Нила Сорскаго весьма немногочисленны и встрѣчаются въ рукописяхъ чрезвычайно рѣдко.

малу печаль имѣаше и тужаше въ велицѣй болѣзни. И явился ему Нилъ чудотворецъ въ нощи и повелѣ ему обѣщатися образъ написати Нила преподобнаго: и будещи въ дому своемъ освобожденъ отъ полону. И воспрянувъ той человекъ отъ сна тонкаго и хотя ему поклонитися и вопрошити объ бывшемъ,—и претворися въ молнію и бысть велий свѣтъ. Той человекъ въ недоумѣніи и размышляше въ себѣ: кто Нилъ преподобный — не вѣмъ и не слыхалъ гдѣ обрѣтается. И по замышленіи томъ нача со слезами молитися Богу и призывая на помощь Нила чудотворца и обѣщающа повелѣнное ему сотворити. Не вѣмъ, каковъ образъ написати и въ которыя предѣлы послати,—и плакася горько изъ глубины сердца своего, како бы ему избавитися отъ плѣну поганыхъ. И паки въ другую нощь явился ему преподобный и рече: Въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, Нилъ Сорскій, отъ Кириллова монастыря двѣнадцать верстъ,—и вскочъ той человекъ скоро отъ постели своея, хотя видѣти преподобнаго явственно и поклонитися ему и вопрошити подробно,—и бысть свѣтъ велий и благоуханія не мало, таково же яко же и первое. И нача той человекъ вопити гласомъ велиимъ на небо и рече: воистину Господи, Боже мой посла ко мнѣ на помощь угодника своего, и плакася и всю нощь безъ сна пребысть и вопія глаголя: каковымъ подобіемъ образъ написати? не видѣхъ бо лица твоего чувственно. И потомъ явился ему третицею преподобный и принесе ему назнаменовавъ образъ свой на бумажномъ листу и положи при возглавіи его и рече ему: Человекъ Божій, возьми сей листъ и иди въ Россійскую землю. Онъ же скоро возста и обрѣтъ при возглавіи своемъ начертанный листъ и возрадовася сердце его радостію неизреченною и благодаривъ Бога вельми о чудеси, како прославляетъ Господь угодника своего. И начать помышляти че-

ловѣкъ той, како бы ему пути касатися, уповая на Бога и на угодника Божія Нила чудотворца; но токмо пути касатися не знаяше, како ему итти степью, и потомъ начать молити Бога и угодника Божія со слезами и рыданіемъ отъ всего сердца своего, како бы ему путь знати отъ невѣрныхъ избавитися посѣченій. И въ той часъ бысть ему гласъ: Человѣче, иди нощю въ степь и будетъ предъ тобою звѣзда луча и по ней гряди и будеши сохраненъ отъ безбожныхъ агарянь. И слыша той боголюбивый человекъ гласъ сей, и укрѣпился и увѣрися, накрѣпко и дерзновенно поиде незнаемою степью, взя съ собою мало нѣчто на потребу брашно и иде нощю въ степь и явился ему звѣзда лучезарная, идяше предъ нимъ, и оному идущу по ней непрестанно въ мысли своей призывающа Бога и угодника Его Нила чудотворца. И бысть день, и се безбожнии агаряне въ слѣдъ его по стени на коняхъ борзо со псы своими нагнаша, и видѣвъ той человекъ окаянныхъ варваровъ за собой великую погоню и они мечи обнаженными течаху къ нему, хотяху посѣщи его; онъ же отъ страха ихъ и ужаса паде на землю ницъ и плакася горько и Богу каляся о грѣсѣхъ своихъ и прощаяся со всеми православными христіанами, отчаяся живота своего. И видѣ Господь покаявшагося и покры его невидимою силою своею, и прескочиша чрезъ него кони и пси ихъ такожде ничимъ не вредиша его, и вопіяху они окаянии другъ другу, глаголюще: какъ его видѣхомъ и не вѣмы, гдѣ укрыся отъ насъ, и поискавше много и не обрѣтоша его и возвратишася вспять. Мужъ же той видѣвъ ихъ возвратившихся и возставъ отъ земли, и обозрѣ вся сѣмо и овамо и никого же видѣше и вельми о семъ благодаривъ вышняго Бога и угодника Его Нила чудотворца, радовашеся и многими слезами обливашеся о избавленіи своемъ отъ напрасныя смерти. И поиде въ путь свой радуяся. День и ночь идяше и не даде

покая себѣ проходя степью, и приходящу ему къ нѣкоей рѣкѣ; бѣ бо рѣка она глубока зѣло и быстра, не гораздо широка, и чрезъ ея нигдѣ нѣтъ ни перевозу, ни переѣзду, а течеть черезъ всю степь, даже и до моря, а они безбожные варвари, зная ту рѣку, что никако же не возможно утещи далѣе ея, — и погнаша до рѣки тоя въ слѣдъ его. Негдѣ укрытися ему, и устремившася вскорѣ и мечи обнажиша, — хотяху поѣсти его, и видѣ онъ, что уже конечно въ (sic) руки ихъ достигоша его, онъ же не хотя вдати себя на мученіе и смерть горькую пріяти отъ нихъ, и знаменався крестнымъ знаменіемъ и вверже себе въ рѣку. И понесе его вода быстро яко птица; онъ же лежаше вверху воды внизъ, яко на досцѣ плывущу ему. И они зли челоувѣци начаша со брегу стрѣляти по немъ и никако же ничимъ могуще вредити его, и тако онъ сохраненъ бысть Божією благодатію и молитвами Нила чудотворца. И они окаянніи агаряне рыскаху близъ по рѣкѣ той далече и мнѣша его уже утопившася, и возвратишася во-свои. Оного же челоувѣка несе вода внизъ много время и принесе на другую сторону рѣки. Онъ же видя себе близъ брегу, и хватися за брегъ и изыде на брегъ, и вельми Богу воздавше славу и угоднику Его Нилу чудотворцу, и поиде безъ боязни днемъ и ноцію невозвратно, и питающеся быліемъ и степнымъ кореніемъ. И дойде до россійскихъ градовъ и всемъ повѣдаше и яже о себѣ и дающе ему отъ мѣста до мѣста подводы и проводниковъ и приде къ Москвѣ безъ вреда сохраненъ, аще и многія страсти и скорби и нужды претерпѣ, и приде къ дому своему и не входя въ домъ свой и иде скоро ко иконописцу и даде ему назнаменанный листъ Нила чудотворца и повелѣ написати образъ его тако, яко же на томъ листу подписано, какова дска мѣрою въ длину и въ ширину, потомъ вниде въ домъ свой радуяся душею и

веселяся сердцемъ духовно, и созва священнѣйшій соборъ и молебное пѣніе соверши и повелѣ поставити трапезу велію и собравше нищихъ множество и чредивше всѣхъ брашномъ и питіемъ и милостынею, и бысть радость велія въ дому его и повѣдаше всѣмъ (о) сбывшемся о себѣ, како изъ полону изыде, и слышавшимъ сія вси глаголюще: Господи помилуй! и вельми удивившася чудеси тому. Иконописецъ же написавъ образъ пр. Нила чудотворца и принесе оному боголюбцу; онъ же со тщаніемъ и страхомъ образъ св. Нила взя и облобызавъ его со слезами и радостію, яко сподобилъ Богъ видѣти его образъ угодника Божія Нила чудотворца. Человѣкъ же той одаривъ иконописца всячески и отпусти въ домъ свой. И по семь учини великое торжество и празднова праздникъ Нилу чудотворцу и молебное пѣніе совершивъ и образъ той проводивъ въ Ниловъ скитъ отпусти съ рабы своими со всякою потребою церковною и привезши его поставиша на гробницѣ пр. Нила чудотворца, яже и до днѣсь лежитъ той образъ на гробѣ его, изцѣленіе подаваетъ съ вѣрою приходящимъ и отъ того святаго образа и до нынѣ многая бывають чудеса, и мы грѣшніи тоя пустыни монаси видѣхомъ премногія чудеса и прославляемъ св. Троицу Отца и Сына и Св. Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь (Л. 61 об.).

Лл. 61 об.—62: Чудо преподобнаго отца нашего Нила чудотворца како избави отрока отъ нечистыхъ духовъ. Бысть нѣкогда въ Ниловъ скитъ живущу нѣкоему іермонаху Адаму и съ нимъ живяше сынъ его, отрокъ Михаилъ. И той іермонахъ посла его къ подомарю ради церковныя потребности. Онъ же пойдѣ. Бѣ бо ему еще юну сущу и бывшу на скитѣ и дошедшу до подомаря, и се внезапно прииде къ нему нѣкій дивій человѣкъ и ухвативъ понесе, яко вѣтромъ, и внесе въ непроходимыя дебри и лѣсы, и принесе

его на свое жилище въ храмину велію, и поставиша его посреде избы той, противу окна. И ту старикъ глаголаше женѣ — принесшіи отрока сего — кормите его, и принесоша ему всякаго пустыннаго зелія, и понуждаху ясти и пити ему. Онъ же ничего не вкуси, и стоящу ему на единѣмъ мѣстѣ, идѣ же поставленъ, неподвижно, токмо плача и рыдая горько. Іермонахъ же той скоро възскавъ сына своего и вопросы всѣхъ въ скитѣ вскорѣ и въ окрестныхъ мѣстахъ поискавъ всюду, и не обрѣте его нигдѣ. И приде въ скитъ и собра братію свою скита того и иде въ часовню со всѣми, которая часовня отъ нихъ недалече въ лѣсу стоитъ, идѣ же чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы Одигитрія, и начаша молебное пѣніе совершати и пр. Нила чудотворца на помощь призывая со слезами. И въ той часъ приде Нилъ преподобный къ отроку на помощь и ста противу храмины той, идѣ же отрокъ стояше противу окна, и удари жезломъ по оконницѣ, и потрясся храмина та и падоша вси нечисти дуси ницъ на землю. Отроку же стоящу и плачущуюся видяше Нила чудотворца подѣ окномъ стояща и глаголюща: О окаянии нечисти дуси! почто на мой скитъ наступаете? Отнесите отрока сего въ скитъ мой, его же возьмете, и поставите на томъ же мѣстѣ. И сія вся изглагола святой и невидимъ бысть. И пачаша вопити между собою нечисти дуси на принесшаго отрока къ нимъ: Горе намъ, погибающимъ! Возьми вскорѣ и отнеси отрока идѣ же взялъ еси! Той же дивій похвативъ отрока и принесе его въ скитъ, яко вѣтромъ, и донесе до мельницы скитскія, а въ скитъ нести не смѣяше, и постави его на стогъ сѣнной и невидимъ бысть. Отрокъ же нача вопити на стогу, и въ то время іермонахъ съ братією идяху изъ часовни отъ молебнаго пѣнія и слышаша отрока вопіющаго въ пустынѣ и придоша на гласъ и видѣша отрока на

стогу стояща, — и прославиша Бога и угодника Божія Нила чудотворца и начаша отрока вопрошати; отрокъ же повѣда имъ вся сбывшася о себѣ, яже видя и слыша. И отъ того времени отрокъ той бысть вельми смиренъ, аки изумленъ. Иермонахъ же отъ страха того изыде изъ скита и съ сыномъ своимъ. Мы же грѣшніи монаси скита того вся сія видѣхомъ и слышахомъ отъ отрока того сіе подробну, и написахомъ мало отъ многа на воспоминаніе братіимъ нашимъ, на пользу любящимъ Бога и прославляющимъ св. Троицу, Отца и Сына и св. Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

II

**Новгородско-Софійскій Сборникъ XVII вѣка, библіотени
С. Петербургской Духовной Академіи, № 1476.**

Лл. 167—169 об.: О чудѣхъ преподобнаго отца нашего Нила Сорскія пустыни. Чудо первое. Бысть нѣкій человекъ въ плѣненіи. Явился ему очевидно преподобный отецъ нашъ Нилъ,—повелѣваетъ ему изъ плѣненія ити во отечество свое царствующій градъ Москву, и запоручаетъ ему: «якова видѣлъ еси мене, напиши образъ и отпради на Бѣло озеро во области Кириллова монастыря, въ Ниловъ скитъ. Той же человекъ освобожденный отъ варваръ прииде во своя и повѣда женѣ своей, како освободился отъ варваръ, и что ему запоручи преподобный написать икону во образъ его. Онъ же повелѣнное ему не сотвори, умре. По смерти жена его воспомяну слышанная отъ него, что ему преподобный о своей иконѣ запоручи, иде на торгъ и испыта си изуграфа. Онъ же по невѣдѣнію того дѣла даде ей икону Нила Столобенскаго, и допроваде жена та икона въ Ниловъ скитъ и на ракъ преподобнаго лежала много лѣтъ. Во оплоти (sic) Новгородской, у нѣкогого дворянина

дщерь очми болѣзновала. Той же дворянинъ съ своею супругою моляше о дщери своей всемилостивому Богу и Пречистой Его Матери. Явился во снѣ преподобный отецъ нашъ Ниль матери ея и повѣда себѣ, гдѣ пребываетъ телѣснѣ, и подаде здравіе очима дщери ихъ. Той же дворянинъ возставъ со всѣмъ домоу своимъ, прииде въ Ниловъ скитъ съ великою вѣроу, и начаша молебствовать ту сущиѣ монаси, и по отпускѣ молебна, дщери тоя мати нача лобызати тою вышписанною икоу Нила Столобенскаго и рече намъ: «сія икона не здѣшняго чудотворца: мнѣ-де не таковъ явился. И то мы слышали истинно отъ устъ ея и прославили Бога и его угодника, преподобнаго отца нашего Нила чудотворца.

Наки слышахомъ истинно отъ нѣкоего поселянина. Бысть по дьявольскому наученію отравлена жена его зміями, и въ той болѣзни много лѣтъ страдала и обѣщалася ити въ скитъ молитися преподобному Нилу. Идущу же ей путемъ, ощути въ себѣ по закомію ползающую змію, и нача кровію блевати, и прииде въ скитъ, молися преподобному отцу нашему Нилу чудотворцу и взя съ гробу его персти и пѣзъ кладязя его воды испи и обмы все тѣло свое, и тако молитвами преподобнаго изыди змія воднымъ проходомъ мертва. Жена же здрава бысть оттолѣ. Сіе писавый истинно слышалъ отъ устъ повѣдающихъ бывшая отца нашего чудеса. И се азъ о себѣ повѣдаю. Егда идохъ жительствовати къ преподобному въ скитъ, уже недалече идущу ми путемъ, предо мною возвѣя вѣтръ въ лицо мое, и оттого очи мои начаша болѣти и слезы безгодно точити. И егда приидохъ въ скитъ, повѣда ту сущимъ монахомъ прилѣчившая ми ся. Они же повелѣша ми взяти персти съ гроба преподобнаго и умытися. Азъ же повелѣнное сотворихъ и здравъ бысть, молитвами преподобнаго отца нашего Нила. И еще ми спо-

вѣда нѣкто: Тонущу ми во озерѣ возопихъ изъ глубины сердечныя и призвахъ на помощь преподобнаго отца Нила — и яко невидимо помогаемъ нѣкимъ вскорѣ свободихся отъ истопленія. Монахъ приде изъ дальнихъ странъ повѣда намъ о себѣ: изволеніемъ Божиємъ языкъ у него связася и онъ нача молитися преподобному отцу нашему Нилу и обѣщася ити во обитель его и пакы молитися и разрѣшися языкъ его. О семъ самъ намъ сказа, и мы прославихомъ Бога творящаго дивныя чудеса своимъ угодникомъ.

III

Рукопись XVI вѣка бібліотеки Московской Духовной Академіи, № 186.

Л. 370 — 375: Завѣтъ инока Иннокентія. Се азъ убогій инокъ Иннокентій написалъ есми сей завѣтъ. аще кому повелитъ Богъ жити въ пустыни сей нашей прежде всѣхъ о семъ молю васъ. Господа ради поминайте мене грѣшнаго въ святыхъ молитвахъ своихъ, и язъ вамъ отцемъ и братіямъ нашимъ земне челомъ бію. А еже завѣщаю вамъ. чтобы промежю вамъ брани и которы не было. по молю яже о Христѣ и миръ духовный посреди васъ. А юныхъ и безбородыхъ иноковъ не пріимати ни постригати здѣ таковыхъ. а мірснихъ юныхъ безбрадныхъ на служеніе не держати. а женскому полу всячески въ нашу пустыню не входитьи. и еже безсловесныхъ коихъ женскаго роду. не быти у насъ. пѣнственаго же питія отнюдь не подобаеть намъ держати. а еже како пребывать въ пустыни нашей—о молитвѣ и о пѣніи. како питатися и когда подобаеть исходитьи потребности ради во благословено время и о рукодѣліи и о прочемъ—сія вся вчинена суть въ писаніи господина нашего и учи-

теля моего старца Нила написано въ книзѣ сей отъ верхней доски. Сего ради азъ вскорѣ претекохъ, и вкратце написахъ. понеже тамо обрящещи вся благоугодна суть Богови. О церкви. Живущая наша братія иноцы въ пустыни нашей. аще начнутъ богоугодно жити и хранити заповѣди Божія и восхошуть церковь Божию воздвигнути, то есть на Божиємъ благоволеніи и на ихъ изволеніи аще и благоволятъ Богъ да будетъ церкви во имя святаго великаго Іоанна Предтеча крестителя Господня. Третіе обрѣтеніе честныя его главы, иже мѣца мая. ке сей бо есть великій Іоанъ наставникъ всѣмъ инокомъ и пустынножителемъ. А о созданіи и украшеніи церкви нѣмъ написано впереди въ словеси написанія старца Нила словесъ, еже есть въ книзѣ сей. О келіяхъ. Аще кто братъ нашъ инокъ поставитъ себѣ келію въ пустыни нашей. и потомъ аще отойдетъ изъ пустыня сія. и тѣхъ келій не продати ни отдати ни кому. и не купити у него никому. но владѣють тѣми келіями настоятель и ту живущая братія. аще ли жъ прежде реченный братъ возвратится въ пустыню. и убо надъ тѣми келіями власти не имать. Аще ли убо настоятель по совѣту съ братіями восхотятъ продати которому брату избыточныя келіи да продадутъ. и потомъ аще отидетъ изъ пустыня сія той братъ, иже есть купивый келіи не има власти продати или отдати кому тѣ келіи, якоже выше написано есть. но владѣють тѣми келіями настоятель и ту живущая братія. тако аще возвратится тотъ братъ въ пустыню сію. одинаково не имать власти надъ тѣми келіями. Аще убо отъ братій многія келіи поставитъ, или многаяжды келіи купитъ. и по отхожденіи и по прихожденіи не имуть надъ тѣми келіями власти. аще восхошетъ настоятель и братія возвратившемуся брату дати прежнюю бывшую его келію. то есть на ихъ произволеніи. А представляющійся братіи отъ житія сего въ сей нашей пу-

стыни, келіи ни продати ни отдати никому настоящіи ту живушчая братія иноцы на мѣстѣ семь да не торгуютъ келіями. ни мѣняють промежу себя. Но кійждо въ своихъ келіяхъ живеть. О самочинникахъ. Аще который въ пустыни нашей братъ нашъ инокъ не восхоцеть управляти свое жительство по божественныхъ заповѣдѣхъ, и по написанію господина нашего и учителя старца Нила, и по сему нашему писмени, но убо самочиніемъ и самовольствомъ восхоцеть водитися. такового настоятель и братія да накажутъ. аще ли и по наказанію не исправится. сего убо настоятель и братія измещутъ отъ пустыня яко плеву отъ жита безо всякія боязни. по сему нашему завѣщанію. аще той братъ въ чюство прійдетъ. и восхоцеть управлять своя жительство по Бозѣ и стѣхъ бѣцъ преданіи и по писанію господина и учителя моего старца Нила, и по сему нашему завѣту. сего убо настоятель и братія пріимутъ въ пустыню сію. Сія убо азъ инокъ Инокъ ентій написахъ. яко да по смерти моей тако творима будутъ (л. 363 об. ¹).

¹) Съ начала до раздѣла: «О церкви» напечатано въ Истор. Рос. Іерарх., IV, стр. 301—302. Постановленія «О келіи» и «О самочинникахъ» по рукописи XVI вѣка напечатаны въ Описаніи славянск. и русск. рукописныхъ сборниковъ Императорской Публичной Библ., составлен. А. Ѳ. Бычковымъ, I, стр. 97—98.

IV

**Рукопись XVI вѣка Императорской Публичной Библіотеки,
Q. XVII, № 64 (Изъ собранія гр. Толстова, отд. II, № 68).**

Лл. 283—286: Посланіе ко Іосифу нѣкоего мудра мірянина.

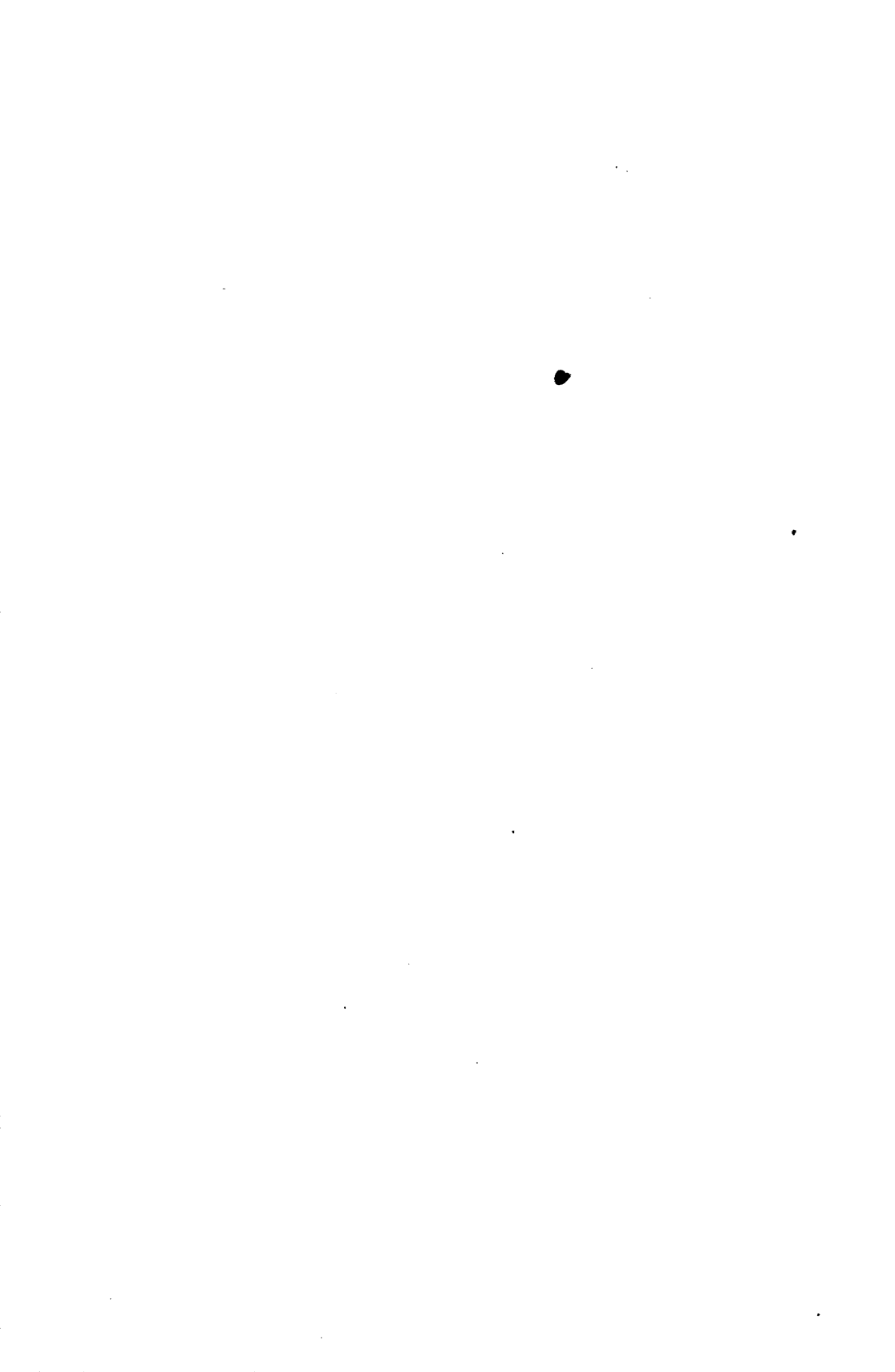
Господину моему Пречистыя монастыря. Іосифу игумену. Иванецъ Ивановъ сынъ Головинъ челомъ біеть. Посланнаа господине отъ тебе. писанія къ отцу моему Іоанну прочтохъ. И обрѣтохъ въ нихъ отъ священныхъ правилъ и св. отецъ свидѣтельства яже обличаа моя прегрѣшенья. И о семъ великою радостію възрадовахся. Благодарьственная же Богу воздахъ и твоя святыни. юже толику тцанію и подвигу вдался еси. еже наученіемъ божественнаго промысла. отъ ихъ же азъ согрѣшихъ и отъ множества грѣховъ моихъ. увы мнѣ. сія и въ забвеніи положихъ. и о сихъ честнѣйшій мой отче о твоя святыни. священными божественными писанми возстязуемъ. Праведна мужа сіе дѣло есть. иже сице прочимъ яко же себѣ спасеніе хочеть. и ни единому царствія небеснаго затворить. еже Христось сынъ божій волною смертію за всѣхъ пострада отверзе. Сего ради честнѣйшій отче твое поученіе съ великою радостію и любо-

вію пріяхъ. и любезно прочтохъ и ползовахся зѣло. Аще и не сотворихъ ничто же отъ написанныхъ. но обаче тѣми и себя и свою совѣсть и лѣность нерадѣнія моего осуждаю и до сего часа. и зѣло мя ползуютъ писаннаа тобою. есть бо ми вину смиренномудрія. а днесъ и заутра и еще ноипаче ползуй мя. и учи божественнымъ писаніемъ. страннаго и окаяннаго. сіа жъ честна мнѣ твоя писанія о сихъ. А еже обрѣтохъ написаннаа тобою ко отцу моему. и сіа странна явишася мнѣ. Прости мя Господа ради не обыкохъ глаголати сихъ. пріиде во уши твои на мене словеса тяжка. посланнаа тобою писанія на Серапіона. и сіа азъ оболгахъ. отъ божественнаго писанія и священныхъ правилъ. писанная тобою свидѣтельства. еще же дръзнухъ глаголати. толко язъ напишу противу того и всѣ списки Іосифовы будутъ ложны. о сихъ азъ отче честнѣйшій исповѣдуюсь предъ тобою. Неповиненъ есмь и паки реку не повиненъ есмь. глаголомъ симъ. разумъ же мой и глаголаніе о сихъ сице бѣ. къ вопрошающимъ мя о сихъ отвѣщавахъ. кто убо азъ. сіа разсужати о сихъ не вѣмы. и паки принесоша ми написаннаа тобою къ Ивану Третьякову. мѣсяца Генваря въ 13 день. и прочтохъ е. и о семъ къ вопрошающимъ отвѣщавахъ. вся писаннаа отъ Іосифа отъ божественнаго писанія и священныхъ правилъ. о разсужденіе же ихъ отвѣщавахъ не вѣмы. и отъ того прочитапіа отъ страннаго своего помысла не почихъ. боряху мя помыслы. овогда сѣмо. овогда отнуду. глаголахъ во умѣ своемъ. неправедно Іосифъ сотвори а по достоинству Серапіонъ учини и паки овогда се глаголахъ во умѣ своемъ. неправедно Серапіонъ сотвори. по божественному писанію Іосифъ учини. и не престахъ боряхся. да и отъидуть отъ меня сіа помышленія и не преставающи на душу мою. со единымъ же посовѣтовахъ. да како

отъидуть отъ меня сіа помыслы и едину обрѣтоховѣ мысль еже написати о семъ къ твоей святѣни моленіе. да разрѣшиши страстную мою мысль. и буду истинствую. зане грубъ есмь и невѣжда божественнаго писанія. и о семъ прости мя честный отче. Бога ради прости. въ послѣдующихъ же пишешь толко азъ не престану отъ тѣхъ рѣчей. ихъ же и не глаголахъ. и отцу бы моему не было брани что ты станешь на меня писати. а есть ти что на меня писати. непрестай преподобне Бога ради злаа моя дѣланія писати. Не яко зло за зло воздаючи. но старческою любовію исправляя. отцу же моему Ивану ничтоже о сихъ брани достойно. Аще ли нѣщии и злословиша мя и злословятъ. то неповинни суть по моимъ бо злымъ дѣломъ. кромѣ единаго ему жъ неповинень есмь. Аще ли тѣснота или гоненіе. или скорбь и настоящаа и будущаа. или мечь или огонь или грядущаа смерть. или иная кая. ничтоже мя сихъ отъ любве христовы не можетъ разлучити. Кромѣ же сего аще всея вселенныя человекци упразднятся злословити мя. но не возмогутъ удостойствити злымъ моимъ дѣланіемъ. но аще и зѣло грѣшенъ есмь. и въ лѣности пребываю. но ти святіи иже мя злословятъ. и за святѣя ихъ молитвы Богъ спасетъ мя. азъ бо грѣшный не уничижаю ни злословлю кого. не вѣмъ бо жителства ихъ. а яко свято живутъ вѣмъ и яко вѣмъ себя грѣшнаго. въ лѣности и нерадѣніи. и въ слабости пребывающа. но обаче не отчаюсь но надѣюсь на милость Христа Бога моего. по реченному отъ него. не придохъ призвати праведники. но грѣшники на покааніе. И паки пишеть (sic) преподобне. содѣваннаа мною дѣла отъ всѣхъ божественныхъ писаніихъ проклята. и сего ради страхованія. еже есть ти что писати на мя и проклятіе прирекше. ему же не повинень есмь. да сего ради

престану глаголати. ими ми отче Бога ради вѣру. Аще бо разумѣль извѣстнѣ божественное писаніе. предъ цари не стыдѣль бы ся глаголати. не точію предъ тобою. и твоего ради прещеніа. невѣжда бо есмь божественнаго писаніа. и паче подобаетъ ми внимати собѣ. приглашенное же на мя тобою проглатіе. и паки реку сему неповиненъ есмь. слышахъ бо Господа глаголюща своимъ ученикомъ. входяще же въ домъ цѣлуйте его. глаголюще миръ дому сему. и аще убо домъ достоинъ и приидетъ миръ вашъ нанъ. аще ли же не будетъ достоинъ миръ вашъ къ вамъ возвратится. болими паче клятва и неблагословеніе. а еже честный отче твое написаніе отъ священныхъ правилъ и божественныхъ писаній. приводяще на мя въ свидѣтельство. прости мя отче. ничтоже повинна сему сотворихъ. но аще зѣло грѣшенъ есмь. и не единого слова достоинъ есмь. но обаче яко же мню. христіанинъ есмь. и благодатію Божіею прибѣгаю къ соборнѣй апостольствѣй церкви, отъ неа же никимъ же отлученъ есмь. и яже божіа церкви священнаа правила пріаша божественная писаніа. сіа и азъ любезно отъ глубины сердца и многою вѣрою пріемлю. и свѣдѣтелствованаа отъ нихъ тобою о мнѣ сѣхъ. яснѣйши трубы. и азъ недостойный исповѣдую и вѣрую сице быти. Правило 7 собора иже въ Халкидонѣ. аще мниси или причетници церковніи. мниси убо оставльше монастырь. или причетници причеть. и ризы измѣнише въ воинскій чинъ внидутъ. или мірскій санъ примуть. и непокаются. ни обратятся ни восхотятъ взяти своего образа. его же прежь Бога ради изволиша. да будутъ проглати. и елика же о сихъ священнаа правила и божественнаа писаніа написаша. и о прочихъ. и сіа и азъ недостойный пріемлю и исповѣдую. и вѣрую тако быти. въ настоящихъ же сее статьи сущство оставляю да не въ долго-

ту слова прїидеть. и ушеса твоя благая вредять. И паки прїахъ трость моленіе писати тебѣ. прося прощеніе дръзновенію моему. не отъ гордости же яко хотя. но праведно яко подобаеть. о честный отче. Господа ради прости. еже дръзнухъ къ твоей святыни писати сіе. сего ради въ предписанномъ и въ семъ. аще что недостойно твоей святыни сложихъ. молю мнѣ аки ученику не(вѣ)дущу писані(я) прощеніе подати. и старческою любовію данною тебѣ мудростію исправи. еще же дръзаю и преклоняю колѣни сердца моего. и молю яже отъ тебе благости. еже незабвенну ми быти въ святыхъ ти молитвахъ. да и мы грубыи. твоя ради святыхъ молитвы яже дѣйственны о насъ забвени и не посрамлени предъ Богомъ обрящемся въ вѣки. аминь. О пожданіи жъ своемъ Бога ради не порокуй на мя. яко умедлихъ отписати къ тебѣ. На Москвѣ мя господине не было. Сіе писанеицо написано мѣсяца генваря въ 18 день.

ОГЛАВЛЕНІЕ

	стр.
Введение. Обзоръ литературы о препод. Нилѣ Сорскомъ	I—XII.

I. ДАННЫЯ ДЛѢ БІОГРАФІИ ПРЕП. НИЛА СОРСКАГО.

Крайняя скудость біографическихъ свѣдѣній о пр. Нилѣ Сорскомъ. Первые годы его жизни, до поступленія въ монастырь. Причины сильнаго развитія монастырскихъ идеаловъ въ русскомъ обществѣ въ XIV—XV вв. Поступленіе Нила Сорскаго въ монашество. — Кирилло-Бѣлозерскій монастырь за время жизни въ немъ Нила Сорскаго. Сношенія древней Руси съ православнымъ Востокомъ. Путешествіе на Востокъ Нила Сорскаго. Возвращеніе въ Россію и устройство скита. Книжныя занятія Нила Сорскаго въ пустыни; его сочиненія. Неясныя отношенія Нила Сорскаго къ современной борьбѣ съ «новгородскими еретиками». Главный моментъ жизни Нила Сорскаго—его протестъ противъ вотчиннаго элемента современнаго русскаго монашества. Различныя стороны поставленнаго вопроса. Время кончины пр. Нила Сорскаго. Малоизвѣстность его, какъ подвижника 1—47.

II. ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ПР. НИЛА СОРСКАГО.

стр.

Библиографическое обследованіе сочиненій пр. Нила Сорскаго. Анализъ самыхъ сочиненій. Посланіе къ бѣлозерскому старцу Герману. Преданіе ученикомъ. О иискахъ кружающихся стяжаній ради. Посланіе къ бѣлозерскому старцу Гурію Тушину. Посланіе къ Кассіану князю Мавнукскому. Посланіе къ брату съ восточныя страны. Два посланія къ неизвѣстному старцу. Посланіе къ неизвѣстному иноку. Посланіе къ кн.-ин. Вассіану Патрикѣеву. Монастырскій Уставъ въ 11-ти главахъ, или «Главы отца Нила». Небольшіе отрывки различнаго содержанія и времени. Предсмертное завѣщаніе ученикамъ. Критическое направленіе нѣкоторыхъ другихъ книжныхъ трудовъ Нила Сорскаго. Общая характеристика идей пр. Нила Сорскаго, какъ выводъ изъ предыдущаго. 48—138.

III. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ ИДЕЙ ПР. НИЛА СОРСКАГО.

Непосредственная связь идей Нила Сорскаго съ сочиненіями цѣлага ряда патристическихъ писателей. Отношеніе «Главъ» Нила Сорскаго къ сочиненіямъ пр. Іоанна Кассіана Римлянина и пр. Нила Синайскаго. Тѣсная связь съ «Лѣтвицей» пр. Іоанна Лѣтвичника. Отношеніе къ твореніямъ Василія Великаго и Іоанна Златоустаго. Мистическая созерцательность въ патристической литературѣ. препп. Исаакъ Сиринъ, Симеонъ Новый Богословъ и Григорій Синаитъ,—какъ главные представители аскетическо-созерцательнаго направленія идей въ восточномъ монашествѣ. Непосредственная связь созерцательныхъ идей Нила Сорскаго съ идеями этихъ трехъ писателей. Общія замѣчанія объ отношеніяхъ сочиненій Нила Сорскаго къ патристическимъ источникамъ 139—184.

IV. ОБЩЕЕ СОСТОЯНИЕ УМСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ НА РУСИ ВЪ КОН. XV—НАЧ. XVI ВВ.

СТР.

Средства умственно-религиознаго развитія древней Руси: Полное отсутствіе всякихъ школъ. Крайняя необширность просвѣтительнаго вліянія со стороны общей массы приходскаго духовенства: низкій уровень его собственнаго, умственнаго и нравственнаго развитія. Относительность просвѣтительнаго вліянія со стороны монашества: крайняя деморализація русскаго иночества въ XV—XVI вв. Церковное богослуженіе, какъ формальный и общедоступный источникъ духовно-нравственнаго просвѣщенія страны. «Почитаніе книжное», какъ источникъ просвѣщенія грамотнаго меньшинства. Господствовавшія черты умственно-религіозной жизни въ различныхъ общественныхъ слояхъ государства:—I. Въ низшей народной массѣ: Вънѣшняя набожность. Ея шаткость и непрочность. Факты прямого неуваженія народной массы къ церковной святынь. Религіозное суевѣріе, какъ господствовавшая форма религіозныхъ представленій низшей массы.—II. Въ болѣе развитомъ «обществѣ»: Господство религіозныхъ суевѣрій. Вънѣшняя церковная обрядность, какъ главный и основной видъ преобладавшихъ въ обществѣ религіозно-нравственныхъ понятій.—III. Въ книжной средѣ: Лучшие представители древнерусской книжной среды. Преобладавшій типъ древнерусскаго «книжнаго челоувѣка». Церковно-обрядовое направленіе религіозной мысли, какъ направленіе господствующее и въ книжной средѣ. Хаосъ религіозныхъ понятій древнерусскаго «книжнаго челоувѣка». Отсутствіе въ книжной средѣ всякаго критическаго отношенія къ «писаніямъ». Начало религіозной нетерпимости. Религіозное броженіе, «шатанія въ людѣхъ», какъ реакція противъ прежнихъ и современныхъ церковно-религіозныхъ «нестроеній». Первые попытки «ересей». Главные пункты ересей «стригольниковъ» и «жидовствующихъ»: Нападки на современную церковную іерархію и монашество; требованіе права учительства для мірянъ; отверженіе церковной обрядности; стремленіе къ болѣе духовной сторонѣ религіи; эле-

ментъ раціоналистическій; старо-еретическіе толки и элементъ «жидовства» въ ереси; крайности отрицанія. Общее замѣчаніе объ основномъ характерѣ возникшаго броженія. Идеи Никола Сорскаго въ связи съ указанными господствовавшими чертами общей современной умственно-религіозной жизни: Отрицательно-обличительное отношеніе идей Никола Сорскаго къ преобладавшему церковно-обрядовому теченію религіозной мысли. Пункты обличенія его идей съ идеями современнаго обще-религіознаго броженія. Добавочныя замѣчанія о личномъ отношеніи Никола Сорскаго къ «еретикамъ» и къ борьбѣ съ ними. Важное общеобразовательное значеніе идей Никола Сорскаго для современнаго русскаго общества 185—283. ●

ПРИЛОЖЕНІЯ.
